Клайв Касслер
Джастин Скотт
ШПИОН

ДОЧЬ ОРУЖЕЙНИКА

1

17 марта 1908 года
Вашингтон, округ Колумбия

Вашингтонская военная верфь спала, точно древний город, защищенный толстыми стенами и рекой. Старики-караульные расхаживали между электрическими часами-отметчиками, которые регистрировали их обходы фабрик, арсеналов, магазинов и казарм. За периметром поднимались по холму высокие темные дома, где жили рабочие. Холм увенчивали купол Капитолия и памятник Вашингтону, отблескивавший в свете полной, будто ледяной, луны. Прозвучал свисток. Выпуская облака пара и звеня колоколом, подошел поезд.

Часовые, моряки военно-морского флота США, открыли Северные железнодорожные ворота.

Никто не заметил Ямамото Кента, спрятавшегося под платформой из Балтимора и Огайо, которую локомотив заталкивал на верфь. Колеса платформы скрипели под тяжестью четырнадцатидюймовых броневых плит из пенсильванского Бетлехема. Тормозные отсоединили платформу на боковом пути, и локомотив попятился.

Ямамото опустился на шпалы и каменный балласт между рельсами. Он лежал неподвижно, пока не убедился, что никого рядом нет. Тогда он по рельсам прошел в лабиринт трехэтажных кирпичных зданий, в которых размещалась пушечная фабрика.

Огромное помещение освещалось лунным светом через высокие окна и огнем нескольких совместно работающих печей. Над головой прятались в тени передвижные краны. Громадные пятидесятитонные орудия для дредноутов лежали на полу, как сваленные ураганом стволы стальных деревьев.

Ямамото, японец средних лет, с прядью седины в абсолютно черных волосах, державшийся уверенно, целеустремленно двигался по маршруту часовых, разглядывая токарные станки, машины для изготовления нарезов и печи. Особое внимание он уделял глубоким ямам в полу, где собирались пушки и где на пятидесятифутовые трубы надевались стальные оболочки. У Ямамото было острое зрение, к тому же он побывал на аналогичных «экскурсиях» по заводам Виккерса и Круппа — по английским и немецким заводам, выпускавшим корабельное вооружение, — и орудийным заводам русского царя в Санкт-Петербурге.

На двери лабораторного склада, откуда доставляли материалы для инженеров и ученых, висел старомодный амбарный замок. Ямамото быстро открыл его. Внутри он осмотрел шкафы в поисках йода. Насыпал шесть унций блестящих сине-черных кристаллов в конверт. Потом на требовании с инициалами «А. Л.» — это были инициалы легендарного главного инженера орудийной фабрики Артура Ленгнера — написал «6 унций кристаллического йода».

В дальнем крыле просторного здания он увидел испытательный кессон, в котором специалисты-оружейники моделировали торпедные атаки, чтобы оценить действие подводных взрывов. Морские державы, затеяв международную гонку в строительстве современных боевых кораблей, лихорадочно экспериментировали с торпедами, начиненными ТНТ, но Ямамото обратил внимание, что американцы по-прежнему испытывают пироксилиновые снаряды. Отсюда он прихватил мешочек бездымного

пороха-кордита.

Открывая шкафчик уборщика, чтобы украсть бутылку аммиачной воды, он, услышав, что приближается часовой, спрятался в шкафчике и пробыл там до тех пор, пока старик, шаркая, не исчез среди пушек. После этого Ямамото быстро и бесшумно поднялся по лестнице.

Чертежный кабинет Артура Ленгнера — мансарда, служившая мастерской специалистам, в чьей работе соединялись наука и искусство. Чертежи затворов и рисунки фантастических снарядов невиданной мощности соседствовали с мольбертом, библиотекой романов, виолончелью и роялем.

Ямамото оставил кордит, йод и аммиак на крышке рояля и около часа изучал чертежи. «Будьте глазами Японии, — учил он в шпионской школе общества „Черный океан“ в тех редких случаях, когда долг позволял ему побывать дома. — Используйте любую возможность для наблюдения, какова бы ни была ваша основная миссия: обман, саботаж или убийство».

Увиденное испугало его. Двенадцатидюймовые орудия, валявшиеся на полу фабрики, могли послать снаряд за семь миль и пробить десятидюймовую новейшую броню. Но здесь, в мансарде, где рождались новые идеи, американцы создавали пятнадцатидюймовые и даже шестнадцатидюймовые чудовища в семьдесят футов длиной, способные послать за горизонт тонну взрывчатки. Еще никто не знает, как наводить на цель орудие при стрельбе на такие дистанции, когда нельзя по всплескам воды и взрывам установить, был ли недолет или перелет, но Ямамото видел смелый полет мысли и понимал, что только вопрос времени, когда американский «новый флот» овладеет новыми способами управления огнем.

В ящик стола создателя новых орудий Ямамото засунул пачку банкнот — пятьдесят двадцатидолларовых золотых сертификатов США, больше годичного заработка самых искусных рабочих арсенала.

Флот США уже сейчас уступает только флотам Великобритании и Германии. Американский Североатлантический флот, беззастенчиво названный «Великим белым флотом», пронес и продемонстрировал свой флаг в хвастливом кругосветном плавании. Но враги Америки не Британия, Германия, Россия или Франция. Истинная миссия Великого белого флота — угрожать обнаженной сталью Японской империи. Америка намерена хозяйничать в Тихом океане от Сан-Франциско до Токио.

«Япония этого не допустит», — с гордой улыбкой подумал Ямамото.

Прошло всего лишь три года с тех пор, как Русско-японская война породила в потоках крови нового хозяина Тихого океана. Могучая Россия попробовала проучить Японию. Сегодня Японская империя владеет Порт-Артуром. А русский Балтийский флот лежит под тремя сотнями футов воды на дне Цусимского пролива — во многом благодаря японским шпионам, проникшим в российскую армию.

Закрывая ящик с деньгами, Ямамото испытал странное ощущение, будто за ним следят. Взглянув на стол, он наткнулся на смелый взгляд красивой женщины на фотопортрете в серебряной рамке. Он узнал темноволосую дочь оружейника и поразился, как верно фотограф сумел передать ее неотразимый взгляд. Летящим почерком девушка написала на фотографии «Отцу, бесстрашному оружейнику!».

Ямамото подошел к книжным полкам Ленгнера. Здесь романы стояли вперемешку с переплетенными томами описаний патентов. Недавние документы были напечатаны на машинке. Ямамото просматривал том за томом, пока не нашел самые первые патенты, написанные от руки. Одну из таких рукописей он разложил на столе, потом выбрал в боковом ящике лист бумаги и самопишущую ручку с золотым пером. Постоянно сверяясь с рукописью, он быстро набросал короткое бессвязное письмо. Закончив его словами «Простите меня», он скопировал подпись Артура Ленгнера.

Потом отнес йод и аммиак в туалетную комнату оружейника. Рукоятью карманного пистолета «Намбу» истолок кристаллы йода на мраморной плите рукомойника и полученный порошок высыпал в тазик для бритья. Тщательно вытер пистолет полотенцем, оставив на

нем пурпурный след. Затем вылил в порошок йода аммиак и размешал смесь зубной щеткой Ленгнера, пока не получилась густая паста трийодида азота.

Открыв крышку рояля, Ямамото добрался до самого труднодоступного участка и смазал пастой струны. Высохнув, взрывчатая смесь станет неустойчивой и чрезвычайно чувствительной к ударам. Легкая вибрация вызовет взрыв и пожар. Сам по себе взрыв способен повредить только рояль. Но как детонатор он губителен.

Ямамото положил шелковый мешочек с порохом на чугунную раму рояля, сразу над струнами. В мешочке достаточно бездымного пороха-кордита, чтобы двенадцатифутовый снаряд пролетел две мили.

Ямамото Кента ушел с артиллерийского завода так же, как пришел; глаза у него все еще слезились от едкого аммиака. Обстоятельства вдруг стали складываться против него. Северные железнодорожные ворота оказались недоступны из-за неожиданной ночной активности. Маневровые локомотивы, сопровождаемые армией тормозных, вводили и выводили полувагоны. Ямамото отступил глубже в арсенал, мимо электростанции, через лабиринт рельсов, зданий и складских дворов. Ориентируясь по дымовым трубам электростанции и паре экспериментальных радиоантенн, видневшихся на фоне лунного неба, он пересек парк и сады, за которыми начинались красивые кирпичные дома, где жили семьи коменданта и офицеров, прикомандированных к верфи.

Здесь начинался подъем. На северо-западе Ямамото видел на фоне неба купол Капитолия. Он усматривал в нем еще один символ огромной мощи США. Какое еще государство могло бы воздвигнуть самый большой в мире чугунный купол, ведя кровопролитную Гражданскую войну? Ямамото почти добрался до бокового выхода, когда на узкой тропе появился караульный.

Ямамото едва успел скрыться в живой изгороди.

Если его задержат, это будет позор для Японии. Он сейчас в Вашингтоне якобы помогает составлять каталог недавних новых поступлений в азиатскую коллекцию Фрира в Смитсоновском институте. Эта легенда помогала ему знакомиться с дипломатами и влиятельными политиками, благо их жены считали себя любительницами искусства и ловили каждое его слово о японском искусстве. Подлинные эксперты Смитсоновского института уже дважды ловили его на ошибках. Он объяснял зияющие пробелы в своих наспех усвоенных знаниях тем, что недостаточно владеет английским языком. До сих пор эксперты принимали его объяснения. Но невозможно будет объяснить, почему японский куратор отдела азиатского искусства оказался среди ночи на Вашингтонской военной верфи.

Часовой прошел мимо, под его ботинками скрипел гравий. Ямамото попятился еще дальше, доставая последнее средство — пистолет. Выстрел привлечет внимание охраны у главных ворот. Ямамото отступал все глубже, надеясь найти брешь, которая выведет его на другую сторону.

У проходящего мимо караульного не было оснований смотреть на изгородь. Но Ямамото продолжал пятиться среди упругих веток, и одна из них сломалась. Караульный остановился и повернул голову на звук. В этот миг луна осветила их лица.

Японский шпион отчетливо увидел его — отставной моряк, старый морской волк, прибавляющий к маленькой пенсии оплату за ночную работу караульного: огрубевшее от ветра лицо, глаза, выцветшие за много лет, проведенных под тропическим солнцем, согнутая спина. Он выпрямился, заметив прячущуюся в изгороди стройную фигуру. Внезапно оживившись, отставник перестал быть стариком, которому следовало бы позвать на помощь; он вернулся во времена своей молодости, когда был сильным, широкоплечим, с длинными руками и ногами, настоящей «синей рубашкой». Звучным голосом, который когда-то долетал до марсов, он спросил:

— Какого дьявола ты там делаешь?

Ямамото наконец пробрался сквозь изгородь и побежал. Караульный ринулся за ним, запутался в ветвях и заревел, как бык. Ямамото услышал вдали ответные крики. Он повернул

и побежал вдоль высокой стены. Готовясь к своей «экскурсии», он узнал, что стену воздвигли после того, как во время разлива реки Потомак на верфь попали грабители. Стена слишком высока, чтобы перелезть.

По гравию стучали башмаки. Старик кричал. Мигали электрические фонарики. Вдруг Ямамото увидел путь к спасению — возле самой стены росло дерево. Цепляясь резиновыми подошвами за кору, он взобрался на нижнюю ветку, поднялся еще на две и перепрыгнул через стену. Позади слышались крики. Улицы города, открывшиеся его глазам, были пусты. Ямамото спрыгнул, согнув колени, чтобы смягчить удар при падении.

У мыса Баззард, в самом начале Первой улицы, Ямамото сел в восемнадцатифутовую моторную лодку, которую приводил в движение «бесшумный» мотор Пирса в две лошадиные силы. Рулевой вывел лодку в реку Потомак и повернул вниз по течению. Лодку окутал покров тишины, и Ямамото облегченно вздохнул.

Спрятавшись от холода в крошечной каюте на носу, он размышлял о том, как близок был к провалу, но все же решил, что не навредил делу. Садовая дорожка, на которой его едва не поймали, была в полумиле от пушечной фабрики. И неважно, что старик видел его лицо. Американцы презирают азиатов. Мало кто из них может отличить японца от китайца. «Поскольку иммигранты из Китая гораздо многочисленнее, чем из Японии, караульный сообщит о вторжении презренного китайца — опиумного наркомана», — с улыбкой облегчения думал Ямамото. «Или о том, — усмехался он, — что какой-нибудь грязный работорговец охотился на дочерей командующего».

Пятью милями ниже по реке он вышел на берег в Александрии, в штате Виргиния.

Подождав на деревянном причале, пока лодка исчезнет, он торопливо пошел вдоль реки и зашел в темный склад, в пыли и паутине, забитый устаревшим морским снаряжением.

В полутемной комнате конторы его ждал человек, которого Ямамото презрительно прозвал Шпионом. Он был лет на двадцать моложе японца и выглядел таким невзрачным, что везде оставался почти незаметным. В конторе тоже хранилось устаревшее вооружение прошлых войн: скрещенные сабли на стенах и заряжающаяся со ствола чугунная пушка времен Гражданской войны (под ее тяжестью просел пол). На столе — старый корабельный 24-дюймовый угольный дуговой прожектор. В его пыльной поверхности Ямамото увидел отражение своего лица.

Он доложил о выполнении задания. Потом, пока шпион делал заметки, точно, в подробностях, пересказал все, что видел на оружейном заводе.

— Большая часть оборудования сильно изношена, — заключил он.

— Неудивительно.

Напряженно работающий и плохо финансируемый оружейный завод на самом деле производил все: от подъемников для снарядов до корпусов торпед для Великого белого флота. А после выхода флота в море начал вагонами отправлять в Сан-Франциско запасные части, прицелы, орудийные замки, поршневые затворы. Через месяц флот начнет оправляться после четырнадцатитысячемильного перехода вокруг мыса Горн в Южной Америке и готовиться на военной верфи «Мар-Айленд» к переходу через Тихий океан.

— Я не стал бы их недооценивать, — мрачно возразил Ямамото. — Устаревшее военное оборудование можно заменить.

— Если есть решимость.

— Судя по тому, что я видел, она у них есть. И еще воображение. Они просто переводят дух.

Человек за столом понимал, что Ямамото одержим, если не подавлен, страхом перед американским флотом. Он слышал этот бред и раньше и знал, как сменить тему, щедро осыпав японца похвалами.

— Я никогда не сомневался в ценности ваших наблюдений и в вашей внимательности. Однако меня поражают широта и глубина ваших познаний: химия, инженерное дело, умение подделывать документы. Одним махом вы сдержали развитие их артиллерии и известили

конгресс о продажности флота.

Он увидел, как приосанился Ямамото. Даже у самых лучших оперативников есть своя ахиллесова пята. У Ямамото это ослепляющее тщеславие.

— Я долго вел эту игру, — с ложной скромностью подтвердил Ямамото.

«На самом деле, — думал человек за столом, — химические знания, необходимые для изготовления йодного детонатора, заимствованы из простой формулы, которая содержится в „Детской энциклопедии игр и спорта“». Впрочем, это не отменяло других умений Ямамото и его глубоких познаний о военном флоте.

Уняв решительную твердость японца, шпион решил испытать его.

— На прошлой неделе на борту «Лузитании», — сказал он, — я столкнулся с британским атташе. Знаете этот тип. Воображает себя «шпионом-джентльменом».

У него был поразительный дар подражания, и он безошибочно воспроизвел аристократический выговор англичанина:

— Эти японцы, — при всех провозгласил англичанин в курительной, — проявляют природную склонность к шпионажу, а также хитрость и самообладание, каких не встретишь на Западе.

Ямамото рассмеялся.

— Похоже на коммандера Эббингтона-Уэстлейка из иностранного отдела военно-морской разведки адмиралтейства. Прошлым летом его застали за написанием акварели с изображением моря у Лонг-Айленда; на этой акварели случайно оказались нарисованы новейшие американские подводные лодки класса «Гадюка». Вы полагаете, этот болтун сделал нам комплимент?

— Французский флот, куда он успешно проник в прошлом месяце, вряд ли назовет его болтуном. Деньги вы взяли себе?

— Прошу прощения?

— Деньги, которые вы должны были положить в ящик американца. Вы взяли их себе?

Японец оцепенел.

— Конечно нет. Я положил их в ящик стола.

— Враги флота в конгрессе должны поверить, что их гениальный конструктор, их так называемый Оружейник, брал взятки. Эти деньги — важнейшая часть нашего послания конгрессу. Там должны задуматься: а что еще прогнило во флоте? Вы оставили деньги себе?

— Меня не должно удивлять, что вы задаете такие оскорбительные вопросы своему верному союзнику. Тот, у кого сердце вора, всех должен считать ворами.

— Вы оставили деньги себе? — повторил шпион. Привычка сохранять полную неподвижность маскировала стальную силу его мускулатуры.

— В последний раз: я не брал денег. Вам будет спокойней, если я поклянусь памятью моего старого друга — вашего отца?

— Да!

Ямамото с неприкрытой ненавистью посмотрел ему в лицо.

— Клянусь памятью моего старого друга, вашего отца.

— Пожалуй, я вам верю.

— Ваш отец был патриотом, — холодно ответил Ямамото. — А вы наемник.

— А вы в моем списке платных агентов, — еще холоднее ответил шпион. — Когда вы доложите своему правительству ценную информацию, полученную на оружейном заводе Вашингтонской морской верфи — полученную, когда вы работали на меня, — ваше правительство тоже вам заплатит.

— Я шпионю не ради денег. Я шпионю ради Японской империи.

— И для меня.

— Доброго воскресного утра всем, кто предпочитает музыку проповеди, — встречал Артур Ленгнер своих друзей с оружейного завода.

Взъерошенный, с яркими глазами, одетый в мешковатый костюм, главный конструктор

Бюро морской артиллерии улыбался, как человек, которого интересует все, что он видит, особенно все необычное. Оружейник был вегетарианцем, откровенным агностиком и пылким сторонником теории подсознания, созданной австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом.

У него были патенты на создание электрического вакуумного пылесоса, потому что он искренне верил: фантастическое домашнее оборудование освободит женщину из тюрьмы работы по дому. Он также верил, что женщина должна получить право голоса, право работать за пределами своего дома и даже практиковать контроль над рождаемостью. Сплетники говорили, что основную выгоду от этого получит его прелестная дочь, которая вращается в деловых кругах Вашингтона и Нью-Йорка.

— Настоящий сумасшедший, — жаловался начальник военной верфи.

Но командующий флотской артиллерией, наблюдая за испытаниями последних орудий Ленгнера калибра 12,50 дюймов на атлантическом полигоне Сэнди-Хук, возразил:

— Слава богу, что он работает на нас, а не на врага.

Его воскресный камерный оркестр, причудливая смесь работников оружейного завода, одобрительно рассмеялся шутке Ленгнера:

— Чтобы убедить подслушивающих, что мы не закоренелые язычники, начнем с «Божьей благодати».[1] С си.

Он сел за рояль.

— Можно начать с ля, сэр? — спросил виолончелист, специалист по бронебойным боеголовкам.

Ленгнер охотно взял ноту ля, на которую всем следовало настроить инструменты. И, когда музыканты принялись настраиваться, закатил глаза с деланным нетерпением.

— Джентльмены, вы сторонники новой атональной музыки?

— Еще раз ля, Артур, если можно. Чуть громче.

Ленгнер снова и снова нажимал на ля. Наконец все были удовлетворены.

Виолончелист сыграл первые ноты «Божьей благодати».

На десятом такте вступили скрипки: специалист по торпедам и дородный монтажник трубопроводов. Они сыграли мелодию и начали снова.

Ленгнер занес большие руки над клавиатурой, нажал на педаль и начал играть «Грешник, как я» в тональности си.

Внутри рояля паста трийодида азота, изготовленная Ямамото, затвердела и превратилась во взрывоопасную корку. Когда Ленгнер взял аккорд, молоточки ударили по струнам ля, ми и до, заставив их вибрировать. Завибрировали и струны ля, ми и до всех других октав, сотрясая трийодид азота.

Паста с резким хлопком взорвалась, выбросив пурпурное облачко и вызвав детонацию мешка с кордитом. Кордит разнес рояль на тысячи осколков дерева, струн и слоновой кости; эти осколки пробили голову и грудь Артура Ленгнера, мгновенно убив его.

2

К 1908 году «Детективное агентство Ван Дорна» имело отделения во всех крупных городах Америки, и внутренняя обстановка в них соответствовала значимости каждого города. В Чикаго штаб-квартира располагалась в роскошном Палмер-Хаусе. На пыльных железнодорожных станциях Орегона и Юты конторы помещались в наемных квартирах, и их украшали портреты разыскиваемых преступников. Нью-йоркская контора занимала просторные комнаты в отеле «Никербокер» на Сорок второй улице. А в Вашингтоне с его близостью к центру бизнеса — Министерству юстиции США — детективы Ван Дорна работали на втором этаже лучшего отеля столицы в «Новом Уилларде», на

---

[1] «Божья благодать» — христианский гимн, написанный Джоном Ньютоном, поэтом и священником XVIII века. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Пенсильвания-авеню, в двух кварталах от Белого дома.

Здесь находился и кабинет самого Ван Дорна, обшитый каштановыми панелями, с самыми современными приспособлениями для управления ордой его подчиненных, разбросанных по всему континенту. Вдобавок к частному телеграфу агентства здесь были также три телефонных аппарата стоечного типа для дальней связи с территориями западнее Чикаго, диктофон «ДеВо», биржевой информатор и электрический телефон Келлога. Глазок позволял Ван Дорну разглядывать посетителей в приемной. Угловые окна выходили на фасад «Уилларда» и было видно боковые входы.

Именно через эти окна неделю спустя после трагической гибели Артура Ленгнера на военно-морском оружейном заводе Ван Дорн с опаской наблюдал за тем, как из такси на заполненный людьми тротуар выходят две женщины и исчезают в отеле.

Зазвонил внутренний телефон.

— Пришла мисс Ленгнер, — сообщил детектив отеля «Уиллард», один из сотрудников Ван Дорна.

— Вижу.

Ван Дорн не ждал от этого визита ничего хорошего.

Основатель «Детективного агентства Ван Дорна» был плотным, лысым мужчиной сорока с лишним лет. Крепкий римский нос, щетинистые рыжие усы и дружелюбные манеры адвоката или бизнесмена, который рано сколотил состояние и теперь наслаждается богатством. За глазами, прикрытыми тяжелыми веками, таился мощный интеллект, а в тюрьмах страны томилось немало преступников, позволивших рослому джентльмену подойти к ним так близко, чтобы защелкнуть наручники.

А внизу, проходя по украшенному позолотой и мрамором вестибюлю «Уилларда», привлекали всеобщее мужское внимание две женщины. Младшая — миниатюрная девушка восемнадцати или девятнадцати лет, модно одетая, рыжеволосая, с живыми, блестящими глазами. И ее спутница — высокая, черноволосая красавица в темном траурном наряде, в шляпе, украшенной черными перьями крачки. Лицо ее было частично закрыто вуалью. Рыжеволосая держала ее за руку, словно желая придать ей храбрости.

Однако, миновав вестибюль, Дороти Ленгнер взяла инициативу в свои руки, попросив спутницу посидеть на диване у подножия лестницы.

— Ты уверена, что мне не нужно пойти с тобой?

— Нет, спасибо, Кэтрин. Все хорошо.

Дороти Ленгнер подобрала длинную юбку и начала подниматься по лестнице.

Кэтрин Ди, изогнув шею, смотрела, как Дороти остановилась на лестничной площадке, подняла вуаль и прижалась лбом к холодному мраморному столбу Потом выпрямилась и, собравшись с духом, прошла по коридору и зашла в «Агентство Ван Дорна», скрывшись из глаз Кэтрин.

Джозеф Ван Дорн посмотрел в глазок. Секретарь в приемной, сильный решительный мужчина — иначе он не сидел бы за столом в приемной Ван Дорна — был поражен красотой девушки, протянувшей ему свою карточку. Ван Дорн подумал: «Да ты сейчас не заметил бы, даже если бы в приемную ворвалась шайка бандитов и унесла всю мебель».

— Я Дороти Ленгнер, — сказала девушка сильным певучим голосом. — У меня назначена встреча с мистером Джозефом Ван Дорном.

Ван Дорн торопливо вышел в приемную и поздоровался.

— Мисс Ленгнер, — сказал он голосом, в котором еле заметный ирландский акцент смягчал жесткость речи уроженца Чикаго, — позвольте выразить самые искренние соболезнования.

— Спасибо, мистер Ван Дорн. Благодарю, что согласились со мной встретиться.

Ван Дорн провел ее в свое святилище.

Дороти Ленгнер отказалась от чая и воды и сразу перешла к делу.

— Флот утверждает, что мой отец покончил жизнь самоубийством. Я обращаюсь за помощью в ваше агентство, чтобы восстановить честь отца.

Были основания сомневаться в душевном здоровье отца девушки, Ван Дорн подготовился к этой трудной встрече, ведь жена была знакома с Дороти по колледжу Смита, и он обещал выслушать бедную девушку.

— Разумеется, я к вашим услугам, но…

— Флот заявляет, что он сам организовал взрыв, который его убил, но мне не говорят, откуда это известно.

— Я бы не удивлялся, — сказал Ван Дорн. — Флот обычно все держит в тайне. Меня удивляет другое: флот обычно заботится о своих.

— Мой отец сознательно вел оружейный завод к тому, чтобы он был больше гражданским, чем военным, — ответила Дороти Ленгнер. — Это была деловая операция.

— И однако, — осторожно возразил Ван Дорн, — я слышал, что в последнее время многие заказы оружейного завода переданы гражданским предприятиям.

— Определенно нет! Может, на четырех- или шестидюймовки. Но не на орудия для дредноутов.

— Любопытно, тревожили ли эти перемены вашего отца?

— Отец привык к такому, — сухо ответила Дороти и со слабой улыбкой добавила: — Он сказал бы: «Пращи и стрелы моего производства позволяют конгрессу учитывать местные интересы». У него было чувство юмора, мистер Ван Дорн. Он умел смеяться. Такие люди не кончают с собой.

— Разумеется, — серьезно согласился Ван Дорн.

Снова зазвонил телефон Келлога.

«Мой спаситель — Белл», — подумал Ван Дорн. Он подошел к стене, на которой висел телефон, взял слуховую трубку и прислушался.

— Пригласите, — сказал он в микрофон.

А Дороти Ленгнер он сказал:

— Я попросил Исаака Белла, моего лучшего сотрудника, передать другим важное дело, которым он занимается, поимку грабителей банка, чтобы он мог заняться обстоятельствами смерти вашего отца. Он готов доложить.

Открылась дверь. Вошел мужчина в белом костюме; скупость его движений была необычна для столь высокого роста. Заметно выше шести футов, стройный, весом не больше ста семидесяти пяти фунтов, примерно тридцати лет. Густые усы на верхней губе были золотистыми, как и аккуратно подстриженные волосы. Цвет лица был здоровый, как у человека, проводящего много времени на солнце и воздухе.

Крупные руки висят вдоль тела. Пальцы длинные, с тщательным маникюром, хотя наблюдатель более внимательный, чем горюющая Дороти Ленгнер, мог бы заметить, что костяшки на правой руке красные и распухшие.

— Мисс Ленгнер, позвольте представить вам моего старшего дознавателя Исаака Белла.

Исаак Белл быстрым проницательным взглядом окинул молодую красавицу. «Двадцати с небольшим лет, — оценил он ее возраст. — Умная, владеет собой. Опечалена потерей, но чрезвычайно привлекательна». Она умоляюще повернулась к нему.

Острые голубые глаза Белла на мгновение смягчились. Теперь они стали чуть фиолетовыми, а проницательный взгляд — добрее. Белл почтительно снял широкополую шляпу и сказал:

— Сочувствую вашей потере, мисс Ленгнер.

И таким быстрым движением ослепительно белого платка стер каплю крови с руки, что это прошло почти незаметно.

— Мистер Белл, — спросила девушка, — что вы узнали, чтобы обелить имя моего отца?

Белл ответил голосом, полным сочувствия, доброжелательно, но прямо.

— Простите, но я должен подтвердить, что ваш отец действительно выписал большое количество йода из лабораторных запасов.

— Он был инженером, — возразила она. — Ученым. И каждый день заказывал химикалии для лаборатории.

— Порошок йода — основной ингредиент взрывчатки, которая стала детонатором для бездымного пороха в рояле. Вторым ингредиентом была аммиачная вода. Уборщик заметил, что в его шкафчике недостает бутылки этого чистящего средства.

— Его мог взять кто угодно.

— Да, конечно. Но все указывает на то, что он сам смешал ингредиенты в своей личной туалетной комнате. Следы на полотенце, порошок на зубной щетке, остатки пены в тазике для бритья.

— Откуда вы все это знаете? — спросила она, смахивая слезы гнева. — Меня и близко не подпустили к его кабинету. Прогнали моего адвоката. Даже полицию не пустили на оружейный завод.

— Я сумел туда пройти, — сказал Белл.

Быстро вошел секретарь-мужчина в полосатой рубашке, жилетке, галстуке-бабочке и нарукавниках, с кольтом двойного действия в кобуре через плечо.

— Простите, мистер Ван Дорн. Звонит начальник Вашингтонской военно-морской базы, и он очень рассержен.

— Попросите коммутатор переключить звонок на мой телефон. Прошу извинить, мисс Ленгнер… Ван Дорн слушает. Добрый день, командующий Диллон. Как вы сегодня?.. Да не может быть!

Ван Дорн слушал, спокойно улыбаясь мисс Ленгнер.

— …Что ж, с вашего позволения, сэр, под такое описание подходят половина взрослых мужчин в Вашингтоне… Оно может относиться даже к джентльмену, который сейчас, когда мы разговариваем, у меня в конторе. Но уверяю вас, он вовсе не выглядит так, будто дрался с военными моряками — ну разве что, если морские пехотинцы нынче совсем не те, что были в мои дни.

Исаак Белл сунул руки в карманы.

В следующий раз, отвечая собеседнику, Ван Дорн добродушно рассмеялся, хотя если бы командующий видел ледяной блеск его глаз, он постарался бы побыстрее отойти.

— Нет, сэр, я не «доставлю» к вам моего сотрудника, которого ваши часовые схватили с уликами. Джентльмена, стоящего передо мной, определенно никто не схватил… Я передам ваши жалобы морскому министру, когда мы в следующий раз будем обедать с ним в клубе «Космос». Пожалуйста, передайте от меня привет миссис Диллон.

Ван Дорн повесил трубку и сказал:

— Очевидно, некий высокий, светловолосый усатый джентльмен уложил нескольких моряков, пытавшихся его задержать.

Белл обнажил в улыбке ряд ровных белых зубов.

— Ну, я думаю, он спокойно подчинился бы им, если б они не пытались его поколотить. — Он повернулся к Дороти Ленгнер, и выражение его лица смягчилось. — А теперь, мисс Ленгнер, я хочу кое-что показать вам.

Он достал фотографию, еще влажную после проявки. Это было увеличенное изображение предсмертной записки Ленгнера. Белл сделал снимок своим складным фотоаппаратом «кодак 3А», который ему подарила невеста, работавшая в кинопромышленности. Большую часть фотографии Белл закрыл рукой, чтобы мисс Ленгнер не увидела записки безумца.

— Это почерк вашего отца?

Мешкая, она поднесла снимок ближе, потом неохотно кивнула.

— Почерк похож на его.

Белл внимательно наблюдал за ней.

— Кажется, вы не очень уверены.

— Кажется, немного… ну, не знаю. Да, это его почерк.

— Я знаю, что ваш отец очень напряженно работал, чтобы ускорить производство.

Коллеги, глубоко уважавшие его, говорят, что он напряженно трудился и, возможно, больше, чем было ему под силу.

— Ерунда! — резко ответила Дороти. — Отец не церковные колокола отливал. Он руководил оружейным заводом. Он требовал высокого темпа производства. И, будь это для него слишком, он сказал бы мне. Мы с ним были очень близки после смерти мамы.

— Но трагедия самоубийцы, — перебил Ван Дорн, — в том, что жертва не видит иного способа уйти от неизбежного. Для него таким способом становится смерть.

— Он не стал бы убивать себя так!

— Почему? — спросил Исаак Белл.

Дороти Ленгнер помолчала, прежде чем ответить; несмотря на свое горе, она отметила, что рослый детектив необычайно красив и что его элегантность смягчает впечатление огромной силы. Именно такого сочетания качеств она искала в мужчинах, но находила чрезвычайно редко.

— Я купила ему этот рояль, чтобы он снова мог играть. Чтобы мог расслабиться. Он слишком любил меня, чтобы сделать мой инструмент орудием своей смерти.

Она умоляюще говорила, а Исаак Белл смотрел в ее серебристо-голубые глаза.

— Отец был слишком доволен своей работой, чтобы убить себя. Двадцать лет назад он начал воспроизводить английские четырехдюймовые пушки. Сегодня его оружейный завод выпускает лучшие в мире двенадцатидюймовые орудия. Представьте себе корабельные орудия, которые стреляют точно на двадцать тысяч ярдов. На десять миль, мистер Белл!

Белл пытался уловить перемены тона ее голоса, которые могли бы выдать сомнения, смотрел в ее лицо, выискивая признаки неуверенности в этом трогательном рассказе о работе покойного.

— Чем больше орудие, тем более мощные силы оно должно укротить. Здесь нет места ошибкам. Ствол должен быть прямым, как луч света. Диаметр не должен отклоняться и на тысячную дюйма. Нарезка требует мастерства Микеланджело; установка кожуха — точности часовщика. Мой отец любил свои пушки — все великие конструкторы дредноутов любят свою работу. Волшебник-двигателист, как Аласдер Макдональд, любит свои турбины. Ронни Уиллер из Ньюпорта любит свои торпеды. Фарли Кент — свои все более быстрые корабли. Это счастье — быть одержимым работой, мистер Белл. Такие люди не убивают себя.

Снова вмешался Джозеф Ван Дорн.

— Могу заверить, расследование Исаака Белла было таким тщательным, что…

— Но, — вдруг перебил его Белл, — что если мисс Ленгнер права?

Босс удивленно посмотрел на него.

Белл сказал:

— С разрешения мистера Ван Дорна я продолжу работу.

Прекрасное лицо Дороти Ленгнер осветила надежда.

Она повернулась к основателю детективного агентства. Ван Дорн развел руками:

— Конечно, Исаак Белл будет заниматься этим при поддержке всего агентства.

Ее благодарность звучала почти как вызов.

— Мистер Белл, мистер Ван Дорн, я могу просить только об оценке фактов на основании точных сведений. — Неожиданная улыбка, как солнечный луч, озарила ее лицо, показывая, какой живой и беззаботной была эта женщина до трагедии. — Меньшего я не могу ожидать от агентства, девиз которого «Мы никогда не сдаемся. Никогда!».

— Очевидно, вы тоже провели свое расследование, — улыбнулся в ответ Белл.

Ван Дорн проводил ее в приемную, снова выражая свои соболезнования.

Исаак Белл подошел к окну, выходящему на Пенсильвания-авеню. Он видел, как Дороти Ленгнер в сопровождении стройной рыжеволосой девушки, которую он заметил в приемной, вышла из отеля. С любой другой спутницей рыжеволосую сочли бы красавицей, но рядом с дочерью оружейника она была лишь хорошенькой.

Вернулся Ван Дорн.

— Что заставило вас передумать, Исаак? Ее любовь к отцу?

— Нет. Его любовь к своей работе.

Он смотрел, как девушки останавливают такси, подбирают полы длинных юбок и садятся. Дороти Ленгнер не оглядывалась. А вот рыжеволосая оглянулась, причем посмотрела на окна Ван Дорна, как будто знала, за какими находится агентство.

Ван Дорн рассматривал снимок.

— Никогда не видел такого четкого изображения. Почти так же четко, как на стеклянной пластинке.

— Марион дала мне «кодак 3А». Он точно входит в карман пальто. Надо сделать такие аппараты стандартным оборудованием.

— Не за семьдесят пять долларов штука, — возразил экономный Ван Дорн. — Можно делать снимки и «брауни», по доллару за штуку. Но что вы задумали, Исаак? У вас встревоженный вид.

— Боюсь, вам придется попросить парней из бухгалтерии заняться финансами ее отца.

— Зачем?

— В его ящике нашли толстую пачку банкнот.

— Взятка? — взорвался Ван Дорн. — Взятка? Неудивительно, что флот все держит в тайне. Ленгнер работал на правительство и имел право выбирать, у кого покупать сталь. — Он с отвращением покачал головой. — Конгресс не забыл скандал трехлетней давности, когда стальные тресты попытались установить цену на броневые листы. Что ж, это объясняет, почему она пыталась помочь ему успокоиться.

— Похоже, — согласился Исаак Белл, — что умный человек совершил какую-то глупость, не мог допустить, чтобы его поймали, и покончил с собой.

— Я удивлен, что вы согласились работать дальше.

— Очень страстная молодая дама.

Ван Дорн с любопытством взглянул на него.

— Вы обручены, Исаак.

Исаак Белл с невинной улыбкой посмотрел на босса. Для человека, которому полагалось быть практичным и очень мирским, чтобы задерживать преступников, Ван Дорн был удивительно чопорным, когда речь шла о сердечных делах.

— То, что я люблю Марион Морган, не делает меня слепым к красоте. И у меня нет иммунитета к страсти. Однако я имел в виду безмерную веру прекрасной мисс Ленгнер в невинность ее отца.

— Большинство матерей, — строго возразил Ван Дорн, — и ни одна дочь не верят, когда их сыновей и отцов обвиняют в преступлениях.

— Ей показалось странным что-то в почерке отца.

— Как вы сумели найти предсмертную записку?

— Флот не знает, как продолжать расследование. Поэтому все оставили на месте, кроме тела, и заперли дверь, чтобы не допустить полицейских.

— А как вы попали туда?

— Там стоял старый «польхем».[2]

Ван Дорн кивнул. Белл справлялся с любыми замками.

— Что ж, неудивительно, что флот в замешательстве. Думаю, их там просто парализовал страх. Они смогли убедить президента Рузвельта в необходимости построить сорок восемь новых дредноутов, но в конгрессе очень многие хотят их окоротить.

Белл сказал:

— Очень не хочется бросать Джона Скалли в трудную минуту, но можно снять меня с дела Фраев, пока я занимаюсь этим?

— Детективу Скалли нравятся трудные минуты, — проворчал Ван Дорн. — На мой

---

[2] Польхем — замок, названный по имени конструктора Кристофера Польхаммара (1661–1751) — шведского ученого, изобретателя и промышленника, известного также как Кристофер Польхем.

взгляд он слишком независим.

— И, однако, прекрасный дознаватель, — вступился Белл за коллегу.

Скалли, известный тем, что не любил регулярно докладывать, выслеживал на границе Огайо и Пенсильвании тройку жестоких грабителей банков. Прославились они тем, что оставляли на телах своих жертв надпись «Бойтесь Фраев». Свой первый банк они взяли год назад в Нью-Джерси, и двинулись на запад, продолжая налеты, потом залегли на зиму. Теперь к западу от Иллинойса они совершили несколько кровавых нападений на банки в маленьких городах. Не только жестокие, но и изобретательные, они на угнанных автомобилях пересекали границы штатов, оставляя местных шерифов глотать пыль.

— Вы по-прежнему будете возглавлять расследование дела Фраев, Исаак, — строго сказал Ван Дорн. — Пока конгресс не создаст какое-нибудь Национальное бюро расследований, Министерство юстиции будет хорошо платить нам за поимку преступников, пересекающих границы штатов, и я не хочу, чтобы индивидуалисты вроде Скалли разочаровывали министерство.

— Как скажете, сэр, — официально ответил Белл. — Но вы обещали мисс Ленгнер поддержку агентства.

— Хорошо! Я пошлю Скалли пару человек — ненадолго. Но вы по-прежнему возглавляете это дело, и вам не потребуется много времени, чтобы подтвердить подлинность записки Ленгнера.

— Не может ли ваш друг министр флота выдать мне пропуск на верфь? Хочу поговорить с моряками.

— Зачем? — улыбнулся его босс. — Матч-реванш?

Белл улыбнулся в ответ, но тут же стал серьезен.

— Если мистер Ленгнер не покончил с собой, у кого-то были большие хлопоты, чтобы убить его и очернить. Моряки охраняют ворота верфи. Возможно, они кого-то видели накануне ночью.

3

— Больше известняка! — крикнул Чад Гордон. Жадно глядя, как поток расплавленного железа, точно жидкий огонь, выливается из летки ковша, главный металлург Бюро корабельной артиллерии, ликуя, провозгласил: — Корпус 44, это тебе!

«Только суда, никаких корпусов», — часто говорили о Чаде Гордоне: он рисковал работать с раскаленным металлом, нагретым до трех тысяч градусов, так, как не решился бы ни один здравомыслящий человек.

Но никто не отрицал, что эта яркая звезда заслужила собственную домну в дальнем углу сталелитейного завода в Бетлехеме, Пенсильвания; здесь он экспериментировал по восемнадцать часов в день, создавая чугун с низким содержанием углерода, из которого можно было бы изготовить не пробиваемую торпедами броню. Компания дала ему две смены рабочих, и эти нищие иммигранты, привыкшие пахать как волы, не могли угнаться за Чадом Гордоном.

В эту снежную мартовскую ночь во вторую смену вышли десятник-американец Боб Холл и группа рабочих, которых Холл считал обычными малограмотными иностранцами; в нее входили четыре венгра и мрачный немец, заменивший пятого венгра. Насколько мог судить Холл по разговорам рабочих, их отсутствующий товарищ упал в колодец или попал под локомотив — выбирайте сами.

Немца звали Ганс. Он утверждал, что работал в Руре на заводе Круппа. Десятника Холла это устраивало. Ганс силен, кажется, знает свое дело и понимает по-английски больше всех четверых венгров вместе взятых. К тому же мистеру Гордону все равно: будь Ганс хоть из пекла, лишь бы справлялся с работой.

Через семь часов после начала смены у верха печи повис кусок частично застывшего металла. Он угрожал перекрыть верхний дымоход, через который выходили раскаленные

летучие газы. Десятник Холл предложил убрать его, прежде чем комок увеличится. Чад Гордон сердито отклонил это предложение.

— Я сказал: больше известняка.

Немец ждал такой возможности. Он быстро поднялся по лестнице на верх печи, где стояли тачки со свежими запасами. В каждой находился груз — тысяча двести фунтов железной руды, или кокса, или доломитового известняка с необычно высоким содержанием окиси магния, с помощью которой Чад Гордон надеялся увеличить прочность металла.

Немец схватил двухколесную тележку с известняком и покатил ее к жерлу печи.

— Подожди, пусть закипит! — крикнул ему десятник снизу, с того места, где вываливались через паз шлак и примеси. Железо и шлак на дне печи были раскалены до трех тысяч градусов по Фаренгейту. Но наверху руда и кокс едва разогрелись до семисот градусов.

Ганс притворился, что не слышал; он торопливо бросил в печь известняк и спустился по лестнице.

— Ты спятил! — кричал на него десятник. — Жара недостаточно! Ты перекрыл выход газам.

Ганс прошел мимо десятника.

— Не беспокойся насчет этого комка, — крикнул Чад Гордон, даже не взглянув наверх. — Отвалится.

Но десятник понимал, что это не так. Комок задерживал взрывные газы в печи. Известняк, брошенный Гансом, только ухудшил положение. Намного. Десятник крикнул венграм:

— Поднимайтесь наверх и прочистьте выход для газов.

Венгры стояли в нерешительности. Они и не слишком хорошо понимали по-английски, но понимали, как опасно дать газам собраться над шихтой. Сжатые кулаки Холла и его гневные жесты заставили их с кирками и ломами полезть на лестницу. Но едва они попытались разбить комок, он упал единой массой. Как и предсказывал мистер Гордон. Но тачка известняка, вываленная на холодную поверхность, тоже закрыла выход. И, когда комок упал, внезапный прилив воздуха снаружи в печь раздул жар внизу — и газы вспыхнули.

Они с ревом взорвались, снеся крышу здания и швырнув ее на бессемеровский конвертер, стоявший в пятидесяти ярдах. Поток горячего воздуха сорвал с венгров одежду и обувь и воспламенил их тела. По сторонам печи сыпались тонны раскаленных обломков. Как горящий водопад, они залили пламенем десятника и Чада Гордона.

Немец побежал, его тошнило от запаха горящей плоти. Глаза его были полны ужаса от того, что он наделал, и от того, что горящий металл может накрыть и его. Но никто не обратил на него внимания — все рабочие огромного завода бросились наутек. Рабочие от остальных домен сбегались к театру смерти, пригоняли вагоны и тележки, чтобы вывозить раненых. Даже охранники компании, караулившие ворота, не взглянули на Ганса: они смотрели туда, откуда он бежал.

Немец оглянулся. Пламя вздымалось в ночное небо. Здания вокруг домны пострадали. Их стены рухнули, крыши провалились, и все, что он видел, было охвачено пламенем.

Он громко выругался, пораженный масштабом разрушений.

На следующее утро, сменив одежду рабочего на мрачный черный костюм, утомленный бессонной ночью, проведенной в мыслях о том, сколько людей он убил, Ганс вышел из поезда на центральном вокзале Вашингтона. Он просмотрел газетные заголовки в поисках сообщений об аварии. Их не было. Изготовление стали — опасное дело. Рабочие сталелитейных заводов гибнут ежедневно. Только местные газеты городов, в которых есть сталелитейные заводы, перечисляют погибших — и часто лишь десятников — для своих владеющих английским языком читателей.

Ганс на пароме добрался до Александрии в штате Виргиния и торопливо прошел по берегу к складам. Шпион, пославший его на сталелитейный завод, ждал в своем логове,

загроможденном устаревшим оружием.

Он внимательно выслушал отчет Ганса. Задал несколько вопросов о добавках, которые использовал Чад Гордон при выплавке стали. Хорошо информированный и внимательный, он осторожно вытянул из Ганса такие сведения, о которых тот и сам не догадывался.

Шпион не жалел похвал и щедро расплатился, как и обещал.

— Я не за деньги, — сказал немец, пряча плату в карман.

— Конечно, нет.

— А потому что, когда начнется война, американцы встанут на сторону Англии.

— Вне всякого сомнения. Демократии презирают Германию.

— Но мне не понравилось убивать, — сказал Ганс. Глядя в старый корабельный прожектор за столом шпиона, он видел свое отражение, похожее на гниющий череп.

Шпион поразил Ганса, ответив по-немецки с северным акцентом. Ганс считал его американцем, так хорошо тот говорил по-английски. Но он говорил как соотечественник.

— У вас нет выбора, mein Freund. Броневые плиты Чада Гордона дали бы вражеским кораблям несправедливое преимущество. Скоро американцы спустят на воду дредноуты. Вы хотите, чтобы их дредноуты топили немецкие корабли? Убивали немецких моряков? Обстреливали немецкие порты?

— Вы правы, mein Herr, — ответил Ганс. — Конечно, нет.

Шпион улыбнулся, словно сочувствовал угрызениям совести Ганса. Но в глубине души он смеялся. «Да благословит Господь простодушных немцев, — думал он. — Какой бы мощной ни становилась их промышленность, как бы сильна ни была их армия, каким бы современным ни делался их флот, как бы громко кайзер ни хвастал „mein Feld ist die Welt“, они всегда опасаются, что с ними обойдутся, точно с малыми детьми».

Эта постоянная боязнь оказаться вторыми позволяет легко вести их за собой.

— Ваше поле весь мир, господин кайзер? Какого дьявола? Ваше поле полно овец.

4

— Это был китаец, — сказал капрал морской пехоты Блэк. Он пускал облака дыма, пыхая двухдолларовой сигарой.

— Если верить патрулю стариков, — добавил рядовой Литтл.

— Он имеет в виду ночных сторожей.

Исаак Белл показал, что понимает: «патрулем стариков» называли отставников, которых на заводе использовали как ночных караульных верфи, в то время как ворота охраняли морские пехотинцы.

Белл с рослыми молодыми моряками сидел за круглым столом в салуне О'Лири на улице Е. Моряки великодушно отнеслись к предыдущей стычке, с неохотным уважением отозвались об умении Белла драться и, едва дошло до выпивки, простили ему фонари под глазами и расшатавшиеся зубы. Белл угостил каждого бифштексом с картошкой и яблочным пирогом. И теперь, держа в руках стаканы с виски, дымя сигарами Белла, они стали очень разговорчивы.

Они рассказали, что начальник верфи приказал составить список всех, кто проходил через ворота в ночь смерти Артура Ленгнера. Ни одно имя не вызвало подозрений. Белл решил попросить Ван Дорна заглянуть в этот список, чтобы подтвердить мнение начальника.

Ночной караульный доложил о нарушителе. Его доклад, очевидно, даже не дошел до начальника: он поднялся по цепи команд не выше сержанта, командира патруля у ворот, который счел его чепухой.

Белл спросил:

— Если то, о чем доложил патруль стариков, правда, как по-вашему, зачем китаец забрался на верфь?

— Хотел что-нибудь украсть.

— Или за девушками.

— За какими девушками?

— Дочками офицеров. Которые живут на верфи.

Рядовой Литтл оглянулся, желая убедиться, что его никто не подслушивает. Единственный посетитель салуна поблизости храпел в опилках на полу.

— У самого начальника пара красоток, с которыми я не прочь познакомиться поближе.

— Понятно, — сказал Белл, сдерживая улыбку. Мысль о любвеобильном китайце, проникающем на военную базу через стену, несмотря на караул у ворот и часовых на территории, не создавала основы для продуктивного расследования. Но, напомнил он себе, хотя детектив должен сохранять скептицизм, разумный скептицизм не отвергает без рассмотрения никаких возможностей. И он спросил: — А кто этот старый караульный, который об этом рассказал?

— Он не нам рассказал. Сержанту. Его зовут Эддисон, — сказал Блэк.

— Долговязый Джон Эддисон, — добавил Литтл.

— Сколько ему лет?

— Выглядит на все сто.

— Высокий старик. Ростом почти с вас, мистер Белл.

— Где мне его найти?

— Тут недалеко меблированные комнаты, где живут старые моряки.

Меблированные комнаты, в которых жил Эддисон, находились на улице Ф в нескольких шагах от верфи. На веранде стояло множество кресел-качалок, но в этот холодный день все они пустовали. Белл вошел и представился хозяйке, которая накрывала длинный стол к ужину. Она говорила с сильным южным акцентом, а лицо ее, несмотря на годы тяжелого труда, сохраняло остатки былой красоты.

— Мистер Эддисон, — протянула она. — Он хороший старик. Никаких неприятностей. Не то, что его товарищи, которых я могла бы назвать.

— Он дома?

— Мистер Эддисон встает поздно: ведь он работает по ночам.

— Не возражаете, если я подожду? — спросил Белл, сверкнув зубами в улыбке; его голубые глаза загорелись.

Хозяйка убрала со щеки седую прядь и улыбнулась в ответ.

— Принесу вам чашку кофе.

— Не беспокойтесь.

— Никакого беспокойства, мистер Белл. Сейчас вы на Юге. Моя мать перевернется в могиле, если услышит, что джентльмен в моей гостиной сидит без чашки кофе.

Пятнадцать минут спустя Белл смог, не слишком греша против истины, сказать:

— Лучший кофе с тех пор, как мама водила меня в кондитерскую в Вене. Я тогда был ростом по колено кузнечику.

— А знаете, что я сделаю? Поставлю вариться свежий кофе и спрошу мистера Эддисона, не выпьет ли он с вами кофейку.

Детектив видел, что Джон Эддисон был бы ростом выше его, не согни годы его спину. Его длинные руки с большими кистями, должно быть, когда-то были очень сильны, на голове копна седых волос, светлые слезящиеся глаза, огромный нос, какой часто бывает у стариков, твердый рот, выступающая челюсть.

Белл протянул руку.

— Меня зовут Исаак Белл. Я дознаватель из «Агентства Ван Дорна».

— Да что вы говорите! — улыбнулся Эддисон, и Белл понял, что его медленные движения маскируют гибкость. — Что ж, я этого не делал. Хотя мог бы, будь я помоложе. Чем могу помочь, сынок?

— Я говорил с капралом Блэком и рядовым Литтлом из морской пехоты, и…

— Знаете, как мы говорим о морских пехотинцах? — прервал его Эддисон.

— Нет, сэр.

— Моряк должен четырежды случайно удариться головой о низкий бимс, чтобы его

признали годным для морской пехоты.

Белл рассмеялся.

— Я слышал, что вы доложили о нарушителе во дворе верфи.

— Да. Но он сбежал. И мне не поверили.

— Китаец?

— Нет, не китаец.

— Нет? Мне любопытно, откуда Блэк и Литтл взяли, что нарушитель китаец?

— Я вас предупреждал о морских пехотинцах, — усмехнулся Эддисон. — Вы посмеялись.

— А на кого он был похож?

— На япошку.

— На японца?

— Я говорил этому придурку сержанту. Похоже, у сержанта на уме китайцы. Но опять скажу — не думаю, что сержант поверил, будто я кого-то видел: китаёзу, япошку. Он мне не поверил, и точка. Решил, что старику-дураку померещилось. Сержант спросил, не выпил ли я. Дьявольщина, да я сорок лет не брал в рот спиртного.

Следующий вопрос Белл старательно обдумал. Он очень редко встречал американцев, которые могли бы отличить японца от китайца.

— Вы близко его видели?

— Да.

— Мне казалось, было темно?

— Луна осветила его лицо.

— Как близко к нему вы были?

Эддисон вытянул большую морщинистую руку:

— Будь я ближе, мог бы этими пальцами сжать его горло.

— А что в нем показалось вам японским?

— Глаза, рот, нос, губы, волосы, — ответил старик.

И снова Белл осторожно проявил скептицизм.

— Кое-кто говорит, что эти два народа очень трудно различить.

— Кое-кто никогда не был в Японии.

— А вы были?

Эддисон распрямился на своем стуле.

— Я стоял в гавани Урага вместе с командором Мэттью Перри, когда он открыл Японию для американской торговли.

— Это было шестьдесят лет назад!

Если старик не выдумывает, Эддисон даже старше, чем кажется.

— Пятьдесят семь. Я был главным марсовым на паровом фрегате Перри «Саскуэханна». И греб в шлюпке, когда командором впервые высадился на берег. Отвез старика в Йокосуку. Япошки нам все уши прожужжали.

Белл улыбнулся.

— Похоже, вы действительно можете отличить японца от китайца.

— А я что говорю.

— Можете рассказать, где поймали нарушителя?

— Почти поймал.

— Помните, как далеко это было от оружейного завода?

Эддисон пожал плечами.

— Тысяча ярдов.

— Полмили, — задумчиво сказал Белл.

— Пол морской мили, — поправил Эддисон.

— Даже дальше.

— Сынок, бьюсь об заклад, вы гадаете, связан ли япошка с взрывом в лаборатории мистера Ленгнера.

— А вы думаете, связан?

— Не могу знать. Говорю же, япошка был в тысяче ярдов от завода.

— Как велика верфь? — спросил Белл.

Старик погладил подбородок и посмотрел вдаль.

— Думаю, что от стен верфи до реки не меньше ста акров.

— Сто акров.

Почти с молочную ферму на северо-востоке.

— Много цехов, плавилен, плацев. Плюс, — многозначительно добавил старик, — дома и сады — там я застал нарушителя.

— А что, по-вашему, он там делал?

Джон Эддисон улыбнулся.

— Я не думаю, а знаю.

— И что же он там делал?

— Он бродил возле офицерских домов. Дочери командующего — очень милые барышни. А япошки, они женщин любят.

5

Бывали дни, когда даже молодой гений вроде Гровера Лейквуда был рад покинуть свою лабораторию, чтобы очистить голову от мыслей о сложности наведения пушки с движущегося корабля на движущуюся цель. Специалист по прицелам и точности стрельбы дни и ночи ломал голову над тем, как компенсировать следствия качки, ускорений, отклонений от курса и изгибов траектории. Захватывающая работа, тем более трудная, что Лейквуду приходилось придумывать, как сделать так, чтобы с его расчетами справлялись обычные умы в разгар боя, когда гремят орудия, море бушует и стальные осколки разлетаются в дыму.

В свободное время он играл с фантастическими формулами, связанными с перекрестным огнем: он представлял себе, что его корабль вместо бортового залпа стреляет вперед, и пытался при этом принять во внимание растущую дальнобойность корабельных орудий и все более ровные траектории летящих с огромной скоростью снарядов. Иногда, чтобы избавиться от мыслей, ему приходилось переворачиваться вверх тормашками, словно опустошая солонку.

Такую возможность давало ему скалолазание. День, посвященный скалолазанию, состоял из поездки по железной дороге в коннектикутский Риджфилд, затем через штат Нью-Йорк на взятой напрокат машине до Джонсон-парка в округе Уэстчестер и, наконец, пешей двухмильной прогулки к далекому холму, под названием «гора Агар», — а заканчивалось все это долгим, трудным подъемом по вертикальной стене на вершину холма. Два часа в поезде давали возможность смотреть в окно и наблюдать, как местность из городской становится сельской. Езда в машине по разбитым дорогам требовала полного внимания. Прогулка наполняла грудь свежим воздухом и заставляла кровь течь быстрее. А подъем на стену требовал абсолютной сосредоточенности, чтобы избежать долгого-долгого падения вниз, черепом на камни.

Необычайно теплый весенний день привел в парк множество гуляющих. Целеустремленно шагая вперед, одетый в твидовую куртку, брюки и ботинки, Лейквуд миновал совершавшую моцион пожилую даму, обменялся радушным «Доброе утро!» с несколькими гуляющими и с завистью посматривал на пары, державшие друг друга за руки.

Лейквуд привлекателен, у него хорошая сильная фигура и добродушная улыбка, но работа шесть или семь дней в неделю, притом что он часто и ночевал в лаборатории, не давала ему возможности знакомиться с девушками. А племянницы и дочери, встречи с которыми устраивали ему жены инженеров, почему-то оказывались непривлекательными. Обычно это его не беспокоило. Он был слишком занят, чтобы чувствовать одиночество, но время от времени при виде молодой пары думал: «Когда-нибудь и мне повезет».

Он углубился в парк и наконец оказался один на узкой тропе в густом лесу. Заметив движение впереди, он разочаровался, поскольку надеялся получить холм в полное свое распоряжение и мирно, спокойно сосредоточиться на подъеме.

Человек впереди остановился и сел на упавший ствол. Подойдя ближе, Лейквуд увидел, что это девушка — миниатюрная и очень красивая, одетая для подъема на скалу в брюки и шнурованные ботинки, как и он сам. Из-под шляпы выбивались рыжие волосы. Когда она неожиданно повернулась к нему лицом, ее волосы вспыхнули на солнце, словно пламя при разрыве артиллерийского снаряда.

Похожа на ирландку, с белой, как бумага, кожей, маленьким курносым носом, беспечной улыбкой и блестящими голубыми глазами, и Лейквуд неожиданно вспомнил, что видел ее и раньше… Прошлым летом… Как же ее зовут? Надо вспомнить, где они встретились… Да! На пикнике, устроенном капитаном Лоуэллом Фальконером, героем испано-американской войны, которому Лейквуд докладывал о своих достижениях в дальности стрельбы.

Как же ее зовут?

Он был достаточно близко, чтобы помахать рукой и поздороваться. Она с бойкой улыбкой смотрела на него, и по ее взгляду было ясно, что и она его узнала. Но удивилась не меньше.

— Забавно встретить вас здесь, — осторожно сказала она.

— Здравствуйте, — ответил Лейквуд.

— В прошлый раз это было на берегу?

— На Файер-Айленде, — сказал Лейквуд. — На пикнике капитана Фальконера.

— Конечно, — с облегчением ответила она. — Я знала, что где-то вас видела.

Лейквуд напряженно вспоминал, подгоняя себя: «Лейквуд! Если ты способен отправить двенадцатидюймовый снаряд весом пятьсот фунтов в дредноут, идущий со скоростью шестнадцать узлов, и сделать это с корабля, качающегося на десятифутовых волнах, неужели ты не в состоянии вспомнить имя этой Девушки Гибсона».[3]

— Мисс Ди, — сказал он, щелкнув пальцами. — Кэтрин Ди. — И — ведь матушка правильно воспитала его — снял шляпу, протянул руку и сказал: — Гровер Лейквуд. Как приятно снова с вами встретиться.

Когда она радостно улыбнулась, узнавая его, солнце с ее рыжих волос словно переселилось в глаза. Лейквуд подумал, что умер и оказался в раю.

— Какое удивительное совпадение! — сказала она. — Что вы здесь делаете?

— Карабкаюсь, — ответил Лейквуд. — Поднимаюсь на скалы.

Она посмотрела на него словно бы недоверчиво.

— Вот это совпадение!

— О чем вы?

— Я здесь тоже за этим. Это тропа к холму, на который я собираюсь подняться. — Мисс Ди подняла бровь, такую светлую, что она была почти невидима. — Вы следили за мной?

— Что? — Лейквуд покраснел и начал заикаться. — Нет, я…

Кэтрин Ди рассмеялась.

— Я вас поддразниваю. Я знаю, что вы за мной не следили. Да и как вы могли узнать, где меня найти? Нет, это удивительное совпадение. — Она снова наклонила голову. — Нет, правда… Помните, как мы разговаривали на пикнике?

Лейквуд кивнул. Они тогда говорили не так долго, как ему хотелось бы. Она как будто знала всех на яхте капитана и переходила от одного к другому, болтая со всеми. Но он помнил этот разговор.

---

[3] Чарлз Дана Гибсон (1867–1944) — американский художник и иллюстратор, известный как создатель феномена Девушек Гибсона, представляющих собой идеал красоты на рубеже XIX–XX вв.

— Мы решили, что нам обоим нравится на свежем воздухе.

— Хотя мне и приходится на солнце носить шляпу: у меня слишком белая кожа.

В тот летний день белая кожа была особенно заметна. Лейквуд помнил круглые сильные руки, обнаженные почти до плеч, красивую шею, лодыжки.

— Давайте?

— Что?

— Поднимемся на скалу.

— Да! Да, давайте поднимемся.

Они пошли по тропе, соприкасаясь плечами там, где она сужалась. И всякий раз, когда их плечи соприкасались, Лейквуда словно ударяло током, и он изумился до крайности, когда она спросила:

— Вы по-прежнему работаете на капитана?

— О да.

— Кажется, я припоминаю — вы что-то говорили о пушках.

— Во флоте их называют не пушками, а орудиями.

— Правда? Я не знала, что есть разница. А кто называет? Разве вы сами не во флоте?

— Нет. Я штатский. Но отчитываюсь перед капитаном Фальконером.

— Он кажется очень приятным человеком.

Лейквуд улыбнулся. «Приятный» — не первое определение, которое приходит в голову, когда думаешь о капитане Фальконере. Скорее одержимый, требовательный, грозный — вот это ближе.

— Кто-то говорил мне, что он способен вдохновить.

— Да, это верно.

Кэтрин сказала:

— Пытаюсь вспомнить, от кого я это услышала. Этот человек очень красив и, кажется, старше вас.

Лейквуд почувствовал укол ревности. Кэтрин Ди говорила о Роне Уиллере, звезде испытательной торпедной станции в Ньюпорте, в которого влюблялись все девушки.

— Большинство их старше меня, — ответил он, надеясь увести разговор от этого красавца.

Кэтрин успокоила его теплой улыбкой.

— Ну, кто бы он ни был, я помню, что вас он назвал «вундеркиндом».

Лейквуд рассмеялся.

— Почему вы смеетесь? Капитан Фальконер тоже так говорил, а ведь он герой испано-американской войны. Вы юный гений?

— Нет! Я просто рано начал, вот и все. Это совершенно новая область. И я в ней с самого начала.

— Как пушки могут быть новыми? Пушки были всегда.

Лейквуд остановился и посмотрел ей в лицо.

— Это очень интересно. Нет, пушки были не всегда. Не такие, как сейчас. Нарезные орудия способны стрелять такими снарядами, о которых раньше нельзя было и мечтать. Да только вчера я был на броненосце в Сэнди-Хук…

— Вы были на броненосце?

— Конечно. Я постоянно на них бываю.

— Правда?

— На Атлантическом полигоне. Только на прошлой неделе офицер-артиллерист сказал мне: «Новый дредноут может отсюда стрелять по Йонкерсу».

Красивые глаза Кэтрин стали огромными.

— По Йонкерсу? Не знала. Я хочу сказать, что, когда в последний раз плыла в Нью-Йорк на «Лузитании», был ясный день, но Йонкерса с океана не видно.

«Лузитания»? — подумал Лейквуд. Она не только красива, но и богата.

— Ну, Йонкерс увидеть трудно, но в море корабли стреляют на такое расстояние.

Сложно попасть в цель.

Они пошли дальше по узкой тропе, соприкасаясь плечами; он рассказывал ей, как изобретение бездымного пороха позволило корректировщикам видеть дальше, потому что корабль не окутан пороховым дымом.

— Корректировщики руководят огнем. Они по взрывам определяют, перелет или недолет. Вы, наверно, читали в газетах, что установка на корабле орудий одного калибра позволяет по огню одного орудия нацеливать все.

Она казалась более заинтересованной, чем можно было ожидать от красивой девушки, и слушала, широко открыв глаза, время от времени останавливаясь и глядя на него, как загипнотизированная.

Лейквуд продолжал говорить.

«Ничего секретного», — успокаивал он себя. Он ничего не сказал о новейших гироскопах, позволяющих постоянно удерживать цель и учитывать качку. Ничего об управлении огнем, о чем она не сможет прочесть в газетах. Он похвастал, что заинтересовался скалолазанием, когда поднимался на стофутовую ажурную мачту, которую создали во флоте, чтобы наблюдать далекие разрывы снарядов. Но он не сказал, что конструкторы мачты экспериментировали с легкими стальными трубами, позволяющими мачте выдерживать попадания снарядов. Он не сказал также, что на ажурных мачтах устанавливаются платформы для новейших дальномеров. Не упомянул и гидравлические установки, которые вместе с гироскопами поднимают орудийные стволы. И, разумеется, ни слова о Корпусе 44.

— Я совершенно запуталась, — сказала она с теплой улыбкой. — Может, вы поможете мне понять. Один мужчина сказал, что океанский лайнер гораздо больше дредноута. Он сказал, что водоизмещение «Лузитании» и «Мавритании» по 44 тысячи тонн, а военного корабля «Мичиган» — всего 16 тысяч.

— Лайнеры — это плавучие отели, — презрительно ответил Лейквуд. — А дредноуты — крепости.

— Но «Лузитания» и «Мавритания» быстроходнее дредноутов. Он назвал их «борзыми»…

— Что ж, если «Лузитания» и «Мавритания» — борзые, представьте, что дредноут — волк.

Она рассмеялась.

— Я поняла. И ваша работа — дать волку зубы.

— Моя работа, — гордо поправил Лейквуд, — точить эти зубы.

Она снова рассмеялась. И коснулась его руки.

— А чем же занят капитан Фальконер?

Гровер Лейквуд тщательно обдумал ответ. Каждый может прочесть в газетах официальную точку зрения. Ежедневно печатаются статьи обо всех аспектах гонки дредноутов: от расходов до вопросов национальной гордости, от описания спусков на воду до иностранных шпионов, окружающих Бруклинскую военно-морскую верфь и выдающих себя за журналистов.

— Капитан Фальконер — главный флотский инспектор стрельбы по мишеням. Он стал специалистом по артиллерии после битвы у Сантьяго. Хотя на Кубе мы потопили все испанские корабли, частота наших попаданий составила всего два процента. Капитан Фальконер поклялся улучшить этот показатель.

Впереди показался крутой склон горы Агар.

— Смотрите, — сказала Кэтрин. — Она полностью в нашем распоряжении. Кроме нас, никого. — Они остановились у подножия холма. — Разве тот сумасшедший, который покончил с собой, взорвав рояль, не был связан с дредноутами?

— Откуда вы это узнали? — спросил Лейквуд. Флот не допустил появления в газетах статей об этой трагедии; сообщалось только о взрыве на оружейном заводе.

— В Вашингтоне все об этом говорят, — ответила Кэтрин.

— Вы там живете?

— Гощу у подруги. А вы знали погибшего?

— Да, он был хороший человек,— ответил Лейквуд, глядя вверх и определяя маршрут. — Кстати, он тоже был на том пикнике на яхте.

— Не могу поверить, что я с ним встречалась.

— Очень печальная история… Ужасная потеря.

Кэтрин Ди оказалась искусным скалолазом. Лейквуд едва поспевал за ней. Новичок в этом деле, он заметил, что руки у нее очень сильные — она могла удерживать тяжесть своего тела на одной руке. И тогда, раскачиваясь, другой рукой дотянуться до следующей опоры.

— Вы карабкаетесь, как обезьяна.

— Не лучший комплимент. — Она сделала вид, что дуется, поджидая, пока он ее догонит. — Кому польстит сходство с обезьяной?

Лейквуд почел за благо промолчать. Когда они вскарабкались на восемьдесят футов и вершины деревьев остались далеко внизу, Кэтрин вдруг начала быстро подниматься.

— Эй, где вы научились так лазить?

— Монахини в моей монастырской школе учили нас подниматься на Маттерхорн.

В этот миг руки Гровера Лейквуда были широко расставлены: он цеплялся за расселины, пытаясь нащупать опору для ноги. Кэтрин Ди была в пятнадцати футах прямо над ним. Она улыбнулась.

— Эй, мистер Лейквуд?

Он изогнул шею, чтобы видеть ее. Похоже, она держала в белых руках гигантскую черепаху. Но в это время года не может быть черепах. Это большой камень.

— Осторожней, — сказал он.

Но опоздал.

Камень выпал у нее из рук. Точнее, она выпустила его.

6

Исаак Белл постоянно думал о предсмертной записке Ленгнера.

Он воспользовался пропуском, полученным от морского министра, чтобы снова попасть на оружейный завод, открыл висячий замок на двери кабинета конструктора и обыскал стол Ленгнера. Стопка листков особой бумаги ручной работы, которую Ленгнер, очевидно, использовал для важной корреспонденции, соответствовала бумаге, на которой была написана записка. Рядом лежала самопишущая ручка.

Белл положил ручку в карман и заехал в химическую лабораторию, где у Ван Дорна был свой счет. Потом в такси поднялся на Капитолийский холм в Линкольн-парке, по соседству с которым расцвел жилой район: Вашингтон перемещался от реки Потомак, которая в летнюю жару начинала дурно пахнуть, вверх по холму.

Дом Ленгнера Белл нашел через улицу от парка. Это был двухэтажный кирпичный дом с зелеными ставнями, небольшой двор был обнесен чугунной изгородью. Аудитор Ван Дорна проверил финансовые дела Ленгнера и не нашел никаких посторонних источников дохода. Новый дом Ленгнер мог купить на свое заводское жалованье; как отметил аудитор, это жалованье было не меньше, чем на высших управляющих должностях в частной промышленности.

Дом выглядел совершенно новым — впрочем, как почти все дома на этой улице, кроме нескольких старых деревянных сооружений, — и щеголял высокими окнами. Кирпичная кладка нарядная, стены поднимаются к сложному зазубренному карнизу. Но внутри, как сразу отметил Белл, все заурядно. Обставлен на современный манер скупо, со встроенными шкафами и книжными полками, с электрическим освещением и вентиляторами под потолком. Мебель тоже современная и очень дорогая, работы мастера из Глазго Чарлза

Ренни Макинтоша.[4] Откуда, спрашивал себя Белл, Ленгнер брал деньги, чтобы покупать мебель Макинтоша?

Дороти была не в черном, а в серебристо-сером, и этот цвет очень шел к ее глазам и черным волосам. За ней в прихожую вышел мужчина. Дороти представила его:

— Мой друг Тед Уитмарк.

Белл решил, что Уитмарк преуспевающий торговец. С яркой улыбкой на красивом лице, в дорогом костюме с алым галстуком, украшенным гербом гарвардского колледжа, тот выглядел олицетворением успеха.

— Я бы сказал, больше, чем друг, — прогудел Уитмарк, крепко пожимая руку Беллу. — Скорее жених, если вы меня понимаете, — добавил он и подчеркнул свои слова, еще крепче сжав руку Белла.

— Поздравляю, — ответил Белл, отвечая таким же пожатием. Уитмарк с улыбкой выпустил его руку и пошутил:

— Вот это пожатие. Что вы делаете в свободное время? Подковываете лошадей?

— Прошу нас ненадолго извинить, мистер Уитмарк, — сказал Белл. — Мисс Ленгнер, мистер Ван Дорн попросил меня поговорить с вами.

— У нас здесь нет тайн, — сказал Уитмарк. — Особенно таких, какими интересуются детективы.

— Все в порядке, Тед, — сказала Дороти, кладя руку ему на руку и улыбаясь. — На кухне есть джин. Пожалуйста, смешай коктейли, пока мы с мистером Беллом беседуем.

Теду Уитмарку это не понравилось, но деваться было некуда, и он вышел, сказав напоследок:

— Не задерживайте ее надолго, Белл. Бедняжка еще не пришла в себя после смерти отца.

— Всего минута, — заверил Белл.

Дороти плотно закрыла дверь.

— Спасибо. Тед ужасно ревнив.

— Полагаю, — сказал Белл, — у него много хороших качеств, если он сумел добиться вашей руки.

Она посмотрела Беллу прямо в лицо.

— Я не принимаю поспешных решений, — сообщила она таким тоном, который высокий детектив мог истолковать только как проявление внимания со стороны очень привлекательной женщины.

— А чем занимается Тед? — спросил Белл, дипломатично меняя тему.

— Тед поставляет продовольствие флоту. На самом деле он скоро уезжает в Сан-Франциско, чтобы подготовиться к приходу Великого белого флота. Вы женаты, мистер Белл?

— Обручен.

Загадочная улыбка мелькнула на прекрасных губах.

— Какая жалость!

— Откровенно говоря, — сказал Белл, — жалеть не о чем. Я очень счастлив.

— Полная откровенность — отличное качество в мужчине. Вы пришли только для того, чтобы не заигрывать со мной?

Белл достал авторучку.

— Узнаете?

Лицо ее омрачилось.

— Конечно. Это ручка моего отца. Я подарила ее ему на день рождения.

Белл протянул ей ручку.

---

[4] Чарлз Ренни Макинтош (1868–1928) — шотландский архитектор, художник и дизайнер, родоначальник стиля модерн в Шотландии.

— В таком случае можете оставить ее себе. Я взял ее с его стола.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что ею он написал записку.

— Так называемую предсмертную? Ее мог написать кто угодно.

— Не кто угодно. Либо ваш отец, либо очень искусный мастер подделки.

— Вы знаете мое отношение. Он не мог наложить на себя руки.

— Я продолжаю расследование.

— А что насчет бумаги, на которой написана записка?

— Это его бумага.

— Понятно… А чернила? — неожиданно оживившись, спросила она. — Откуда мы знаем, что письмо написано теми же чернилами, что в ручке. Может, они не из этой ручки. Чернила я сама покупала в магазине. Компания «Уотермен» продает тысячи таких флаконов.

— Я уже отправил образцы чернил из этой ручки и из письма в лабораторию, чтобы проверить, идентичны ли они.

— Спасибо, — сказала она с вытянувшимся лицом. — Расхождение маловероятно?

— Боюсь, что да, Дороти.

— Но даже если это его чернила, отсюда не следует, что он сам написал письмо.

— Не бесспорно, — согласился Белл. — Но должен откровенно сказать, что, хотя каждый из этих фактов может быть исследован, все они вряд ли дадут нам определенный ответ.

— А что даст? — спросила она, внезапно как будто бы смутившись. На глазах заблестели слезы.

Ее страдания и смущение тронули Исаака Белла. Он взял ее руки в свои.

— Что бы это ни было, но, если оно существует, мы его найдем.

— Ван Дорны никогда не сдаются? — с храброй улыбкой спросила она.

— Никогда, — пообещал Белл, но в глубине души у него было все меньше надежды когда-нибудь избавить ее от боли.

Она сжала его руки. А когда наконец отпустила, подошла ближе и поцеловала Белла в щеку.

— Спасибо. Это все, о чем я прошу.

— Буду держать вас в курсе, — сказал Белл.

— Не останетесь на коктейль?

— Спасибо, но, боюсь, не могу. Меня ждут в Нью-Йорке.

Когда она провожала его к выходу, Белл заглянул в столовую и заметил:

— Замечательный стол. Это Макинтош?

— Конечно, — гордо ответила она. — Отец говорил, что покупать произведение искусства, которое тебе не карману, означает ужинать бобами, но он предпочитает ужинать бобами.

Белл подумал, не устал ли Ленгнер от бобов и не взял ли деньги сталелитейщиков. Выходя, он оглянулся. Дороти стояла на ступенях, похожая на принцессу, заточенную в замке.

Поезд «Ройял лимитед» железной дороги «Балтимор и Огайо»[5] — самый быстрый и роскошный поезд из Вашингтона в Нью-Йорк. За окнами стемнело, и Белл воспользовался спокойным путешествием, чтобы ознакомиться с новостями охоты на Фраев. Орудовавшие во многих штатах грабители банков, которых детективы Ван Дорна разыскивали в Иллинойсе, Индиане и Огайо, неожиданно исчезли где-то в восточной Пенсильвании. Как и детектив Джон Скалли.

---

[5] Железная дорога «Балтимор и Огайо» — старейшая железная дорога в США, первый грузопассажирский оператор в стране.

Обед в «Ройял», не уступавший обедам в «Дельмонико»[6] или в новом отеле «Плаза», подавали в вагоне, отделанном красным деревом. Белл заказал мэрилендского окуня и полбутылки «Мумм»[7] и за едой размышлял о том, что Дороти Ленгнер напоминает ему о его невесте. Очевидно, если бы Дороти не горевала о смерти отца, она была бы остроумной, сообразительной, интересной женщиной, очень похожей на Марион Морган. У них много общего в прошлом: обе потеряли матерей и благодаря любящим отцам получили образование, гораздо более глубокое, чем другие женщины: отцы обеих были состоятельными людьми и хотели, чтобы дочери в полной мере развили свои способности.

Внешне Марион и Дороти не могли бы различаться больше. У Дороти блестящая черная грива волос, у Марион — тоже блестящая, но цвета соломы; у Дороти привлекательные сине-серые глаза, у Марион — не менее привлекательные цвета морской зелени. Обе высокие, стройные и гибкие. И обе, с улыбкой подумал он, способны остановить движение, просто выйдя на улицу.

Когда «Ройял» подошел к вокзалу Нью-Джерси, Белл взглянул на свои золотые карманные часы. Если Марион завтра снимает, сейчас уже поздно ехать к ней в отель в Форт-Ли. Какая ирония. Марион снимает кинофильм в двух частях о придуманных грабителях банков, пока он гоняется за настоящими грабителями. Но, наблюдая ее за работой, Белл понял, что съемки кинофильма требуют такого же точного планирования и подготовки, что и реальное дело. А для этого девушке нужно хорошо выспаться.

Выйдя из поезда, он просмотрел газеты на стендах и у мальчишек, выкрикивавших их названия. Два вида заголовков привлекли его внимание. Одни сообщали о фантастическом разнообразии японских угроз, вызванных тем, что — по слухам — президент Рузвельт собирался приказать Великому белому флоту пройти вблизи Японских островов. Другие обвиняли китайских работорговцев в убийстве школьного учителя в Нью-Йорке. Но Белл просматривал раздел погоды, надеясь на предсказание ненастья.

— Отлично! — воскликнул он. Бюро погоды предсказывало облачность и дождь.

Марион не придется вставать на рассвете, чтобы поймать все солнечные лучи.

Он торопливо вышел из здания вокзала. Шестнадцатимильная поездка в трамвае в Форт-Ли займет не меньше часа, но возможен и лучший маршрут. Полиция Джерси-Сити экспериментировала с автопатрулями, как через реку в Нью-Йорке, и, как и ожидал Белл, один из шестнадцати-цилиндровых автомобилей «форд» стоял у вокзала; сержант и патрульный прежде служили в конной полиции.

— Ван Дорн, — представился Белл сержанту, который без лошади выглядел несколько растерянно. — Двадцать долларов за то, что доставите меня в Форт-Ли, к «Селле» у «Парк-отеля».

Хватило бы и десяти. За двадцать сержант включил сирену.

Когда полицейский «форд» пересекал Палисады,[8] пошел дождь. Разбрасывая грязь, машина пролетела по Главной улице в Форт-Ли, перевалила через трамвайные рельсы и пронеслась мимо киностудии, стеклянные стены которой блестели в свете уличных фонарей. За поселком они подъехали к «Селле», большому белому двухэтажному зданию с поляной для пикников.

Белл с широкой улыбкой вошел в здание. Столовая, которая по вечерам превращалась в бар, еще работала; в зале было шумно: актеры, операторы и режиссеры решили, что без

---

[6] Сеть ресторанов в Нью-Йорке, действующих с начала 19 века. Самый знаменитый из них в начале 20 века в Манхэттене считался образцовым.

[7] Знаменитая марка французского шампанского.

[8] Палисады — холмы на западном берегу реки Гудзон на северо-востоке штата Нью-Джерси.

солнца день для работы потерян. Группа певцов собралась у фортепиано.

Ты можешь отравиться со мной куда угодно
В моем старом «олдсмобиле».

Он увидел за угловым столом Марион, и сердце у него вдруг екнуло. Марион смеялась, разговаривая с двумя женщинами-режиссерами: Кристиной Бялобжецки, которая называла себя польской графиней, но говорила, на слух Белла, как уроженка Нового Орлеана, и черноволосой, черноглазой мадмуазель Дюваль с «Пате Фрер».[9]

Марион подняла голову. Увидела его в дверях и вскочила с радостной улыбкой. Белл побежал по залу. Они встретились на полпути, и он поднял ее и поцеловал.

— Какой замечательный сюрприз! — воскликнула Марион. Она была еще в рабочем костюме: в блузке, длинной юбке и облегающем жакете. Светлые волосы собраны в узел, чтобы не мешали, и открывают длинную изящную шею.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Лжец! Я выгляжу так, как должна, поднявшись в пять утра.

— Ты знаешь, я никогда не лгу. Выглядишь ослепительно.

— Ты тоже. Ты ел?

— Обедал в поезде.

— Пойдем. Присоединяйся к нам. Или хочешь, чтобы мы посидели одни?

— Я бы сначала поздоровался.

Подошел хозяин отеля, широко улыбаясь при воспоминаниях о предыдущем посещении Белла и потирая руки.

— Снова шампанского, мистер Белл?

— Конечно.

— Для стола?

— Для всего зала!

— Исаак! — сказала Марион. — Здесь больше пятидесяти человек.

— В завещании моего деда Исайи ничего не говорится о том, что я не могу потратить часть его пяти миллионов на тост за здоровье мисс Марион Морган. К тому же, говорят, дедушка не упускал красивых женщин.

— Значит, ты унаследовал не только миллионы.

— А когда они напьются, никто не заметит, как мы ускользнем наверх в твою комнату.

Она взяла его за руку и повела. Кристина и мадмуазель Дюваль тоже еще не сменили рабочую одежду, хотя яркая француженка была, как всегда, в брюках для верховой езды. Она поцеловала Белла в щеку и назвала его «Ииизак».

— На этой неделе мы все снимаем о грабителях банков, Ииизак. Вы должны дать мне советы инспектора.

— Она хочет не просто советов, — прошептала с улыбкой Марион.

— Можно ли назвать грабителей символом американской свободы? — спросила мадмуазель Дюваль.

Белл мрачно улыбнулся.

— Грабители банков — символ смерти и ужаса. Троица, которую я разыскиваю, равнодушно перестреляла всех в здании.

— Опасались, что их узнают, — сказала француженка. — Мои банковские грабители ни в кого не стреляют, они на стороне бедных, и бедные их знают.

Кристина закатила глаза.

— Как Ро-бэн Хууд? — ядовито спросила она.

— Чтобы зрители знали, кто есть кто, — посоветовала Марион, — пусть наденут

---

[9] «Пате» — французская киностудия, основана в 1896 году.

маски.

— Маска может скрыть только незнакомца, — сказала мадмуазель Дюваль. — Если я надену маску, — она продемонстрировала это с помощью шарфа, набросив шелк на галльский нос и чувственный рот, так что остались только глаза, — Ииизак все равно узнает меня по взгляду.

— Это потому, что ты ему строишь глазки, — рассмеялась Марион.

Выражение лица Исаака Белла внезапно изменилось.

— Это не моя вина! Ииизак так красив, что я не могу сдержаться. Мне пришлось бы закрыть глаза шерстью.

Они вдруг заметили перемену в его лице. Белл теперь казался отчужденным и холодным. Мадмуазель Дюваль коснулась его руки.

— Cheri, — извинилась она. — Вы слишком серьезны. Прошу простить мое поведение, если я была inapproprie.

— Вовсе нет, — сказал Белл, рассеянно похлопав ее по руке и одновременно сжимая под столом руку Марион. — Но вы подсказали мне неожиданную мысль. Есть о чем подумать.

— Сегодня больше никаких размышлений, — сказала Марион.

Белл встал.

— Прошу прощения. Мне нужно послать телеграмму.

В отеле был телефон. Белл позвонил в нью-йоркскую контору и продиктовал телеграмму Джону Скалли; телеграмму должны были направить во все отделения «Агентства Ван Дорна», в которых в последнее время видели Скалли.

СМЕНИВ ИМЯ ФРАИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ
В НЬЮ-ДЖЕРСИ НЕДАЛЕКО ОТТУДА ГДЕ
ПРОВЕРНУЛИ СВОЕ ПЕРВОЕ ДЕЛО

Марион с улыбкой ждала его в вестибюле.

— Я уже попрощалась со всеми от твоего имени.

7

— Отправляйтесь в Гринвич-вилледж и привезите доктора Крусона, — приказал Исаак Белл ученику, ранним утром следующего дня входя в контору Ван Дорна в отеле «Никербокер». — Вам разрешено брать в оба конца такси. И поторопитесь.

Доктор Дэниел Крусон был графологом.

Ученик выбежал.

Белл стал читать телеграммы. Лаборатория в Вашингтоне подтвердила, что записка Артура Ленгнера написана чернилами из его ручки. Белл не удивился.

Телеграмма из Пенсильвании свидетельствовала о недостатках подхода Джона Скалли к расследованиям. Оперативники, которым Джо Ван Дорн приказал помогать Скалли, пока Белл расследует обстоятельства смерти Артура Ленгнера, писали:

НЕ МОЖЕМ НАЙТИ СКАЛЛИ
ПРОДОЛЖАЕМ ИСКАТЬ
ВЫЕЗЖАЕМ ПОЕЗДОМ «ВЕСТЕРН ЮНИОН»
В СКРЕНТОН И ФИЛАДЕЛЬФИЮ

Белл про себя выругался. Им пришлось разделиться, чтобы с большей вероятностью найти Скалли. Если его не найдут до полудня, Беллу придется сообщить боссу, что детективы, которые должны искать Фраев, ищут Скалли.

Белл вызвал оперативника, которого ввел в дело. Грейди Форрер не человек, а гризли, с невероятно широкой грудью и большим животом. Такого в кабацкой драке вам хотелось бы

иметь на своей стороне. Но главная его сила в невероятной целеустремленности, умении обращать внимание на мельчайшие подробности и обширной памяти.

— Нашли родину этих бешеных псов? — спросил Белл. — Где они выросли?

Дознаватель покачал головой.

— Все мозги сломал, Исаак. Но не нашел в Нью-Джерси троих братьев Фраев. Пытался найти двоюродных. С тем же результатом.

Белл сказал:

— У меня на этот счет есть соображение. Что если во время первого грабежа они сменили имя? Первое ограбление они совершили посреди штата, если я правильно помню. «Вест-брунсвикский фермерский банк взаимных сбережений».

— Банк в небольшом городе на полпути к Принстону.

— Мы всегда приписывали убийство кассира и клиента их злобной жестокости. Но что если им хватило глупости, чтобы ограбить ближайший к дому банк?

Грейди Форрер выпрямился.

— Что если они убили свидетелей, чтобы их не узнали — хоть они и были в масках? Может, свидетели знали их как местных парней. Маленький Джон, который рос по соседству, вырос и раздобыл пистолет. Помните их первую записку кровью? «Бойтесь Фраев».

— Выходит, они, возможно, не так уж глупы, — заметил дознаватель. — С этого случая их называли только Фраями.

— Как они и хотели. Найдите в районе Вест-Брунсвика семью с тремя братьями, родными или двоюродными, которые внезапно исчезли. Подойдут и два брата с соседским парнишкой.

Белл отправил телеграмму оперативникам, посланным на помощь Скалли, и самому Скалли, предлагая им отправиться в Вест-Брунсвик.

«Мерси, мадмуазель Дюваль!

Что еще подстегнуло мои мысли?»

Белл вернулся к фотографии предсмертной записки Артура Ленгрена. Положил ее рядом с фотографией одной из патентных заявок Ленгрена, которую сделал накануне утром, и стал разглядывать их в увеличительное стекло в поисках различий, которые могли бы свидетельствовать о подделке. И ничего не заметил. Но ведь он не специалист, поэтому и вызвал почерковеда из Гринвич-вилледж.

Сам доктор Дэниел Крусон предпочитал более современный титул «графолог». Его седая борода и густые брови были очень уместны у человека, создавшего высокомерные теории о европейском «разговорном проклятии» докторов Фрейда и Юнга. Он был также склонен к заявлениям типа «комплекс отнимает у эго свет и пропитание», почему Исаак Белл старался по возможности избегать его. Но доктор Крусон умел прекрасно разоблачать подделки. И Белл даже подозревал, что «доктор графологии» иногда подрабатывает подделкой банковских чеков.

Крусон с помощью увеличительного стекла изучил фотографию предсмертной записки, потом вставил в глаз лупу ювелира и повторил процесс. Наконец он откинулся на спинку кресла и покачал головой.

Белл спросил:

— Вы заметили в почерке несоответствия, которые могли бы свидетельствовать о подделке?

Крусон ответил:

— Детектив — вы, сэр.

— Я знаю, кто я, — сказал Белл, чтобы предотвратить многословное обсуждение.

— Вы знакомы с работой сэра Уильяма Хершеля?

— Идентификация по отпечаткам пальцев.

— Но сэр Уильям считал также, что почерк отражает характер писавшего.

— Характер интересует меня меньше подделки.

Крусон словно не слышал.

— По этому скромному образцу я могу сказать, что человек, писавший эту записку, эксцентричен, с артистическим темпераментом и склонен к драматизации. Любит широкие жесты. Чувствителен и подвержен сильным чувствам, которые могут целиком захватить его.

— Иными словами, — перебил Белл, в то же время размышляя, как бы получше преподнести эту дурную новость Дороти Ленгнер, — чувствам, которые способны привести к самоубийству.

— Какая трагедия — покончить с собой в столь раннем возрасте!

— Ленгнер не был молод.

— Если бы он стал старше, то с помощью психологического анализа смог бы исследовать источник своих печалей и научился бы обуздывать самоубийственные порывы.

— Ленгнер не был молод, — повторил Белл.

— Он был очень молод.

— Ему было шестьдесят лет.

— Это совершенно невозможно! Посмотрите на его почерк. Видите, какой он смелый и легкий? У стариков текст сжимается, буквы мельчают, рука с годами костенеет. Никаких сомнений: это писал человек двадцати с небольшим лет.

— Двадцати? — переспросил Белл, внезапно приходя в волнение.

— Не старше тридцати, ручаюсь.

У Белла была фотографическая память. Мыслями он сразу вернулся в кабинет Артура Ленгнера. Увидел полки с рядами переплетенных томов патентов Ленгнера. Несколько он открывал, чтобы найти образец для снимка. Патенты, поданные до 1885 года, оформлены рукописно. Более поздние — на пишущей машинке.

— Артур Ленгнер играл на фортепиано. У него могли быть более подвижные пальцы, чем бывает у людей его лет.

Крусон пожал плечами.

— Я не музыкант и не психолог.

— Но если его пальцы не были настолько подвижны, возможно, это подделка.

Крусон сердито ответил:

— Вы пригласили меня не для того, чтобы обсуждать личность подделавшего письмо. Чем искусней подделка, тем меньше она говорит мне о личности того, кто ее изготовил.

— Я пригласил вас не обсуждать его личность, а подтвердить, что это подделка. Так вы говорите, подделывавший допустил ошибку. Скопировал ранний образец почерка Ленгнера. Спасибо, доктор Крусон. Вы открыли в деле новые возможности. Если только игра на фортепиано не сохранила ему молодую подвижность пальцев, это подделка и Артура Ленгнера убили.

Вбежал секретарь Ван Дорна, размахивая листком желтой бумаги.

— Скалли!

Телеграмма, которую он отдал Исааку Беллу в руки, была написана с характерной для Скалли краткостью.

ПОЛУЧИЛ ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ ТКЧ У МЕНЯ
БЫЛА ТАКАЯ ЖЕ МЫСЛЬ
ТАК НАЗЫВАЕМЫ БРАТЬЯ ФРАИ ОКРУЖЕНЫ
К ЗАПАДУ ОТ ВЕСТ-БРУНСВИКА
МЕСТНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ИХ ДВОЮРОДНЫЕ
БРАТЬЯ
МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ?

— Окружены? — спросил Белл. — Майк и Эдди нашли его?

— Нет, сэр. Скалли, как всегда, один.

Похоже, Скалли установил подлинную фамилию братьев Фраев, нашел их дом и обнаружил, что местный шериф, их родственник, помогает им скрываться. Но в таком случае

даже грозный Скалли откусил столько, что не прожует.

Белл в поисках указаний места прочел продолжение телеграммы.

ФЕРМА УИЛЛАРД
ПОВОРОТ НА ГРЭНБЕРИ В ДЕСЯТИ МИЛЯХ
ЗА КАМЕННОЙ ЦЕРКОВЬЮ
МОЩЕНЫЙ ПОВОРОТ НАЛЕВО
МИЛЕЙ ДАЛЬШЕ МОЛОЧНЫЙ ФУРГОН

Посреди чистого поля, в глуши, в сельской части Джерси. По местным железным дорогам туда добираться целый день.

— Позвоните в гараж Уихокен, пусть приготовят мою машину!

Белл схватил тяжелую сумку для гольфа и выбежал из отеля «Никербокер» на Бродвей. Сел в такси и приказал водителю отвезти его к причалу у начала Сорок второй улицы. Здесь он сел на паром до Нью-Джерси, где держал свой красный «локомобиль».

8

Салун Командора Томми на Западной тридцать девятой улице напоминал крепость, занимающую первый этаж и подвал старого жилого дома в четверти мили от причала, от которого отошел паром Исаака Белла. Дверь была узкая, окна забраны ставнями. Подобно объединению Белого дома, конгресса и Министерства обороны, этот салун правил в Вест-Сайде районом, который жители Нью-Йорка называли Адской кухней. Здесь уже много лет не бывал ни один полицейский.

Командор Томми Томпсон, лысый толстошеий владелец салуна, — главарь банды «гоферов». Он собирает дань со всех торговцев наркотиками, с уличных девок и игроков, карманников и взломщиков, часть прибыли передает как взятку полиции и аккуратно платит взносы в поддержку демократической партии. Он также руководит очень прибыльным делом — грабежом грузовых вагонов на Нью-йоркской центральной железной дороге, и его прозвище свидетельствует, что по уровню успеха в своей области он соперничает с командором Корнелиусом Вандербильтом.

Но Командор Томми подозревал, что его бизнес подойдет к кровавому концу, как только железная дорога создаст свою частную армию, чтобы предотвратить похищение грузов в Нью-Йорке. И заранее подготовил план. Именно поэтому, когда Исаак Белл пересекал реку Гудзон, Командор Томпсон, завершая сделку, пожимал руки «бесхвостым» китайцам — настолько американизировавшимся, что они срезали косички на голове, обязательные для их соотечественников.

Гарри Вин и Луис Ло представляли набирающий силу тонг[10] Хип Синг. Они хорошо говорили по-английски, носили модные костюмы, а за их тщательно вымытыми физиономиями таились, по убеждению Томпсона, страшные убийцы. Он понял китайцев, едва те обратились к нему. Как и «гоферы», Хип Синг получал прибыль, контролируя торговлю наркотиками и другие виды своей деятельности с помощью физической силы, взяток и железной дисциплины. И, как и «гоферы» Томми, Хип Синг становились все сильнее и изгоняли конкурентов.

Предложение, с которым обратились к Томми, не принять было невозможно: банда «гоферов», которой руководит Томми Томпсон, разрешит китайцам открыть в Вест-Сайде на Манхеттене опиумную курильню. За половину дохода Томми будет охранять заведение, поставлять девочек и платить копам. Гарри Вин и Луис Ло с помощью своего тонга будут направлять туда денежных белых клиентов из среднего класса — обычных «любителей клубнички», которые опасаются заходить в переулки Чайнатауна. Справедливая сделка, как

---

[10] Тонг — политическая группировка, тайное общество, тайная организация китайцев (часто преступная).

сказал бы президент Тедди Рузвельт. Договорились с глазу на глаз, как поет Софи Такер.[11]

* * *

В Нью-Арке, Нью-Джерси, полицейский патруль в «паккарде» попытался остановить Исаака Белла.

Его приводимый в движение бензином локомобиль 1906 года выпуска был ярко-красным, точно пожарная машина. Белл заказал на фабрике этот цвет, чтобы другие водители вовремя замечали его машину и уступали дорогу. Но цвет и громовые выхлопы локомобиля обычно привлекали внимание полиции.

Еще не доехав до Ист-Орейндж, он оставил ньюаркских полицейских позади, в пыли.

В Элизабете они погнались за ним на мотоциклах. Задолго до Роселлы Белл потерял их из виду. И теперь дороги были в его распоряжении.

Локомобиль был построен для скоростных дорог и удерживал много рекордов. Добавление крыльев и фар для езды по городским улицам нимало не укротило его. В руках человека со стальными нервами, страстью к скорости и кошачьими рефлексами большая шестнадцатилитровая машина проносилась по сельской местности и по сонным маленьким городкам на фантастической скорости, как метеор.

Закутавшись с ног до головы в пыльник, защитив глаза очками, обнажив голову, чтобы слышать все нюансы грохота четырехцилиндрового двигателя, Белл работал переключателями, сцеплением, клаксоном, ускоряясь на прямых участках, вписываясь в повороты, предупреждая о своем приближении фермеров, скот и более медленные машины. И наслаждался бы от души, если бы не тревожился о Джоне Скалли. Он оставил этого одинокого волка в трудном положении. То, что Скалли попал в переплет по собственной вине, для Белла ничего не значило. Он возглавлял расследование и должен был заботиться о своих людях.

Он вел машину, положив крупные руки на руль. Когда в городах приходилось сбрасывать скорость, нужны были обе руки, чтобы заставить громадного зверя поворачивать. Но, когда он вновь выезжал на сельские дороги, машина становилась удивительно отзывчивой. Одной руки было достаточно, а второй он постоянно добавлял давление горючего и сигналил. Тормозов он почти не касался. В этом не было необходимости. Конструкторы в Бриджпорте, в Коннектикуте, создавшие эту машину, встроили в нее тормозную систему, отзывавшуюся на переключения сцепления, — робкая попытка вовсе избавиться от тормозов. Но Исааку Беллу было все равно.

Когда он проезжал Вудбридж, его вздумал обогнать мерседес с мотором в сто двадцать лошадиных сил. Белл нажал педаль акселератора, и дорога осталась в его распоряжении.

9

— В чем дело? — спросил Командор Томми Томпсон.

— Говорит, есть для тебя предложение.

Двое вышибал Томми, громилы с перебитыми носами боксеров, много лет убивавшие конкурентов Томми, стояли с боков от лощеного джентльмена, которого провели в кабинет босса.

Томми в холодном молчании разглядывал человека, который казался настоящей цацей с Пятой авеню. Мужчина среднего телосложения, примерно его ровесник — тридцати с небольшим лет. Средний рост, дорогая трость с золотым набалдашником, дорогое черное пальто с бархатным воротником, дорогая меховая шапка, кожаные перчатки. От угольной

---

[11] Софи Такер (настоящее имя Соня Калиш; 1886–1966) — американская певица, актриса, комедиантка и радиоведущая.

печи шел жар, и человек спокойно снял перчатки, показав толстое кольцо, усаженное бриллиантами, и расстегнул пальто. Под ним вожак банды «гоферов» разглядел золотую цепочку от часов, достаточно толстую, чтобы удержать сильную лошадь, и темно-синий суконный костюм. А за деньги, что франт выложил за свои ботинки, Томми мог бы неделю пользоваться в Атлантик-сити услугами трех девушек.

Франт не произнес ни слова. Сняв перчатки и расстегнув пальто, он стоял совершенно неподвижно, только один раз поднял руку, чтобы пригладить большим пальцем кончики усов; палец после этого он сунул под жилет.

Хладнокровный тип, решил Томми. Он решил также, что, если бы все полицейские Нью-Йорка скинулись, они все равно не смогли бы одеть детектива в такой костюм. И даже если бы нашли деньги, ни один коп в городе не смог бы состроить эту мину человека, родившегося в сорочке. Поэтому главарь банды спросил:

— Чего надо?

— Могу я полагать, — спросил франт, — что вы и есть вожак банды «гоферов»?

Командор Томми снова насторожился. Этот тип знаком с Адской кухней. Он совершенно правильно произнес название банды, «гуферы», а не так, как произносят его читатели с Пятой авеню. Где он этому научился?

— Я спросил, чего надо.

— Хочу заплатить вам пять тысяч долларов за услуги троих убийц.

Томми Томпсон выпрямился. Пять тысяч долларов — очень большие деньги. Такие большие, что он забыл о «гуферах» и «гоферах» и отбросил всякую осторожность.

— Кого надо убить?

— В Кемдене, в Нью-Джерси, нужно убить шотландца по имени Аласдер Макдональд. Убийцы должны хорошо владеть ножом.

— Неужели?

— Деньги у меня с собой, — сказал франт. — Плачу вперед и надеюсь, вы выполните договор.

Томми повернулся к своим вышибалам. Те улыбались без капли веселья. Франт допустил гибельную ошибку, сказав, что у него деньги с собой.

— Возьмите у него пять тысяч долларов, — приказал Томми. — Заберите часы. Заберите кольцо. Заберите трость с золотым набалдашником, снимите с него пальто, шляпу, костюм и ботинки и выбросите этого сукина сына в речку.

Они снялись с места поразительно быстро для таких крупных мужчин.

Пальто и сшитый на заказ костюм франта скрывали мощную фигуру, а неподвижность маскировала стремительность молнии. Через мгновение один вышибала, окровавленный и оглушенный, лежал на полу. Второй писклявым голосом молил о пощаде. Франт одной рукой обхватил его голову, а второй приставил к глазу вышибалы остро заточенное долото.

Командор Томми ахнул, неожиданно узнав его.

На ногте большого пальца франта блестело острое, как бритва, полукруглое долото. Острие долота было приставлено к краю глаза вышибалы, и умоляющему гангстеру — как и самому Командору Томми — ясно было, что одним движением пальца франт раздавит глаз, как виноградину.

— О Боже! — выдохнул Томми. — Ты Брайан О'Ши.

Услышав это имя, вышибала, чей глаз отделила от долота доля дюйма, заплакал. Второй, на полу приходивший в себя, ахнул.

— Не может быть! Глазник О'Ши мертв.

— Если и был мертв, — сказал Командор Томми, — то ожил.

Вожак банды «гоферов» удивленно смотрел на посетителя.

Брайан О'Ши, по прозвищу Глазник, исчез пятнадцать лет назад. Неудивительно, что он знал, как произносить название банды. Если бы Глазник не пропал, они бы до сих пор воевали за право быть хозяином Адской кухни. Еще подростком О'Ши научился прекрасно владеть оружием бандитов: пращой, свинцовыми трубами, кастетом и заостренным лезвием

в ботинках, ему даже попался в руки полицейский револьвер. Но больше всего его боялись, потому что он выкалывал соперникам глаза специально надетым на большой палец медным долотом.

— Ты, однако, преуспел, — сказал Томми, справляясь с потрясением. — Это долото, похоже, серебряное.

— Нержавеющая сталь, — поправил О'Ши. — Хорошо держится и не ржавеет.

— Значит, ты вернулся. И настолько разбогател, что можешь платить за убийства другим.

— Дважды предлагать не стану.

— Я берусь за эту работу.

Глазник О'Ши стремительно пришел в движение; освобождая вышибалу, он порезал ему щеку. Тот заорал. Схватился руками за лицо. Моргнул, убрал руки и посмотрел на кровь. Потом снова моргнул и благодарно улыбнулся. Кровь текла из щеки, разрезанной до кости, но глаза были целы.

— Вставай! — приказал Командор Томми. — Оба вставайте! Сходите к Ледяному. Пусть приведет Келли и Батлера.

Они торопливо вышли, оставив Томми наедине с О'Ши. Томми сказал:

— Конец слухам, будто я тебя убил.

— Даже в свой лучший день тебе бы этого не сделать, Томми.

Главарь банды «гоферов» учуял оскорбление и таящуюся за ним насмешку.

— Почему ты так говоришь? Мы были партнерами.

— Иногда.

Они стояли молча — старые соперники, оценивающие друг друга.

— Вернулся, — сказал Томми. — Господи Исусе, откуда?

О'Ши не ответил.

Прошло пять минут. Десять.

В комнату Командора вошли Келли и Батлер, за ними Уикс по прозвищу Ледяной.

Брайан О'Ши осмотрел их.

«Типичное новое поколение „гоферов“, — подумал он, — меньше ростом и более плотного сложения. Не удивительная ли вещь прогресс?» Томми — последыш тех дней, когда правила грубая сила. Теперь дубинки и свинцовые трубы уступили место огнестрельному оружию. Келли, Батлер и Уикс сложены, как он, но одеты по новейшей гангстерской моде: облегающие костюмы, яркие жилеты, цветные галстуки. На Келли и Батлере желтые ботинки и зеленые носки. Уикс, Ледяной, — в небесно-голубых гетрах. Он самый хладнокровный из всех, держится позади, позволяет рисковать горячим головам, а потом является за призом. Он мечтает о том, что Командор погибнет быстрой смертью, а Ледяной Уикс займет его место.

О'Ши достал из кармана пальто три складных ножа и роздал. Ножи германского производства, отлично уравновешенные, мгновенно раскрываются и остры, как бритва. Келли, Батлер и Уикс восторженно взвешивали их в руке.

— Оставьте их в человеке, когда выполните работу, — приказал О'Ши, взглянув на Томми, и тот подкрепил его приказ угрозой:

— Если снова увижу вас с этими ножами, сломаю шею.

О'Ши раскрыл бумажник и извлек три билета туда-обратно до Кемдена, Нью-Джерси.

— Макдональд, — сказал он, — как стемнеет, придет в дансинг «Дель Росси». Это в районе Глочестера.

— Как он выглядит? — спросил Уикс.

— Как лавина, — ответил О'Ши. — Не проморгайте.

— Отправляйтесь, — приказал Томми. — И не возвращайтесь, пока он не умрет.

— А когда нам заплатят? — спросил Уикс.

— Когда он будет мертв.

Убийцы пошли на железнодорожный паром.

O'Ши достал из пальто толстый конверт, отсчитал пятьдесят стодолларовых банкнот и положил на деревянный стол Томми Томпсона. Томми пересчитал их и сунул в карман штанов.

— Приятно иметь с тобой дело.

O'Ши сказал:

— Я хочу использовать и убийц из тонга.

Командор Томми внимательно посмотрел на него.

— О каких убийцах из тонга ты говоришь, Брайан O'Ши?

— О тех двоих из Хип Синг.

— Откуда, господи помилуй, ты о них узнал?

— Не позволяй неудачникам обманывать тебя, Томми. Я по-прежнему впереди тебя и всегда буду.

O'Ши повернулся и вышел из салуна.

Томми Томпсон щелкнул пальцами. Из боковой двери появился мальчика, по имени Пэдди, Крыса, худой и бледный. На улице он почти невидим, как паразит, от которого получил прозвище.

— Ступай за O'Ши. Узнай, где он живет и под каким именем.

Пэдди Крыса прошел вслед за O'Ши по Тридцать девятой улице. Дорогое пальто и меховая шапка словно сверкали, когда O'Ши пробирался между плохо одетыми людьми, шедшими по грязным булыжникам. Он пересек Десятую авеню, потом Девятую, где ловко обошел пьяницу, устремившегося к нему из-под навесов городской железной дороги. Миновав Седьмую, он остановился перед гаражом сдаваемых в прокат машин и посмотрел в застекленную витрину.

Пэдди подобрался к паре серых лошадей. Спрятавшись за ними, он гладил их по груди, чтобы стояли спокойно, и напряженно думал. Как ему следить за O'Ши, если тот возьмет машину?

O'Ши резко отвернулся от витрины и быстро ушел.

Пэдди почувствовал себя неуютно в изменившемся районе. Здесь стояли высокие здания, офисы, отели. Подобно дворцу, возвышалась величественная Метрополитен-опера. Если его увидят копы, тут же прогонят за то, что он вторгся в район богачей. O'Ши подходил к Бродвею. Неожиданно он исчез.

Пэдди, Крыса, в отчаянии сорвался на бег. Он не может вернуться в Адскую кухню без адреса O'Ши. Есть! Со вздохом облегчения он юркнул в переулок за строящимся театром. В конце переулка он заметил свернувшую за угол высокую фигуру в черном пальто. Он побежал за ней, выбежал за угол и наткнулся на кулак, уложивший его в грязь.

O'Ши склонился к нему. Пэдди увидел блеск стали. В правом глазу взорвалась боль. Он сразу понял, что сделал с ним O'Ши, и отчаянно закричал.

— Разожми руку, — велел O'Ши.

Когда Пэдди не послушался, сталь коснулась уцелевшего глаза.

— Потеряешь и этот, если не разожмешь руку.

Пэдди, Крыса, послушался. Он задрожал, почувствовав, что O'Ши положил ему на ладонь что-то круглое и страшное, а потом почти ласково зажал пальцы.

— Отдай это Томми.

Оставив скулящего мальчика в переулке, O'Ши вернулся на Тридцать девятую улицу. Он стоял в тени, неподвижный, как статуя, пока не убедился, что у следившего за ним маленького хорька не было напарников. Здесь он прошел на восток по Шестой авеню под надземной железной дорогой, проверил, не следят ли за ним, прошел по Пятой авеню и свернул в центр города, по-прежнему поглядывая на отражения в витринах.

Коп-ирландец, с роскошными усами приказал грузовому фургону остановиться, чтобы хорошо одетый джентльмен смог перейти Тридцать четвертую улицу. Швейцары в сине-золотых мундирах (таким мундиром гордился бы капитан дредноута) вскочили при

виде его.

О'Ши ответил на их приветствие и вошел в отель «Уолдорф Астория».

10

Исаак Белл заметил красный носовой платок Джона Скалли, привязанный к изгороди. Он повернул локомобиль на узкую дорогу, обозначенную этим платком, и впервые с Уихокена нажал на педаль, сбавляя скорость, и щелкнул выключателем: громовые выхлопы двигателя сменились мягким урчанием.

Исаак Белл поднялся на холм и около мили ехал мимо лежащих под паром полей. Изобретательный Скалли где-то раздобыл фургон с молочными бидонами — именно такая машина выглядит вполне уместной на сельских дорогах Нью-Джерси. Белл осторожно пристроился за фургоном, чтобы его машину нельзя было увидеть с дороги. Потом взял с пассажирского сиденья тяжелую сумку для гольфа и пошел на вершину холма, где в высокой бурой траве лежал детектив Ван Дорна.

Немногословный одиночка — низкорослый круглолицый мужчина, который легко сошел бы за одного из проповедников, владельцев маленьких магазинов, медвежатников и убийц. Тридцать футов жира скрывали каменные мышцы, а за почтительной улыбкой скрывался ум быстрее медвежьего капкана. Скалли в полевой бинокль смотрел на дом под холмом. Из трубы поднимался дым. У дома стоял большой автомобиль-фаэтон «мормон»; мощная машина, покрытая пылью и грязью.

— Что в сумке? — приветствовал Скалли Белла.

— Наручники. — Белл улыбнулся, доставая пару двенадцатизарядных дробовиков «браунинг авто-5». — Сколько в доме?

— Все трое.

— Кто-нибудь здесь живет?

— До их приезда дыма не было.

Белл кивнул, довольный, что в перестрелке не пострадают невиновные. Скалли передал ему бинокль. Белл разглядывал дом и машину.

— Это тот «мормон», что они угнали в Огайо?

— Может, другой. Они неравнодушны к «мормонам».

— Как ты их нашел?

— Воспользовался твоим намеком на место первого ограбления. Их настоящая фамилия Уиллард, и, будь мы с тобой так умны, как считаем, вышли бы на них еще месяц назад.

— Не могу спорить, — согласился Белл. — Почему бы для начала не вывести из строя их авто?

— Отсюда не попасть: разброс слишком большой.

Белл достал из сумки для гольфа старинное ружье «шарп» 50 калибра для охоты на бизонов. Глаза Джона Скалли заблестели, как шарики в подшипниках.

— Где ты взял эту пушку?

— Наш домашний детектив из «Никербокера» отобрал его у ковбоя из шоу «Дикий Запад»; тот напился на Таймс-сквер.

Белл открыл затвор, зарядил ружье патроном с черным порохом и прицелился в «мормон».

— Постарайся не поджечь, — предупредил Скалли. — Там полно награбленного.

— Просто помешаю завести его.

— Подожди, кто-то едет.

На дороге, ведущей к ферме, показался шестицилиндровый «форд К». На его радиаторе был установлен прожектор.

— Дьявольщина, — сказал Скалли. — А вот и двоюродный брат, констебль.

Из «форда» вышли двое со звездами шерифа на плащах, они несли корзины.

— Принесли им ужин. Три плюс два получается пять.

— В твоем грузовике хватит места?

— Если тесно их упакуем.

— Что скажешь, если дадим им время набить брюхо?

— Неплохой план, — ответил Скалли, продолжая наблюдать за домом.

Белл смотрел на дорогу к дому, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться — с дороги за домом не появятся новые родственники.

Он гадал, где Дороти Ленгнер взяла деньги, чтобы купить отцу рояль: Белл помнил, что она сделала это недавно.

Скалли был необычно разговорчив.

— Знаешь, Исаак, — сказал он, показывая на ферму внизу и на две машины возле нее, — для такой работы было бы неплохо, если бы изобрели пулемет, чтоб носить с собой.

— Ручной пулемет?

— Точно. Ручной пулемет. Но как таскать с собой воду, чтобы охлаждать ствол?

— Пришлось бы приспособить его к стрельбе патронами.

Скалли задумчиво добавил:

— А патроны могли бы находиться в барабанном магазине.

— Начнем веселье? — спросил Белл, поднимая «шарп». Оба детектива посмотрели на ближайший лес, куда побегут Фраи, когда Белл выведет из строя их машину.

— Я сначала зайду с фланга, — сказал Скалли.

И, сразу переходя от слов к действиям, начал спускаться с холма; выглядел он при этом, подумал Белл, как спешащий на работу каменщик. Придя на место, Скалли помахал рукой.

Белл упер локти в возвышение, взвел курок и прицелился в капот над двигателем «мормона». Осторожно спустил курок. От удара тяжелой пули «мормон» покачнулся. Выстрел прогремел, словно выпалили из пушки, из ствола вырвалось облако черного дыма и начало стекать по холму. Белл перезарядил и снова выстрелил. «Мормон» снова подпрыгнул, и его передняя шина стала плоской. Белл перешел к полицейской машине.

Из дома, размахивая пистолетами, выбежали констебли с выпученными глазами. Грабители оставались внутри. Они выставили из окон ружья. На черное облако, рожденное «шарпом» Белла, обрушился залп из «винчестеров».

Не обращая внимания на свистящие у головы пули, Белл методично перезарядил однозарядный «шарп» и выстрелил в капот полицейской машины. Из горячего радиатора вырвался столб пара. Теперь их дичь могла уйти только пешком.

Из дома, стреляя из ружей, выбежали все три грабителя.

Белл перезаряжал и стрелял, перезаряжал и стрелял. Один из грабителей споткнулся, выронил ружье и схватился за руку. Другой развернулся и побежал к лесу. Скалли открыл огонь из своего двенадцатизарядного дробовика и заставил беглеца передумать. Тот остановился, отчаянно оглянулся, бросил оружие на землю и поднял руки. Констебли застыли, сжимая пистолеты. Белл встал, направив на них сквозь черный дым ствол своего «шарпа». Из леса вышел Скалли, тоже прицеливаясь.

— У меня автоматическая подача и двенадцать патронов, — небрежно заметил он. — А у парня на холме ружье «шарп». Вам, ребята, пора поумнеть.

Констебли бросили пистолеты. Третий Фрай вложил в затвор своего «винчестера» свежий патрон и прицелился. Белл увидел его в прицеле, но Скалли выстрелил раньше, приподняв ствол, чтобы увеличить дальность. На таком расстоянии дробь разлетелась широко. В основном мимо грабителя. Но две дробинки пробили ему плечо.

Раны грабителей не были смертельными. Белл постарался, чтобы они не умерли от потери крови, и приковал их наручниками к остальным в грузовике Скалли. Они поехали с холма; Скалли вел грузовик, Белл в локомобиле замыкал колонну. Когда доехали до Крэнбери, появились на «олдсмобиле» Майк и Эдди, детективы Ван Дорна, присланные на

подмогу Скалли, и караван направился в Трентон, чтобы передать грабителей и продажных полицейских прокурору штата.

Спустя два часа, подъезжая к Трентону, Белл увидел дорожный знак, пробудивший его фотографическую память. На столбе в сопровождении стрелок, указывающих на юг, значилось: Хэмилтон-Тернпайк, Бордентаун-роуд, Берлингтон-Пайк и поворот Уэстфилд на Камден.

В своем настенном календаре Артур Ленгнер записал время встречи. За два дня до смерти он встречался с Аласдером Макдональдом, специалистом по турбинам, который работал по контракту в инженерном бюро флота. Фабрика Макдональда находилась в Камдене.

Отец любил орудия, сказала Дороти Ленгнер. Как Фарли Кент любил корпуса кораблей. А Аласдер Макдональд — свои турбины. Волшебник, сказала она о Макдональде, имея в виду, что он не уступает ее отцу. Белл задумался, что еще общего было у этих двоих.

Он нажал грушу клаксона. «Олдсмобиль» и молочный фургон затормозили на пыльной дороге.

— Мне нужно встретиться с одним парнем в Камдене, — сказал Белл Скалли.

— Помощь потребуется?

— Да! Как только сдашь эту банду, отправляйся на Бруклинскую военную верфь. Там в чертежной мастерской на чердаке найдешь конструктора по имени Фарли Кент. Проверь, все ли у него в порядке.

Белл повернул локомобиль на юг.

* * *

МИР НАДЕЕТСЯ НА ПРОДУКЦИЮ КАМДЕНА

Такой рекламный шит встретил Белла на въезде в промышленный город, расположенный на восточном берегу реки Делавэр напротив Филадельфии. Он проезжал фабрики, которые делали все на свете: от сигар до патентованных лекарств, от линолеума и керамики до супа. Но доминировала в городе верфь. Неуместно названная «Нью-йоркской кораблестроительной компанией», она покрыла берега Делавэра и Ньютон-Крика современными подъездными путями и уставила кранами, поднимающимися в дымное небо. На противоположном берегу раскинулись «Кораблестроители Кремпа» и Филадельфийская военная верфь.

Уже вечерело, когда Белл отыскал компанию «Корабельные турбины» Макдональда в лабиринте многочисленных фабрик, работающих по заказам верфи. Белл остановил локомобиль у ворот и спросил Аласдера Макдональда. На фабрике его не оказалось. Дружелюбно настроенный клерк сказал:

— Профессора вы найдете в Глочестер-Сити, всего в нескольких кварталах отсюда.

— Почему вы называете его Профессором?

— Он очень умен. Он был учеником изобретателя корабельных турбин Чарлза Парсонса, который совершил революцию в движении кораблей, сообщив им большую скорость. К тому времени как Профессор эмигрировал в Америку, он знал о турбинах больше самого Парсонса.

— А где это — Глочестер-Сити?

— Дансинг «Дель Росси». Но там не танцуют. Скорее это салун, чем дансинг, если вы меня понимаете.

— Я бывал в таких заведениях на западе, — сухо сказал Белл.

— Пройдите по Кинг-стрит. Не промахнетесь.

Глочестер-Сити расположен по реке ниже Камдена.

Два эти города сливаются без всякого зазора. Кинг-стрит тянется у самой воды — салуны и меблированные комнаты, где живут рабочие с верфи и из речного порта. Как и

пообещал клерк, проглядеть заведение дель Росси было невозможно: его фальшивый фасад изображал вход в бродвейский театр.

Внутри царил бедлам. Такого громкого пианино Белл еще не слышал. Смеялись женщины, вспотевшие бармены отбивали горлышки бутылок, чтобы разливать быстрей, усталые вышибалы и множество моряков и рабочих с верфи — не менее четырехсот человек — соревновались, кто скорее напьется. Белл изучал море раскрасневшихся лиц под облаками синего табачного дыма. Единственным посетителем салуна не в рубашке, а в пиджаке были он сам в своем белом костюме, седовласый джентльмен в красном сюртуке (в нем Белл узнал хозяина, и три гангстера в коричневых котелках, лиловых рубашках, ярких жилетах и пестрых галстуках. Ботинок их Белл не видел, но предположил, что они желтые.

Раздвигая широкоплечих посетителей, он направился к красному сюртуку.

— Мистер дель Росси! — крикнул он, перекрывая шум, и протянул руку.

— Добрый вечер, сэр. Зовите меня Анжело.

— Исаак.

Они обменялись пожатием руки. Рука у дель Росси была мягкая, но в ожогах и шрамах от работы на верфи в молодости.

— Хлопотный вечер.

— Да благословит господь наш «Новый флот». И так каждый вечер. В следующем месяце «Нью-йоркская верфь» спускает на воду «Мичиган» и только что заложила киль эсминца — быстроходного, двадцать восемь узлов. Филадельфийская военная верфь на том берегу строит новый сухой док, «Кремп» будущим летом спускает на воду «Южную Каролину», да еще они подписали контракт на шесть семисоттонных эсминцев — целых шесть, можете сосчитать. Чем могу быть полезен, сэр?

— Я ищу парня по имени Аласдер Макдональд.

Дель Росси нахмурился.

— Профессора? Идите на звук ударов кулаков о челюсти, — ответил он, кивнув в самый дальний от двери угол.

— Простите. Надо торопиться, пока кто-нибудь его не свалил.

— Ну, это вряд ли, — сказал дель Росси. — Он когда-то был чемпионом Королевского флота в тяжелом весе.

Пробираясь по залу, Белл заметил Макдональда и сразу оценил крупного шотландца. Лет сорока, высокий, с открытым лицом, мышцами, которые играют под пропотевшей рубашкой. Над бровями несколько боксерских шрамов, но, отметил Белл, на остальном лице ни отметины, и огромные кисти с расплющенными костяшками. В одной руке он держал стакан, в другой — бутылку виски; когда подходил Белл, Макдональд налил виски в стакан, поставил бутылку на стойку бара за собой и осмотрел толпу. Толпа расступилась, и к Макдональду направился трехсотфунтовый боксер, глядевший так, будто собирался его убить.

Макдональд с сухой улыбкой наблюдал за ним, словно ожидая хорошей шутки. Отпил глоток из стакана, а потом, внешне нисколько не торопясь, сжал огромный кулак и нанес удар, такой стремительный, что Белл едва его разглядел.

Боксер рухнул на посыпанный опилками пол. Макдональд дружелюбно посмотрел на него. И сказал с сильным шотландским акцентом:

— Джейк, друг мой, ты отличный парень, пока выпивка не свалит тебя. — И спросил у окружающих: — Кто-нибудь отведет Джейка домой?

Друзья Джейка унесли его. Белл представился Аласдеру Макдональду; тот казался пьянее, чем на первый взгляд.

— Я тебя знаю, приятель?

— Исаак Белл, — повторил детектив. — Дороти Ленгнер сказала мне, что вы были другом ее отца.

— Да, был. Бедняга Арти. После того как укокошили Оружейника, его форму разбили. Выпей!

Он взял чистый стакан, наполнил его виски, протянул Беллу и произнес шотландский тост:

— Slanj.[12]

— Slanj-uh va,[13] — ответил Белл и быстро выпил в той же манере, что Макдональд.

— Как девчонка это переносит?

— Дороти считает, что ее отец не убивал себя и не брал взятку.

— Насчет самоубийства не знаю: горы бросают на зеленые долины густую тень. Но вот что я знаю: Оружейник скорее положил бы руку под пресс, чем протянул ее за взяткой.

— Вы его близко знали?

— Скажем так: мы восхищались друг другом.

— Вероятно, вас объединяли общие цели.

— Мы оба любили дредноуты, если вы об этом. Любишь дредноуты или ненавидишь, они — чудо наших дней.

Белл заметил, что, пьян Макдональд или нет, он искусно уклоняется от ответа на вопросы. Он отступил, сказав:

— Наверно, вы с большим интересом следите за продвижениями Великого белого флота?

Аласдер презрительно фыркнул.

— Победу на море одерживают артиллерия, броня и скорость. Вам нужно стрелять дальше противника, лучше выдерживать его попадания и быстрее идти. По этим меркам Великий белый флот безнадежно устарел.

Он налил еще виски Беллу и наполнил свой стакан.

— У английского военного корабля его величества «Дредноут» и у его немецких копий большая дальность стрельбы, крепче броня и выше скорость. А наш «флот» — всего лишь старая Атлантическая эскадра, чуть принаряженная. Она из эпохи до дредноутов.

— А в чем разница?

— Корабль эпохи до дредноутов — это боксер среднего веса, который учился боксу в колледже. Ему нечего делать на ринге с тяжеловесом Джеком Джонсоном.[14]

Макдональд вызывающе улыбнулся Беллу: он был тяжелее его на сорок фунтов.

— Если только он не учился в Чикаго, в Вест-Сайде, — ответил Белл.

— Ну, и еще прибавил несколько футов мышц, — одобрительно согласился Макдональд.

Как ни невероятно, но пианино забренчало еще громче. Кто-то забил в барабан. Толпа расступилась, пропустив Анжело дель Росси, который поднялся на невысокую сцену против стойки бара. И достал из красного сюртука дирижерскую палочку.

Официанты и вышибалы отложили подносы и дубинки и взяли в руки банджо, гитары и аккордеоны. Официантки поднялись на сцену, сбросили передники и показали юбочки, такие короткие, что полиция в любом городе, где больше одной церкви, тут же закрыла бы заведение. Дель Росси поднял палочку. Музыканты заиграли «Спустись ко мне» Джорджа Коэна,[15] и женщины начали танцевать; Беллу показалось, что они прекрасно копируют парижский канкан.

— Так вы говорите?.. — закричал он.

---

[12] Ваше здоровье *(гэльск.).*

[13] Будем здоровы *(гэльск.).*

[14] Джон Артур Джонсон (более известный как Джек Джонсон; 1878–1946) — американский боксер-профессионал, первый чернокожий чемпион мира в супертяжелом весе.

[15] Джордж Майкл Коэн (1878–1942) — американский драматург, композитор, продюсер, актер и певец.

— Что я говорю?

— О дредноутах, которые вы с Оружейником…

— Возьмите «Мичиган». Когда его спустят на воду, на нашем новейшем броненосце будут лучшие в мире орудия — большие орудия, способные стрелять очень точно. Но тонкая, как бумага, броня и слабые двигатели обрекают его на положение в лучшем случае полудредноута — учебной цели немецких и английских дредноутов.

Макдональд осушил свой стакан.

— Тем ужаснее, что Бюро артиллерии потеряло великого создателя орудий Арти Ленгнера. Технические бюро не терпят перемен. А Арти заставлял меняться… Не смотри на меня так, приятель. Прошлый месяц был ужасен для американских броненосцев.

— Кроме смерти Арти Ленгнера? — подталкивал Белл.

— Оружейник расстался с жизнью первым. Неделю спустя мы потеряли Чада Гордона, лучшего изготовителя брони в «Бетлехем айрон уоркс». Ужасная катастрофа. Шестеро парней сгорели заживо: Чад и пятеро его рабочих. А на прошлой неделе чертов дурак Гровер Лейквуд упал с горы. Лучший специалист по управлению стрельбой во всем этом бизнесе. И отличный молодой человек. Какое будущее у него было — и погиб от нелепого несчастного случая.

— Подождите, — сказал Белл. — Вы говорите, за прошлый месяц погибли три лучших инженера, занимавшихся созданием боевых кораблей?

— Похоже на проклятие, верно? — Макдональд перекрестился своей большой рукой. — Никогда не скажу, что наши дредноуты прокляты. Но ради флота Соединенных Штатов надеюсь, что Фарли Кент и Рон Уиллер не станут следующими.

— Корабельные корпуса на Бруклинской военной верфи, — сказал Белл. — И торпеды в Ньюпорте.

Макдональд пристально посмотрел на него.

— Ты тут побродил по округе.

— Кента и Уиллера упоминала Дороти Ленгнер. Я решил, что они коллеги Ленгнера.

— Коллеги? — рассмеялся Макдональд. — В чем штука с гонкой дредноутов? Не понимаешь?

— Нет. Что вы имеете в виду?

— Это как игра в скорлупки, но горошина под каждой скорлупкой, да еще начиненная динамитом. Фарли Кент изобретает водонепроницаемые переборки, чтобы защитить корпуса своих кораблей от торпед. Но в Ньюпорте Рон Уиллер совершенствует торпеды — создает ракеты с большей дальностью действия, с большим зарядом взрывчатки; может, он даже придумает, как заряжать их ТНТ. Поэтому Арти приходилось увеличивать дальнобойность своих орудий, а Чад Гордон создавал все более прочную броню, чтобы выдерживала попадания. Достаточно, чтобы довести до пьянства… — Макдональд снова наполнил стаканы. — Один бог знает, как мы справимся без этих парней.

— Но вы говорите, что скорость не менее важна. А как насчет создания двигателей? — спросил Белл. — Говорят, вы волшебник там, где касается турбин. Разве потеря Аласдера Макдональда не станет страшным ударом для планов насчет дредноутов?

Макдональд рассмеялся.

— Ну, я неуязвим.

В углу танцевального зала начинался очередной кулачный бой.

— Прошу прощения, Исаак, — сказал Макдональд и радостно отправился туда.

Белл пробивался за ним. В кольце кричащих зрителей были и три гангстера, которых он заметил раньше. Макдональд обменивался ударами с молодым тяжеловесом, у которого были руки кузнеца и прекрасно работали ноги. Шотландец казался медлительней молодого человека. Но Белл видел, что Макдональд позволяет противнику наносить удары, чтобы оценить его возможности. И действовал он так искусно, что ни один удар не причинял ему вреда. Внезапно Аласдер, по-видимому, решил, что узнал все, что хотел. Вдруг сделавшись быстрым и смертоносным, он принялся проводить комбинации ударов. Белл вынужден был

признать: это лучше всего того, что он видел в Йеле — и с благодарностью вспомнил, как Джо Ван Дорн отправлял его «на учебу» в салуны Чикаго.

Боксер шатался. Чтобы закончить, Макдональд доконал его апперкотом, который был не сильней, чем нужно, потом помог ему встать, похлопал по спине и заревел так, чтобы слышали все:

— Отличная работа, парень! Мне просто повезло… Исаак, видел, как у парня работают ноги? Тебе не кажется, что у него на ринге большое будущее?

— Да он уложил бы Джентльмена Джима Корбетта[16] в его лучшие годы!

Кузнец, у которого остекленели глаза, принял комплимент с улыбкой.

Макдональд, который по-прежнему разглядывал толпу, заметил целеустремленно пробирающихся к нему гангстеров.

— О, еще один соперник, даже два. Никакого отдыха усталому человеку. Ладно, парни, вы малыши, но вас двое. Идите, получите свое.

Конечно, их никак было нельзя назвать малышами: хотя Макдональд был намного тяжелее их, двигались они уверенно и руки держали хорошо. И когда напали, стало очевидно, что они не в первый раз дерутся вместе. Талантливые уличные бойцы, оценил их Белл, крепкие парни из трущоб, сумевшие пробиться в верхи банды. Теперь полноправные гангстеры, выжившие после ночных кровавых бойнь. Белл придвинулся поближе — на случай, если происходящее выйдет из-под контроля.

Грязно браня Аласдера Макдональда, гангстеры напали на него одновременно с двух сторон. В этом совместном нападении было столько злобы, что это рассердило раскрасневшегося шотландца. Он притворился, что отступает. Это заставило противников приблизиться к нему и получить мощный джеб слева и оглушающий справа. Один гангстер отшатнулся, из носа у него пошла кровь. Второй упал, схватившись за ухо.

Белл увидел, как за Аласдером Макдональдом что-то блеснуло.

11

Исаак Белл мгновенно выхватил из шляпы свой двухзарядный «дерринджер» и выстрелил в третьего гангстера, который подбирался к Макдональду сзади с ножом. Выстрел с близкого расстояния, почти в упор. Тяжелая пуля 44 калибра остановила гангстера, нож выпал у него из руки. Но не успели посетители броситься в стороны от грохота выстрела, как щеголь с расквашенным носом попытался другим ножом ударить шотландца в живот.

Макдональд ахнул, словно удивленный тем, что дружеская потасовка вдруг стала смертельно опасной.

Исаак Белл понял, что присутствует при организованной попытке преднамеренного убийства. Бегущий посетитель перекрыл ему поле зрения. Белл отшвырнул его в сторону и снова выстрелил. Посреди лба обладателя разбитого носа появилась дыра. Нож выпал, не дойдя нескольких дюймов до пояса Аласдера Макдональда.

В «дерринджере» Белла не осталось патронов.

Оставшийся убийца, тот, что упал на пол, вскочил гибким движением, которое свидетельствовало, что он не ранен и ничуть не пострадал от удара в ухо. В его руке мелькнул нож с длинным лезвием. Белл уже вытаскивал из-под пальто свой полуавтоматический «браунинг № 2». Убийца хотел ударить Макдональда ножом в спину. Прижимая пистолет к телу, чтобы защитить его от бегущих, Белл выстрелил. Он знал, что должен остановить убийцу выстрелом в голову. Но кто-то налетел на него, когда он нажимал на курок.

Промахнулся он ненамного. Пуля пробила франту правое плечо. Но точность

---

[16] Джеймс-Джон Корбетт (1866–1933) — американский боксер-профессионал, выступавший в супертяжелом весе. Второй в современной истории чемпион мира по боксу.

«браунинга» оборачивалась уменьшением убойной силы, а убийца оказался левшой. Хотя пуля калибра.380 заставила его пошатнуться, но инерция была на его стороне, и он сумел вонзить лезвие в широкую спину Аласдера Макдональда.

Макдональд по-прежнему казался удивленным. Его глаза встретились с глазами Белла, когда детектив подхватил его.

— Они хотели меня убить, — недоуменно сказал он. Белл опустил внезапно отяжелевшее тело на опилки и склонился над ним.

— Врача! — крикнул он. — Приведите скорую помощь.

— Приятель…

— Не разговаривайте, — сказал Белл.

Кровь шла таким потоком, что опилки ее не впитывали, а плавали в ней.

— Дайте руку, Исаак.

Белл взял в руки крупную кисть.

— Пожалуйста, дайте руку.

— Уже, Аласдер. *Быстрей врача!*

Рядом склонился Анжело дель Росси.

— Врач идет. Хороший врач. Все обойдется, Профессор. Правда, Белл?

— Конечно, — солгал Белл.

Макдональд судорожно сжал руку Белла и что-то прошептал. Что именно, Белл не расслышал. Он наклонился ближе.

— Что вы сказали, Аласдер?

— Слушайте…

— Я вас не слышу.

Рослый шотландец ничего не сказал. Белл прошептал ему на ухо:

— Они пришли за вами, Аласдер? Почему?

Макдональд разлепил веки. Его глаза широко раскрылись, и в них мелькнуло понимание.

— Корпус 44.

— Что?

Макдональд закрыл глаза и как будто уснул.

— Я врач. Пропустите.

Белл отодвинулся. Врач, молодой, решительный и, по-видимому, компетентный, проверил пульс Макдональда.

— Сердце бьется, как вокзальные часы. Я вызвал карету скорой помощи. Кто-нибудь, помогите мне нести его.

— Я отнесу, — сказал Белл.

— Он весит двести фунтов.

— Уйдите с дороги.

Исаак Белл поднял упавшего боксера, встал, вынес Макдональда на тротуар и стоял там, дожидаясь скорой помощи. Камденские копы сдерживали толпу. Полицейский детектив потребовал, чтобы Белл назвался.

— Исаак Белл, сыщик Ван Дорна.

— Отличная стрельба, мистер Белл.

— Вы узнали мертвеца?

— Никогда раньше его не видел.

— Не из города? Из Филадельфии?

— У них в карманах билеты на поезд от Нью-Йорка. Не расскажете, как вы в это впутались?

— Расскажу все, что знаю — это совсем немного, — но сперва отвезу этого парня в больницу.

— Буду ждать вас в участке. Скажите дежурному сержанту, что хотите видеть Барни Джорджа.

Перед дансингом остановился автомобиль скорой помощи на новейшем шасси модели Е. Когда Белл вносил Макдональда внутрь, боксер снова сжал его руку. Белл тоже вошел, сел рядом с врачом и поехал в больницу. Пока в операционной хирурги работали над шотландцем, Белл позвонил в Нью-Йорк и приказал предупредить Скалли, который присматривал за создателем корпусов кораблей Фарли Кентом, и отправить сыщиков на морскую торпедную станцию в Ньюпорт охранять жизнь Рона Уиллера.

Погибли три человека, находившиеся в самом центре американской программы строительства дредноутов, а четвертый был на пороге смерти. Если бы Белл не стал свидетелем нападения на Аласдера Макдональда, скорее всего происшествие в салуне сочли бы пьяной дракой, а не умышленным убийством. Существовала также вероятность, что Ленгнера убили. А что если взрыв домны в Бетлехеме, о котором рассказал Макдональд, тоже не случайность? И смерть при падении — тоже убийство?

Всю ночь и все утро Белл сидел у постели раненого. В полдень Аласдер Макдональд набрал в могучую грудь воздуха и медленно выдохнул. Белл позвал врачей. Но он знал, что все тщетно. Опечаленный и разгневанный, он пошел в камденский полицейский участок и рассказал детективу Джорджу о своем участии в попытке остановить убийство.

— Вы нашли хоть один их нож? — спросил Белл, закончив рассказ.

— Все три. — Джордж показал их Беллу. На одном ноже, том, которым убили Аласдера Макдональда, засохла его кровь. — Необычные штуки, верно?

Белл взял один не испачканных ножей и стал его рассматривать.

— Это «мессер»-бабочка.

— Что-что?

— Немецкий складной нож, созданный по модели ножа-бабочки «балисонг».[17] За пределами Филиппин встречается весьма редко.

— Еще бы. Никогда такого не видел. Говорите, они немецкие?

Белл показал на клинке клеймо изготовителя.

— «Бонтген и Сабин» из Золингена. Вопрос в том, где они их взяли?.. — Он посмотрел в лицо камденскому детективу. — Сколько денег вы нашли в карманах мертвецов?

Детектив Джордж отвел глаза. Потом сделал вид, что просматривает свои записи.

— Ах да… вот оно. Меньше десяти баксов у каждого.

Белл, холодно глядя на него, мрачно сказал:

— Меня не интересует то, что могло уйти на сторону, не записанное как улики. Но точная сумма наличных в их карманах покажет, заплатили ли им за убийство. Эта сумма, которая останется между нами, станет важным моментом в моем расследовании.

Камденский полицейский снова сделал вид, что просматривает записи.

— У одного было восемь долларов и две мелкие монеты. У другого семь долларов и монеты в десять и пять центов.

Мрачный взгляд Исаака Белла упал на нож-бабочку, который он держал в руке. Быстрым движением запястья он заставил нож раскрыться. Лезвие блестело, как ледяное. Белл притворился, что разглядывает его, словно думает, как использовать. Детектив Джордж, хотя и был на своей территории, нервно облизал губы.

Белл сказал:

— Рабочий зарабатывает примерно пятьсот долларов в год. Годовая плата за убийство может показаться привлекательной человеку, который идет на такие дела за деньги. Поэтому мне было бы полезно знать, что те двое убийц, которые не сумели уйти, имели при себе такую сумму.

Детектив Джордж облегченно передохнул.

---

[17] Балисонг, стальная бабочка, нож-бабочка, — складной нож с клинком, скрытым, когда нож сложен, в рукояти, образованной Двумя продольными половинками П-образного сечения, шарнирно соединенными с хвостовиком клинка. При открывании половинки рукояти совершают оборот на 180 градусов в противоположные стороны относительно клинка, обнажая клинок и, соединяясь, образуя рукоять.

— Гарантирую вам: ни у одного такой суммы не было.

Белл посмотрел на него. Детектив Джордж был доволен собой: он не солгал. Наконец Белл спросил:

— Не возражаете, если я возьму один нож?

— Вам придется оставить расписку… и не тот, которым было совершено убийство. Этот нам понадобится на суде, если мы поймаем сукина сына. Что маловероятно, если он не вернется в Камден.

— Вернется, — поклялся Белл. — В цепях.

12

— «Кишки» Дэйв Келли — тот, которому вы прострелили голову, — и «Ведро Крови» Дик Батлер подчинялись парню по имени Ирв Уикс — Ледяному, который получил свое прозвище за глаза, холодные, как лед, и сердце и душу им под стать. Уикс намного умнее Келли и Батлера; судя по вашему рассказу, как он держался позади в ожидании своего шанса, я бы поставил на то, что ушел Уикс.

— С моей пулей в плече.

— Ледяной — крепкий парень. Если вы не убили его, он мог в грузовом вагоне вернуться в Нью-Йорк и заплатить повитухе, чтобы она вынула пулю.

После телефонного звонка Белла Гарри Уоррен, специалист «Агентства Ван Дорна» по нью-йоркским бандам, сошел с поезда и отправился прямо в камденский морг, где опознал в убитых членов банды «гоферов» из Адской кухни. В полицейском участке Уоррен встретился с Беллом. Детективы Ван Дорна совещались в камере предварительного заключения.

— Гарри, кто мог послать этих озорников, этих «парней из Бауэри» в Камден?[18]

— Томми Томпсон, «Командор», босс «гоферов».

— Он занимается наемными убийствами?

— Вы говорите — Томми делает. Но эти парни могли наняться и самостоятельно — пока платят Томми его долю. Камденские копы нашли у них крупные суммы? Или следует спросить, признались ли они, что нашли на телах крупные суммы?

— Клянутся, что не нашли, — ответил Белл. — Я дал ясно понять, что мы охотимся за более крупной рыбой, чем вороватые полицейские, и их ответы более или менее убедили меня, что денег было мало. Возможно, им должны были заплатить впоследствии. А может, их босс все оставил себе.

— И то и другое, — сказал Гарри Уоррен. Он напряженно думал. — Но это странно, Исаак. Парни из банд обычно держатся поближе к дому. Я сказал, что за деньги Томми сделает что угодно, но парни из его банды стараются не заходить в соседние районы. Половина их не найдет Бруклин, тем более не сможет пересечь границу штата.

— Узнай, почему они это сделали в этот раз.

— Постараюсь. Как только узнаю, где оклемывается Уикс, надену на него наручники и расспрошу.

— Лучше отправь его ко мне.

— Хорошо, Исаак. Но на многое не рассчитывай. В таких делах никто не ведет бухгалтерию. Насколько мы знаем, тут могли быть личные причины. Может, Макдональд слишком многим ребятам набил морду.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы нью-йоркский гангстер пользовался «мессер»-бабочкой?

— Ты имеешь в виду филиппинский раскрывающийся нож? Да, был один наркоман,

---

[18] «Бауэри бойз», парни из Бауэри — нью-йоркская банда, возникшая в середине 19 века в районе «Пять Точек».

который пошел в армию, чтобы уйти от копов; кончил он тем, что воевал среди филиппинских мятежников. Он привез такой нож и убил им игрока, которому много задолжал. Так говорят, но я думаю, что скорее речь шла о кокаине. Знаешь, наркотик делает их безумными.

— Иными словами, «мессер»-бабочка не обычное оружие для Нью-Йорка.

— Тот наркоман был единственным; про других я никогда не слышал.

Белл помчался в Нью-Йорк.

Нанял шофера и механика, чтобы перегнали его локомобиль, а сам сел в поезд. Полицейский катер, предоставленный детективом Джорджем — тот рад был помочь Беллу покинуть Камден, — перевез его через реку Делавэр в Филадельфию, где Белл сел в экспресс Пенсильванской железной дороги. Когда он прибыл в отел «Никербокер», дневное солнце еще горело на зеленой меди крыш, но ниже, на улице, французский ренессансный фасад из красного кирпича уже потемнел.

Белл позвонил Джозефу Ван Дорну в Вашингтон.

— Отличная работа с Фраями, — похвалил Ван Дорн. — Я только что обедал с министром юстиции; тот очень доволен.

— Благодаря Джону Скалли; я лишь держал его пальто.

— Сколько еще будете заниматься самоубийством Ленгнера?

— Дело гораздо шире, — ответил Белл и рассказал о том, что произошло.

— Четыре убийства? — недоверчиво спросил Ван Дорн.

— Одно точно — я был свидетелем. Другое вероятно — Ленгнер.

— В зависимости от того, насколько можно верить этому спятившему Крусону.

— А остальные два нужно расследовать.

— И все связаны с броненосцами? — по-прежнему недоверчиво спросил Ван Дорн.

— Все жертвы работали над созданием дредноутов.

— Если все они жертвы, кто за этим стоит?

— Не знаю.

— Вероятно, вы не знаете и почему?

— Пока нет.

Ван Дорн вздохнул.

— Что вам нужно, Исаак?

— Служба личной безопасности «Агентства Ван Дорна», охранять Фарли и Уивера.

— Кому отправить счет за услуги?

— Делайте в долг, пока не узнаем, кто наш клиент, — сухо ответил Белл.

— Очень смешно. Что еще вам нужно?

Белл дал указания группе детективов, которых в ответ на его звонок прислал Ван Дорн — временно, как подчеркнул босс. Потом поехал подземкой в центр и на трамвае пересек Бруклинский мост. Джон Скалли встретился с ним в закусочной на Сэнд-стрит, в двух шагах от ворот Бруклинской военной верфи.

На верфи и окрестных заводах заканчивалась дневная смена, и дешевый ресторан начал заполняться: изготовители бойлеров, горновые, испытатели корпусов, чертежники, модельщики, машинисты, кузнецы, водопроводчики приходили ужинать.

Скалли сказал:

— Насколько я могу судить, Кент занят исключительно работой. Только и делает, что работает и работает. Одержим, как миссионер. Мне сказали, что он почти не отходит от чертежного стола. У него рядом с чертежной спальня, где он остается почти каждый день.

— А где он проводит остальные ночи?

— В отеле «Сент-Джордж», когда из Вашингтона приезжает некая дама.

— Кто она?

— А вот это забавно. Она дочь того парня, что взорвал рояль.

— Дороти Ленгнер?
— Что ты об этом думаешь?
— Думаю, Фарли Кент счастливчик.

Бруклинская военная верфь раскинулась на берегах большого залива Ист-ривер, между Бруклинским мостом и мостом Уильямсбург. Задуманная как верфь для постройки броненосцев и официально именуемая Нью-йоркской верфью, она в своих литейных, сухих доках и на стапелях дает работу шести тысячам кораблестроителей. Площадь вдвое больше Вашингтонской верфи окружают толстые стены со стальными воротами. Исаак Белл показал свой пропуск у ворот на Сэнд-стрит, с боков от которых стояли статуи орлов.

Чертежную мастерскую Фарли Кента он отыскал в здании, которое казалось игрушечным рядом с гигантскими корабельными эллингами и кранами. Наступил вечер, и чертежники работали при электрическом освещении. Кент, молодой человек двадцати с небольшим лет, был потрясен убийством Аласдера Макдональда. Он с горечью сказал, что смерть Макдональда подорвет создание больших корабельных турбин в Америке.

— Пройдет немало времени, прежде чем американский флот сможет установить на своих дредноутах новейшие турбины.

— Что такое Корпус 44? — спросил Белл.

Кент отвел взгляд.

— Корпус 44?

— Аласдер Макдональд считал это очень важным.

— Боюсь, я не понимаю, о чем вы.

— Он говорил об Артуре Ленгнере, и Роне Уиллере, и Чаде Гордоне. И о вас, мистер Кент. Я уверен, вы знаете, что такое Корпус 44.

— Я вам уже сказал. Не понимаю, о чем вы.

Белл холодно посмотрел на него. Кент отвел взгляд от его строгого лица.

— Корпус 44, — сказал детектив. — Это были предсмертные слова вашего друга. Он сказал бы мне, что имеет в виду, но умер. Теперь сказать должны вы.

— Я не могу… не знаю.

Черты Белла отвердели, теперь его лицо было словно высечено из камня.

— Этот могучий человек держал меня за руку, как ребенок, и пытался объяснить, почему его убили. Но не смог больше выговорить ни слова. Вы можете. Говорите!

Кент бросился к выходу и громко позвал охрану.

Шестеро морских пехотинцев США проводили Белла к воротам; их сержант был вежлив, но пропуск Белла не произвел на него впечатления.

— Рекомендую вам, сэр, по телефону договориться о встрече с начальником верфи.

Скалли ждал в закусочной.

— Поешь. Тут хорошо кормят. Я послежу за Кентом.

— Присоединюсь к тебе через пятнадцать минут.

Белл не мог вспомнить, когда ел в последний раз. Он как раз взял с тарелки сэндвич, когда Скалли вернулся и торопливо поманил его.

— Кент вылетел с верфи, как фаворит кентуккийского дерби. Пошел по Сэнд на восток. Он в черном цилиндре и коричневом пальто.

— Вижу.

— Он идет в сторону отеля «Сент-Джордж». Похоже, в город приехала та самая дама. Я пойду к «Сент-Джорджу» по Нассау на случай, если ты его потеряешь.

И, не дожидаясь ответа Белла, независимый Скалли исчез за углом.

Белл пошел за Кентом. Он отстал на полквартала, скрытый посетителями, входящими и выходящими из салунов и ресторанов, и пассажирами, останавливающими такси или выходящими из них. В районе, где большинство мужчин ходят в полотняных кепках, следить высоким черным цилиндром создателя корабельных корпусов было нетрудно. А его коричневое пальто выделялось на фоне темных пальто и курток.

По дороге от верфи к Бруклинскому мосту Сэнд-стрит минует множество фабрики складов. Во влажном, прохладном вечернем воздухе пахло шоколадом, кофе, угольным дымом, гаванской солью и резко — озоном от искрящих проводов трамвая. Белл видел столько салунов и игорных залов, что решил: этот район может поспорить с Варварским берегом в Сан-Франциско.

На большой станции Сэнд-стрит, где на Бруклинском мосту теснились множество такси, линия надземки и строящаяся трамвайная линия, Кент удивил его. Вместо того чтобы пройти под станцией и продолжить движение к Хайтс и отелю «Сент-Джордж», кораблестроитель вдруг нырнул в отверстие в каменной стене, окружавшее опору Бруклинского моста, и стал подниматься по ступеням. Белл, увернувшись от трамвая, бросился следом. По лестнице спускалось много людей, закрывая обзор. Белл протиснулся наверх. И увидел Кента — тот шел к Манхеттену по деревянному тротуару посреди моста. Значит, никакой дамы в отеле «Сент-Джордж».

Деревянный тротуар был ограничен рельсами железной дороги и трамвайными и запружен людьми, возвращавшимися домой с работы, с Манхэттена. Мимо проносились поезда и такси. Они были заполнены людьми, и Белл, который много лет преследовал преступников верхом на просторах Запада, понимал тех, кто предпочитает пройтись по холоду, даже если прогулку сопровождает непрерывный скрежет и скрип колес.

Кент оглянулся, и Белл снял свою приметную белую широкополую шляпу и постарался загородиться людьми. Тот, за кем он следил, шел, понурив голову, не глядя на потрясающую панораму небоскребов Нью-Йорка и мерцающий ковер красных, зеленых и белых ламп на буксирах, шхунах, пароходах и паромах, проходящих по Ист-ривер в двухстах футах под мостом.

Лестница на манхэттенской стороне вела в сторону городской ратуши. Спустившись по ней, Кент тут же повернул и направился к реке, которую только что пересек. Белл пошел за ним; приближаясь к реке, он гадал, что задумал Кент. На Саут-стрит, которая проходит под мостом параллельно Ист-ривер, виднелся целый лес корабельных мачт и бушпритов. Прямо в воду уходили причалы и здания складов, а между ними стояли трехмачтовые парусники, пароходы с высокими трубами и железнодорожные паромы.

Кент повернул к окраине города, удаляясь от Бруклинского моста. Дойдя до причала паромной переправы Кэтрин, он повернул к воде. Белл увидел ряды грузовых судов. Краны переносили грузы с палуб на берег. Их принимали в складах грузчики. Кент миновал эти суда и направился к длинной и необычно узкой паровой яхте, которую невозможно было увидеть с Саут-стрит.

Белл наблюдал за ним из-за угла склада. Узкая яхта длиной не менее ста футов, со стальным корпусом, выкрашенным белой краской, с высоким мостиком посередине и высокой трубой на корме. Несмотря на деловой вид, отделана роскошной медной арматурой и красным деревом. Среди грузовых кораблей яхта, решил Белл, совершенно незаметна.

Фарли Кент поднялся по трапу. В иллюминаторах низкой каюты горел свет. Каюта открылась, свет вырвался оттуда, и Кент исчез внутри и закрыл дверь. Белл сразу пошел за ним. Он надел шляпу и быстрым решительным шагом пересек причал. Его заметил палубный матрос одного из грузовых кораблей. Белл строго посмотрел на него, кивнул, и тот отвел взгляд. Белл убедился, что на яхте нет матросов, неслышно поднялся по трапу и прижался к переборке — стене каюты.

Снова сняв шляпу, он заглянул в иллюминатор, открытый, чтобы впускать свежий воздух.

Каюта была небольшая, но роскошная. Медные корабельные лампы бросали мягкий свет на панели красного дерева. Окинув каюту быстрым взглядом, Белл заметил буфет с хрустальной посудой и графинами в безопасных креплениях, обеденный стол, подковообразный диван, обитый зеленой кожей, и переговорную трубу для передачи

приказов по кораблю. Над столом висела картина Генри Рётендаля[19] с изображением Великого белого флота.

Кент снимал пальто. Перед ним стоял невысокий, атлетического сложения морской офицер с прямой спиной, могучей грудью и капитанскими шевронами на плече. Лица его Белл не видел, зато услышал слова Кента:

— Проклятый детектив! Он точно знал, о чем спрашивать.

— Что вы ответили? — спокойно спросил капитан.

— Ничего. Приказал выпроводить его с верфи. Дерзкий нахал.

— Вам не пришло в голову, что его приход связан с Аласдером Макдональдом?

— Я не знал, что и подумать. Он меня испугал.

Капитан взял из буфета бутылку и налил большую порцию. А когда протянул стакан Кенту, Белл увидел его молодое, волевое, энергичное лицо, которое десять лет назад смотрело со страниц всех газет и журналов страны. Его подвиги в Испано-американской войне по дерзости и храбрости соперничали с «Мужественными всадниками» Теодора Рузвельта.[20]

— Да будь я… — вполголоса сказал Белл.

Он распахнул дверь и вошел в каюту.

Фарли Кент подпрыгнул. Капитан не шевельнулся, только выжидающе посмотрел на высокого детектива.

— Добро пожаловать на борт, мистер Белл. Узнав ужасную новость о Камдене, я надеялся, что вы найдете дорогу сюда.

— Что такое Корпус 44?

— Лучше спросить, *почему* Корпус 44, — ответил капитан Лоуэлл Фальконер, герой Сантьяго.

Он протянул руку, на которой не хватало двух пальцев.

Белл пожал ее.

— Для меня это знакомство — большая честь, сэр.

Капитан Фальконер в переговорную трубу сказал:

— Отдать швартовы.

13

На палубе зазвучали шаги. В дверях появился лейтенант, и капитан заговорил с ним.

— Фарли, — сказал он, — можете возвращаться в свою мастерскую.

Кораблестроитель молча вышел. Фальконер сказал:

— Пожалуйста, подождите здесь, Белл. Я буду через минуту.

И вышел вслед за лейтенантом.

Картину Рётендаля с изображением Великого белого флота Белл видел в прошлом январе на обложке журнала «Колльер». К большому белому кораблю, флагману флота «Коннектикут», стоявшему на якоре, гребла туземная лодка; с нее махали рекламой, на которой было написано:

«Американская выпивка. Справедливые цены в „Гувидоре“».

На изображении солнечной гавани дым закрывал в углу серый корпус немецкого

---

[19] Генри Рётендаль (1871–1925) — шведско-американский художник, известный морскими пейзажами. По просьбе президента Теодора Рузвельта сопровождал в 1907 году плавание Великого Белого флота.

[20] «Мужественные всадники» — название первого отряда добровольческой кавалерии, одного из трех таких полков, возникших в 1898 году для испано-американской войны, и единственного участвовавшего в боях. Впоследствии полк стал называться «Мужественные всадники Рузвельта».

крейсера.

Палуба под ногами Белла пришла в движение. Яхта начала пятиться, выходя в Ист-ривер. Когда она повернула вниз по течению и включились ее двигатели, Белл не ощутил вибрации, даже легкой дрожи винтов. В каюту вернулся капитан Фальконер, и Белл с любопытством взглянул на хозяина.

— Никогда не встречал яхту с таким ровным ходом.

Фальконер гордо улыбнулся.

— Турбины, — сказал он. — Три турбины, к которым присоединены девять гребных винтов.

Он показал на другую картину, которую Белл не видел в иллюминатор. На ней была нарисована «Турбиния», знаменитый опытный корабль, приводимый в движение турбинами, на котором учитель Аласдера Макдональда в английском Спитхеде, демонстрировал скорость такого двигателя.

— Чарлз Парсонс ничего не оставлял на волю случая. Если бы вдруг эксперимент с «Турбинией» не удался, у него были наготове два турбинных скоростных катера. Эта яхта называется «Динамо». Помните греческий?

— Результат сил, действующих совместно.

— Отлично! «Динамо» — старшая сестра «Турбинии», она чуть больше и построена по образцу торпедных катеров 90-х годов. Я преобразовал корабль в яхту и перевел котлы на нефть, что дало много дополнительного места ввиду отсутствия угольных бункеров. Бедный Аласдер использовал ее для испытаний и модернизировал ее турбины. Благодаря ему она хоть и крупнее «Турбинии», но потребляет меньше горючего и быстроходнее.

— Насколько?

Фальконер ласково положил руку на обшивку из красного дерева и сказал:

— Вы не поверите, если я скажу.

Рослый детектив в ответ улыбнулся.

— Я бы хотел подержать руль.

— Подождите, пока не выйдем из этих тесных вод. Я не решаюсь давать в гавани полный ход.

Яхта вышла из Ист-ривер в Верхний залив и резко увеличила скорость.

— Отличный ход, — сказал Белл.

Фальконер усмехнулся.

— Мы сдерживаем ее, пока не вышли в открытом море.

Огни острова Манхэттен растаяли за кормой. Появился стюард с блюдами под крышками и расставил их на столе. Капитан Фальконер пригласил Белла сесть напротив него.

Белл остался стоять, он спросил:

— Что такое Корпус 44?

— Прошу отобедать со мной, и, пока мы направляемся в открытое море, я расскажу вам о тайне 44-го корпуса.

Начал Фальконер с того, что повторил сетования Аласдера Макдональда.

— Десять лет назад Германия начала строительство современного флота. В том году мы захватили Филиппинские острова и присоединили Королевство Гавайи. Сегодня у Германии есть дредноуты-броненосцы. Броненосные дредноуты есть у Англии, Япония тоже строит и покупает броненосцы-дредноуты. И когда американский флот выйдет в Тихий океан, чтобы защищать наши новые территории, немцы, англичане и Японская империя будут превосходить нас в остойчивости кораблей и их вооружении.

Капитан Фальконер, захваченный своим рассказом, не притронулся к бифштексу, описывая Беллу свою мечту о Корпусе 44.

— Гонка дредноутов приучила нас к мысли «ничто не ново под луной». Еще до того, как англичане спустили на воду свой «Дредноут», два факта относительно боевых кораблей были высечены в камне. На их строительство уходит очень много дней, и их следует

оснащать самым разным вооружением, чтобы они сумели защититься. Корабль флота его величества «Дредноут» вооружен орудиями одного калибра, и построили его за год. Это навсегда изменило мир.

Корпус 44 — это мой ответ. Американский ответ.

Я привлек лучшие умы в кораблестроение. Велел им стараться изо всех сил. Таких людей, как Арти Ленгнер, Оружейник и Аласдер Макдональд, с которым вы встречались.

— И видел, как он умер, — мрачно перебил Белл.

— Все они художники. И, подобно всем художникам, неудачники. Богема, чудаки, если не умалишенные. Таких не берут в регулярный флот. Но благодаря моим неудачникам-гениям, которые порождают новые идеи и пересматривают старые, Корпус 44 станет броненосным дредноутом, какой никогда еще не выходил в море, — американское инженерное чудо превзойдет английский «Дредноут», немецкие «Нассау» и «Позен» и все, что способна предложить Япония… Почему вы качаете головой, мистер Белл?

— Слишком грандиозная затея, чтобы держать ее в тайне. Вы, очевидно, богатый человек, но ни один богач не в силах построить собственный дредноут. Где вы берете средства на строительство 44-го корпуса? Вам должен помогать кто-то на самом верху.

Капитан Фальконер ответил уклончиво:

— Одиннадцать лет назад я имел честь быть советником заместителя министра военно-морского флота.

— Вот это да!

Белл улыбнулся, начиная понимать. Вот чем объясняется независимость Фальконера. Сегодня упомянутый заместитель морского министра стал не кем иным, как главным сторонником создания сильного флота президентом Теодором Рузвельтом.

— Президент считает, что наш флот должен быть независимым. Пусть армия защищает порты и гавани — мы даже дадим им орудия. Но флот должен сражаться на море.

— Судя по тому, что я видел во флоте, — сказал Белл, — сначала вам придется сразиться с флотом. И, чтобы победить в этой схватке, вы должны быть хитры, как Макиавелли.

— Но я такой и есть, — улыбнулся Фальконер. — Только слову «хитрый» предпочитаю «изобретательный».

— Вы по-прежнему офицер флота?

— Официально да. Особый инспектор по стрельбе в цель.

— Очень туманная должность, — заметил Белл.

— Я знаю, как перехитрить бюрократов, — ответил Фальконер. — Знаю, как получить одобрение конгресса, — с циничной улыбкой продолжал он, показывая Беллу искалеченную руку. — Какой политик посмеет возразить герою войны?

И он подробно объяснил, как полагает разместить молодых офицеров — своих единомышленников на ключевых постах в бюро артиллерии и судостроения. Вместе они сумеют полностью перестроить систему постройки дредноутов.

— Мы зашли дальше, чем думал Аласдер Макдональд?

— Да. В следующем месяце спускаем на воду «Мичиган», но это не победа. «Делавер», «Северная Дакота», «Юта», «Флорида», «Арканзас» и «Вайоминг», первоклассные дредноуты, пока остаются в чертежах. Но это не так уж плохо. Усовершенствования в корабельном деле возникают так стремительно, что чем позже мы спустим на воду корабли, тем современней они будут. Великий белый флот еще не успел дойти до Сан-Франциско, а мы уже знаем о его недостатках. И, когда флот вернется домой, мы прежде всего перекрасим его в серый цвет, чтобы его труднее было заметить вражеским артиллеристам.

Но перекраска — это самое простое. Прежде чем нам удастся воплотить свои знания в боевые корабли, нужно убедить флотское бюро кораблестроения и конгресс. Бюро кораблестроения не терпит перемен, а конгресс — расходов.

Фальконер кивком показал на картину Рётендаля.

— Мой друг Генри попал в переплет. Флот пригласил его прославить картинами

Великий белый флот. Но никто не ожидал, что он будет писать статьи в «Макклюрз мэгэзин»,[21] рассказывая о недостатках и слабостях флота. Ему повезло, что он смог найти пароход, чтобы вернуться домой. Но Генри прав, и я прав. Нужно учиться на опыте. Учиться даже на поражениях. И нельзя не совершенствоваться. Поэтому я строю новый корабль в тайне.

— Вы объяснили почему. Но не сказали что.

— Не будьте нетерпеливы, мистер Белл.

— Убит человек, — мрачно ответил Белл. — А когда убивают людей, я не могу быть терпеливым.

— Вы только что сказали «людей». — Капитан Фальконер перестал шутить и спросил: — Предполагаете, что Ленгнер тоже был убит?

— Считаю это весьма вероятным.

— А Гровер Лейквуд?

— Сыщики Ван Дорна в Вестчерчире расследуют это дело. А в Бетлехеме, в Пенсильвании, мы расследуем случай, приведший к гибели Чада Гордона. Теперь расскажете мне о Корпусе 44?

— Идемте наверх. Сами увидите, что я имею в виду.

Яхта «Динамо» продолжала наращивать скорость. Несмотря на усиливающийся шум моря и ветра, никакой дрожи из-за работы двигателей по-прежнему не чувствовалось. Появились стюард и матрос с резиновыми сапогами и плащами.

— Вам это понадобится, сэр. Когда она разойдется, перестанет быть яхтой. Настоящий торпедный катер.

— Торпедный катер, дьявольщина, — произнес стюард. — Да это подводная лодка.

Фальконер протянул Беллу очки с такими темными стеклами, что они казались непрозрачными. Такие же очки он надел сам.

— Это зачем?

— Когда они понадобятся, вы порадуетесь, что они у вас есть, — загадочно ответил капитан. — Все готово? Идемте на мостик, пока еще можно.

Матрос и стюард распахнули дверь, и они вышли на палубу.

Ветер, словно кулаком, ударил в лицо.

Белл прошел вперед по узкой боковой палубе всего в пяти футах от несущейся воды.

— Делаем, должно быть, не меньше тридцати футов.

— Все еще бездельничаем, — перекрикивал рев Фальконер. — Вот минуем Сэнди-Хук, тогда и пойдем.

Белл оглянулся. Из трубы вылетали языки пламени, а кильватерный след был так вспенен, что светился в темноте. Они поднялись на открытый мостик, где толстые стеклянные плиты защищали рулевого, который вцепился в маленькое деревянное колесо. Капитан Фальконер отстранил его.

Впереди каждые пятнадцать секунд вспыхивал белый свет.

— Это маяк Сэнди-Хук, — сказал капитан Фальконер.

— Мы его видим последний год. Маяк переносят для обозначения нового канала Амброза.

«Динамо» шла прямо на пятнадцатисекундное мигание. В этом свете Белл успел прочесть написанное белыми буквами «Сэнди-Хук» и № 51 на борту черного корабля, который быстро уходил назад.

— Держись! — сказал капитан Фальконер.

Он положил руку с отсутствующими пальцами на высокий рычаг.

— Кабельная связь Боудена непосредственно с турбинным отделением. Такой же

[21] «Макклюрз» или «Макклюрз мэгэзин» (1893–1929) — американский иллюстрированный ежемесячный журнал, популярный в начале 20 века. Прославился своими так называемыми журналистскими расследованиями.

кабель, как в гибких тормозах велосипедов. Могу увеличить скорость с мостика, не обращаясь в машинное отделение. Как дроссель в вашем автомобиле.

— Идея Аласдера? — спросил Белл.

— Нет, моя. Идеи Аласдера вы еще почувствуете.

14

Нос «Динамо» поднялся над водой, и Белл схватился за поручень. Шум моря и ветра невероятно усилился. Пена била в стеклянный экран. Капитан Фальконер включил установленный на носу прожектор, и стала ясна причина узости корпуса. При свете прожектора были видны восьмифутовые волны, несущиеся со скоростью пятьдесят узлов. Корпус любой другой формы просто разбился бы при столкновении с этими волнами.

— Водили что-нибудь так быстро? — крикнул Фальконер.

— Только свой локомобиль.

— Хотите попробовать? — небрежно спросил Фальконер.

Исаак Белл схватился за рычаги.

— Обходите большие волны, — посоветовал Фальконер. — Если утопите нос, девять винтов утащат нас на дно.

Управление оказалось на удивление простым. Легким движением Беллу удавалось поворачивать стофутовую яхту вправо и влево. Он уклонялся от больших волн и начинал чувствовать, как послушен корабль. Через полчаса они оказались в двадцати пяти милях от суши.

Белл увидел впереди блеск. В ночи послышался глухой рокот.

— Это орудия?

— Двенадцатидюймовые, — сказал Фальконер. — Видите вспышки?

Впереди темноту пронзило оранжево-красное пламя.

— А более высокие звуки — шести- и восьмидюймовые. Мы на Атлантическом испытательном полигоне Сэнди-Хук.

— На самом полигоне? Когда стреляют?

— Мышка играет, когда кошка гуляет. Пока высшее командование плывет вокруг Земли с Великим белым флотом, мои ребята учатся своему делу.

В небо уперся мощный луч.

— Испытания прожекторов, — сказал Фальконер. — Линкоры охотятся за эсминцами, эсминцы ищут линкоры.

— Смотрите. Вот о чем я вам говорил. Это «Нью-Гэмпшир». Когда флот вышел, он еще не был принят. Приемка только что закончилась. Смотрите, что у него на баке.

Прожектор осветил волны, заливающие нос линкора и передние орудия.

— Даже при легком волнении орудия заливает. Пушки под водой! Я же говорил: перекрасить легче всего. Нам нужен более высокий надводный борт и расширенный шкафут. У наших новейших кораблей таранный нос, будто мы собираемся воевать с финикийцами!

Белл видел, как волна ударилась о якорную площадку корабля и разбилась на множество брызг.

— Теперь смотрите, как он качается. Видите, броневой пояс поднимается?.. Теперь смотрите, как он погружается, когда корабль опускается на волне. Если мы не увеличим броневой пояс, чтобы защищать низ корабля при качке, враг сможет посылать малых ребят с игрушечными ружьями и топить наши корабли.

Прожектор повернулся в их сторону, проткнув темноту словно гневным белым пальцем.

— Очки!

Белл вовремя успел защитить глаза темными очками. Еще миг, и свет, заливший «Динамо», ослепил бы его. В темных очках он видел, как при свете дня.

— Прожектора — такое же мощное оружие, как большие пушки, — сказал

Фальконер. — Все люди на мостике теряют ориентацию, а марсовые просто слепнут.

— Почему они нацелились на нас?

— Такая игра. Они пытаются поймать меня. Отличная тренировка. Хотя, если уж они тебя поймали, избавиться от них невозможно.

— Правда? Держитесь, капитан!

Белл дернул назад рукоятку. «Динамо» остановилась, словно уперлась в стену. Луч прожектора переместился вперед, туда, куда они двигались. Белл обеими руками повернул руль. Луч прожектора возвращался к ним. Белл резко повернул яхту, дождался, пока винты погрузились в воду, и послал корабль вперед.

В дымовой трубе блеснул огонь. «Динамо» взвилась, как ракета в День независимости, и прожектор снова переместился в неверном направлении.

— Ладно, капитан, вы показали мне *почему.* Но еще не показали *что.*

— Курс на Бруклинскую военную верфь!

* * *

Когда «Динамо» вошла в Ист-ривер, рассвет уже тронул вершины башен Бруклинского моста. Белл по-прежнему был у руля, он провел яхту под мостом и повернул направо, к верфи. С воды он видел много строящихся кораблей на стапелях и в сухих доках. Фальконер указал на самый северный стапель, изолированный от остальных. В голосовую трубу он приказал машинному отделению остановить винты. Прилив был слабый. «Динамо» по инерции подошла к началу стапеля, где рельсы уходили в воду. Над ними нависал гигантский корпус, частично обшитый плитами брони.

— Вот Корпус 44, мистер Белл.

Исаак Белл упивался благородным зрелищем. Хоть каркас еще ждал брони, в этом летящем носу было величие, нетерпение спуститься в воду и обещание неограниченной мощи.

— Имейте в виду: официально этого корабля не существует.

— Как можно спрятать шестисотфутовый корабль?

— Внешне он напоминает корпус, одобренный конгрессом, — ответил капитан Фальконер, еле заметно подмигнув. — Но на самом деле от киля до клотика корабль набит новыми идеями. У него новейшие турбины, новейшие орудия, самая современная защита от торпед и управление огнем. Но, главное, корабль спроектирован так, чтобы продолжать его совершенствовать, менять старое на новое. Корпус 44 не просто корабль. Он прообраз целого класса кораблей, которые еще предстоит построить, источник вдохновения для создания все более новых, более мощных супердредноутов.

Фальконер сделал выразительную паузу. А потом сказал сурово и мрачно:

— Вот почему Корпус 44 стал целью всех иностранных шпионов.

Исаак Белл холодно взглянул на капитана Фальконера.

— Это вас удивляет?

Беллу надоело ходить вокруг да около. Как ни величествен был новый корпус, как ни славно вести яхту на скорости пятьдесят узлов, он предпочел бы в эту ночь прочесывать Адскую кухню в поисках убийцы Аласдера Макдональда.

Фальконер услышал холод в голосе Белла.

— Конечно, — согласился он, — все шпионят друг за другом. Любое государство со своей верфью и достаточными средствами платит шпионам, охотящимся за сведениями о кораблях. Как далеко ушли вперед друзья и враги в орудиях, броне и скорости? Какое новое изобретение сделает наши дредноуты уязвимыми? У каких пушек больше дальность стрельбы? Чьи торпеды способны пройти дальше всех? Чьи двигатели мощнее, а броня крепче?

— Вопросы жизненно важные, — согласился Белл. — И совершенно нормально — даже для невоюющих государств — искать на них ответы.

— Нет, не нормально, — возразил Фальконер. — И уж конечно невоюющие государства не должны идти на саботаж.

— Постойте-ка! Саботаж? В этих убийствах нет признаков саботажа — нет разрушений, за возможным исключением взрыва домны в Бетлехеме.

— Нет, разрушения есть, и страшные. Ужасные разрушения. Я сказал «саботаж» и имел в виду именно саботаж.

— Зачем шпиону убивать, если убийство несомненно привлечет внимание к его шпионажу?

— Меня они тоже обманули, — сказал капитан Фальконер. — Я думал, Арти Ленгнер взял взятку и покончил с собой из чувства вины. Потом я подумал: как ужасно, что бедный молодой Гровер Лейквуд упал и разбил голову. Но потом убили Аласдера Макдональда. И я понял, что это саботаж. Да разве сам он не понял этого? Разве не прошептал: «Корпус 44»?

— Как я вам сказал, — согласился Белл.

— Неужели вы не понимаете, Белл? Они саботируют строительство Корпуса 44, убивая умы. Они убивают умы, занятые созданием жизненно важной начинки военного корабля: орудий, брони, двигателей. Смотрите глубже стали и броневых плит. Корпус 44 — это мозг тех, кто продолжает его создавать, и тех, кто умер. Убивая умы, саботажники убивают нерожденные мысли и новые идеи. Убивая наши умы, они саботируют создание кораблей.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Белл. — Они саботируют работу над еще не спущенными на воду кораблями.

— Или даже теми, которые только задуманы.

— Кого вы подозреваете?

— Японскую империю.

Белл сразу вспомнил рассказ старика Джона Эддингтона о японце, которого тот видел на Вашингтонской военной верфи. Но спросил:

— А почему японцы?

— Я их знаю, — ответил Фальконер. — Хорошо знаю. Служил офицером-наблюдателем на борту флагманского корабля адмирала Микасы, когда он уничтожил в битве в проливе Цусима русский флот — это был самый крупный морской бой с разгрома Нельсоном французов при Трафальгаре. У него были современные корабли, а экипажи действовали, как машины. Мне нравятся японцы, я восхищаюсь ими. Но они честолюбивы. Попомните мои слова: мы будем воевать с ними за Тихий океан.

Белл сказал:

— Убийцы Аласдера Макдональда были вооружены «мессер»-бабочками, изготовленными фирмой «Бонтген и Сабин» в Золингене, в Германии. Разве Германия не главный конкурент в гонке дредноутов?

— Германия одержима английским флотом. Немцы будут отчаянно биться за Северное море, и Англия никогда не выпустит их в Атлантический океан. Тихий океан наш. Японцам он тоже необходим. Они, как и мы, строят корабли для далеких походов в Тихом океане. Придет день, когда мы будем сражаться с ними от Калифорнии до Токио. И, насколько нам известно, если этим летом Великий белый флот подойдет к их островам, японцы нападут на него.

— Я видел заголовки, — сказал Белл с сухой улыбкой. — В тех же газетах, что разжигали войну с Испанией.

— Испания — пара пустяков, — возразил Фальконер. — Спотыкающийся реликт Старого Света: Японцы из нового мира — как мы. Они уже заложили «Сацума», крупнейший в мире дредноут. Они выпускают собственные турбины Браун-Кёртиса. И покупают новейшие подводные лодки Холланда у «Электрик боут».

— Тем не менее в начале следствия нужно действовать без предубеждения. В гонке дредноутов саботажники могут служить любому государству.

— Следствие не мое дело, мистер Белл. Знаю только, что мой Корпус 44 нуждается в сообразительном человеке, который бы обеспечил его безопасность.

— Но ведь флот расследует…

Фальконер перебил, саркастически фыркнув:

— Флот все еще изучает отчеты о том, как линкор «Майами» затонул у берегов Гаваны в 1898 году.

— Тогда секретная служба…

— Секретная служба по горло занята защитой валюты и президента Рузвельта от умалишенных вроде того, что застрел Маккинли. А Министерству юстиции требуются годы, чтобы создать национальное бюро расследований. Наш корабль не может ждать! Черт возьми, Белл, Корпус 44 нуждается в оснастке, а потом поднимет пары и выйдет в море.

К этому времени Белл понимал, что особый инспектор по стрельбе в цель — человек увлекающийся и способный ошибаться. Но истинно верующий.

— Как евангелист, — сказал он, — Герой Сантьяго побьет Билли Санди.[22]

— Виновен, — признался Фальконер с улыбкой опытного спорщика. — Как вы думаете, Джо Ван Дорн разрешит вам заняться этой работой?

Белл посмотрел на каркас Корпуса 44, поднимающийся над стапелем. В эту минуту громкий свисток возвестил начало рабочего дня на верфи. Загремели паровые краны. Сотни, потом тысячи людей поднялись на строящийся корабль. Через несколько минут, как стая светлячков, полетели раскаленные заклепки и корабль загремел от грохота молотов. Это зрелище, эти звуки заставили Белла вспомнить, как Аласдер Макдональд горевал о своем покойном друге Чаде Гордоне: *«Ужасная катастрофа. Шестеро парней сгорели заживо: Чад и пятеро его рабочих».*

И, словно падающая звезда унесла последние остатки ночной темноты, Исаак Белл увидел, каким будет могучий дредноут — гордость живых и памятник погибшим.

— Будет странно, если Джо Ван Дорн не прикажет мне этим заняться. А если не прикажет, я займусь сам.

БРОНИРОВАННЫЕ ГРОБЫ

15

21 апреля 1908 года
Нью-Йорк

Шпион пригласил немца Ганса в Нью-Йорк, в подвал под рестораном «Биргартен» на углу Второй авеню и Пятидесятой улицы. В холодный ручей, протекающий через подвал, были наполовину погружены бочки с вином. Каменные стены отражали мелодичное журчание текущей воды. Они сидели лицом к лицу за круглым деревянным столом, освещенным единственной лампой.

— Мы планируем будущее, в котором есть не только горящие остатки пасторального Манхэттена, — заметил шпион, оценивая реакцию Ганса.

Немец, который как будто нанес немалый ущерб запасам рейнского вина, казался более мрачным, чем обычно. Вопрос в том, может ли он еще быть полезен или чересчур пропитался вином и угрызениями совести.

— Mein Freund! — Шпион смерил Ганса повелительным взглядом. — Вы готовы продолжать службу Фатерлянду?

Немец заметно распрямился.

— Конечно.

---

[22] Уильям Эшли «Билли» Санди (1862–1935) — американский бейсболист, ставший в первые десятилетия 20 века самым популярным проповедником-евангелистом.

Шпион скрыл улыбку облегчения. Если внимательно прислушаться, можно по-прежнему услышать, как Ганса щелкает каблуками, словно марионетка.

— Мне кажется, у вас большой опыт работы на верфи?

— «Нептун Шиффварфт унд Машиненфабрик», — гордо ответил Ганс, очевидно, польщенный тем, что шпион это помнит. — В Ростоке. На самой современной верфи.

— Американская «самая современная верфь» — в Камдене, Нью-Джерси. Думаю, вам следует отправиться в Камден. Вы быстро освоитесь в этом городе. У меня можете получить все, в чем нуждаетесь: деньги, взрывчатку, поддельное удостоверение личности, пропуск на верфь.

— Зачем, mein Herr?

— Чтобы отправить послание американскому конгрессу. Пусть в конгрессе задумаются: может, их флот не годится для нынешних времен.

— Не понимаю.

— Американцы собираются спустить на воду первый корабль, вооруженный орудиями одного калибра.

— «Мичиган». Да, я читал в газетах.

— С вашим опытом вы понимаете, что успешный спуск с земли на воду шестнадцатитысячетонного корпуса требует уравновешивания трех мощных сил: тяготения, натяжения при движении по стапелю и особой плавучести кормы. Верно?

— Да, mein Herr.

— Несколько секунд в начале спуска, когда придут в движение киль и трюмные блоки, а последние опоры отпадут, корабль удерживают только стенки дока.

— Это так.

— И я спрашиваю вас, может ли стратегически расположенный заряд динамита, взорванный точно в нужный момент, когда корабль начинает скользить по стапелю, разрушить этот стапель и опрокинуть «Мичиган» на землю, вместо того чтобы он спустился в воду?

Глаза Ганса загорелись от такой возможности.

Шпион позволил немцу мысленно увидеть сокрушающее падение шестнадцатитысячетонного корпуса, валящегося набок. Потом сказал:

— Вид лежащего на боку пятисотфутового дредноута произведет впечатление на флот Соединенных Штатов. И окончательно уничтожит репутацию флота в конгрессе, который и так неохотно отпускает деньги на строительство новых кораблей.

— Да, mein Herr.

— Сделайте это.

* * *

Командор Томми Томпсон внимательно слушал, как Брайан О'Ши, Глазник, излагает план посылки его партнеров из Хип Синг в Сан-Франциско, когда в салун на Тридцать девятой улице вбежал мальчишка с запиской от Ледяного Уикса.

Командор прочел записку.

— Он предлагает убить ван дорна.

— Случайно не говорит, как именно?

— Наверно, все еще обдумывает, — рассмеялся Томми и передал записку Глазнику.

«Необычно, — подумал он. — Мы возобновили свое прежнее партнерство». Глазник заходил не часто. Это был всего лишь третий его визит после тех пяти тысяч долларов. И он не требовал своей доли — удивительно! Напротив, Глазник дал Томми взаймы, чтобы под узлом надземной железной дороги на Пятьдесят третьей улице открыть новое игровое заведение, и оно уже приносило хороший доход. Если добавить сделку с Хип Синг, дела идут хорошо. К тому же, разговаривая с Глазником, Томми обнаружил, что доверяет ему. Конечно, господь свидетель, не свою жизнь. Даже за все его деньги. Но он доверяет

здравомыслию Глазника, как в прошлом, когда они были мальчишками.

— Как думаешь? — спросил он. — Можно ему поручить это?

О'Ши пригладил усики. Сунул большой палец под жилет. Посидел неподвижно, как каменный, вытянув ноги, зарыв каблуки в опилки, а когда заговорил — смотрел на них, как будто обращался к своим модным туфлям.

— Уикс устал прятаться. Хочет вернуться домой из своего убежища. Оно, вероятно, в Бруклине. Но он боится, что ты его убьешь.

— Боится, что я убью его по твоему приказу, — язвительно поправил Томми. — А ты прикажешь.

— Уже приказал, — ответил Глазник О'Ши. — Твой так называемый Ледяной…

— Мой так называемый Ледяной! — возмущенно повторил Томми.

— Да, твой так называемый Ледяной, которого ты, получив пять тысяч долларов, отправил в Камден и который совершил убийство на глазах свидетеля — и какого свидетеля? Детектива из «Агентства Ван Дорна», матерь божья! И когда ван дорны схватят его — а мы знаем, что они его схватят, — или копы задержат его за другое преступление, Ван Дорн спросит: «Кто велел тебе убить?» И Уикс ответит: «Томми Томпсон и его старый приятель Глазник О'Ши, которого все считали мертвым, а он жив».

О'Ши оторвал взгляд от своей обуви, посмотрел с неопределенным выражением и добавил:

— Откровенно говоря, если бы я не настаивал, ты бы не стал его убивать. У тебя больше причин бояться, чем у меня. Я могу исчезнуть, как уже делал. А ты застрял здесь. Все знают, где найти Командора — на Тридцать девятой, в салуне Командора Томми, а вскоре всем станет известно и о твоем новом заведении на Пятьдесят девятой. Не забудь, ван дорны — это не копы. Нельзя им заплатить, чтобы они посмотрели в другую сторону. Не через ствол пистолета.

— Так что скажешь о предложении Уикса убить свидетеля?

Глазник О'Ши сделал вид, что обдумывает ответ.

— Думаю, Уикс смел. Умен. Практичен. Может, у него припрятан козырь. Если нет, у него мания величия.

Босс банды «гоферов» мигнул.

— Что это значит?

— Мания величия? Это значит, что Уиксу очень повезет, если он выпутается. Но если ему удастся убить ван дорна, твоим неприятностям конец.

— Ледяной серьезный парень, — с надеждой сказал Томми. — И умный.

О'Ши пожал плечами.

— Ну, если немного повезет… как знать? В любом случае, что мы теряем? Скажи ему, чтобы не тянул.

Томпсон написал шифрованный ответ на обороте записки Уикса и позвал мальчишку.

— Иди сюда, паршивец! Отнеси туда, где прячется эта свинья.

О'Ши поражался глубине глупости Томми. Если Уиксу удастся убить ван дорна — а это не просто ван дорн, а знаменитый смертельно опасный старший дознаватель Исаак Белл, — Ледяной Уикс станет героем Адской кухни и главным кандидатом в главари «гоферов». Как же удивится Томми, когда Уикс всадит ему под ребро заточку!

Глупость Томми напомнила О'Ши русский флот в русско-японской войне. Бестолков, как Балтийский флот, чьи старомодные корабли и замшелая тактика столкнулись с современным японским флотом. Эй, дно Цусимского пролива, мы идем к тебе!

— Давай к делу, Томми, — к путешествию твоих китайцев в Сан-Франциско.

— Это не мои китайцы. Они из Хип Синг.

— Узнай, сколько денег потребуется, чтобы они стали твоими китайцами.

— А с чего ты взял, что они захотят отправиться в Сан-Франциско? — спросил Томми. Главарь банды «гоферов» не мог понять, что нужно О'Ши.

— Они китайцы, — ответил О'Ши. — За деньги сделают что угодно.

— Не возражаешь, если я спрошу, сколько ты сможешь заплатить?

— Сколько угодно. Но если ты еще раз спросишь о чем-то, кроме конкретной цены, я буду рассматривать это как начало войны.

Командор Томми сменил тему.

— Любопытно, что за козырь у Ледяного.

ЭТО СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНАЯ ЗМЕЯ
ЕЕ ЯДОМ ЛЕЧАТ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ
ЯД ИЗ ЕЕ КОПЬЕОБРАЗНОЙ ГОЛОВЫ
УБИВАЕТ БЫКА ЗА ПЯТЬ МИНУТ
Lachesis muta, которую индейцы Бразилии
называют «внезапная смерть»

Ветер сорвал газету со стенда у Вашингтон-парка, как раз когда бруклинский игрок в начале восьмого иннинга резко ударил битой. Ледяной Уикс смотрел, как мяч летит над полем, мимо Уилтса на насыпи, мимо Сеймура в центре, прямиком туда, где он прятался — переодетый нищим помощником водопроводчика, в тусклой поношенной одежде, без манжет и без воротника, на траве за центром поля, где он не мог попасться на глаза болельщикам из Нью-Йорка.

Если Ледяной способен что-нибудь любить, так это бейсбол. Но он не мог рисковать, появившись на утреннем матче в Нью-Йорке на Поло-Граундз, поэтому пришлось обойтись Бруклином, где его никто не знал. Его любимые «Гиганты» избивали жалких «Супербасов». «Гиганты» вели, холодный ветер, уносящий пепел, шляпы и газеты, никак не сказался на броске Уилтса. Его броски с левой руки на протяжении всего матча изводили бруклинских бьющих, и к восьмому иннингу счет уже был четыре к одному.

Над головой пролетела газета, и ледяные голубые глаза Уилкса остановились на заголовке.

ЯД ИЗ ЕЕ КОПЬЕОБРАЗНОЙ ГОЛОВЫ
УБИВАЕТ БЫКА ЗА ПЯТЬ МИНУТ

Он вскочил с травы и поймал газету.

Забыв об игре, он стал читать, водя по строчкам грязным пальцем. То, что Уилкс умел читать, ставило его выше большинства членов банды. Ежедневные газеты Нью-Йорка изобиловали возможностями. Светская хроника сообщала, когда богачи отправлялись в Ньюпорт или в Европу, оставляя свои дома без присмотра. Торговые новости позволяли узнать о новых товарах, которые можно украсть в порту или на запасных путях к Одиннадцатой авеню. Театральные обзоры служили руководством для карманников, а некрологи — обещанием пустых квартир.

Охваченный надеждой, он прочел каждое слово в статье о змее, потом снова перечитал статью. Ему начинает везти. Змея поможет ему восстановить ущерб от худшего исхода дела: в Камдене в тот вечер, когда они убили шотландца, оказался детектив Ван Дорна Исаак Белл.

Копьеголовая гадюка из Бразилии, самая смертоносная из всех известных змей, будет выставлена завтра вечером в Академии патологии на ежемесячном заседании в отеле «Камберленд» на углу Пятьдесят четвертой улицы и Бродвея.

В газете говорилось, что костоправы интересуются змеей, потому что сыворотка из ее яда используется при лечении душевных болезней и болезней мозга.

Ледяной знал отель «Камберленд».

Двенадцатиэтажный отель первого класса, который реклама представляет «штаб-квартирой всех окончивших колледж». Это да еще плата за ночь в два пятьдесят должны были не допустить сюда отбросы общества. Но Уикс был уверен, что сможет

одеться как выпускник колледжа благодаря своему второму преимуществу перед обычными гангстерами. Он был настоящим американцем только наполовину. Большинство «гоферов» ирландцы, а у него только мать ирландка. Когда он встретился с отцом, Старик рассказал ему, что Уилксы англичане, которые высадились тут еще до «Мейфлауэра». Почему бы ему, правильно одевшись, не зайти в вестибюль отеля так, будто тут ему самое место?

Он решил, что можно обойти детективов отеля, используя коридорного. Уикс думал про Джимми Кларка, который подрабатывал, продавая кокаин для одного аптекаря с Сорок девятой улицы. С тех пор как закон объявил распространение кокаина, не предназначенного врачом, преступлением, этот бизнес стал очень рискованным.

После того как яд попадет в организм, человек живет одну-две минуты. Яд гадюки парализует работу сердца, и жертва костенеет и становится черной.

План у него уже был. Скрываясь, он не бездействовал. Узнав, где ночует Исаак Белл, когда бывает в Нью-Йорке, он помог одной прачке устроиться на работу в «Йельский клуб», рассчитывая на то, что она сможет провести его в номер детектива.

Дженни Салливан только что сошла с корабля из Ирландии, в долгах за проезд как в шелках. Уикс выплатил ее долги, рассчитывая заставить Дженни работать на простынях, а не только гладить их. Но после Камдена он уговорил людей, которые были ему обязаны, сделать ему большое одолжение — устроить Дженни на работу в клуб Белла. Тогда он и написал Командору Томми, предлагая убить детектива. Но пока не набрался смелости спрятаться под кроватью Белла с пистолетом и разобраться с ним, как мужчина с мужчиной.

Уикс был достаточно крепким парнем, чтобы ножом выковырять из плеча пулю Белла калибра.380: ему не хотелось, чтобы какой-нибудь пьяница-врач или повитуха выдали бы Томми Томпсону его убежище. Достаточно крепким, чтобы, желая предотвратить заражение, залить рану спиртом. Но он видел Белла в работе: Белл лучше его, ловчей, тяжелее, быстрее и лучше вооружен. Никакой пьяница с ним не справится.

Лучше натравить на Белла «внезапную смерть». В газете сообщалось, что куратор серпентария в зоопарке Бронкса доставит животное в ящике из толстого стекла.

«Змея не сможет выбраться оттуда», — пообещал куратор врачам Общества патологии, приглашая их взглянуть на животное.

Уикс решил, что ящик из толстого стекла, достаточно большой, чтобы вместить четырехфутовую змею, для него, с дыркой от пули в плече, слишком тяжел, не унести. А если он выронит ящик и стекло разобьется, только уноси ноги! Тогда рана в плече будет наименьшей из его проблем. Нужна помощь. Но парни, которым он мог бы доверять, оба мертвы: их застрелил шустрый детектив Ван Дорна.

Если он попробует уговорить кого-нибудь тащить ящик, Томми Томпсону сразу донесут, что Уикс вернулся в город. Все равно что связать себе руки и прыгнуть в реку. Избавить Томми от хлопот. Ведь не нужно много мозгов, чтобы сообразить, что этот тип, Глазник О'Ши, прикажет Томми убить того, кого видел детектив, когда этот человек убивал по приказу О'Ши. Уикс может клясться, пока не посинеет, что никогда не пикнет. О'Ши и Томми все равно убьют его. Просто ради безопасности.

Но по крайней мере Томми ответил, что одобряет убийство Исаака Белла. Конечно, он не предложил помочь. И без слов ясно было, что если у Томми и О'Ши будет возможность убить Уикса раньше, чем он прикончит Белла, они ждать не станут.

Уилкс ударил в девятку, Бридуэлл удвоил. Когда кончился девятый иннинг, у Нью-Йорка было еще две пробежки, а у Бруклина ни одной; Уикс бросился на станцию надземки на Пятой авеню с отчетливым планом, как перевезти змею в «Йельский клуб».

Нужен костюм «человека из колледжа», чемодан, оконное стекло, коридорный с тележкой и маршрут к щиту с пробками.

— Кто этот офицер? — спросил Белл у сыщика из службы личной безопасности, отвечавшего за охрану мастерской Фарли Кента на Бруклинской военной верфи.

— Не знаю, мистер Белл.

— Как он сюда попал?

— Сказал пароль.

Служба личной безопасности Ван Дорна снабдила всех работавших над Корпусом 44 паролем. Миновав охраняемые морскими пехотинцами ворота, посетитель все равно должен был доказать, что его ждет, к кому он, по его утверждениям, идет.

— Где мистер Кент?

— Они все в испытательной лаборатории, занимаются моделью мачты, — ответил сыщик, показывая на закрытую дверь, ведущую в лабораторию. — Что-то не так, мистер Белл?

— Три обстоятельства, — резко ответил Белл. — Фарли Кента здесь нет, значит, он не ждал этого офицера. С тех пор как я вошел, офицер изучает чертежи Кента. И, на случай если вы не заметили, он в мундире царского флота.

— Да эти синие мундиры все одинаковые, — ответил сыщик, напомнив Беллу, что мало кому из парней хватает ума и инициативы, чтобы стать настоящим детективом Ван Дорна. — К тому же он отдает им свернутые чертежи, как все прочие. Хотите, чтобы я его о чем-нибудь спросил, мистер Белл?

— Я сам это сделаю. А когда в следующий раз войдет кто-то неожиданный, считайте, что это неприятность, пока не убедитесь в противном.

Белл прошел по мастерской, уставленной чертежными столами, за которыми обычно работали строители, сейчас занятые испытанием мачты. Человек в мундире русского моряка был так поглощен изучением чертежей Кента, что выронил несколько свернутых, которые держал под мышкой, когда Белл обратился к нему:

— Доброе утро, сэр.

— Я не слышал, как вы подошли, — ответил офицер с сильным русским акцентом и наклонился, подбирая чертежи.

— Могу я узнать ваше имя?

— Меня зовут Владимир Иванович Юркевич, я мичман русского императорского флота его величества царя Николая. С кем имею честь…

— У вас назначена здесь встреча, мичман Юркевич?

Русский, который был так молод, что едва ли нуждался в бритье, наклонил голову.

— К сожалению, нет. Я надеюсь познакомиться с мистером Фарли Кентом.

— Мистер Кент вас знает?

— Еще нет, сэр.

— Как же вы сюда попали?

Юркевич обезоруживающе улыбнулся.

— Благодаря безупречному поведению, безупречному мундиру и четкому приветствию.

Исаак Белл не улыбнулся в ответ.

— Это могло помочь вам миновать морских пехотинцев у ворот. Но где вы взяли пароль, чтобы войти в мастерскую Кента?

— В питейном заведении за воротами я встретил морского офицера. Он сообщил мне пароль.

Белл подозвал сыщика из службы личной безопасности.

— До моего возвращения лейтенант Юркевич будет сидеть на стуле, не прикасаясь к чертежам. — Лейтенанту Юркевичу он сказал: — Этот человек способен свалить вас на пол. Делайте то, что он скажет.

Потом прошел по мастерской и открыл дверь испытательной лаборатории.

Десяток работников Кента окружили десятифутовую модель мачты дредноута.

Молодые кораблестроители держали в руках ножницы для резки проволоки, микрометры, линейки, бумагу с записями и измерительные рулетки. Круглая модель, стоявшая на тележке, была изготовлена из проволоки, которая по спирали поднималась от основания к вершине в направлении против часовой стрелки; через равные промежутки она была закреплена горизонтальными кольцами. Она представляла в миниатюре изготовленную из легких труб стодвадцатифутовую мачту дредноута, точная во всех деталях, чтобы можно было измерять нагрузку на кольца, электрические провода и голосовую трубу, связывающие мачту и рубку управления огнем, и крошечные лестницы внутри конструкции.

Двое помощников Кента держали веревки, привязанные к противоположным краям основания. От стен к верхушке протянули измерительную ленту. Один из кораблестроителей, стоя на стремянке, внимательно наблюдал за лестницей. Фарли Кент сказал:

— Залп левым бортом. Огонь!

Тот, кто стоял слева от основания, дернул веревку, а тот, кто стоял на лестнице, измерил отклонение мачты.

— Шесть дюймов! — сказал он. Данные были записаны.

— В масштабе двадцать к одному это означает шесть футов, — сказал Кент. — Марсовым нужно крепко держаться, когда корабль стреляет из главного калибра. С другой стороны, мачта на треножнике будет весить сто тонн, а наша — меньше двадцати; это огромная экономия. Хорошо, теперь измерим, как она держится после нескольких попаданий.

Размахивая ножницами, он перерезал наобум два спиральных витка и одно горизонтальное кольцо.

— Готовы!

— Погодите!

Тот, что стоял на лестнице, спрыгнул и поставил в корзину на верху мачты куклу — краснощекого моряка в соломенной шляпе.

В испытательной лаборатории зазвучал смех; Кент смеялся громче всех.

— Залп правым бортом. Огонь!

Дернули за веревку, верхушка мачты резко наклонилась, и кукла вылетела.

Белл подхватил ее.

— Мистер Кент, могу я поговорить с вами минуту?

— В чем дело? — спросил Кент, перерезая еще одну вертикальную проволоку. Его помощники внимательно следили за поведением мачты.

— Возможно, мы поймали нашего первого шпиона, — тихо сказал Белл. — Нельзя ли пройти со мной?

Мичман Юркевич вскочил со стула, прежде чем ему помешал сыщик, и схватил Кента за руку.

— Для меня это знакомство честь, большая честь!

— Кто вы такой?

— Юркевич. Из Санкт-Петербурга.

— Штаб военно-морского флота?

— Конечно, сэр. Балтийская верфь.

Кент спросил:

— Правда ли, что Россия строит пять броненосцев, превосходящих размерами корабль его величества «Дредноут»?

Юркевич пожал плечами.

— Мы надеемся получить супердредноуты, но, возможно, Дума скажет нет. Слишком дорого.

— Что вы здесь делаете?

— Идея заключалась в том, чтобы встретиться с легендарным Фарли Кентом.

— Вы приехали издалека, чтобы увидеться со мной?

— Чтобы показать вам. Посмотрите. — Юркевич развернул свои чертежи на столе Кента. — Что скажете? Это усовершенствует форму корпуса?

Пока Фарли Кент изучал чертежи Юркевича, Белл отвел русского офицера в сторону и скал:

— Пожалуйста, опишите морского офицера, который сообщил вам пароль.

— Мужчина среднего роста в темном костюме. Примерно ваш ровесник — лет тридцати. Очень аккуратный, подтянутый. Усы толщиной в карандаш. Очень… как это сказать — точный.

— Темный костюм. Не мундир?

— В штатском.

— Как вы узнали, что он морской офицер?

— Он так сказал.

Строгое лицо Белла помрачнело. Он холодно спросил:

— Когда и где вы предполагаете снова с ним встретиться?

— Не понимаю.

— Вы наверняка пообещали ему рассказать обо всем, что здесь увидите.

— Нет. Я его не знаю. Как я его найду?

— Мичман Юркевич, я с трудом верю в ваш рассказ. И не думаю, что вашей карьере в царском флоте поможет, если я вышлю вас из Соединенных Штатов как шпиона?

— Шпион? — возмутился Юркевич. — Нет!

— Перестаньте водить меня за нос и расскажите, как получили пароль.

— Шпион? — повторил русский. — Я не шпион.

Прежде чем Белл сумел что-то сказать, заговорил Фарли Кент.

— Ему не нужно у нас шпионить.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что это мы должны шпионить за ним.

— О чем вы говорите, мистер Кент?

— Усовершенствованный корпус корабля мичмана Юркевича гораздо лучше, чем выглядит. — Он начал показывать различные особенности прекрасно начерченного дредноута. — На первый взгляд он в средней части кажется неуклюжим, даже толстым, и необычно тонким на носу и на корме. Можно сказать, похож на корову. На самом деле это гениально. Это позволяет усилить защиту дредноута от торпед в районе машинного отделения и арсенала, усилить вооружение и увеличить запасы угля, хотя корабль развивает большую скорость.

Он пожал Юркевичу руку.

— Гениально, сэр. Я бы использовал это, но никогда не смогу получить одобрение ретроградов из Бюро строительства кораблей. Вы на двадцать лет опережаете наше время.

— Спасибо, сэр, спасибо. Слышать такое от Фарли Кента — большая честь.

— И скажу вам кое-что еще, — продолжал Кент, — хотя подозреваю, что вы и сами уже подумали об этом. Ваш корпус подойдет для великолепного пассажирского лайнера — североамериканской борзой, которая обгонит «Лузитанию» и «Мавританию».

— Когда-нибудь, — улыбнулся Юркевич. — Если не будет войны.

Кент пригласил Юркевича пообедать вместе со своим штатом, и они принялись обсуждать только что объявленное начало строительства лайнеров «Уайт стар лайн»[23]«Олимпик» и «Титаник».

— Восемьсот сорок футов! — восхищался Кент, на что русский ответил:

— Я думаю о тысяче футов.

Белл поверил, что русский кораблестроитель хотел только поговорить со знаменитым Фарли Кентом. Но не поверил, что так называемый офицер, который обратился к Юркевичу

---

23 «Уайт стар лайн» — крупнейшая британская судоходная компания конца XIX — начала XX века.

в баре на Сэнд-стрит, был моряком.

Почему он сообщил русскому пароль, не требуя отчета о чертежах Кента? Как догадался обратиться к русскому? Ответ вызывал ужас. Шпион — «саботажник умов», как называл его Фальконер, — знал, на кого нацелиться в гонке дредноутов.

— Иностранные шпионы — дело для нас новое, — сказал Джозеф Ван Дорн. Босс взволнованно пыхтел сигарой в главной гостиной «Рейлроуд-клаб» на двадцать втором этаже вокзала «Хадсон терминал», ожидая поезда до Вашингтона.

— Мы охотимся на убийц, — мрачно возразил Белл. — Каковы бы ни были их побуждения, они прежде всего преступники.

— Тем не менее мы принимаем решения в незнакомой нам области.

Белл сказал:

— Я попросил парней из аналитического отдела составить список иностранных дипломатов, военных атташе и газетных репортеров, которые могут быть двойными шпионами в пользу Англии, Германии, Франции, Италии, России, Японии и Китая.

— Морской министр прислал мне список иностранцев, которых флот подозревает в шпионаже.

— Я прибавлю его к своему, — сказал Белл. — Но я хотел бы, чтобы список просмотрели специалисты и избавили нас от охоты вслепую. У вас ведь есть старый приятель, который может нажать на кое-какие пружины в государственном департаменте?

— Мягко сказано. Каннингс — офицер, который по требованию государственного департамента отправляет морских пехотинцев для боевых операций на суше.

— Он наш человек — и тесно связан с нашими заморскими атташе. Как только он частым гребнем пройдется по нашему списку, я рекомендую следить за подозрительными персонажами в Вашингтоне и Нью-Йорке вблизи верфей и кораблестроительных заводов.

— Потребуется целая армия детективов, а они обходятся дорого, — заметил Ван Дорн.

У Белла был готов ответ.

— Расходы можно списать на укрепление нашей дружбы с Вашингтоном. Правительству должна понравиться возможность опираться на «Агентство Ван Дорна» как на национальную службу со множеством опытных полевых офицеров по всему материку.

Ван Дорн улыбнулся, от этой приятной мысли его рыжие усы встопорщились, как яркое пламя.

— Вдобавок, — нажимал Белл, — я рекомендую всем сотрудникам агентства во всех иммигрантских общинах: немецкой, ирландской, итальянской, китайской — в городах, где есть верфи, прислушиваться к разговорам о шпионаже, о том, что иностранные правительства платят за сведения или саботаж. Гонка дредноутов — дело всех стран.

Ван Дорн с усмешкой задумался над его словами.

— Возможно, нам противостоит не один шпион. Говорю вам: для нас это необычное дело.

— Если не мы, — ответил Белл, — то кто?

17

Дважды за день Ледяной Уикс применил свое умение жестоко избивать, не оставляя никаких следов на тех частях тела, что не прикрыты одеждой. Это мастерство он совершенствовал с молодости, заставляя раскошеливаться продавцов и выбивая долги для акул-ростовщиков. После докеров и возчиков справиться с тощим коридорным и испуганной маленькой прачкой было проще простого. День проходит, боль усиливается. А страх растет.

Джимми Кларк, коридорный из отеля «Камберленд», первую, казалось, бесконечную порцию побоев получил в переулке за аптекой, куда приходил обменять вчерашнюю выручку на вечерний кокаин. Уикс подчеркнул, что нынешние проблемы Джимми ничто в сравнении с тем, что с ним будет, если он не выполнит приказ в точности. Любая промашка

сделает это избиение светлым воспоминанием.

Дженни Салливан, помощницу прачки в «Йельском клубе», он перехватил в переулке за полквартала от церкви Успения, куда она шла помолиться об избавлении от долга.

Уикс прекратил бить девушку, когда ее начало рвать от боли. Но ее роль в его плане была так велика, что Уикс пообещал ей, если она сделает, как ей приказано, полностью выплатить ее долг. И когда она, избитая, потащилась на службу, боль и страх смешивались у нее с надеждой. Ей нужно было только постоять у служебного входа клуба в поздний час, когда никого поблизости не будет, и украсть ключ от номера на третьем этаже.

18

Исаак Белл и Марион Морган встретились за обедом в «Ректоре». Дворец омаров славился своим зеркальным зелено-золотым интерьером, роскошными скатертями и салфетками и серебром, вращающейся дверью — первой в Нью-Йорке — и блестящими посетителями не меньше, чем самими омарами. Расположенный на Бродвее, ресторан всего в двух кварталах от конторы Белла в «Никербокере». Белл ждал у входа под гигантской статуей грифона, сверкающего электричеством, и встретил Марион поцелуем.

— Прости, я опоздала. Нужно было переодеться.

— Я тоже опоздал. Только что расстался с Ван Дорном.

— Мне придется соперничать с актрисами с Бродвея, которые здесь обедают.

— Увидев тебя, — заверил Белл, — они кинутся в свои гардеробные и будут ломать голову, что надеть.

Через вращающуюся дверь они прошли в ярко освещенный зал, где было около сотни столиков. Чарлз Ректор дал знак оркестру и торопливо пошел поздороваться с Марион. Музыканты заиграли «Сегодня вечером в старом городе будет жарко» — так называлась первая картина Марион о девушке-детективе, которая помешала злодею спалить город. При этих звуках все женщины задвигались, сверкая бриллиантами, все чрезвычайно дорого одетые мужчины оборачивались, чтобы увидеть Марион. Белл улыбнулся, услышав пробежавший по ресторану восторженный гомон.

— Мисс Морган, — воскликнул Ректор, беря ее руки в свои. — Когда вы в последний раз оказали Ректору честь, вы снимали новости. А теперь все говорят о ваших фильмах.

— Спасибо, мистер Ректор. Я считала, что музыку приберегают для красавиц-актрис.

— Красавицы-актрисы на Бродвее — по десять центов за дюжину. А красавица-режиссер — большая редкость, чем устрицы в августе.

— Это мистер Белл, мой жених.

Ресторатор пожал Беллу руку и радостно сказал:

— Поздравляю, сэр! Не могу представить себе на всем Большом Белом Пути более счастливого джентльмена. Хотите спокойный столик, мисс Морган, или такой, чтобы мир видел вашу красоту?

— Тихий, — решительно ответила Марион, и, когда они сели и заказали «Мумм», сказала Беллу:

— Надо же, он меня помнит.

— Может, читал вчерашнюю «Нью-Йорк таймс», — улыбнулся Белл. Она так радовалась приему, что раскраснелась.

— «Таймс»? О чем ты?

— В прошлое воскресенье газета послала на пасхальное шествие репортера отдела моды.

Он достал из бумажника вырезку и вслух прочел:

— Молодая женщина, прогулявшаяся после чая от Таймс-сквер до шествия на Пятой авеню, вызвала сенсацию. На ней было сиреневое атласное платье и черная шляпа с перьями такого размера, что мужчины вынуждены были отступать в сторону, чтобы дать ей пройти. Это ослепительное создание профланировало к отелю «Сент-Реджис» и удалилось на север в

красном локомобиле.

Кстати о красном, у тебя уши горят.

— Какой ужас! Написано так, будто я шла по Пятой авеню в поисках внимания. Все женщины нарядились на Пасху. А я надела это платье только потому, что мадмуазель Дюваль и Кристина поспорили со мной на десять долларов, что мне не хватит решимости в этом выйти.

— Репортер ошиблась. Ты *привлекала* внимание. Если бы ты его *искала,* то не уехала бы в красном локомобиле, а дотемна прохаживалась бы взад и вперед по авеню.

Марион протянула руку через стол.

— А ты заметил статью на другой стороне?

Белл перевернул вырезку.

— Lachesis muta? О да. Необыкновенная змея. Источает смертоносный яд и свирепа, как судья, приговаривающий к повешению. Знаешь, отель «Камберленд» всего в десяти кварталах от Бродвея. Если хочешь увидеть змею, ручаюсь, я смогу туда пройти с хорошенькой девушкой под руку.

Марион содрогнулась.

Когда принесли шампанское, Белл поднял свой бокал.

— Боюсь, лучше мистера Ректора мне не сказать. Спасибо, что сделала меня самым счастливым джентльменом на всем Большом Белом Пути.

— Ох, Исаак, я ужасно рада тебя видеть.

Они пили «Мумм» и обсуждали меню. Марион заказала египетскую перепелку, заявив, что никогда не слышала о такой птице, а Белл — омара. Начать же решили с устриц.

— Настоящие «Линнхевенз» из Мэриленда, — заверил их официант. — Крупные и присланы специально для мистера Бриллиантового Джима Брейди.[24] Если позволите порекомендовать, мистер Белл, мистер Брейди обычно после устриц заказывает утку и стейк.

Белл отказался.

Марион через стол взяла его за руку.

— Расскажи о твоей работе. Что держит тебя в Нью-Йорке?

— Занимаемся шпионажем, — негромко, так что за шумом и смехом его не могли расслышать, ответил Белл. — Это связано с международной гонкой дредноутов.

Марион, привыкшая к тому, что он рассказывает ей подробности своих расследований, чтобы самому лучше сформулировать мысли, так же негромко сказала:

— Совсем не то, что ограбления банков.

— Я сказал Джо Ван Дорну: шпионы они или нет, но, если они убивают людей, они прежде всего убийцы и преступники. Во всяком случае Джо попросил поддержки в Вашингтоне и дал мне всю нью-йоркскую контору и карт-бланш отправлять детективов в любые места страны.

— Вероятно, это связано с оружейником, у которого взорвался рояль?

— Мне все больше кажется, что это не самоубийство, а дьявольское убийство, задуманное так, чтобы выглядеть самоубийством. И тем самым опорочить и человека, и всю систему орудий, которую он создавал. Разумеется, обвинение во взятке окрасило все, к чему он имел отношение.

Белл рассказал о своих сомнениях относительно предсмертной записки Ленгнера, о своем убеждении, что нарушитель, которого видел старик Джон Эддисон, на самом деле был японцем. Упомянул о том, что смерти специалистов по броне и по стрельбе в цель были первоначально представлены как несчастные случаи.

Марион спросила:

— Кто-нибудь видел японца на «Бетлехем стал уоркс»?

---

[24] Джеймс Бьюканан Брейди, известный как Дайамонд Джим Брейди — Бриллиантовый Джим Брейди (1856–1917) — американский железнодорожный магнат, миллионер, финансист и филантроп.

— Люди, которых я туда отправил, доложили, что видели убегающего человека. Но это был рослый парень. Больше шести футов. Белый. Светловолосый. Свидетели считают его немцем.

— Почему немцем?

— Очевидно потому, что, убегая, он бормотал: «Gott im Himmel!»

Марион скептически подняла бровь.

— Знаю, — сказал Белл. — Мало оснований.

— Видел ли кто-нибудь японца или светловолосого немца с Гровером Лейквудом, который упал с утеса?

— Коронер округа Уэстчестер сказал моему человеку, что никто не видел, как упал Лейквуд. Лейквуд говорил друзьям, что по выходным занимается скалолазанием, и смертельная рана у него на голове признана следствием несчастного случая. Бедняга упал с высоты сто футов. Его похоронили в закрытом гробу.

— Он поднимался один?

— Одна старуха сказала, что незадолго до происшествия видела его с красивой девушкой.

— Не немкой и не японкой? — с улыбкой спросила Марион.

— Рыжей, — улыбнулся в ответ Белл. — Предположительно ирландкой.

— Почему ирландкой?

Белл покачал головой.

— Она напомнила старой даме ее ирландскую служанку. Опять все сомнительно.

— Три различных подозреваемых, — заметила Марион. — Три разные национальности… Конечно, что может быть более общим для всех стран, чем гонка дредноутов?

— Капитан Фальконер склонен винить японцев?

— А ты?

— Нет сомнений, что японцы занимаются шпионажем. Я узнал, что перед русско-японской войной они заслали в русский флот на Дальнем Востоке множество шпионов, которые выдавали себя за маньчжурских слуг и рабочих. И, когда началась война, японцы знали о тактике русских больше, чем сами русские. Но я стараюсь не быть предубежденным. Может оказаться кто угодно.

— Высокий красивый детектив однажды сказал мне, что скептицизм — его наиболее ценное свойство, — согласилась Марион.

— Дело крупное и все разрастается. Работы по строительству дредноутов огромны, вовлечено множество предприятий; один случай, его значение, его связи — все это могло остаться незамеченным, если бы не дочь Ленгнера, которая настаивает, что ее отец не мог покончить с собой. И все равно, если бы ей не удалось добраться до Джо Ван Дорна через своего знакомого, я не стал бы свидетелем убийства бедного Аласдера. Его смерть списали бы на кабацкую драку, и кто знает, сколько еще людей было бы убито, прежде чем мы что-то заподозрили бы.

Белл покачал головой.

— Хватит разговоров. Вот идут устрицы, а нам обоим завтра рано вставать.

— Ты только посмотри на них! — Марион вытащила из раковины огромную устрицу, отправила в рот, позволила ей скользнуть в горло и спросила с улыбкой: — Мисс Ленгнер так красива, как говорят?

— Кто говорит?

— Мадмуазель Дюваль встречалась с ней в Вашингтоне. Очевидно, и на Восточном побережье есть влюбленный в нее мужчина.

— Она прекрасна, — сказал Белл. — Исключительные глаза. Думаю, если бы она не горевала, была бы еще прекрасней.

— Не говори мне, что ты тоже увлекся.

— Дни, когда я мог увлечься, позади, — улыбнулся Белл.

— Ты скучаешь по ним?

— Будь любовь тяготением, я парил бы в невесомости. Что мадмуазель Дюваль делает в Вашингтоне?

— Соблазняет морского министра, чтобы ее наняли снимать фильм о том, как Великий белый флот входит в Золотую бухту Сан-Франциско. По крайней мере таким же манером она получила заказ на съемки отхода флота от Хэмптон-роуд прошлой зимой. Думаю, сейчас она пользуется той же тактикой. А почему ты спрашиваешь?

— Строго между нами, — серьезно сказал Белл, — у мадмуазель Дюваль была долгая любовная связь с капитаном французского флота.

— Конечно! Когда ей хочется быть особенно романтичной, она намекает на «mon Capitaine».

— *Mon Capitaine* занимается дредноутами — иными словами, этот француз шпион, а она скорее всего работает на него.

— Шпион? Да она такая болтунья и сплетница!

— Морской министр дал Джо Ван Дорну список из двадцати иностранцев, которые в Вашингтоне и Нью-Йорке пытаются добывать сведения в интересах Франции, Англии, Германии, Италии и России. Большинство производят впечатление сплетников и болтунов, но приходится разбираться с каждым.

— Не японцы?

— Их много. Двое из их посольства — морской офицер и военный атташе. И импортер чая, живущий в Сан-Франциско.

— Но что может мадмуазель Дюваль снять во флоте такого, чего не снять нам остальным?

— Съемки могут быть предлогом, чтобы познакомиться с офицерами, которые будут излишне много болтать с привлекательной женщиной. А что значить «нам остальным»?

— Со мной только что связался Престон Уайтвей.

Белл чуть сощурился. Богач Уайтвей унаследовал несколько калифорнийских газет. Он превратил их в мощную желтую газетную сеть и в новостную кинокомпанию, где Марион начинала работу, прежде чем стала снимать популярные кинофильмы.

— Престон попросил меня снять приход Великого белого флота в Сан-Франциско для своего «Пикчер уорлд».

— Газеты Престона уже неделю предсказывают войну с Японией.

— Он напечатает все, лишь бы продать газету.

— Это одноразовая работа?

— Можешь быть уверен, я не пойду к нему в наемные работники — только в высокооплачиваемые контрагенты. И могу втиснуться в расписание здешних съемок. Что думаешь?

— Нужно отдать должное Уайтвею. Он очень настойчив.

— Не думаю, что он и сейчас смотрит на меня с такой точки зрения… почему ты смеешься?

— Считаю, что он по-прежнему мужчина и не слепой.

— Я хочу сказать: Престон знает, что я недоступна.

— К настоящему времени он уже должен это понять, — согласился Белл. — Если память мне не изменяет, когда мы в последний раз были в его обществе, ты пригрозила застрелить его. Когда уезжаешь?

— Не раньше первого мая.

— Хорошо. На следующей неделе спускают на воду «Мичиган». Капитан Фальконер устраивает большой прием. Я надеялся, ты пойдешь со мной.

— С удовольствием.

— Для меня это возможность понаблюдать за болтунами в комнате, полной американцев, у которых могут слишком развязаться языки. Ты обеспечишь укрытие и дополнительную пару ушей и глаз.

— Что, по-твоему, женщины надевают по случаю спуска на воду броненосцев?

— Как насчет той шляпы, перед которой расступаются мужчины? — улыбнулся Белл. — Или можешь спросить мадмуазель Дюваль. Готов поспорить, что она тоже там будет.

— Мне не нравится, что она знает, что ты детектив. Это может быть опасно для тебя — если она поймет, что ты шпион.

Десятью кварталами дальше по Бруклину у Ледяного Уикса все шло, как по нотам.

Прежде всего ему удалось пройти четыре квартала от надземки до отеля «Камберленд» так, что его не заметил никто из тех, кто мог бы донести Томми Томпсону. Пересекая Бродвей, он прошел буквально под носом у Дейли и Бойла, детективов-специалистов по карманникам, которые направлялись на свое обычное место работы, Метрополитен-опера: Уикс был в костюме-тройке (который кто-то проветривал на пожарной лестнице в Бруклине) и они не обратили на него внимания.

Затем детективы в вестибюле «Камберленд-отеля» были заняты, сдавали-принимали смену. Ни один из них не посмотрел на Уикса дважды. Хотя его обувь не походила на начищенные туфли дипломированных врачей, членов американского общества патологии.

Джимми Кларк, похожий в своей форме коридорного на шарманщика с обезьянкой, старательно смотрел сквозь него, словно у них чуть раньше в этот день не было «разговора».

— Коридорный!

Джимми подбежал, нагнув голову, чтобы скрыть страх и ненависть в глазах.

— Да, сэр?

Уикс отдал ему багажную квитанцию на побитый старый чемодан, который заранее доставил в отель, и дал монетку.

— Поставь мой чемодан на тележку и жди меня у входа на встречу Академии. Мне нужно попасть на пароход, и я не хочу беспокоить остальных, когда буду уходить.

Джимми Кларк сказал:

— Да, сэр.

Уикс не знал, как ему повезло. В отель вечером шло множество постояльцев с Большого Белого Пути, врачи собирались на заседание, и потому работники отеля были слишком заняты, чтобы заметить странный акцент. Одетый в костюм выпускника колледжа, Уикс все равно говорил как человек, всю жизнь проведший в Адской кухне, и всякий, кто прислушался бы к его словам, услышал бы: «Не хчу бескоить тшленов, када бду ухдить».

Другое удачное обстоятельство, о котором он знал — распределительный щит отеля располагался в подвале у подножия лестницы, которая вела к боковому входу в зал, где собирались врачи посмотреть на змею. Уикс положил шляпу на стул у выхода, чтобы занять место, и некоторое время прохаживался поблизости, чтобы с ним никто не заговорил. Когда заседание началось, он сел и в последний раз, перед тем как закрылась дверь, бросил взгляд на чемодан на тележке Джимми.

Он нетерпеливо слушал, как председатель приветствует присутствующих. Потом один из врачей принялся рассказывать, как они будут извлекать смертоносный яд и превращать его в сыворотку для лечения умалишенных. И что особенно хорошо в змеях этого вида: у них гораздо больше яда, чем у других. Бог весть, сколько сумасшедших исцелит этот яд, но для Исаака Белла это означает, что, если в первый раз змея промахнется, у нее еще будет полно яда.

Пришел работник зоопарка со змеей. В зале стало тихо.

Уикс видел, что стеклянный ящик войдет в чемодан. Удача. Раньше он не мог этого точно знать. Два человека внесли ящик и поставили на стол.

Даже из глубины зала змея выглядела смертельно опасной. Она двигалась, сворачивалась и разворачивалась, ее удивительно толстое, ярчайшей расцветки тело блестело на свету. Она словно плыла, обтекала ящик, словно одна мощная мышца, и, высовывая язык, обследовала щели там, где стеклянные стенки соединялись с крышкой

ящика. Особенно ее интересовали места, где находились петли, и Уикс решил, что там проходит воздух и змея чувствует его движение. Врачи переговаривались, но как будто никто не собирался подойти ближе.

— Не волнуйтесь, джентльмены, — сказал медик, проводивший осмотр. — Стекло прочное.

Он отпустил людей, которые принесли ящик. Ледяной Уикс обрадовался: эти люди могли причинить больше неприятностей, чем врачи.

— Спасибо вам, сэр, — обратился говорящий к куратору, который тоже отошел. «Все лучше и лучше, — подумал Уикс. — Только я, змея и толпа трусов». Он взглянул на дверь. Джимми Кларк приоткрыл ее. Уикс кивнул. Пора.

Ждать пришлось недолго. Не успел первый ряд осторожно подойти к ящику, как свет погас и в зале вдруг стало темно. Одновременно закричали пятьдесят человек. Уикс вскочил, подбежал к двери, открыл ее и нащупал в темноте чемодан. Он слышал, как бежит по лестнице Джимми, касаясь для страховки перил. Уикс открыл чемодан, достал оттуда стекло, сунул под мышку и вернулся в зал, где крики становились все громче.

— Сохраняйте хладнокровие!

— Не теряйте голову!

Несколько самых проворных зажгли спички, и их дрожащие огоньки отбрасывали тени.

Уиксу нельзя было терять ни секунды. Он пробрался вдоль стены зала и повернул к середине. Оказавшись в шести футах от ящика, он громко закричал:

— Осторожней! Не уроните — и разбил стекло о деревянный пол.

Крики превратились в вопли, и сразу за этим последовал топот сотни ног. Прежде чем Уикс смог крикнуть: «Она вырвалась! Она на свободе! Бегите! Бегите! Бегите!» — это сделало за него множество охваченных паникой людей.

Джимми Кларк заслужил место в раю за то, как быстро подкатил тележку с чемоданом.

— Осторожно, — сказал Уикс. — Не урони.

В темноте они на ощупь поставили ящик в чемодан, закрыли крышку, снова водрузили чемодан на тележку и выкатили из зала через боковой вход. И уже почти вышли наружу, когда вновь загорелся свет.

— Детектив отеля! — предупредил Джимми.

— Не останавливайся, — хладнокровно сказал Уикс. — Я им займусь.

— Эй! Куда вы с этим?

Одетый как выпускник колледжа Уикс преградил ему дорогу, чтобы Джимми мог выкатить тележку наружу, и ответил:

— Подальше отсюда, чтобы не пропустить пароход.

Детектив услышал: «Пдальш отсюдова тшоб не прапстить парход».

К этому времени Уикс успел надеть на пальцы кастет. Стремительным ударом между глаз он свалил детектива. Подхватил его пистолет, сунул в карман и присоединился к Джимми в переулке. Коридорный казался до смерти напуганным.

— Не болтай, — предупредил Уикс. — Нам еще нужно пройти по городу.

19

Когда Исаак Белл и Марион Морган вышли из ресторана Ректора, на Бродвее творилась какая-то неразбериха. Звонили пожарные колокола, свистели полицейские; всюду бежали толпы людей; поэтому они решили, что Марион лучше всего добираться до парома на метро.

Двадцать минут спустя они, держась за руки, подошли к причалу. Белл проводил Марион к парому и задержался на причале. Паром дал свисток.

— Спасибо за обед, дорогой. Было приятно повидаться.

— Может, поехать с тобой?

— Мне завтра рано вставать. Тебе тоже. Поцелуй меня.

Немного погодя матрос на палубе протянул:

— Ну, будет голубки. Кто остается на берегу — все на берег.

Белл отошел и, когда между паромом и берегом возникла полоска воды, крикнул:

— Говорят, в пятницу будет дождь.

— Буду танцевать под дождем.

Белл на метро вернулся в центр и отправился в отель «Никербокер», чтобы повидаться с ночным дежурным Ван Дорна, который спросил:

— Слышали о змее?

— Lachesis muta.

— Она сбежала.

— Из «Камберленда»?

— Считают, что она пробралась в канализацию.

— Укусила кого-нибудь?

— Пока нет, — ответил дежурный.

— Как она высвободилась?

— С начала дежурства я услышал уже четырнадцать версий. Лучшая — просто уронили стеклянный ящик. — Он покачал головой и рассмеялся. — Такое возможно только в Нью-Йорке.

— Я должен что-нибудь узнать до утра?

Дежурный протянул ему пачку сообщений.

Сверху лежала телеграмма от лучшего друга Белла детектива Арчи Эббота, который в ответ на разрешение отправиться на медовый месяц в путешествие по Европе устанавливал контакты с сыщиками Ван Дорна в Лондоне, Париже и Берлине. Преуспевающий, женатый на богатейшей наследнице Америки, Арчибальд Эйнджел Эббот IV с его голубой кровью был желанным гостем в любом посольстве и европейском поместье. Белл отправил ему телеграмму, чтобы Арчи воспользовался уникальной возможностью и попробовал изнутри проследить за гонкой дредноутов. И вот он едет домой. На каком корабле, по мнению Белла, ему возвращаться: на английской «Лузитании» или на немецком «Канцлере Вильгельме Великом»?

— «На „Качающемся Билли“», — ответил телеграммой Белл, используя народное прозвище роскошного, но громоздкого немецкого лайнера. Арчи и его красавица жена пересекут Атлантический океан в каюте первого класса, очаровывая высокопоставленных офицеров, дипломатов и промышленников и побуждая их свободно высказываться о войне, шпионаже и гонке дредноутов. Ни чопорный прусский офицер, ни опытный придворный кайзера не устоят, когда Лилиан взмахнет ресницами. А Арчи, убежденный холостяк, пока не встретил Лилиан, умел разговаривать с женщинами.

Загадочное сообщение прислал Джон Скалли: «Парни нянчатся с Кентом. А я собираюсь побродить по Чайнатауну».

Белл бросил сообщение в корзину для бумаг. Иными словами, Скалли свяжется с ним, когда сочтет нужным.

Отчеты агентов Ван Дорна из Уэстчестера и Бетлехема не дали ничего нового для расследования взрыва домны и падения со скалы. Ни у кого не было никаких ниточек к возможным подозреваемым — «ирландской девушке» и рабочему-«немцу». Но агент в Бетлехеме предупреждал, что не нужно торопиться с выводами. Кажется, несчастный случай не удивил никого из знавших Чада Гордона. Это был нетерпеливый, одержимый человек, не обращавший внимания на правила безопасности и шедший на большой риск.

Тревожные новости пришли из Ньюпорта, Род-Айленд. Агент службы личной безопасности, прикрепленный к Уиллеру с Военно-морской торпедной станции, доложил, что преследовал, но не смог задержать двух человек, пытавшихся проникнуть в коттедж специалиста по торпедам. Белл приказал увеличить число агентов, опасаясь, что это не просто попытка взлома. Он также послал телеграмму капитану Фальконеру, рекомендуя, чтобы Уиллер ночевал в хорошо защищенных помещениях станции, а не у себя дома.

Зазвонил средний телефон, испачканный помадой девушки из кордебалета, и дежурный

вскочил.

— Да, сэр, мистер Ван Дорн!.. Кстати, он сейчас здесь.

И дежурный протянул трубку Беллу, беззвучно сказав при этом: «Из Вашингтона».

Белл прижал к уху слуховую трубку и наклонился к микрофону.

— Поздно работаете.

— Пытаюсь показать пример, — проворчал Ван Дорн. — Я должен что-нибудь узнать, прежде чем отойти ко сну?

— Арчи возвращается.

— Давно пора. Никогда не слыхал о таком долгом медовом месяце.

Белл изложил остальное. Потом спросил:

— Как прошел разговор с вашим приятелем из государственного департамента?

— Поэтому я и звоню, — сказал Ван Дорн. — Он вычеркнул из списка большинство и добавил пару имен, в отношении которых есть подозрения. Мое внимание привлек гость — куратор коллекции произведений искусства в Смитсоновском институте. Его зовут Ямамото Кента. Японец. По словам Фальконера. Может, стоит к нему присмотреться.

— У вас есть кто-нибудь, кого можно послать в Смитсоновский институт?

Ван Дорн сказал, что есть, и они завершили разговор.

Надевая пальто, Белл подавил зевок. Было уже далеко за полночь.

— Смотрите под ноги, проходя мимо сточных канав, — сказал дежурный.

— Думаю, мистер змея уже плывет по реке Гудзон.

Мужские клубы на западе Сорок четвертой улицы в квартале между Шестой и Пятой авеню чередуются с конюшнями и гаражами, и Исаак Белл был слишком занят, переступая через конский навоз и уклоняясь от такси, чтобы думать о змеях. Но, подходя к известняково-кирпичному одиннадцатиэтажному зданию нью-йоркского «Йельского клуба», он увидел, что вход преграждают трое краснолицых мужчин средних лет, в помятой за проведенную в городе ночь одежде; держась за руки, они покачивались на передних ступеньках.

В блейзерах, с шарфами встречи выпускников 1883 года, они громогласно пели «Светлые годы учебы». Исаак Белл присоединил к их хору свой сочный баритон и попытался проскользнуть мимо них.

— Мы выше «Гарвардского клуба», — кричали «старые синие», насмешливо показывая на приземистое здание клуба через улицу.

— Пошли с нами на крышу. Будем оттуда швырять букеты в алых.[25]

На помощь пришел швейцар и расчистил дорогу высокому детективу.

— Члены клуба из других городов, — пояснил он.

— Спасибо за помощь, Мэттью. Без вас я бы не попал внутрь.

— Спокойной ночи, мистер Белл.

Из ресторанного зала в глубине дома тоже доносились йельские песни, хотя не так громко, как вопили пьяницы у парадного входа. Белл поднялся не на лифте, а по лестнице. Большой двухэтажный вестибюль в такой час ночи обычно пустовал. Белл жил на третьем этаже, где помещались двенадцать спартанских холостяцких комнат, по шесть по каждую сторону коридора, с ванной в конце. Посреди коридора, частично загораживая дверь в номер, стоял чемодан.

Очевидно, кто-то только что прибыл пароходом из Европы.

Сонно зевая, Белл протянул руку, чтобы отодвинуть с дороги чемодан. И удивился, какой он легкий — почти пустой. Обычно коридорные убирают чемодан сразу, как распакуют. Белл пригляделся к чемодану внимательнее. Побитый, старый, с выцветшими

---

[25] Алый цвет — официальный цвет Гарвардского университета. Между Гарвардом и Йелем идет постоянное соперничество, особенно в спорте.

наклейками отеля «Риц» в Барселоне и «Браун» в Лондоне, а также лайнера «Сервия» пароходной линии «Кунард».[26] Белл не мог вспомнить, когда в последний раз слышал это название: лайнер не ходил уже, пожалуй, с начала столетия. Среди выцветших, поблекших наклеек бросалась в глаза одна яркая и новая — отель «Камберленд», Нью-Йорк.

Забавное совпадение. Это последнее известное местопребывание мистера Змеи. Белл задумался, зачем члену Йельского клуба в Нью-Йорке останавливаться в отеле «Камберленд», прежде чем переселиться в гораздо более аскетические холостяцкие номера клуба. Вероятно, решил подольше задержаться в Нью-Йорке, а цена в клубе значительно ниже, даже с учетом членских взносов.

Он открыл свою дверь и шагнул в комнату. И сразу ощутил необычный запах. Такой слабый, что он был почти незаметен. Белл остановился и вытянул руку, отыскивая ощупью включатель. Он пытался определить источник запаха. Почти как пропитанный потом кожаный костюм для фехтования. Но его костюм висит за углом Сорок пятой улицы, в Фехтовальном клубе, в шкафу вместе с рапирами и саблей.

Из-за его плеча пробивался свет из коридора. На кровати что-то блеснуло.

Исаак Белл сразу проснулся. Он боком двинулся по комнате, чтобы не стать силуэтом в открытой двери. Прижавшись к стене, насторожившись, он достал из наплечной кобуры «браунинг» и нажал выключатель.

На узкой кровати стоял стеклянный ящик, такой тяжелый, что глубоко вдавился в бархатное покрывало. Ящик кубический, длина каждой стороны двадцать четыре дюйма. Даже крышка стеклянная. И она открыта. Свисает на петлях, будто кто-то открывал ее второпях, отбросил тяжелую крышку, так что прогнулись металлические петли, и убежал, спасая свою жизнь.

Белл почувствовал, что волоски у него на шее встают дыбом.

Он быстро осмотрел маленькую комнату. На туалетном столике пусто — только коробочка с его запонками. На ночном столике ночник, «Карманный путеводитель по Нью-Йорку», «Влияние морской силы на историю» Мэгэна и «Управление подводной лодкой» Бергойна. Дверца шкафа закрыта, а небольшой сейф в углу, где он хранит оружие, заперт. По-прежнему прижимаясь спиной к стене, Белл стал рассматривать стеклянный ящик. Что у него внутри почти не видно из-за отражений в стеклах. Белл медленно поворачивал голову, рассматривая ящик под разными углами.

Ящик был пуст.

Белл стоял неподвижно, как охотник. Было только одно место, где могла спрятаться змея, — под кроватью, в темноте за свисающим покрывалом. Внезапно он заметил движение. Длинный раздвоенный язык показался из-под покрывала, проверяя воздух в поисках движения, чтобы нанести удар. Прижимаясь к стене, двигаясь крошечными шажками, Белл направился к двери, чтобы выскочить из комнаты и запереть в ней змею. Если из-под двери пустить в комнату хлороформ, змея потеряет способность двигаться.

Но не успел он пройти и полфута, как змеиный язык задвигался быстрее, как перед ударом. Белл приготовился одним прыжком добраться до двери. И когда уже хотел прыгнуть, загремел, раскрываясь, лифт. В коридор вывались «старые синие», распевая:

По морю жизни мы плывем
За Бога, Родину и Йе…

Исаак Белл понял, что у него нет выхода. Пусть даже он крикнет выпускникам «Бегите!», те вряд ли его поймут, даже если услышат. В то же время его крик заставит змею броситься на него или спугнет ее, и она ринется в коридор прямо на пьяниц.

---

[26] Линия «Кунард» — британская компания-оператор трансатлантических и круизных маршрутов океанских лайнеров.

Белл рукой с пистолетом дотянулся до двери и захлопнул ее. Потревоженный им воздух расшевелил змею. Гибким движением она метнулась из-под кровати к его ногам.

Белл никогда еще не двигался столь стремительно. Он пнул заостренную голову, устремившуюся к нему. Змея с силой ударилась о его лодыжку, выпачкав отвороты брюк желтым ядом. Лишь собственный животный рефлекс и то, что лодыжку прикрывал ботинок, спасли Беллу жизнь. В мгновение ока змея свернулась, развернулась и снова ударила. К этому времени Белл уже взвился в воздух. Скакнув к кровати, он схватил подушку и бросил ее в змею. Змея ударила, выпачкав подушку желтым и оставив две глубокие дыры в ткани. Белл сорвал с кровати покрывало, взмахнул им, как тореадор, и набросил на змею, чтобы запутать ее в ткани.

Змея выскользнула из покрывала, вновь свернулась и следила за Беллом злыми глазами. Белл поднял пистолет, тщательно прицелился ей в голову и выстрелил. В тот же миг змея метнулась вперед так быстро, что пуля Белла разминулась с ней и разбила туалетное зеркало. Разлетелись осколки, и острые, как иглы, зубы змеи впились в грудь Белла прямо над сердцем.

20

Белл бросил пистолет и сдавил змею рукой.

Рептилия оказалась поразительно сильной.

Каждый дюйм ее четырехфутового тела судорожно дергался, змея пыталась вырваться и снова ударить. В стреловидной голове торчали ядовитые зубы. Из широко раскрытых челюстей капал желтый яд. Беллу почудился в глазах змеи торжествующий блеск, как будто она была уверена, что ее смертоносный яд уже выиграл битву и через несколько минут добыча умрет. Тяжело дыша, Белл свободной рукой потянулся к ножу у себя за голенищем.

— Жаль разочаровывать вас, мистер Змей. Но вы дали маху, вонзив зубы в мою наплечную кобуру.

Дверь распахнул «старый синий»:

— Кто тут стреляет?

При виде безголовой змеи, все еще дергавшейся на груди у Белла, он побледнел и зажал рот ладонью.

Белл повелительно показал окровавленным ножом:

— Если вас вырвет, туалет дальше по коридору.

В дверь просунул голову швейцар Мэттью:

— Вы…

— Откуда этот чемодан? — спросил Белл.

— Не знаю. Должно быть, появился до того, как я пришел.

— Позовите управляющего.

Через несколько минут появился управляющий в пижаме. Глаза у него округлились при виде разбитого зеркала, дергающейся на полу безголовой змеи, ее головы на туалетном столике и Исаака Белла, который вытирал нож о порванную наволочку.

— Соберите весь штат, — сказал Белл. — Если этого Lachesis muta не забаллотировал комитет по допуску в члены клуба, его пронес в мою комнату кто-то из работников.

Подсмотрев из конюшни, как Исаак Белл входит в «Йельский клуб», еще немного подождав, чтобы убедиться, что Белл не вышел, Ледяной Уикс шел теперь по городу. На Восьмой авеню он свернул к центру, прошел несколько кварталов, прошел под линией, соединяющей Девятую авеню и надземку на Шестой авеню, и постучал в никак не обозначенную дверь в доме на Пятьдесят третьей улице, где на втором этаже Томми Томпсон открыл свое новое игорное заведение. «Гофер», охранявший дверь, спросил:

— Какого дьявола ты здесь делаешь?

— Скажи Томми, что у меня для него хорошие новости.

— Скажи сам. Он на третьем этаже.

— Я так и думал.

Уикс поднялся по лестнице, миновал игорный зал, который охранял другой парень, чрезвычайно удивившийся при виде его, и оказался на третьем этаже. Одна из ступеней чуть просела под его ногой, и он догадался, что это на мгновение гасит свет в комнате Томми над игорным залом, предупреждая о визите.

Уикс ждал, переступая с ноги на ногу, пока его разглядывали в глазок. Дверь открыл сам Томми.

— Думаю, ты это сделал, — сказал он. — Иначе бы тебя здесь не было.

— Мы в расчете?

— Входи. Выпей.

Томми пил скотч. Уикс был так взбудоражен, что выпивка сразу ударила ему в голову.

— Хочешь послушать, как я это сделал?

— Конечно. Только подожди, пока мы здесь закончим. Погаси свет.

Вышибала Томми щелкнул выключателем, погрузив комнату почти в полную темноту. Потом открыл люк, и Уикс увидел, что в полу прорубили квадратное отверстие и закрыли его дымчатым стеклом.

— Новейшая штука, — усмехнулся Томми. — Одностороннее зеркало. Мы смотрим вниз. А там внизу видят на потолке только свои физиономии.

— Кто добыча?

— Парень в красном галстуке.

— Богатый?

— Глазник О'Ши говорит, его галстук означает, что он из Гарварда.

— Чем занимается?

— Снабжает продовольствием флот.

Ледяному Уиксу показалось, что продавать продукты флоту — верный способ разбогатеть. Бизнес, связанный с флотом, процветает. А то, что Командор Томми собирается с помощью покера избавить этого щеголя от денег, говорит о том, что он поднялся гораздо выше грабежа грузовых вагонов.

— Много стрясешь с этого гарвардского франта? — небрежно спросил он.

— Глазник велел отобрать у него все и дать взаймы, чтобы он продолжал играть.

— Похоже, он зачем-то нужен Глазнику.

— Это нетрудно. Тед Уитмарк — придурок и подсел на игры.

— А тебе какая корысть? — спросил Уикс, наливая себе еще виски.

— Часть нашей договоренности, — ответил Томми. — Глазник проявил большую щедрость. Если он хочет, чтобы мистер Уитмарк спустил все деньги и залез в долги, помочь ему — одно удовольствие.

Когда Уикс наливал себе третью порцию, ему пришло в голову, что обычно Томми не так разговорчив. Он задумался, что вдруг сделало его таким болтливым. Боже! Неужели Томми предлагает ему долю в «гоферах»?

— Хочешь услышать, как я сделал Белла?

Томми закрыл люк и знаком велел вышибале зажечь свет.

— Видишь штуку там на столе? Знаешь, что это такое?

— Телефон, — ответил Уилкс. Аппарат новехонький, навроде канделябра, какой можно увидеть в лучших заведениях. — Ты идешь в ногу со временем, Томми. Я не знал, что у тебя есть такой.

Томми Томпсон схватил Уикса за лацканы, без усилия поднял его и швырнул о стену. Уикс обнаружил, что лежит на ковре, а в голове звенит.

— Что?

Томми пнул его в лицо.

— Ты не убил Белла! — заорал он. — По этому телефону мне сообщили, что как раз сейчас Белл собирает всех, кто работает в клубе.

— Что?
— Телефон говорит, что этот ван дорн жив. Ты его не убил.
Ледяной Уикс потянулся за пистолетом, который отобрал у детектива из отеля «Камберленд». Громила наступил ему на руку и отнял пистолет.

Управляющий «Йельским клубом» поднял штат и собрал его в большой кухне на верхнем этаже. Все знали Исаака Белла как постоянного клиента, который помнит их имена и бывает щедр, когда в Рождество отменяют правило не брать чаевые. Все они: управляющий, экономка, бармен, горничные, носильщики, портье — хотели помочь Беллу, который спросил:
— Как у моей двери на третьем этаже появился чемодан?
Никто не смог ответить. Когда в шесть часов закончилась дневная смена, чемодана не было. В восемь его заметил официант, обслуживавший номер. Лифтер грузового лифта его не видел, но признался, что между шестью и семью ужинал. Потом Мэттью, швейцар, которого Белл расспрашивал с глазу на глаз, вдруг снова подошел и сказал:
— Новая прачка? Я видел ее на другой стороне улицы. Она плачет.
Белл повернулся к управляющей.
— Миссис Пирс, что за новая прачка?
— Новая девушка, Дженни Салливан. Она пока не живет здесь.
— Мэттью, не приведете ее?
Дженни Салливан оказалась маленькой, темноволосой и дрожала от страха. Белл сказал:
— Садитесь, мисс.
Она продолжала стоять.
— Я никому не хотела вреда.
— Не бойтесь, мы…
Белл мягко взял девушку за руку. Ему хотелось успокоить ее. Дженни закричала от боли и отшатнулась.
— Что? — сказал Белл. — Простите, я не хотел… Миссис Пирс, можете присмотреть за Дженни?
Добрая управляющая отвела девушку в сторону, о чем-то говоря ей.
— Думаю, все могут идти спать, — сказал Белл. — Спокойной ночи. Спасибо за помощь.
Когда миссис Пирс вернулась, в глазах ее были слезы.
— У бедной девушки все тело в синяках от плеч до колен.
— Она сказала, кто это сделал?
— Мужчина по имени Уикс.
— Спасибо, миссис Пирс. Можете отвезти ее в больницу — не в том районе, где она живет, а в лучшую больницу города? Я оплачу все расходы. Ни на чем не экономьте. Вот деньги на немедленные нужды.
Белл вложил банкноты ей в руку и выпроводил из комнаты.
Быстро и тщательно он почистил свой «браунинг» и снова зарядил его. Прикидывая, смог бы пистолет большего калибра остановить Уикса, прежде чем тот пырнул Аласдера Макдональда, он достал из сейфа кольт 45 калибра. Проверил, заряжен ли «дерринджер» и спрятал его в шляпе. Кольт и запас патронов для обоих пистолетов Исаак рассовал по карманам пальто и спустился, перепрыгивая через три ступеньки.
Мэттью отшатнулся, увидев выражение его лица.
— Все в порядке, мистер Белл?
— Не то чтобы я часто посещал притоны, Мэттью, но, может, вы знаете адрес салуна Командора Томми?
— Думаю, это на Тридцать девятой улице, почти у самой реки. Но если бы я «часто посещал притоны», — сказал Мэттью, — то не ходил бы туда один.

21

Исаак Белл вышел из «Йельского клуба». Прохожие, видя его лицо, сторонились. Он перешел Шестую и Седьмую авеню, не обращая внимания на гудки автомобилей, и по Восьмой пошел в сторону центра. На почти пустом тротуаре Белл зашагал быстрее, но не мог избавиться от бушующего в голове гнева. На Западной тридцать девятой улице он почти перешел на бег.

Полицейский, попавшийся на пути, рослый, с двадцатишестдюймовой дубинкой и револьвером, посмотрел Беллу в лицо и перешел на другую сторону улицы. На Девятой авеню под опорами надземки собралась группа мужчин и женщин, в основном пожилых, явно бездомных. Они смотрели вверх на колонны, которые поддерживали полотно надземной железной дороги. Белл прошел мимо них. И резко остановился. Наверху на балке висел мужчина в костюме-тройке, на шее у него была петля.

Над головой прогромыхал поезд. Когда его грохот затих и снова наступила тишина, кто-то произнес:

— Похоже, «гоферы» хотели, чтобы Ледяной умирал долго.

Белл видел, о чем речь. Мертвецу не связали руки. Его пальцы вцепились в петлю, словно он хотел растянуть ее. Глаза у него были выпучены, лицо искажено страшной гримасой. Но, несмотря на маску смерти, не вызывало сомнений — именно этот человек убил в Камдене Аласдера Макдональда.

Пьяница фыркнул:

— Может, Ледяной сам удавился.

— Да, — саркастически ответил его товарищ. — А еще, может, папа римский заглянул к Командору за пивом.

Все рассмеялись. Беззубая старуха прикрикнула на них:

— Нехорошо смеяться над покойным!

— Он получил по заслугам. Злой он был.

Старик в шляпе с обвисшими полями проворчал:

— Дурачина ты — «гофер» не убьет другого «гофера» за то, что тот злой. Ледяного убили за то, что зарвался.

Белл миновал их и пошел дальше на запад.

Оба ошибаются. «Гоферы» убили Уикса, чтобы разорвать нить, связывающую их босса с убийством в Камдене. Это своего рода правосудие, жестокое правосудие. Но вовсе не ради правосудия, а из самозащиты. Какая же нить еще связывала убийство Аласдера и его заказчика-шпиона?

Белл чувствовал холодное дыхание реки, слышал гудки и пыхтение буксиров. Со смертью Уикса он не стал ближе к шпиону, который убивал умы, создающие Корпус 44.

Белл пошел быстрее, потом неожиданно остановился под вывеской на первом этаже обветшалого кирпичного дома, такого старого, что на нем даже не было пожарных лестниц. Поблекшие буквы на темном фоне гласили: «Салун Командора Томми».

Здание походило скорее на крепость, чем на салун. Сквозь зарешеченные окна пробивался тусклый свет. Изнутри слышались голоса. Белл попробовал толкнуть входную дверь. Она была закрыта. Тогда он достал из пальто свой кольт, всадил четыре пули вокруг дверной ручки и распахнул дверь.

Быстро прошел внутрь, в тускло освещенное помещение бара и прижался спиной к стене. Десяток «гоферов» разбежались, прячась за стульями и под столами.

— Стреляю в первого, кто достанет пушку, — предупредил Исаак Белл.

Все смотрели на него. Взгляды переходили на дверь, потом снова к нему, снова на дверь. Обмениваясь удивленными взглядами, «гоферы» сообразили, что Белл один, и угрожающе начали подниматься.

Белл переложил.45 в левую руку и взял в правую «браунинг».

— Всем поднять руки, чтобы я их видел. Ну!

При виде разгневанного детектива, стоящего у стены и обводящего двумя стволами комнату, большинство бросили оружие и подняли пустые руки. Белл прицелился в двоих, которые этого не сделали.

— Ну! — повторил он. — Или я очищу от вас помещение.

Кто-то вскинул старинный кавалерийский седельный пистолет. На Исаака уставился черный зрачок дула. Белл выстрелом выбил его из руки гангстера. Тот закричал от боли и изумления. Второй направил на Белла обрез, выстрел из которого мог бы разорвать его пополам. Белл отскочил в сторону и снова выстрелил из «браунинга». Случайная дробинка с такой силой ударила его в левую руку, что он едва не выронил.45. Он перекатился по полу и вскочил, держа пистолеты наготове, но гангстер с дробовиком лежал на спине, держась за плечо.

— Кто из вас, вонючек, Томми Томпсон?

— Его здесь нет, мистер.

Белл смутно подумал, что гнев, придавший его лицу такое выражение, которое укротило их всех, может помешать ему логично рассуждать. Но сейчас ему было все равно.

— Где он? — крикнул Белл.

— В одном из новых заведений.

— Где?

Голос где-то в глубине сознания предупредил, что так он нарвется на смерть. Но голос бойца, всегда ближе к поверхности, возразил, что в этой полутемной комнате его некому убивать. Мгновенно возникло противоречие: боец заметил то, чего не заметил тревожный. Слишком уж все легко. Двенадцать «гоферов», и только двое вытащили оружие. По правилам остальная часть банды должна была бы сейчас палить в него. А вместо этого они стояли, разинув рты и вылупив глаза.

— *Где?*

— Не знаю, мистер.

— В одном из новых заведений.

Страх и смятение в голосах гангстеров заставили Белла присмотреться внимательнее. Он увидел, какое оружие побросали гангстеры: кастеты, дубинки, ножи. Не пистолеты. И тут до него дошло. Это старики, у которых недостает зубов, согбенные, морщинистые, в шрамах — усталые обитатели трущоб Адской кухни, где сорок лет старость, а пятьдесят — дряхлость.

Новые заведения. Вот оно что. Командор Томми Томпсон переехал, а этих бросил. Бедняг покинул их босс и насмерть испугал рассерженный детектив, сваливший двоих, у кого еще хватило духу сопротивляться.

Спокойствие объяло Белла, а вместе с ним пришло озарение.

В Адской кухне происходят перемены, и он догадывался об их причинах. Старики заметили что-то в выражении его лица. Один фальцетом произнес:

— Можно нам опустить руки, мистер?

Рослый детектив все еще был слишком рассержен, чтобы улыбнуться.

— Нет, — сказал он. — Пусть будут там, где я могу их видеть.

На улице загудело такси.

Белл оглянулся на дверь. Такси останавливалось. Из него выскочили пять мрачных ветеранов и начинающих детективов Ван Дорна с оружием в руках. Вслед за ними появился взвод пеших нью-йоркских полицейских. Ван дорнов возглавлял Гарри Уоррен, специалист по бандам. В руке он держал обрез, за поясом у него был революьвер. Передав младшему пачку купюр, он приказал разобраться с копами и опытным взглядом оценил вход в заведение Томми, собираясь штурмовать его.

Белл вышел из салуна.

— Добрый вечер, ребята.

— Исаак! Ты в порядке?

— В полном. А вы что здесь делаете?

— Швейцар из «Йельского клуба» позвонил в «Никербокер». Он был очень встревожен и сказал, что тебе нужна помощь.

— Старик Мэттью словно наседка.

— А какого дьявола ты здесь делаешь?

— Да просто прогуливаюсь.

— Прогуливаешься? — Они оглядели угрюмую улицу. — *Прогуливаешься?*

Все смотрели на Исаака Белла.

— И, наверно, комар пробил вам левый рукав? — спросил один из детективов.

— Тот самый, что выбил дверной замок? — спросил другой.

— И заставил этих «гоферов» внутри поднять руки? — сказал третий.

Гарри Уоррен подозвал только что вернувшегося парня.

— Эдди, скажи копам, чтобы вызвали скорую помощь.

Исаак Белл улыбнулся.

— На сегодня можно закругляться, ребята. Спасибо, что пришли. Гарри, проводи меня домой. У меня есть несколько вопросов.

Гарри передал обрез ребятам, спрятал револьвер в карман пальто и протянул Беллу носовой платок.

— У тебя кровь.

Белл заложил платок под рукав.

Они зашагали по Девятой авеню. Копы уже обнесли лентой место под надземкой, где висел Уикс. Пожарные поставили лестницу, и работники морга поднялись по ней и пытались высвободить тело.

— Итак, прощай связь Ледяного с Томми и твоим иностранным шпионом, — сказал Гарри.

— Именно об этой связи я и хотел с тобой поговорить, — сказал Исаак Белл. — Похоже, Томми Томпсон в своем мире идет в гору.

Гарри кивнул.

— Да, я слышал, что «гоферы» повсюду по соседству начинают распоряжаться.

— Я хочу, чтобы ты разузнал, кто эти их новые друзья. Десять против пяти, что они связаны друг с другом.

— Возможно, ты на что-то вышел. Займусь. Да, вот что мне дали, когда я выходил. — Он порылся в кармане. — Тебе пришла телеграмма из конторы в Филадельфии.

Они дошли до угла Сорок второй улицы. Белл остановился под фонарем, чтобы прочесть телеграмму.

— Дурные новости?

— Вышли на немца, который рыщет вокруг Камдена.

— Тот же немец, что работал в Бетлехеме?

— Возможно.

— А что в Камдене?

— Спускают на воду броненосец «Мичиган».

22

Шпион вызвал своего немецкого агента шифрованной запиской, оставленной в его меблированных комнатах. Они встретились в будке охранника на барже, причаленной к берегу Делавэра, напротив оживленной верфи. Сквозь постоянное движение буксиров, лихтеров, кораблей, паромов, сквозь облака угольного дыма они видели корму «Мичигана»: мощные винты выступали из-под скрывавшего корабль навеса. Река здесь всего в полмили шириной, и они слышали постоянный ритмичный стук — столяры вбивали деревянные клинья.

Кораблестроители соорудили гигантский деревянный стапель, способный перенести

16-тысячетонный корабль по смазанным рельсам от места строительства до нового дома корабля на воде. Теперь этот стапель поднимали, забивая под него деревянные колья. Когда колья плотно прижмут стапель к корпусу, рабочие продолжат забивать клинья, пока корабль не приподнимется над стапелем.

Немец был мрачен.

Шпион сказал:

— Прислушайся. Что ты слышишь?

— Забивают клинья.

Шпион раньше уже проходил на паровой яхте мимо строительства и видел все происходящее под корпусом, подводная часть которого выкрашена красной краской. «Молотами» на самом деле служили своего рода тараны, длинные стержни с тяжелыми головами.

— Клинья тонкие, — сказал он. — Насколько каждый удар поднимает стапель?

— Чтобы измерить, нужен микрометр.

— А сколько клиньев?

— Gott in Himmel, кто знает? Сотни.

— Или тысячи?

— Возможно.

— Может один клин поднять стапель?

— Это невозможно.

— А может один клин поднять стапель вместе с кораблем?

— Тем более нет.

— Каждый немец должен исполнить свой долг, Ганс. Если не справится один, потерпим поражение мы все.

Ганс смотрел на него со странным отчужденным видом.

— Я не простак, mein Herr. Я понимаю принцип. Меня тревожит не само дело, а его последствия.

Шпион ответил:

— Я знаю, что вы не простак. Я просто стараюсь помочь.

— Спасибо, mein Herr.

— Детективы вас пугают? — спросил шпион, хотя сомневался в этом.

— Нет. Я до последнего смогу не попадаться им на глаза. Когда они поймут, что я собираюсь сделать, будет поздно останавливать меня.

— Вы опасаетесь, что не успеете уйти и погибнете?

— Я бы удивился, если бы спасся. К счастью, я давно решил для себя этот вопрос. Меня тревожит другое.

— Тогда вернемся к самому главному вопросу, Ганс. Вы хотите, чтобы американские боевые корабли топили немецкие?

— Может, меня убивает ожидание. Где бы я ни был, везде слышу, как они забивают клинья. Словно тикают часы. Тик-так, тик-так. Тикают для невинных людей, которые не знают, что им предстоит умереть. Это сводит меня с ума… Что это?

Шпион сунул ему в руку деньги. Ганс попытался оттолкнуть их.

— Мне не нужны деньги.

Шпион удивительно сильной рукой сжал его запястье.

— Отдохните. Найдите женщину. Она поможет этой ночи пройти быстрей.

Он неожиданно встал.

— Вы уходите?

Ганс вдруг словно бы испугался — испугался остаться наедине со своей совестью.

— Я буду поблизости. Буду наблюдать.

Шпион ободряюще улыбнулся и похлопал его по плечу.

— Найдите себе девушку. Наслаждайтесь ночью. Утро наступит так быстро, что вы и не заметите.

23

Официанты в красных, белых и синих галстуках разносили в павильоне для важных гостей сэндвичи с салатом и охлажденное вино. Бармены, надевшие на рукава патриотические повязки, катили к палаткам для рабочих на речном берегу бочонки с пивом и тележки со сваренными вкрутую яйцами. Под гигантским навесом, закрывавшим стапель, дул теплый ветер, сквозь застекленные отверстия в крыше проходил солнечный свет, и казалось, половина населения Камдена, Нью-Джерси, собралась тут, чтобы отпраздновать спуск на воду броненосца «Мичиган», чьи шестнадцать тысяч тонн стояли в равновесии у оконечности смазанных рельсов, уходящих в реку.

Под навесом еще раздавались удары по дереву, но ритм их замедлился. Клинья приподняли корпус корабля почти над всеми удерживавшими его блоками. Убрать еще несколько клиньев под килем и трюмом, и корабль поползет к воде.

Церемониальную платформу у стального носа корабля украшали красные, белые и синие флаги. Бутылка шампанского, завернутая в сетку, чтобы не разлетались осколки стекла и не пачкались цвета флагов, ждала в корзине с розами.

Рядом стояла «крестная мать» броненосца, которой предстояло дать кораблю имя, красивая темноволосая девушка, в прогулочном полосатом костюме и опереточной широкополой шляпе с перьями, украшенной красными пионами. Она не обращала внимания на инструкции, которые лихорадочно шептал ей морской министр — ее отец, а он предупреждал, чтобы она не задерживалась в решающий момент: «Бросай изо всех сил, как только корабль двинется, не то будет поздно».

Взгляд ее не отрывался от высокого золотоволосого детектива в белом костюме, который смотрел куда угодно, только не на нее.

Исаак Белл не спал в постели с тех пор, как двое суток назад прибыл в Камден. Первоначально он собирался приехать на церемонию заранее, накануне, вместе с Марион и пообедать в Филадельфии. Но потом филадельфийская контора прислала в Нью-Йорк тревожную телеграмму. Ходили все более упорные слухи о загадочном немце, который намеревался сорвать спуск. Детективы, связанные с немецкой иммигрантской общиной, слышали о некоем недавно приехавшем человеке, который утверждал, что он из Бремена, но говорил с ростокским акцентом. Он якобы искал работу на Нью-йоркской верфи, но в компанию не обращался. А несколько рабочих непонятно как потеряли значки, удостоверявшие, что они работают на верфи.

В этот день ранним утром Анжело дель Росси, владелец дансинга, в котором был убит Аласдер Макдональд, разыскал Белла. Он сообщил, что к нему пришла женщина, испуганная и расстроенная. Немец, подходящий под описание приезжего из Ростока — высокий, светловолосый, с тревожными глазами, — сделал ей признание, а она пересказала его дель Росси.

— Она работает только часть дня, Исаак. Вы понимаете, что это значит.

— Я слышал о таком виде труда, — заверил Белл. — Но что точно она сказала?

— Немец вдруг стал говорить ей, что невиновные не должны умирать. Она спросила, что это значит. Они пили. Он замолчал, потом выпалил еще что-то, как бывает с пьяницами, сказал, что цель справедливая, но средства неправильные. Она снова спросила, что это значит. Тогда он расплакался и сказал — она клянется, что передает слово в слово, — «Дредноуту крышка, но погибнут люди».

— Вы верите ей?

— Она ничего не выигрывала, придя ко мне, только чистую совесть. Она знает тех, кто работает на верфи. И не хочет, чтобы они пострадали. Ей хватило смелости прийти ко мне и рассказать.

— Я должен с ней поговорить.

— С вами она говорить не станет. Она не видит разницы между частным детективом и

копом, а копов она не любит.

Белл достал из пояса золотую монету и протянул владельцу салуна.

— Ни один коп не заплатит ей двадцать долларов за разговор. Отдайте ей это. Скажите, я восхищен ее смелостью и не сделаю ничего такого, что подвергло бы ее опасности. — Он пристально посмотрел на дель Росси. — Вы мне верите, Анжело? Да или нет?

— А почему, по-вашему, я пришел? — сказал дель Росси. — Посмотрим, что можно сделать.

— Денег довольно?

— Больше, чем она зарабатывает за неделю.

Белл дал ему еще золотой.

— Вот еще за неделю. Это чрезвычайно важно, Анжело. Спасибо.

Женщину звали Роза. Когда дель Росси устроил их встречу с Беллом в помещении за дансингом, фамилию она не назвала, а Белл не спросил. Смелая, хорошо владеющая собой, девушка повторила все, что рассказала дель Росси. Белл пытался ее разговорить, мягко расспрашивал, и она вспомнила, что последними словами немца, с которым они расстались в номере в баре у реки, были «Все будет сделано».

— Вы узнаете его, если снова увидите?

— Думаю, да.

— Не хотите на время стать сотрудницей «Детективного агентства Ван Дорна»?

Теперь она расхаживала по верфи в летнем белом платье и шляпе с цветами, делая вид, что она младшая сестра двух могучих сыщиков Ван Дорна, одетых как слесари-водопроводчики. Еще дюжина детективов непрерывно проверяла и перепроверяла личности тех, кто находился возле «Мичигана», особенно плотников, загоняющих клинья непосредственно под корпусом. Эти люди должны были иметь при себе специальные красные попуска, подготовленные Ван Дорном — а не Нью-йоркской военной верфью, — на случай, если шпионы проникли в администрацию кораблестроительной фирмы.

Посыльных, которые обо всем докладывали стоящему на платформе Беллу, подбирали по признаку молодости. Белл приказал им одеться как учащимся колледжей, в летние костюмы с круглыми воротничками и галстуками, чтобы не пугать толпу, явившуюся посмотреть на спуск нового корабля.

Белл настаивал на отсрочке спуска, но перенести церемонию не было никакой возможности. Капитан Фальконер объяснил, что с этим спуском связано слишком многое, и все участники станут усиленно протестовать. Нью-йоркская верфь гордится тем, что спускает на воду «Мичиган» раньше, чем верфь Крэмпа — «Южную Каролину», обогнав их всего на неделю. Флот хотел побыстрее спустить на воду корабль, чтобы закончить его оснастку. И никто в правительстве не решился бы сообщить о задержке президенту Рузвельту.

Церемония должна была начаться ровно в одиннадцать. Капитан Фальконер предупредил Белла, что так и будет. Меньше чем через час дредноут спокойно сползет по стапелю в воду — или немецкий саботажник нападет, погубив множество невинных людей.

Морской оркестр заиграл попурри из мелодий Сузы,[27] и площадка для гостей заполнилась сотнями важных посетителей, подошедших поближе, чтобы увидеть, как бутылка шампанского ударится о корабельный нос. Белл заметил министра внутренних дел, трех сенаторов, губернатора Мичигана и нескольких членов энергичного «теневого кабинета» президента Рузвельта.

Руководители Нью-йоркской верфи поднялись по ступеням в сопровождении адмирала Кэппса, главного конструктора военного флота. Кэппса, казалось, интересовал разговор не

---

[27] Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор знаменитого марша «The Stars and Stripes Forever», ставшего национальным маршем США.

столько с кораблестроителями, сколько с леди Фионой Эббингтон-Уэстлейк, женой английского военно-морского атташе, замечательно красивой женщиной с копной блестящих каштановых волос. Исаак Белл незаметно наблюдал за ней. Дознаватели Ван Дорна, занимавшиеся делом о шпионаже, связанным с Корпусом 44, докладывали, что леди Фиона тратит гораздо больше, чем зарабатывает ее супруг. Хуже того, она платит шантажисту, французу по имени Рэмон Кольбер. Никто не знает, что есть на нее у Кольбера и вовлечен ли ее супруг в кражу французских военно-морских секретов.

Немецкого императора кайзера Вильгельма II представлял военный атташе лейтенант Юлиан фон Штрём, с лицом в шрамах от дуэлей, недавно вернувшийся из Немецкой Восточной Африки и женившийся на американке, подруге Дороти Ленгнер. Неожиданно в толпе появилась и сама Дороти в темной траурной одежде. Рядом с ней была яркоглазая рыжеволосая девушка, которую Белл заметил еще в «Уиллард-отеле». Дознаватели доложили, что Кэтрин Ди — дочь ирландского иммигранта, который вернулся в Ирландию, сколотив состояние на строительстве католических школ в Балтиморе. Кэтрин, вскоре после этого осиротела, получила образование в монастырской школе в Швейцарии.

За ними шел красавец Тед Уитмарк, пожимая руки, хлопая по спинам знакомых и вещая голосом, который доносился до стеклянной крыши: «„Мичиган“ станет одним из лучших боевых кораблей Дяди Сэма». Хотя Уитмарк в частной жизни иногда действовал неразумно, играл и пил, по крайней мере до встречи с Дороти, дознаватели ясно дали понять, что ему нет равных в умении получать правительственные контракты на снабжение флота.

Они с Дороти Ленгнер познакомились в типичной, крайне закрытой, среде промышленников, политиков и дипломатов, собиравшихся возле Нового флота, на морском пикнике, устроенном капитаном Фальконером. Как цинично заметил Грейди Форрер из аналитического отдела «Агентства Ван Дорна», «совсем не сложно определить, кто с кем спит, гораздо труднее определить почему: здесь причины могут самые разные, в диапазоне от выгоды и продвижения по службе до шпионажа и простого желания вызвать скандал».

Белл заметил на губах Дороти легкую улыбку. Он посмотрел туда, куда смотрела она, и увидел, как молодой кораблестроитель Фарли Кент кивнул ей в ответ. Потом обнял за талию своего гостя — мичмана Юркевича, строителя царских дредноутов, — и нырнул в толпу, словно желая уйти с дороги Дороти и Теда. Тед, ничего не замечая, подал руку престарелому адмиралу и провозгласил:

— Великий день для всего флота, сэр. Великий день для флота.

Дороти посмотрела в сторону Белла и встретилась с ним глазами. Белл восхищенно ответил на ее взгляд. Он не видел девушки с того дня, как посетил ее в Вашингтоне, хотя по настоянию Ван Дорна сообщил ей, что, весьма вероятно, имя ее отца скоро будет очищено от обвинений. Она тепло поблагодарила его и сказала, что надеется увидеться с ним в Камдене на приеме после спуска на воду дредноута. Беллу пришло в голову, что ни Теду Уитмарку, ни Фарли Кенту не понравится, как она на него смотрела.

Теплое дыхание коснулось его уха.

— Недурная улыбка для скорбящей.

За ним шла Марион Морган, кратчайшим путем направляясь к капитану Фальконеру. Тот выглядел героем в белом мундире, подумалось ей: красивая голова над жестким стоячим воротником, множество медалей на широкой груди и сабля у тонкой талии.

— Доброе утро, мисс Морган, — сердечно поздоровался с Марион Морган Лоуэлл Фальконер. — Вам понравилось?

Они с Исааком накануне вечером пообедали на яхте Фальконера. Когда Белл пообещал ему, что с Артура Ленгнера будут полностью сняты обвинения в получении взятки, ее гордость за жениха явственно отразилась на лице. И все же, печально признался себе Фальконер, он не был разочарован, когда Белл рано ушел, чтобы еще раз осмотреть рельсы под кораблем. После ухода детектива их разговор переходил от создания дредноутов к съемке кинофильмов и морской войне, от картины Генри Рётендаля к Вашингтонской

политике и карьере самого Фальконера. С некоторым опозданием он понял, что рассказал о себе больше, чем собирался.

Герой Сантьяго достаточно хорошо знал себя и понял, что почти влюблен, но он совершенно не понимал, что прекрасная мисс Морган использует его как прикрытие, стремясь подобраться к группе элегантно одетых японцев.

— Почему, — спросила она Фальконера, заполняя паузу, — верфь называется Нью-йоркской, тогда как на самом деле она находится в Камдене, в Нью-Джерси?

— Это многих сбивает с толку, — с теплой улыбкой и дьявольским блеском в глазах объяснил Фальконер. — Первоначально мистер Морс собирался построить верфь на Статен-Айленде, но Камден давал лучший доступ к железной дороге и возможность пользоваться услугами квалифицированных судостроителей из Филадельфии. Чему вы улыбаетесь, мисс Морган?

Она ответила:

— Вы так смотрите на меня… хорошо, что Исаак поблизости и вооружен.

— Что ж, он должен быть вооружен, — сердито ответил Фальконер. — Во всяком случае в Камдене сейчас самая современная в мире судостроительная верфь. Что касается строительства дредноутов, она уступает только нашему важнейшему предприятию — Бруклинской верфи.

— Почему, капитан?

Ее добыча приближалась.

— Они используют самую современную систему. Основные части изготавливают заранее. Краны переносят их на место так же легко, как вы подбираете продукты для торта. Навесы защищают от непогоды, и она не мешает работе.

— Это напоминает мне стеклянные студии, которые мы используем для работы на природе, хотя наши, конечно, гораздо меньше.

— Оснастка, которая устанавливается в последнюю очередь, собирается в самых благоприятных условиях. Со стапелей корабль сойдет с уже установленными орудиями.

— Захватывающе. — Человек, за которым она следила, остановился и вглядывался через просвет в строительных лесах в корабельную броню. — Капитан Фальконер. Сколько человек будет служить на «Мичигане»?

— Пятьдесят офицеров. Восемьсот пятьдесят матросов.

И тут ей пришла в голову такая мрачная мысль, что она сразу отразилась на ее лице.

— Ужасно много моряков в одном месте, если случится худшее и корабль потонет.

— Современные боевые корабли — это бронированные гробы, — ответил Фальконер куда откровеннее, чем мог бы себе позволить со штатским, но вчерашний разговор установил между ними дружеские отношения и убедил его, что Марион чрезвычайно умна. — Я видел, как русские тысячами тонули в бою с японцами в Цусимском проливе. Броненосцы за минуты уходили под воду. Все, кроме марсовых на верху мачт и нескольких человек на мостиках, оказывались в ловушке на нижних палубах.

— Могу ли я предположить, что наша цель — построить корабль, который будет тонуть не так быстро и даст людям возможность спастись?

— Цель боевого корабля — продолжать сражение. То есть защищать людей, механизмы и орудия в бронированной крепости, в то же время удерживая корабль на плаву. В живых остаются те моряки, которые побеждают.

— Сегодня хороший день, мы спускаем на воду современный корабль.

Капитан Фальконер взглянул на Марион из-под насупленных бровей.

— Между нами, мисс, из-за конгресса, ограничившего его водоизмещение шестнадцатью тысячами тонн, высота надводного борта у «Мичигана» на восемь футов меньше, чем у старого «Коннектикута». Он будет мокрее кита, и, если в волнение сумеет давать восемнадцать узлов, я съем свою шляпу.

— Устарел еще до спуска?

— Обречен сопровождать тихоходные конвои. А если когда-нибудь встретится с

настоящим дредноутом, пусть лучше это произойдет на спокойной воде. Дьявольщина! — фыркнул он. — Мы поставим его на якорь в Сан-Франциско, чтобы встречать японцев.

Хорошенькая девушка в очень дорогой шляпе, пришпиленной к ее рыжим волосам булавками с надписью «Тафта в президенты», подошла к ним.

— Простите, капитан Фальконер. Я думаю, вы меня не помните, но мы прекрасно провели время на пикнике на вашей яхте.

Фальконер взял неуверенно протянутую ему руку.

— Я вас помню, мисс Ди, — улыбнулся он. — Если бы на нашем пикнике не светило солнце, его заменила бы ваша улыбка. Марион, эту молодую даму зовут Кэтрин Ди. Кэтрин, познакомьтесь с моим добрым другом Марион Морган.

Голубые глаза Кэтрин Ди стали еще больше.

— Вы кинорежиссер? — спросила она восторженно.

— Да.

— Мне так нравится «Сегодня вечером в старом городе будет жарко». Видела его уже четыре раза.

— Большое спасибо.

— А вы сами снимаетесь в своих фильмах?

Марион рассмеялась.

— Милостивый боже, нет!

— Почему? — вмешался капитан Фальконер. — Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, капитан, — сказала Марион, бросив быстрый взгляд на Кэтрин Ди. — Но хорошая внешность не всегда видна на пленке. У камеры есть свои стандарты. Она предпочитает определенные черты.

«Как у Кэтрин Ди», — подумала она. По какой-то волшебной причине камера и освещение предпочитали именно таких женщин, как Кэтрин, с изящной фигурой, большой головой и большими глазами.

Словно умея читать мысли, Кэтрин сказала:

— Ах, как мне хотелось бы посмотреть на съемки фильма!

Марион Морган посмотрела на нее внимательнее. Кажется физически сильной для такой миниатюрной фигуры. Очень странно. За восторженностью маленькой девочки Марион чувствовала в Кэтрин что-то необычное. Но разве камера часто не преобразует такие странности в черты, чарующие публику? Ее так и подмывало проверить, действительно ли у этой девушки есть свойства, которые понравятся камере, и приглашение уже вертелось на кончике ее языка. Но что-то еще в Кэтрин заставляло Марион ощущать неловкость.

К тому же Марион чувствовала, что Лоуэлл Фальконер начинает распускать хвост, как всегда в присутствии красивых женщин. Потому что к ним приблизилась высокая брюнетка, которая до того строила глазки Исааку.

Лоуэлл шагнул вперед и протянул руку.

Марион подумала, что Дороти Ленгнер еще очаровательнее, чем описания, которые она слышала. Она вспомнила словечко давно овдовевшего отца, который наконец решил выйти из затянувшегося среднего возраста, — «красотка».

— Дороти, я рад, что вы пришли, — сказал Фальконер. — Ваш отец гордился бы, если бы видел вас здесь.

— А я горжусь тем, что вижу его орудия. Уже установленные. Великолепная верфь. Помните Теда Уитмарка?

— Конечно, — ответил Фальконер, пожимая Уитмарку руку. — Думаю, вы будете очень заняты, когда флот придет в Сан-Франциско. Дороти, разрешите представить вам, мисс Марион Морган.

Они поздоровались, и Марион почувствовала, что ее тщательно оценивают.

— И, конечно, вы знакомы с Кэтрин, — завершил представления Фальконер.

— Мы вместе приехали на поезде, — сказал Уитмарк. — Я нанял частный вагон.

Марион сказала:

— Прошу прощения, капитан Фальконер. Я вижу человека, с которым меня просил встретиться Исаак. Рада знакомству, мисс Ленгнер, мистер Уитмарк, мисс Ди.

* * *

Удары по клиньям неожиданно прекратились. Корабль держался только на стапеле. Исаак Белл направился к лестнице, чтобы в последний раз посмотреть, что внизу.

На верху лестницы его остановила Дороти Ленгнер.

— Мистер Белл, я надеялась с вами встретиться.

Она протянула руку в перчатке, и Белл вежливо пожал ее.

— Как поживаете, мисс Ленгнер?

— После нашего разговора гораздо лучше. Оправдание не вернет отца, но все равно это утешение, и я очень вам благодарна.

— Я надеюсь вскоре получить неопровержимые доказательства, но повторю — сам я не сомневаюсь, что ваш отец был убит, и мы найдем убийцу и отдадим его в руки правосудия.

— Кого вы подозреваете?

— Я не готов обсуждать это. Мистер Ван Дорн будет держать вас в курсе.

— Исаак… Можно называть вас Исааком?

— Конечно, если хотите.

— Я уже сказала вам однажды. И хотела бы, чтобы это было ясно.

— Если вы о мистере Уитмарке, — улыбнулся Белл, — то имейте в виду, что он идет сюда.

— Повторяю, — спокойно сказала она. — Я не принимаю поспешных решений. А он уезжает в Сан-Франциско.

Беллу пришло в голову, что главное различие между Марион и Дороти — в их отношении к мужчинам. Дороти думает, сможет ли добавить еще одного в список своих побед. А Марион Морган не сомневается в своей способности завоевывать и потому даже не старается. Это видно в их улыбке. Улыбка Марион манит, как объятие. В улыбке Дороти — вызов. Но Белл не мог не обращать на нее внимания, несмотря на ее отчаянную хрупкость и смелые манеры. Она словно отдается ему, просит спасти от потери отца. А он не верил, что Тед Уитмарк способен это сделать.

— Белл, не так ли? — громко спросил Уитмарк подходя.

— Исаак Белл.

Он видел, что на реке появились буксиры, которые примут корпус, когда он попадет в воду.

— Прошу прошения. Меня ждут на стапеле.

Чтобы выбрать костюм, Ямамото Кента внимательно изучал снимки спуска на воду американских кораблей. Он не может скрыть, что он японец. Но чем менее странным будет его наряд, тем глубже Кента проникнет на верфь и тем легче смешается с почетными гостями. Наблюдая за попутчиками в поезде из Вашингтона, он гордился своим выбором: самый подходящий для такого случая светлый сине-белый полосатый костюм и зеленый широкий галстук под цвет ленты на соломенной шляпе-канотье.

На верфи в Камдене он то и дело снимал шляпу, вежливо приветствуя дам, важных гостей и престарелых джентльменов. Первым, кого он встретил на удивительно современной верфи, оказался капитан Лоуэлл Фальконер, герой Сантьяго. Они познакомились прошлой осенью на открытии бронзовой мемориальной доски в честь командора Томаса Тинджи, первого коменданта Вашингтонской военной верфи. Ямамото создал у Фальконера впечатление, что ушел в отставку из японского флота в звании лейтенанта, чтобы вернуться к своей первой любви — японскому искусству. Капитан Фальконер провел его по арсеналу, за исключением — что было очень заметно — оружейного завода.

Этим утром, когда Ямамото поздравил Фальконера со спуском на воду первого американского дредноута, тот ответил сухим «почти дредноута», предполагая, что как старые морские волки они поймут друг друга: бывший офицер японского флота увидит недостатки.

Ямамото снова прикоснулся к шляпе, на этот раз здороваясь с высокой светловолосой женщиной.

В отличие от других американок, которые лишь холодно кивали «этому азиату», как сказала дочери одна дама, эта женщина удивила его теплой улыбкой и замечанием, что погода для спуска прекрасная.

— И для цветения прекрасных цветов, — ответил японский шпион, который на самом деле прекрасно себя чувствовал с американками: ему удавалось тайно флиртовать с женами высокопоставленных вашингтонских чиновников; эти женщины убеждали себя, что куратор из Азии — это не только богемно, но и экзотично. И он полагал, что в ответ на его игривый комплимент она либо отойдет от него, либо приблизится.

Ему очень понравилось, что она выбрала второе.

Глаза у нее были поразительного цвета морской зелени.

Манеры прямые.

— Мы оба одеты не как морские офицеры, — сказала она. — Что привело сюда вас?

— У меня сегодня свободный день. Я работаю в Смитсоновском институте, — ответил Ямамото. Он не видел под перчаткой выпуклости обручального кольца. Вероятно, дочь важного чиновника. — Коллега из отдела искусств дал мне рекомендательное письмо, которое делает меня гораздо важнее, чем я есть на самом деле. А вы?

— Искусство? Вы художник?

— Всего лишь куратор. Институту передают большое собрание. Меня попросили составить каталог малой его части — очень малой, — добавил он с самоуничижительной улыбкой.

— Вы имеете в виду собрание Фрира?

— Да! Вы о нем знаете?

— Когда я была маленькой, отец взял меня в гости в дом мистера Фрира в Детройте.

Ямамото не удивился тому, что она бывала в гостях у сказочно богатого производителя железнодорожных вагонов. Общество, собиравшееся вокруг американского Нового флота, складывалось из лиц привилегированных, с большими связями и недавно разбогатевших. Эта женщина принадлежала к первым. Ее манеры и чувство стиля выделяли ее среди нуворишей.

— И что вы помните об этом посещении? — спросил он.

Ее зеленые глаза словно вспыхнули.

— У меня в сердце всегда цвета гравюр Ашикжи Утамаро.

— Театральные сцены?

— Да. Цвета такие яркие и одновременно такие тонкие. Они делают еще более заметными его свитки.

— Свитки?

— Ну да, каллиграфические надписи черным по белому, они такие — как же сказать… чистые, будто здесь цвет вовсе несуществен.

— Но Ашиюки Утамаро не писал свитов.

Она перестала улыбаться.

— Неужели я ошиблась? — Она засмеялась, и этот легкий звук дал Ямамото Кента понять, что здесь что-то неладно. — Мне было всего десять, — торопливо добавила она. — Но я точно помню… нет, вероятно, я ошиблась. Как глупо. Мне очень неловко. Я должна казаться вам полной невеждой.

— Вовсе нет, — вежливо ответил Ямамото, осторожно оглядываясь, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он никого не заметил и стал напряженно размышлять. Может, она пытается заставить его продемонстрировать пробелы в наспех приобретенных познаниях в области искусства? Или она искренне ошибалась? Слава богам, что он знает: Ашиюки

Утамаро принадлежала большая печатня. И он вовсе не был художником-отшельником, который знает только кисти, тушь и рисовую бумагу.

Она словно бы отчаянно искала предлог, чтобы прервать беседу.

— Боюсь, мне пора, — сказала она наконец. — Я встречаюсь с подругой.

Ямамото приподнял канотье. Но она вновь удивила его. Вместо того чтобы сразу уйти, она протянула длинную узкую руку в перчатке и сказала:

— Нас не знакомили. Мне понравился разговор с вами. Меня зовут Марион Морган.

Ямамото поклонился, основательно смущенный ее открытостью. Может быть, у него мания преследования.

— Ямамото Кента, — сказал он, пожимая ее руку. — К вашим услугам, мисс Морган. Если когда-нибудь заглянете в Смитсоновский институт, спросите меня.

— Обязательно, — ответила она и отошла.

Удивленный японский шпион смотрел, как Марион Морган, стройная, как крейсер, плыла по бурному морю шляпок с цветами. Ее курс пересекся с курсом женщины в алой шляпе, украшенной шелковыми розами. Шляпы дам наклонились направо и налево, и в образовавшейся арке женщины прикоснулись к щеке друг друга.

Ямамото почувствовал, как у него отвисла челюсть. В женщине, с которой поздоровалась Марион Морган, он узнал любовницу французского капитана-предателя, который готов продать родную мать, чтобы взглянуть на чертежи гидравлического гиродвигателя. Ямамото очень захотелось снять шляпу и почесать в затылке. Совпадение ли, что Марион Морган знакома с Доминик Дюваль? Или прекрасная американка шпионит ради вероломной француженки?

Додумать мысль до конца он не успел — пришлось снять канотье, чтобы поздороваться с очаровательной дамой, с ног до головы одетой в черное.

— Позвольте выразить мои соболезнования, — сказал он Дороти Ленгнер, с которой познакомился на открытии бронзовой памятной доски в Вашингтоне незадолго до того, как убил ее отца.

Проводником Исаака Белла, когда тот в последний раз осматривал корпус, был старший плотник в синем в полоску комбинезоне. Они дважды прошли вдоль всего корабля — с одного борта и с другого.

Последние деревянные подпорки, удерживавшие корпус корабля, были убраны, убрали и копылы — длинные бревна, удерживавшие нос и корму. На месте частого леса подпорок теперь открывался ясный вид от носа до кормы. Оставались только наклонные временные подпорки — тяжелые брусья, которые отпадут, едва только корпус заскользит по рельсам, густо смазанным специальной мазью.

Все килевые колоды, также удерживавшие корабль, тоже были убраны. Три последние были собраны из деревянных треугольников, соединенных так, чтобы образовать деревянные кубы. Плотники разбирали их, вывинчивая винты, удерживавшие их вместе. И, когда треугольники распались, корабль основательнее сел на стапель. Плотники быстро разобрали трюмный блок, последнее, что удерживало корабль, и теперь вся тяжесть «Мичигана» легла на стапель: послышались звуки легких движений плит и заклепок.

— Теперь его держат только задвижки, — сказал плотник Беллу. — Убери их, и он пойдет.

— Видите что-нибудь необычное? — спросил детектив.

Плотник сунул большие пальцы за комбинезон и внимательно осмотрелся. Десятники выпроваживали рабочих со стапеля и из-под навеса. Когда прекратили грохотать молоты, наступила странная тишина. Белл слышал гудки буксиров на реке и гомон ожидающей толпы вверху на платформе.

— Все, как в аптеке, мистер Белл.

— Уверены?

— Осталось только разбить бутылку.

— А кто этот человек с молотом и клином?

Белл показал на мужчину, который неожиданно появился, неся на плече длинный стержень.

— Здоровяк, который должен дополнительно ударить по триггеру, если его заест.

— Вы его знаете?

— Билл Стронг. Племянник моей жены.

Раздался длинный, звучный паровой свисток.

— Пора уходить отсюда, мистер Белл. Когда корабль пойдет, повалятся тонны мусора. И, если мы погибнем, парни станут говорить, что корабль невезучий — «спущен на крови», так тогда говорят.

Они вернулись к лестнице, ведущей на платформу. Когда они расставались: плотник должен был присоединиться к своим товарищам на речном берегу, а Белл — подняться на платформу, — высокий детектив бросил последний взгляд на рельсы, стапель и тускло-красный корпус. У самого начала путей, там, где рельсы уходили в воду, висела тяжелая цепь, свернутая в форме лошадиной подковы. Прикрепленная к кораблю, она поможет замедлить его движение, когда корабль заскользит в воду.

— Что делает этот человек с тачкой?

— Добавляет мази на рельсы.

— Вы его знаете?

— Не могу сказать. Но вот его проверяют ваши люди. Белл видел, что человека проверяют сыщики Ван Дорна.

Человек с тачкой показал ярко-красный пропуск, необходимый для работы под кораблем. В тот миг, когда сыщики расступились, сделав знак «проходи», кто-то засвистел, и детективы побежали в том направлении. Человек подхватил тачку и покатил ее к рельсам.

— Патриот, — сказал плотник.

— Что это значит?

— Видите, на нем красное, белое и синий галстук. Настоящий Дядя Сэм, вот кто он. До свидания, мистер Белл. Загляните в палатку для рабочих. Угощу вас пивом. — И пошел, на ходу говоря: — Я и сам думаю купить себе такой галстук на День независимости. Все официанты в палатке босса в таких.

Белл задержался, глядя на человека с тачкой. Высокий мужчина, худой, бледный, волосы скрыты под шапкой. Единственный здесь, кроме Билла Стронга, который со своим тараном стоял на сто футов ближе к носу. Совпадение ли, что на нем галстук официанта? Прошел ли он через ворота, выдавая себя за официанта, дожидаясь, пока стапель опустеет и он сможет беспрепятственно продвигаться дальше? Впрочем, его пропуск убедил детективов. Даже издали Белл видел, что пропуск верного цвета.

Человек начал торопливо сбрасывать мазь на рельсы. Так торопливо, заметил Белл, что он скорее освобождает тачку, чем размазывает мазь по рельсам.

Исаак Белл побежал вниз по лестнице. Пробегая мимо корпуса корабля, он выхватил свой «браунинг».

— Руки! — крикнул он. — Руки вверх!

Человек повернулся, выпучив глаза. Выглядел он испуганным.

— Брось лопату. Подними руки вверх!

— Что случилось? Я показал пропуск.

У него немецкий акцент.

— Брось лопату!

Он держал ее так крепко, что жилы на тыльной стороне кистей вздулись.

Над головой зазвучали приветственные клики. Немец посмотрел наверх. Корабль дрожал. Неожиданно он пошел. Белл тоже посмотрел наверх, чувствуя там движение. Краем глаза он заметил, как от корпуса отсоединилось бревно толщиной в шпалу и полетело к нему. Он отпрыгнул. Бревно ударило в то место, где он стоял, сбив с него широкополую шляпу и задев плечо; Белла словно лягнула скачущая лошадь.

Прежде чем Белл сумел восстановить равновесие, немец с решительностью хиттера, посылающего дальний пас, взмахнул лопатой.

24

Платформа со зрителями внезапно задрожала.

Все замолчали.

Неожиданно, словно устав ждать, пока целых три года соединялись заклепками тонны стали, броненосец «Мичиган» стронулся с места. Никто не коснулся электрической кнопки, которая должна была запустить таран, освобождающий триггеры. Но корабль все равно пошел вперед. Сперва на дюйм, потом еще.

— Давай! — крикнул министр флота дочери.

Девушка — она была внимательнее — уже взмахнула бутылкой.

Зазвенело стекло. Сквозь сетку потекло шампанское, и девушка воскликнула:

— Нарекаю тебя «Мичиган»!

Сотни зрителей на платформе приветственно закричали. Тысячи на берегу, слишком далекие, чтобы видеть, как в медленном прикосновении к корпусу корабля разбивается бутылка, услышали голоса на платформе и тоже закричали. Буксиры и пароходы на реке загудели. Машинист поезда за навесом стапеля потянул ручку гудка. И медленно, очень медленно броненосец начал набирать скорость.

Под кораблем лопата немца выбила пистолет из руки Белла и ударила его в плечо. Падающее бревно уже заставило Белла покачнуться. Удар лопатой развернул его.

Немец отскочил к тачке и погрузил руки в желатинообразный груз, подтвердив то, что Белл увидел с лестницы. Он выбрасывал мазь на рельсы не только для того, чтобы показать, будто работает, но чтобы достать спрятанное под мазью. С радостным криком он вытащил связку динамитных шашек.

Белл вскочил. Он не видел ни детонатора, ни запального шнура, который воспламенил бы взрывчатку. Это означало, что существует детонатор, который сработает при ударе о корпус корабля. Лицо немца исказило безумное торжество, он побежал к кораблю, высоко поднимая динамитные шашки, и Белл узнал хладнокровное бесстрашие фанатика, готового умереть ради того, чтобы взорвать свою бомбу.

Теперь все блоки и подпорки убраны, и «Мичиган», сохраняя ненадежное равновесие, движется вниз по рельсам. Взрыв разрушит стапель и опрокинет шестнадцатитысячетонный корабль на бок, раздавит платформу и принесет смерть сотням зрителей.

Белл схватил немца. Опрокинул на землю. Но безумие, которое позволяло немцу бесстрашно смотреть в глаза смерти, дало ему силы вырваться. Медленно движущийся корабль еще не вышел из-под навеса и не добрался до воды. Немец вскочил и побежал к стапелю.

Белл не знал, куда упал его «браунинг». Шляпа его исчезла, а с нею и «дерринджер». Он вытащил из-за голенища нож, принял упор на одно колено, и метнул нож одним плавным движением. Острое, как бритва, лезвие вонзилось немцу в шею. Он остановился и повернулся, словно отмахиваясь от мухи. Тяжело раненный, он опустился на колени. Но все равно двинулся к кораблю, подняв бомбу. Однако нож Исаака Белла отнял у него не только несколько драгоценных секунд. Остановившись на мгновение, немец оказался в последней части траектории одного из падающих бревен. И оно разбило ему голову.

Динамит выпал из его протянутой руки. Исаак Белл уже нырнул к нему. Перехватил обеими руками, прежде чем ударный капсюль коснулся земли, и осторожно прижал к груди. А длинный красный корпус полз мимо него.

Земля содрогнулась. Загремели, натягиваясь, цепи. От стапеля пошел дым. «Мичиган», ускоривший движение, сошел с рельсов в освещенную солнцем воду; он тянул за собой острый запах горящей мази, которую воспламенило трение, и поднял на реке тучу брызг, в

которых заиграла радуга.

Пока все не отрываясь смотрели на плывущий корабль, Исаак Белл поднял тело немца и бросил в тачку. К нему бежали детективы, проверявшие пропуск немца. Белл сказал:

— Отнесите этого человека в морг через черный ход, пока его никто не увидел. Кораблестроители суеверны. Мы не хотим испортить им праздник.

Пока тело закрывали обломками досок, Белл отыскал свой пистолет и надел на голову шляпу. Детектив протянул ему нож, и Белл сунул его за голенище.

— Я должен отвести свою девушку обедать. Как я выгляжу?

— Словно кто-то выгладил ваш костюм лопатой.

Они достали платки и отряхнули ему пиджак и брюки.

— Никогда не думали в такие дни надевать что-нибудь потемней?

Марион бросила на вошедшего в павильон Белла взгляд и тихо спросила:

— Ты в порядке?

— В полном.

— Ты пропустил спуск.

— Не совсем, — ответил Белл. — Как твои отношения с мистером Ямамото Кента?

— Мистер Ямамото, — сказала Марион Морган, — поддельный.

25

— Я расставила ловушку, и он угодил прямо в нее, Исаак! Он не знает о существовании «Свитков изгнания» Ашиюки Утамаро.

— Ты поставила меня в тупик. Что такое «Свитки изгнания» Ашиюки Утамаро?

— Ашиюки Утамаро был знаменитым гравером конца эпохи Эдо. Граверы руководили большими мастерскими, где основную часть работы выполняли наемные служащие и ученики: проводили линии, вырезали и покрывали чернилами после того, как мастер наносил рисунок. Граверы не делали каллиграфических свитков.

— А почему так важно, что мистер Ямамото не знает о том, чего не существовало?

— Потому что «Свитки изгнания» Ашиюки Утамаро существуют. Но делались они тайно, и знают о них только подлинные ученые.

— И ты! Неудивительно, что ты получила первый выданный женщине диплом юриста в Стэнфордском университете.

— И я бы не знала, если бы отец не купил однажды такой свиток. Я помню необычную историю, которую он мне рассказал. Я отправила ему в Сан-Франциско телеграмму с просьбой о подробностях. Он прислал в ответ очень дорогую телеграмму.

Ашиюки Утамаро был на вершине своей карьеры гравера, когда у него возникли трения с императором: по-видимому, он строил глазки любимой гейше императора. Жизнь ему спасло только то, что императору нравились его гравюры.

Вместо того чтобы отрубить ему голову или что еще они там делали с повесами, император сослал его на самый северный из островов — Хоккайдо. Для художника, которому нужны мастерская и ученики, это хуже тюрьмы. Потом любовница тайком прислала ему бумагу, чернила и кисти. И пока он не умер, он писал каллиграфические свитки, один в крошечной деревянной лачуге. Но никто не мог признать, что они существуют. И его любовницу, и тех, кто помогал ей навещать его, ждала бы казнь. Свитки нельзя было выставлять. Их нельзя было продать. Каким-то образом они оказались у скупщика в Сан-Франциско, и тот один из них продал отцу.

— Прости мне мой скептицизм, но очень похоже на выдумку продавца произведений искусства.

— Только это правда. Ямамото Кента не знает о «Свитках изгнания». Следовательно, он не ученый и не куратор отдела японского искусства.

— А значит, шпион, — мрачно сказал Белл. — И убийца. Прекрасно, дорогая. На этом

мы его поймаем.

Речи, сопровождавшие тосты по случаю спуска дредноута на воду, оказались милосердно короткими, а тост, который произнес капитан Лоуэлл Фальконер, главный флотский инспектор по стрельбе в цель, по словам Теда Уитмарка, — «первоклассной штукой».

Выразительным языком, с красноречивыми жестами герой Сантьяго превознес современную камденскую верфь, прославил кораблестроителей, поблагодарил конгресс, поздравил главного конструктора и остальных создателей корабля.

Во время одной из оваций Белл прошептал Марион:

— Единственное, что он не похвалил, это сам «Мичиган».

Марион ответила тоже шепотом:

— Ты бы слышал, что он неофициально говорит о «Мичигане». Сравнивает его с китом. Не думаю, что это комплимент.

— Он упомянул, что «Мичиган» чуть ли не вдвое короче Корпуса 44.

С коротким поклоном в сторону Дороти Фальконер поднял тост за Артура Ленгнера.

— За героя, который создал орудия «Мичигана». Лучшие двенадцатидюймовые орудия в мире. И предвестник будущего. Всему флоту будет не хватать его.

Белл посмотрел на Дороти. Лицо ее было освещено радостью: такой образцовый офицер, как Фальконер, при всех назвал ее отца героем.

— Пусть Артур Ленгнер покоится с миром, — закончил капитан Фальконер, — зная, что эта страна спокойно спит под охраной его пушек.

В заключение председатель совета Нью-йоркской военно-морской верфи подарил драгоценный кулон дочери министра флота, той самой, что разбила бутылку шампанского о борт «Мичигана», выпуская корабль в жизнь. Направляясь на помост, промышленник тепло пожал руку передавшему ему кулон человеку в элегантном европейском сюртуке. И прежде чем застегнуть подвеску на шее девушки, воспользовался случаем, чтобы похвалить ювелирную промышленность Ньюарка, соседа Камдена.

Предвидя давку на пути в Нью-Йорк, Белл заплатил камденскому детективу Барни Джорджу, чтобы добыл полицейский катер; тот перевез их через реку в Филадельфию, а там патрульная полицейская машина довезла их до станции Бродвей. Они сели в нью-йоркский экспресс и прошли в вагон-гостиную, где заказали бутылку шампанского, чтобы отпраздновать благополучный спуск, срыв планов саботажника и неизбежную поимку японского шпиона.

Белл знал, что сегодня он был слишком заметен, чтобы пытаться проследить за возвращением Ямамото в Вашингтон. Напротив, он поручил Ямамото лучшим филерам Ван Дорна, каких смог быстро отыскать, а они были поистине очень хороши в своем деле.

— Что скажешь о Фальконере? — спросил Белл у Марион.

— Лоуэлл — очаровательный человек, — ответила она и загадочно добавила: — Он разрывается между тем, чего хочет, что видит и чего боится.

— Загадочно. Что это значит?

— Дредноуты.

— Очевидно. Чего же он боится?

— Японцев.

— Неудивительно. А что он видит?

— Будущее. Торпеды и подводные лодки, которые сделают ненужными его дредноуты.

— Для человека, которого терзают разные опасения, он выглядит чрезвычайно уверенным в себе.

— Это вовсе не так. Он без умолку говорил о своих дредноутах. Потом лицо его неожиданно изменилось, и он сказал: «Во времена рыцарства наступило время, когда доспехи рыцаря стали такими тяжелыми, что его приходилось сажать на лошадь с помощью

подъемного крана. Именно в это время появились самострелы, стрела из которых пробивала доспехи. Невежественного крестьянина за один день можно было научить убивать рыцаря. А в наши дни, — сказал он, для выразительности похлопав меня по колену, — то же самое делают торпеды и подводные лодки».

— Он не упоминал о полетах аэропланов в Китти Хок?[28]

— О да. Он внимательно следил за ними. Флот видит в них потенциал для разведки. Я спросила, а что если вместо пассажира аэроплан понесет торпеду? Лоуэлл побледнел.

— В его речи ничего бледного не было. Ты заметила, как улыбались сенаторы?

— Я встретила твою мисс Ленгнер.

Белл ответил на ее неожиданно пристальный взгляд.

— Что ты о ней думаешь?

— Она положила на тебя глаз.

— Поздравляю ее — у нее хороший вкус. Что еще ты о ней думаешь?

— Думаю, что за своей красотой она очень хрупкая и нуждается в спасении.

— Это работа Теда Уитмарка. Если он справится.

В том же экспрессе «Пенсильвания рейлроуд», но в двух вагонах перед ними, ехал в Нью-Йорк шпион. То, что некоторые назвали бы местью, он рассматривал как контрнаступление. До сегодняшнего дня «Детективное агентство Ван Дорна» раздражало его, но не было серьезным препятствием. И до сего дня он довольствовался наблюдением за ним. Но сегодняшний срыв отличного плана уничтожения «Мичигана» означал, что агентством пора заняться. Ничто не должно помешать его нападению на Великий белый флот.

Когда поезд прибыл в Джерси-Сити, шпион следом за Беллом и его невестой вышел из вокзала и наблюдал, как они уезжают в красном локомобиле; работник гаража ждал их с включенным двигателем. Шпион вернулся на вокзал, прошел к причалу паромов и на пароме «Сент-Луис» компании «Пенсильвания рейлроуд» переправился через реку, вышел на Кортленд-стрит, прошел несколько шагов к Гринвич, потом сел в надземку на Девятой авеню. Вышел он в Адской кухне и пошел в салун Командора Томми, где обычно и бывал Томми, предпочитая его своим новым заведениям.

— Брайан О'Ши! — бурно встретил его главарь гангстеров. — Виски с содовой?

— Что у тебя есть на ван дорнов?

— Этот подлец Гарри Уоррен и его парни вынюхивают тут, я же тебе говорил.

— Пора тебе разбить несколько голов.

— Минутку. Дела идут отлично. Кому нужна война с ван дорнами?

— Отлично? — саркастически спросил О'Ши. — Это как же? Ждешь у железки, пока тебя выгонят с Одиннадцатой авеню?

— Я видел, что скоро погонят, — возразил Томми, закладывая большие пальцы за жилет и принимая горделивый вид хозяина магазина. — Поэтому и подружился с Хип Синг.

Брайан О'Ши скрыл усмешку. Как думает Томми, кто послал к нему Хип Синг?

— Не помню, чтобы Хип Синг были известны любовью к сыщикам. Скоро ли китайцы столкнутся с ван дорнами, действуя на этой территории, как на своей?

— Почему ты так говоришь, Брайан?

— Посылаю сообщение.

— Пошли телеграмму, — ответил Томми. Он рассмеялся. — Вот это смешно. «Пошли телеграмму». Мне нравится.

О'Ши достал из жилетного кармана свое глазное долото. Томми перестал смеяться.

— Цель сообщения, Томми, заставить другого человека задуматься о том, что ты можешь с ним сделать.

---

[28] Военно-воздушная база США в штате Огайо.

О'Ши поднес долото к свету, полюбовался, как блестит его острие, и надел на большой палец. Потом посмотрел на Томми. Главарь банды отвел взгляд.

— Мысли о том, что ты можешь с ним сделать, заставляют его мешкать. Вот в чем сила, Томми: заставь его задуматься, и ты победишь.

— Ладно, ладно. Мы разобьем несколько голов, но я не убиваю детективов. Не хочу войны.

— Кто еще тут вынюхивает, кроме парней Гарри Уоррена?

— Хип Синг заметили нового ван дорна, шныряющего по Чайнатауну.

— Нового? Что значит нового? Молодого?

— Нет, нет, он не юнец. Серьезный молодчик, но не из города.

— Новичок в Нью-Йорке? Зачем им вызывать в Нью-Йорк парней не из города? Это не имеет смысла.

— Он приятель сукина сына Белла.

— Откуда ты знаешь?

— Один из парней видел их вместе на Бруклинской военной верфи. Он не из Нью-Йорка. Похоже, Белл его специально вызвал.

— Он тот самый. Томми, я хочу, чтобы за ним очень внимательно следили.

— Зачем?

— Хочу послать Беллу весточку. Дам ему, о чем задуматься.

— Я не позволю своим «гоферам» убить кого-нибудь из ван дорнов, — упрямо ответил Томми.

— Ты позволил Уиксу попытаться убить Белла, — заметил О'Ши.

— Ледяной — это другое. Ван дорны решили бы, что это личная вражда Уикса с Беллом.

Брайан «Глазник» О'Ши презрительно посмотрел на Томми.

— Не волнуйся. Мы оставим на трупе записку «Томми Томпсон не виноват».

— Перестань, Брайан.

— Я прошу тебя последить за ним.

Томми Томпсон сделал еще глоток из стакана. Посмотрел на долото на большом пальце О'Ши и виновато отвел взгляд.

— Полагаю, — недовольно сказал он, — не согласиться нельзя.

— Следи за ним. Но не трогай.

— Хорошо. Хозяин барин. Приставлю к нему лучших теней. Мальцов и копов. Никто не замечает мальцов и копов. Они просто есть, как пустые пивные бутылки на обочине.

— И вели своим мальцам и копам следить за Беллом тоже.

Джон Скалли бродил по Бауэри и по узким извилистым улочкам Чайнатауна. Он разглядывал длинные косицы на головах китайцев, смотрел на путаницу пожарных лестниц и веревки с развешанным бельем, дивился вывескам ресторанов и чайных — иными словами, притворялся деревенщиной, впервые попавшим в большой город. И только успел, казалось, найти то, что искал, в обличье тощей проститутки, вынырнувшей с Бауэри, как два головореза, появившихся оттуда же, пригрозили ему ржавым ножом и кастетом и потребовали денег.

Скалли вывернул карманы. На тротуар выпала пачка купюр. Бандиты схватили ее и убежали. Они не знали, как им повезло: хладнокровный детектив не считал, что ему достаточно угрожают, чтобы отказаться от маскировки и открыть огонь из спрятанного в жилете «браунинга».

Женщина, свидетельница ограбления, сказала:

— С пустыми карманами ничего от меня не жди.

Скалли надорвал подкладку своего пальто и достал конверт. Заглянув в него, он сказал:

— Да ты глянь. Нам обоим хватит на ночь.

При виде денег женщина повеселела.

— Что скажешь, если мы для начала промочим горло? — щедро предложил Скалли в заведении Маккаллахана на углу Гэтем-стрит. После того как выпили виски и заказали еще, Скалли небрежно спросил:

— Как думаешь, эти парни были из «гоферов»?

— Чего? Кто такие, черт побери, «гоферы»?

— Те, что меня ограбили. «Гоферы». Ну, гангстеры?

— «Гоферы»? А, «гуферы»? — она рассмеялась. — Мария, матерь божья, откуда ты явился?

— Так они или нет?

— Может быть, — сказала она. — Они уже несколько месяцев выходят из Адской кухни.

Скалли и от других слышал эту необычную новость.

— Что значит «несколько месяцев»? Это необычно?

— Раньше «пятиточечники» разбили бы им головы. Или их убили бы Хип Синг. А теперь ходят тут, словно у себя дома.

— Кто такие Хип Синг? — невинно спросил Скалли.

26

— Исаак, — раздраженно возразил Джозеф Ван Дорн. — Вы поймали японцев и немцев, можно сказать, с поличным. Француз шпионит за Белым флотом, а русский практически живет в мастерской Фарли Кента. Зачем вам понадобилось нападать на Британскую империю? На мой взгляд, англичане единственные невиновные во всей этой запутанной сети.

— Кажутся невиновными, — не согласился Исаак Белл.

Теперь, когда сыщики вашингтонской конторы «Агентства Ван Дорна» следили за Ямамото Кента, чтобы определить размеры шпионской организации японцев, а парни Гарри Уоррена прочесывали Адскую кухню, наблюдая за новыми контактами Командора Томми Томпсона, Белл решил, что пора заняться Королевским флотом.

— Британцы построили самый могучий в мире флот, внимательно следя за соперниками. Учитывая успех Эббингтона-Уэстлейка в их действиях против французов, я бы сказал, что они в этом очень хороши.

— Но ведь японец у вас в руках. Вы не думали, что пора его взять?

— Прежде чем он уйдет или причинит больший ущерб? Конечно. Но как мы тогда определим, с кем он связан?

— Его партнеров?

— Может, партнеров. Может, подчиненных. Может, у него есть начальство. — Белл покачал головой. — Меня беспокоит то, чего мы не знаем. Предположим, Ямамото действительно шпион. Как он убедил немца взорвать «Мичиган»? Как заставил этого же или другого немца взорвать домну на «Бетлехем стил»? По данным Смитсоновского института в день, когда бедняга упал с утеса, Ямамото был в Вашингтоне. Кого тогда Ямамото заставил столкнуть его? Кто послал в Ньюпорт людей, которые едва не прикончили Уиллера в его доме?

— Полагаю, Уиллер сейчас спит в безопасности в торпедной лаборатории?

— Очень неохотно. А его подружки сходят с ума. Этот список можно продолжать, Джо. Мы должны найти связи. Что связывает Ямамото с гангстерами вроде Уикса из Адской кухни?

— Взял их взаймы у Командора Томми Томпсона.

— Если так, каким образом японец заручился поддержкой главаря «гоферов»? Мы не знаем.

— Очевидно, вы знаете достаточно, чтобы стрелять в его салуне, — сухо заметил Ван Дорн.

— Меня спровоцировали, — ответил Белл. — Но вы понимаете мою точку зрения. О чьем еще существовании мы не подозреваем?

— Понимаю. Мне это не нравится. Но я понимаю. — Ван Дорн покачал головой, погладил рыжие усы и потер свой римский нос. Наконец основатель агентства одарил своего старшего дознавателя легкой улыбкой. — Итак, теперь вы хотите заняться Британской империей?

— Не всей, — улыбнулся в ответ Белл. — Для начала только Королевским флотом.

— И что вам нужно?

— Опора.

В глазах Ван Дорна неожиданно вспыхнул интересе.

— Ищете рычаг?

— Ямамото и его головорезы могут называть себя шпионами, Джо. Но действуют они как преступники. А мы знаем, как справляться с преступниками.

— Хорошо. Займитесь этим.

Исаак Белл сразу отправился к Бруклинскому мосту и присоединился к Скаддеру Смиту на пешей прогулке. Было ясное солнечное утро. Смит, выбравшийся для своей вахты относительно темное место под Манхэттенским устоем моста, был одним из лучших людей Ван Дорна в Нью-Йорке. Бывший газетчик, уволенный (в зависимости от того, кто рассказывал эту историю) за то, что писал правду, или за то, что регулярно напивался после полудня, он отлично знал все районы города. Он протянул Биллу полевой бинокль.

— Они ходят туда-сюда по мосту, делая вид, что они туристы, делающие съемки на память. Но только почему-то их «брауни» все время нацелены в сторону верфи. И не думаю, что это настоящие «брауни». Там, в корпусе, гораздо более специальные линзы. Рослый круглолицый парень — Эббингтон-Уэстлейк. Красавица — его жена, леди Фиона.

— Я ее видел. А кто тот коротышка?

— Питер Сазерленд, майор британской армии в отставке. Говорит, что направляется в Канаду, взглянуть на нефтяные месторождения.

Необычайно холодная весна захватила и май, и над Ист-ривер дул ледяной ветер. Все трое были в пальто. У женщины — соболий воротник, по цвету такой же, как ее волосы, которые она придерживала на ветру.

— Для чего ему нефтяные месторождения?

— Вчера вечером на приеме Сазерленд сказал: «Нефть — будущее горючее водного транспорта».

— И так как Эббингтон-Уэстлейк — морской атташе, можно с уверенностью сказать: будущее горючее дредноутов.

— А ты как это подслушал?

— Меня считали официантом.

— Пойду за ними, пока они не заказали порцию фазанов.

— Бинокль нужен?

— Нет, я собираюсь погулять.

Скаддер Смит исчез среди пешеходов, направляющихся на Манхэттен.

Белл направился к мнимым туристам.

На середине пролета перед ним открылся вид на Бруклинскую военную верфь к северу от моста. Он видел все эллинги, даже начало самого северного из них, в котором стоял Корпус 44. Все открыты непогоде — заметное отличие от стапелей Камденской верфи. Краны передвигались по поднятым на возвышения рельсам, что давало им возможность нависать непосредственно над строящимися кораблями. Маневровые локомотивы развозили по верфи грузовые вагоны с плитами брони.

В стороне от строительных площадок фургоны, запряженные лошадьми, и грузовики развозили дневное довольствие боевым кораблям, стоящим на реке. Длинные цепочки матросов в белом переносили мешки по трапам. Белл видел сухой док почти восьмисот футов в длину и ста в ширину. Посреди залива темнел искусственный остров, составленный

из доков, стапелей и рельсов. Между этим островом и сушей двигался паром, а по забитому проливу между островом и рынком на берегу туда и назад медленно продвигались рыбачьи лодки и грузовые пароходы.

Трио продолжало делать снимки, когда к нему приблизился Белл. Внезапно вынырнув из потока пешеходов, он взмахнул своим карманным складным «Кодаком-3А» и дружелюбно спросил:

— Хотите, сфотографирую вас троих?

— Не надо, старина, — ответил Эббингтон-Уэстлейк тоном истинного аристократа. — К тому же как мы получим снимок?

Белл все равно сделал снимок.

— Может, воспользоваться одним из ваших фотоаппаратов? Я вижу, у вас их много, — все так же дружелюбно продолжал он. На привлекательном лице Фионы Эббингтон-Уэстлейк отразилось подозрение.

— Послушайте! — сказала она. В ее словах аристократизм смешивался с просторечием. — Я вас где-то видела. И кстати, совсем недавно. Я никогда не забываю лиц.

— И в схожей обстановке, — ответил Исаак Белл. — На прошлой неделе в Нью-Джерси, в Камдене, на Нью-йоркской верфи.

Леди Фиона и ее супруг переглянулись. Майор насторожился.

Белл сказал:

— А сегодня мы «наблюдаем» Нью-йоркскую военную верфь в Бруклине. Эти одинаковые названия, должно быть, путают туристов. — Он снова поднял аппарат. — Посмотрим, удастся ли снять вас всех троих на фоне верфи за вами — ведь вы ее фотографировали?

Тут уж взорвался Эббингтон-Уэстлейк.

— Послушайте, — высокомерно сказал он. — Кто мы, по-вашему? Уходите, сэр. Уходите!

Белл пристально посмотрел на майора «в отставке».

— А вы ищете в Бруклине нефть?

Сазерленд смущенно улыбнулся, как человек, пойманный на лжи. Совсем не то, что Эббингтон-Уэстлейк. Морской атташе прошел мимо своих спутников и угрожающе сказал Беллу:

— Если бы вы знали, кто мы, вы бы сразу ушли. Уходите, или я позову констебля.

Белл ответил спокойной улыбкой.

— Констебль — последний, кого вы хотели бы увидеть в такой обстановке, коммандер. Приходите в шесть часов в бар на первом этаже отеля «Никербокер». Пройдете через вход от подземки.

Смущенный тем, что Белл знает его звание, Эббингтон-Уэстлейк из высокомерного морского офицера превратился в человека того типа, который Белл хорошо знал по колледжу: молодого человека, стремящегося показать себя взрослым и опытным.

— Боюсь, я не езжу подземкой, старина. Плебейский транспорт, вам не кажется?

— Вход со стороны подземки позволит вам незаметно пройти ко мне, «старина». Ровно в шесть. Супругу и майора Сазерленда с собой не берите. Приходите один.

— А если я не приду? — возмущенно спросил Эббингтон-Уэстлейк.

— Тогда я приду к вам в британское посольство.

Морской атташе побледнел. Аналитический отдел заверил Белла, что английское Министерство иностранных дел, военная разведка и морская разведка не доверяли друг другу.

— Подождите, сэр, — прошептал англичанин. — Так попросту не играют. В посольство страны-соперника не приходят так просто за тайнами.

— Я и не знал, что существуют правила.

— Джентльменские, — ответил Эббингтон-Уэстлейк, неожиданно подмигнув. — Знаете эту науку? Делай что нравится. Только будь примером для слуг и не пугай лошадей.

Исаак Белл протянул ему карточку.

— Я не следую правилам шпионов. Я частный детектив.

— Детектив? — презрительно повторил Эббингтон-Уэстлейк.

— У нас свои правила. Мы берем преступников и передаем их полиции.

— Какого дьявола…

— В редких случаях мы отпускаем преступников — но только если они помогают задержать гораздо, гораздо более опасных злодеев. В шесть часов. И не забудьте прихватить для меня кое-что.

— Что именно?

— Шпиона более злостного, чем вы, — холодно улыбнулся Белл. — Гораздо более злостного.

Он повернулся и пошел к Манхэттену, уверенный, что Эббингтон-Уэстлейк явится к шести, как приказано. Спустившись по лестнице с Бруклинского моста на тротуар, он не заметил одноглазого мальчишку, который выдавал себя за продавца полуденной «Геральд».

Белл дошел до ступеней подземки, когда шестое чувство подсказало ему, что за ним следят.

Он миновал вход в подземку, пересек Бродвей и повернул вниз по улице, запруженной доставочными грузовиками и фургонами, автобусами и такси. Он постоянно останавливался, изучал свое отражение в витринах, нырял между движущимися машинами, заходил в магазины и выходил из них. Кто за ним следит — люди Эббингтона-Уэстлейка? Или так называемого майора? Сазерленд выглядит опытным, как человек, побывавший на войнах. И не стоит забывать, что чуть глуповатая напыщенность Эббингтона-Уэстлейка скрывает его несомненные успехи в шпионаже.

На заполненной людьми Фултон-стрит Белл запрыгнул в трамвай и оглянулся. Никого. Он проехал в трамвае до реки, вышел, словно направляясь к парому, но внезапно повернул и сел в трамвай, идущий на запад. Почти сразу он вышел из трамвая и свернул на Голд-стрит. Он по-прежнему никого не видел. Но все равно у него сохранялось ощущение, что за ним следят.

Он вошел в людный ресторан, где подавали омаров, и заплатил официанту, чтобы тот выпустил его через запасный выход в переулок, который вывел его на Плэтт-стрит. По-прежнему никого не видя, но чувствуя слежку, он углубился в старые улицы Нижнего Манхэттена: Перл, Флетчер, Пайн и Нассау.

Как ни старался Белл, он никого не заметил.

Он разглядывал свое отражение в витрине фабриканта аптекарских и ювелирных весов (зайдя перед тем в кафе «Нассау» и тут же выйдя из него), когда понял, что попал на Мейден-лейн — в нью-йоркский квартал ювелиров. Верхние этажи четырех- и пятиэтажных зданий с чугунными фронтонами занимали огранщики алмазов, импортеры, ювелиры, златокузнецы и часовщики. Под мастерскими и фабриками по обеим сторонам улицы тянулись лавки ювелиров, витрины их сверкали, как раскрытые пиратские сундуки.

Белл пристально посмотрел вверх и вниз вдоль узкой улицы, его строгое лицо смягчилось, появилась улыбка. Большинство мужчин на тротуаре — примерно его ровесники, все в модных пальто и шляпах, но в ювелирные магазины они заходили поникшие, с унылыми лицами. Холостяки, собирающиеся жениться, предположил Белл. Пытаются закрепить свое решение купить драгоценность, о которой почти ничего не знают.

Улыбка Белла стала менее уверенной, когда он присоединился к параду мужчин на тротуаре, ломавших перед сверкающими витринами голову над мириадами возможностей и бесконечным выбором. Наконец высокий детектив решил взять быка за рога. Расправив плечи, он зашел в магазин, который показался ему самым дорогим.

Мальчик, который видел, как Исаак Белл зашел в ювелирный, — мальчик, достаточно хорошо одетый, чтобы его не выгнали из квартала ювелиров, с ящиком для чистки обуви на

спине (для маскировки) — подождал, желая убедиться, что ван дорн зашел не для того, чтобы сразу выйти. Он был четвертым, шедшим за добычей сложным маршрутом. Увидав в окне силуэты Белла и владельца магазина, он сделал знак другому мальчику и передал ему ящик.

— Принимай. Мне нужно доложить.

Он пробежал несколько кварталов до примыкающего к Норт-ривер района меблированных комнат и складов, зашел в салун Хадсона и взял бесплатный обед.

— Пошел вон! — заорал бармен.

— К Командору! — ответил мальчик, бесстрашно вкладывая ливерную колбасу между ломтей хлеба. — И побыстрей!

— Прости, парень. Я тебя не узнал. Сюда.

Бармен пропустил его в кабинет хозяина, где был единственный в округе телефон. Хозяин бара подозрительно смотрел на него.

— Выйди, — сказал мальчик. — Это не твое дело.

Хозяин закрыл ящики стола и вышел, покачав головой.

Были времена, когда «гофер», зашедший из Адской кухни в этот район, кончил бы тем, что повис на фонарном столбе. Но эти времена прошли.

Мальчик позвонил в салун Командора Томми. Ему сказали, что Томми там нет, но босс ему перезвонит. Это было странно. Босс всегда сидел в салуне. Говорили, что Томми много лет не выходил днем на улицу. Мальчик сделал себе еще один сэндвич, а когда вернулся, телефон звонил. Командор Томми был страшно зол, что ему пришлось ждать. Когда он кончил орать, мальчик рассказал, как Исаак Белл бродил по городу, начав с середины Бруклинского моста.

— Где он сейчас?

— На Мейден-лейн.

27

В полном смятении Исаак Белл вышел из четвертого ювелирного магазина, по которым ходил последний час. До встречи с Эббингтоном-Уэстлейком в «Никербокере» он успеет заглянуть еще в один-два.

— Почистить, сэр?

— Неплохая мысль.

Он привалился спиной к стене и отдал левый ботинок во власть испачканных ваксой пальцев мальчика с деревянным ящиком. Мысли его путались. Ему только что одновременно сообщили, что бриллиант в платине — «единственный камень, который заставит девушку почувствовать, что она обручена», и что большие полудрагоценные камни в золотой оправе «считаются самыми модными». Особенно по сравнению с мелкими бриллиантами. Хотя даже маленький бриллиант — «вполне приемлемый символ обручения».

— Другую ногу, сэр.

Белл достал метательный нож и взял его в руку, позволяя мальчику надраивать его правый ботинок.

— Здесь всегда так много народу?

— Май и июнь — месяцы обручения, — ответил мальчик, не отрывая взгляда от суконки, которой действовал так быстро, что его движения сливались в одно непрерывное.

— Сколько? — спросил Белл, когда мальчик кончил и ботинки заблестели, как зеркало.

— Десять центов.

— Возьми доллар.

— У меня нет сдачи с бакса, мистер.

— Оставь себе. Ты хорошо поработал.

Мальчик смотрел на него. Казалось, он хочет что-то сказать.

— В чем дело? — спросил Белл. — Что с тобой, сынок?

Мальчик открыл рот. Оглянулся, вдруг подхватил свой ящик и побежал; шарахаясь от прохожих, он исчез за углом. Белл пожал плечами и вошел в ювелирный магазин «Соломон Барлоу», небольшую лавку в первом этаже пятиэтажного дома в итальянском стиле. Барлоу смерил его взглядом проницательным, как у начальника полиции.

— Хочу купить обручальное кольцо. Думаю, оно должно быть с бриллиантом.

— Хотите один бриллиант или россыпь?

— А что вы рекомендуете?

— Ну, если речь идет о цене, то, конечно…

— Считайте, что речь о цене не идет, — сказал Белл.

— Ага! Что ж, я вижу, вы человек со вкусом, сэр. Предложу вам на выбор несколько камней.

Ювелир открыл витрину и положил на прилавок поднос, выложенный черным бархатом.

Белл изумленно присвистнул.

— Я видел мальчишек, которые бросают шарики поменьше.

— Нам повезло с поставщиками, сэр. Мы сами импортируем свои камни. Обычно запас у меня больше, но сейчас обручальные месяцы, и спрос намного вырос.

— Иными словами, покупай, пока не поздно.

— Только если есть срочность. Свадьба у вас скоро?

— Не думаю, — сказал Белл. — Мы не дети и оба очень заняты. С другой стороны, я хотел бы сейчас закрепить положение.

— Большой одиночный бриллиант уникальной расцветки — вот что вам нужно, сэр. Вот, например…

Открылась дверь, и в магазин Барлоу вошел хорошо одетый джентльмен примерно одних лет с Беллом. Он размахивал тростью с золотым набалдашником, усаженным драгоценными камнями. Детективу он показался знакомым, но Белл не мог вспомнить, где его видел. Зрительная память редко подводила его, и он решил, что это случай, когда человек появился совершенно в иной обстановке — они могли встретиться в вайомингском салуне или сидеть рядом на матче борцов в Чикаго. Перед ним явно не отчаявшийся холостяк. Ведет себя не как нерешительный покупатель, на лице уверенная улыбка.

— Мистер Райкер! — воскликнул Барлоу. — Какой удивительный сюрприз! — Беллу он сказал: — Прошу прощения, сэр, я на минутку.

— Нет, нет, — сказал Райкер. — Не хочу мешать сделке.

Барлоу сказал:

— Но я только что говорил о вас с покупателем, который ищет нечто необычное и располагает достаточным временем для выбора.

Он повернулся к Беллу.

— Это тот самый джентльмен, сэр, о котором я вам говорил, наш поставщик камней. Мистер Эрхард Райкер из «Райкер и Райкер». Нам очень повезло, сэр. Если мистер Райкер не сможет подобрать вам камень, никто не сможет. Он главный поставщик лучших камней в мире.

— Боже, Барлоу, — улыбнулся Райкер. — Ваши щедрые похвалы могут заставить покупателя поверить, что я чудотворец, тогда как я всего лишь простой продавец.

Райкер говорил по-английски с таким же аристократическим выговором, как Эббингтон-Уэстлейк, но цвет его пальто заставил Белла предположить, что он немец. Это был «честерфилд»[29] с традиционным черным бархатным воротником. Английский или американский «честерфилд» шьется обычно из серой ткани. Пальто Райкера было из темно-зеленого грубого сукна.

Райкер снял перчатки, переложил трость в левую руку и подал правую.

---

[29] Длинное пальто с поясом, модное в начале 20 века.

— Добрый день, сэр. Как вы только что слышали, меня зовут Эрхард Райкер.

— Исаак Белл.

Они обменялись рукопожатиями. Хватка у Райкера оказалась сильной, рука твердой.

— Если окажете мне честь, я бы подобрал прекрасный камень для вашей невесты. Какого цвета глаза у дамы?

— Морской зелени.

— А волосы?

— Светлые. Светлые, как солома.

— В вашей улыбке я вижу ее красоту.

— Умножьте на десять.

Райкер поклонился на английский манер.

— В таком случае я найду вам камень, который будет *почти* равен ее красоте.

— Спасибо, — сказал Белл. — Вы очень любезны. Мы с вами раньше не встречались? Ваше лицо кажется мне знакомым.

— Нас не представили друг другу, — ответил Райкер. — Но я тоже вас узнаю. Думаю, это было в Камдене, в Нью-Джерси, в начале этой недели.

— На спуске броненосца «Мичиган»! Конечно. Теперь я вспомнил. Вы передали владельцу верфи подарок, а тот вручил его девушке, давшей кораблю имя.

— Я представлял своего клиента из Ньюарка, он украсил подвеску моими камнями.

— Какое удивительное совпадение! — воскликнул Соломон Барлоу.

— Два совпадения, — поправил его Исаак Белл. — Во-первых, мистер Райкер появился, когда я искал особенный камень. А во-вторых, мы оба были на спуске корабля в Камдене в прошлый понедельник.

— Это словно написано звездами! — рассмеялся Райкер. — Или следовало сказать бриллиантами? Ибо что такое бриллианты, как не звезды соразмерные человеку? Я немедленно начинаю искать! Свяжитесь со мной не мешкая, мистер Белл. В Нью-Йорке я останавливаюсь в «Уолдорф-Астории». А когда путешествую, отель пересылает мне письма.

— А меня вы можете найти в «Йельском клубе».

И они обменялись карточками.

Каждый ван дорн, от ученика до старшего дознавателя, с самого первого дня усваивает истину, что совпадения доказывают виновность, если не установлена невиновность. Белл попросил аналитический отдел присмотреться к импортерам драгоценных камней «Райкер и Райкер». Потом отдал свой фотоаппарат, попросил напечатать снимки и немедленно доставить ему, а после пошел в вестибюль подвального этажа, где размещался тихий, слабо освещенный бар.

Эббингтон-Уэстлейк пришел первым — явный признак того, что угроза явиться в британское посольство его испугала.

Белл счел сейчас более мягкий подход более выгодным, и сказал:

— Спасибо что пришли.

И сразу понял: это ошибка. Эббингтон-Уэстлейк величественно раздулся и выпалил:

— Не помню, чтобы у меня был выбор.

— Будь я правительственным агентом, — ответил Белл, — ваши снимки привели бы к аресту.

— Никто не может меня арестовать. У меня дипломатический иммунитет.

— А дипломатический иммунитет избавит вас от неприятностей с вашими начальниками в Лондоне?

Эббингтон-Уэстлейк плотно сжал губы.

— Конечно, не избавит, — продолжал Белл. — Я не правительственный агент, но я точно знаю, где их найти. А ведь меньше всего вы хотите, чтобы ваши соперники из Министерства иностранных дел узнали, что вас поймали с поличным.

— Послушайте, старина, давайте без недоговоренностей.

— С чем вы пришли?

— Прошу прощения? — попытался выиграть время Эббингтон-Уэстлейк.

— С чем вы пришли? Назовите имя. Иностранного шпиона, которого я мог бы арестовать вместо вас.

— Старина, вы чрезвычайно переоцениваете мою влиятельность. Не знаю, кого бы я мог вам назвать.

— А вы чрезвычайно переоцениваете мое терпение. — Белл вопросительно осмотрелся. За соседними темными столиками выпивали пары. Несколько мужчин стояли у стойки. Белл сказал: — Видите джентльмена справа? Того, в котелке?

— И что же?

— Секретная служба. Пригласить его к нам?

Англичанин облизнул губы.

— Ладно, Белл. Расскажу, что смогу. Но предупреждаю: это очень немного.

— Начинайте с малого, — холодно сказал Белл. — Оттуда двинемся дальше.

— Хорошо, хорошо.

Он снова облизнул губы и огляделся. Белл заподозрил, что сейчас он начнет лгать. Он позволил англичанину говорить, не перебивая его. Ввязавшись в разговор, он станет более уязвим.

— Есть один француз по имени Кольбер, — начал Эббингтон-Уэстлейк. — Он торгует оружием.

— Кольбер, говорите?

Да благословит бог аналитический отдел.

— Рэмон Кольбер. Торговля оружием вряд ли выгодна, в действительности это прикрытие для более зловещих дел… Вам знакома подводная лодка Холланда?

Белл кивнул. Подробности ему рассказал Фальконер, и Белл взял у него книгу.

Морской атташе продолжал свой рассказ, и Белл чувствовал все более глубокое восхищение — восхищение хладнокровием Эббингтона-Уэстлейка. Перед угрозой разоблачения он использовал эту угрозу как возможность уничтожить человека, шантажировавшего его жену. Он какое-то время говорил об украденных чертежах судостроителя и об особом гирокомпасе, способном прокладывать курс лодки под водой. Белл позволял ему говорить, пока не появился ученик их агентства и не протянул ему большой конверт. Белл с одобрением отметил, что парень не подходил, пока Белл ему не кивнул, а передав конверт, ушел, не сказав ни слова.

— Пока мы разговариваем, Кольбер плывет в Нью-Йорк на почтовом судне компании «Женераль трансатлантик». Можете взять его, как только корабль подойдет к сорок второму причалу. Понятно?

Белл раскрыл конверт и принялся перелистывать вынутые из него бумаги.

Эббингтон-Уэстлейк ядовито спросил:

— Я вам наскучил, мистер Белл?

— Вовсе нет, коммандер. Не могу припомнить более восхитительной выдумки.

— Выдумки? Послушайте…

Белл передал через стол снимок.

— На этом снимке вы, леди Фиона и Бруклинская военная верфь… осторожней, снимок еще мокрый.

Англичанин тяжело вздохнул.

— Вы ясно даете понять, что я в ваших руках.

— Кто такой Ямамото Кента?

Белл рассчитывал на то, что, подобно грабителям банков и мошенникам, шпионы в международной военно-морской гонке знают своих соперников и других участников. Он увидел, что так и есть. Даже в полутьме бара было заметно, как блеснули глаза Эббингтона-Уэстлейка, когда тот неожиданно понял, в какое положение попал.

— Осторожней! — предупредил Белл. — Стоит мне услышать хоть тень вымысла, и эта

фотография немедленно отправится к джентльмену из секретной службы, а копия — в английское посольство и военно-морскую разведку США. Мы поняли друг друга?

— Да.

— Что вы о нем знаете?

— Ямамото Кента — тщательно маскирующийся японский шпион. Занимается этим целую вечность. Он — номер один в обществе «Черный океан», которое защищает интересы Японии за рубежом. Главный организатор проникновения японцев в русский Азиатский флот и главная причина того, что японцы сейчас в Порт-Артуре. После войны он перебрался в Европу и высмеял попытки англичан и французов сохранить в тайне работу над их кораблями. Он знает о Круппе больше кайзера, а о корабле его величества «Дредноут» больше его капитана.

— Что он делает здесь?

— Не знаю.

— Коммандер, — предостерегающе сказал Белл.

— Не знаю. Клянусь, что не знаю. Но скажу вам одно.

— Лучше что-нибудь интересное.

— Интересное, — уверенно ответил Эббингтон-Уэстлейк. — Очень интересное, потому что шпиону уровня Ямамото совершенно бессмысленно орудовать здесь, в Соединенных Штатах.

— Почему?

— Японцы не хотят воевать с вами. Пока не хотят. Они не готовы. Хотя знают, что вы, американцы, тоже не готовы. Не нужно быть морским гением, чтобы понять, что Великий белый флот — это большой розыгрыш. Но японцы отлично знают, что их собственный флот не готов и не будет готов еще много-много лет.

— Тогда зачем Ямамото сюда явился?

— Подозреваю, что Ямамото ведет какую-то двойную игру.

Белл посмотрел на англичанина. Его удивление было совершенно искренним.

— Что вы хотите сказать?

— Ямамото работает на кого-то другого.

— Не на общество «Черный океан»?

— Вот именно.

— На кого же?

— Понятия не имею. Но это не Япония.

— Если вы не знаете, на кого он работает, откуда вы знаете, что не на японцев?

— Потому что Ямамото предложил покупать сведения у меня.

— Какие сведения?

— Он полагал, что у меня есть информация насчет новейшего французского дредноута. Предложил за нее хорошие деньги. Очевидно, цена для него не препятствие.

— У вас есть эта информация?

— Ни то ни другое, — с непроницаемым лицом ответил Эббингтон-Уэстлейк. — Дело в том, старина, что японцам наплевать на лягушатников. Французский флот не может выйти в Тихий океан. Он едва способен защитить Бискайский залив.

— Тогда для чего ему эти сведения?

— В том-то и дело. Это я и пытаюсь вам сказать. Ямамото хочет продать ее тому, кому французы небезразличны.

— Кому же?

— Кому как не немцам?

Белл целую минуту смотрел в лицо англичанину. Потом наклонился ближе и сказал:

— Коммандер, мне ясно, что за вашей дружелюбной болтовней скрываются обширные знания о ваших коллегах-шпионах. Я вообще подозреваю, что о шпионах вы знаете больше, чем о кораблях, за которыми должны шпионить.

— Добро пожаловать в мир шпионажа, мистер Белл, — цинично ответил

англичанин. — Могу я первым поздравить вас с этим запоздалым прибытием?

— Каким немцам? — хрипло спросил Белл.

— Ну, не могу сказать точно, но…

— Вы ни секунды не верили, что немцы платят Ямамото Кента за шпионаж, — перебил Белл. — Кого вы на самом деле подозреваете?

Эббингтон-Уэстлейк в явном отчаянии покачал головой.

— Никого из известных мне особ. Никого из профессиональных шпионов, с которыми сталкиваешься время от времени… Словно Черный Рыцарь появился из ниоткуда и бросил перчатку Круглому столу короля Артура.

— Независимый, — сказал Белл.

28

— Вот именно, мистер Белл, независимый шпион. Вы попали в яблочко. Но возможность существования независимого шпиона порождает еще больший вопрос. — Круглое лицо Эббингтона-Уэстлейка просветлело от облегчения: у него появилась надежда, что он очень заинтересовал высокого детектива и тот его отпустит. — Кому он служит?

— В шпионских играх часто используют независимых? — спросил Белл.

— Обычно используются все наличные ресурсы.

— А вы когда-нибудь работали независимым?

Эббингтон-Уэстлейк презрительно улыбнулся.

— Королевский флот *нанимает* независимых. Мы на него не работаем.

— Я имею в виду лично вас — если вам понадобятся деньги?

— Я работаю на флот его величества. Я не наемник. — Он встал. — Теперь, мистер Белл, прошу меня извинить. Надеюсь, я сполна заплатил вам за фотографии. Договорились?

— Договорились, — ответил Белл.

— Всего хорошего, сэр.

— Прежде чем вы уйдете, командер.

— Что такое?

— Я имел с вами дело, выступая в роли частного детектива. Однако как американец должен предупредить: если я когда-нибудь увижу, как вы фотографируете Бруклинскую военную верфь или любую другую верфь в этой стране, если хотя бы только услышу об этом, я брошу ваш фотоаппарат с моста и вас вслед за ним.

Исаак Белл торопливо поднялся наверх, в контору Ван Дорна. Дело все разрасталось. Если Эббингтон-Уэстлейк говорит правду — а Белл решил, что это так, — Ямамото Кента не глава шпионской сети, угрожающей Корпусу 44, а лишь один из многих агентов. Как немец, и наемный убийца Уикс, и тот, кто сбросил с утеса специалиста по точности стрельбы. Но кто этот независимый шпион? И кому он служит?

Белл понимал, что он на распутье. Нужно решить, взять ли Ямамото и вытащить из него все что он знает, или следить за ним в надежде выйти на более высокое звено в цепи обмана. Ожидание рискованно. Сколько потребуется такому опытному профессионалу, как Ямамото, чтобы понять, что за ним следят, и исчезнуть?

Когда Белл вошел в помещение, человек за телефонами сказал:

— Он здесь, сэр, как раз вошел, — и протянул ему среднюю трубку. — Босс.

— Откуда?

— Из Вашингтона.

— Ямамото только что сел в поезд до Нью-Йорка, — без предисловий сказал Ван Дорн. — Едет к вам.

— Один?

— Если не считать троих моих людей в том же вагоне. И тех, которые будут следить за ним на каждой станции, где останавливается «Конгрешнал лимитед».

— Я подожду его на железнодорожном пароме. Посмотрю, к кому на встречу он приехал.

Ямамото Кента мог выбрать один из трех паромов «Пенсильвания рейлроуд», чтобы переправиться через реку от вокзала Джерси-сити до острова Манхэттен. Выйдя из «Конгрешнал лимитед» в огромное помещение со стеклянным потолком, он мог также доплыть на корабле до Двадцать третьей улицы, на другом корабле до Десброссес-стрит близ Гринвич-виллидж, либо на третьем — до центра и Кортленд-стрит. Еще один корабль шел даже в Бруклин, а еще один — вверх по Ист-ривер до Бронкса. Выбор парома определят действия детективов.

Он заметил двух детективов в вагоне. И подозревал, что пожилой мужчина, одетый как англиканский священник, несколько дней назад в Вашингтоне шел за ним, одетый шофером такси. Кента подумывал, не сойти ли с поезда еще в Филадельфии, чтобы обмануть детективов Ван Дорна, которые ждут на платформе. Но в Нью-Йорке открывалось много возможностей, и он не видел, зачем причинять себе неудобства, слишком рано прерывая путешествие.

Было уже за полночь, и поезда покидало немного народу; Ямамото хотелось бы иметь лучшее прикрытие. Тем не менее преимущество оставалось на его стороне. Детективы не подозревали, что он уже неделю знает об их присутствии. На его губах появилась легкая улыбка. Природная склонность к шпионажу? Или просто опыт. Он появился в этой игре задолго до того, как родился кое-кто из его соглядатаев.

Как всегда, он путешествовал налегке, с одним небольшим саквояжем. У общества «Черный океан» неограниченные финансовые ресурсы; если понадобится действовать быстро, он может купить себе новую одежду, а не носить ее с собой. Его габардиновое пальто — светло-коричневого, почти белого цвета. Шляпа тоже бросается глаза, плетеная панама с темной лентой.

Там, где заканчивалась платформа и начинался вокзал, Ямамото увидел англиканского священника; тот сделал знак высокому детективу, которого японец видел в Камдене. Лихорадочные поиски в Вашингтоне — он начал их, обнаружив слежку — позволили ему предположить, что это знаменитый Исаак Белл, лучший детектив Ван Дорна. На спуске «Мичигана» Белл был в белом костюме и широкополой шляпе. Сегодня он выглядел как матрос, в удобном свитере и вязаной шапке, скрывающей золотые волосы. Ямамото про себя улыбнулся. Не он один умеет играть в такую игру.

Увлекаемый потоком пассажиров и носильщиков с чемоданами, Ямамото прошел туда, куда указывал знак — на причал, к которому прибывали паромы. Здесь ждал целый ряд их — изрыгающие дым великолепные тусканские красные двухпалубные гиганты размером с дредноут, названные именами крупных американских городов: «Цинциннати», «Сент-Луис», «Питтсбург», «Чикаго». С двигателями в носовой части, плотно прижатые к причалу работающими винтами, они давали японскому шпиону дополнительные возможности выбрать маршрут дальнейшего путешествия.

Ломовые лошади, гремя подковами, втаскивали фургоны с грузом на нижние палубы буксиров — обширные открытые пространства, которые они делили с легковыми авто и грузовиками. Пешие пассажиры могли ехать рядом с ними, отгороженные переборками, тянувшимися по всей длине корабля. Отдельные каюты находились вверху. Пассажир первого класса Ямамото мог наслаждаться короткой переправой в отдельной каюте. Одна такая каюта предназначалась для мужчин, другая — для женщин. Или он мог стоять на открытом воздухе, где соленый ветер разгоняет дым и пепел.

Он выбрал паром не из-за его места назначения, а потому, что матросы уже закрывали вход, больше не позволяя пассажирам входить.

— Не так быстро, китаеза, — крикнул ему в лицо дюжий матрос.

Ямамото уже держал в руке банкноту в десять долларов. При такой удаче глаза матроса округлились, и он протянул руку, выкрикивая:

— Осторожней, сэр! Осторожней!

Ямамото миновал его и прошел глубже, направляясь к лестнице на верхнюю палубу.

Резко прозвучал теноровый свисток. Палуба перестала дрожать: винты, прижимавшие ее к причалу, остановились. Потом огромный корабль встряхнулся от носа до кормы — винты завертелись в обратную сторону, уводя его от причала.

Ямамото добрался до украшенной резьбой деревянной лестницы, которая изящным извивом поднималась вверх. Он впервые позволил себе оглянуться, бросил быстрый взгляд через плечо. И увидел, как Исаак Белл стремглав бежит к краю причала. И прыгает, надеясь перескочить через растущий промежуток. Японский шпион хотел воочию убедиться, что Белл упал в кипящую воду.

Исаак Белл приземлился грациозно, как чайка, прошел к воротам и заговорил с матросом.

Ямамото бегом поднялся по лестнице. Он показал свой билет первого класса, чтобы зайти в гальюн, прошел в туалет, зашел в кабинку и закрылся. Вывернул свое пальто наизнанку, черной подкладкой наружу. Лента на шляпе была сделана из многих слоев плотно намотанного шелка. Кента размотал шелк, превратив ленту в широкий шарф, пригнул поля панамы и повязал их над головой шарфом. Последний штрих лежал в его сумке. Теперь оставалось только ждать, когда паром причалит и все мужчины выйдут из каюты. Движение вперед прекратилось так неожиданно, что ему пришлось опереться на стену. Трижды прозвучал короткий свисток. Снова заработали винты. И к ужасу Ямамото, который не верил своим глазам, огромный паром попятился и снова пристал к причалу, от которого только что отошел.

* * *

Из сотен пассажиров парома «Пенсильвания роуд» громче всех выражал свое негодование сенатор США. Он рычал на капитана парома, как разъяренный лев.

— Что здесь происходит? Я весь день еду из Вашингтона и опаздываю на встречу в Нью-Йорке.

Никто не посмел спросить сенатора, почему он путешествует без жены и с кем это он встречается в полночь. Даже капитану парома, ветеран Норт-ривер, не достало мужества объяснить, что детектив Ван Дорна, переодетый матросом, ворвался на мостик и достал из кармана железнодорожный пропуск, о каких капитан никогда даже не слыхал. Документ предписывал всем работникам железной дороги выполнять все требования детектива, даже если эти требования идут вразрез с желаниями сенатора, который всегда голосовал за законопроекты, выгодные железным дорогам. Рукописный документ, подписанный президентом железной дороги, снабженный его печатью и заверенный федеральным судьей, он подавлял любые возражения. Границами его действия были только здравый смысл и правила безопасности.

— Что вы сделали, чтобы заслужить такой пропуск? — спросил капитан, поспешно передавая в машинное отделение приказ «Стоп машины».

— Оказал президенту услугу, — ответил детектив. — И я всегда рассказываю президенту, как любезны со мной его работники.

Поэтому капитан сказал законодателю:

— Механическая поломка, сенатор.

— И сколько нам здесь ждать?

— Все перейдут на другой корабль. Позвольте понести ваш саквояж.

Капитан схватил вещи сенатора и провел его по палубе и вниз по трапу, где детективы с холодными лицами внимательно всматривались в проходящих пассажиров.

Исаак Белл стоял за другими ван дорнами, вглядываясь в каждое лицо. Тот способ, который выбрал Ямамото, чтобы уйти — в последнее мгновение сел на корабль, — явственно говорил о том, что он заметил слежку. Теперь начиналась погоня.

Мимо прошли триста пассажиров, мужчины и женщины, иногда со спящими детьми. «Слава Богу, — подумал Белл, — что сейчас середина ночи. В час пик паром способен вместить тысячи пассажиров».

— Это последний.

— Хорошо. Теперь обыщите все уголки на корабле. Он где-то прячется.

Маленькая пожилая женщина в длинном темном платье, теплой шали и соломенной шляпке под темным шарфом, села в такси у выхода с вокзала «Джерси-Сити иксчейндж». Она долго, с остановками добиралась до города Хобокен. Трамвай петлял по площади на углу улиц Пери и Ривер, но вот она направилась к первому из законченных туннелей Макаду, и теперь все должно было пойти быстрее. За десять центов она села в вагон электрического поезда, такой новый, что от него пахло краской.

Поезд пронес ее под рекой Гудзон. Через десять минут после посадки она вышла из туннеля на первой же станции в Нью-Йорке. Кондукторы, управлявшие пневматическими дверями, переглянулись. Район улиц Кристофер и Гринвич наверху очень отличался от ярко освещенной станции подземки, особенно в столь поздний час. Но они не успели предупредить женщину: та быстро прошла мимо цветочного киоска — конечно, в этот час закрытого, — и исчезла.

Выйдя на улицу, она увидела темную площадь, вымощенную булыжниками. Над давно превращенными в меблированные комнаты домами, в которых когда-то жили состоятельные горожане, нависали склады и пакгаузы. Женщина привлекла внимание бандита, который пошел за ней, сокращая расстояние, когда она углубилась в переулок. Там женщина внезапно повернулась, приставила ко лбу бандита маленький пистолет и сказала мужским голосом с акцентом, которого бандит никогда раньше не слышал:

— Я хорошо тебе заплачу, если отведешь меня в чистую комнату, где я смогу переночевать. Или нажму на курок. Выбирай.

29

— У меня есть работа для Гарри Винга и Луиса Ло, — сказал Глазник О'Ши.

— Для кого? — спросил Томми Томпсон, который начинал думать, что видит Глазника чаще, чем хотелось бы.

— Для твоих гангстеров-китайцев из Хип Синг, — нетерпеливо сказал О'Ши. — Тех самых китайских бандитов, с которыми ты познакомился в день, когда я воскрес из мертвых. Перестань играть со мной в дурочку. Мы уже говорили об этом.

— Я тебе сказал, они не мои. Я только заключил с ними сделку об открытии нескольких заведений.

— У меня есть для них работа.

— А я тебе зачем?

— Не хочу с ними встречаться. Хочу, чтобы ты вел с ними переговоры для меня. Понял?

— Не желаешь, чтоб они видели твою физию?

— Или слышали обо мне. Ни слова, Томми. Если не хочешь остаток жизни провести слепцом.

Томми Томсон решил, что с него хватит. Он откинулся в кресле, наклонил его назад на двух ножках и холодно сказал:

— Думаю, пора достать пистолет и вышибить тебе мозги, О'Ши.

Брайан О'Ши мгновенно вскочил. Он пнул одну ножку кресла, разбив ее. Главарь банды упал на пол с грохотом, от которого вздрогнуло здание. В комнату вбежали вышибалы Томми. И застыли в дверях. О'Ши зажал голову Томми, держа ее на коленях, повернутую лицом вверх. Его долото касалось левого глаза.

— Разберись со своими этажными.

— Убирайтесь отсюда, — сдавленным голосом приказал Томми.

Вышибалы попятились. О'Ши резко отпустил Томми, так что тот упал на спину, а сам выпрямился и принялся счищать соринки с брюк.

— Вот что мне нужно, — спокойно и небрежно продолжил он. — Отправь Гарри Винга и Луиса Ло в Сан-Франциско.

— А что в Сан-Франциско? — угрюмо спросил Томми, вставая на ноги и вынимая из стола бутылку.

— Морская верфь «Мар-Айленд».

— А это что за дьявольщина?

— Военная верфь. Как Бруклинская. Здесь Великий белый флот будет запасаться провизией и красить днища, прежде чем пойти в Гонолулу, к Окленду и в Японию.

— Глазник, что ты сейчас задумал?

— На верфи «Мар-Айленд» есть склад боеприпасов. Хочу, чтобы Гарри Винг и Луис Ло взорвали его.

— Взорвали военную верфь? — Томпсон опустил бутылку и вскочил. — Ты спятил?

— Нет.

Томми лихорадочно осмотрелся, словно испугался, что в этих тщательно охраняемых стенах у копов есть уши.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что когда склад боеприпасов в «Мар-Айленд» будет взорван, ты сможешь зарабатывать, как никогда в жизни.

— И сколько же?

Глазник сказал, и Командор Томми с улыбкой сел.

Детектив Ван Дорна Джон Скалли продолжал в самых разных обличьях бродить по Чайнатауну. Он был то уличным торговцем, то карманником, то спящим на улице пьяницей или солдатом «армии парковых скамеек», чиновником из департамента здравоохранения, собирающим взятки, чтобы снизить расходы. И все время слышал разговоры о том, что банда «гоферов» распространяет свою деятельность на центр. Прохожие с завистью говорили о первоклассных игорных домах и опиумных курильнях, которые очень придирчивы в выборе девушек. Заведением управляет сама девушка главы Хип Синг, а уж она-то обращается с вами как положено.

— Девушки китайские? — широко раскрыв глаза, спрашивал Скалли, вызывая смех женщин, которых угощал выпивкой на Канал-стрит.

— В Чайнатауне нет китайских девушек.

— Нет китайских девушек?

— Им не разрешается привозить своих девушек.

— А где они тогда берут девушек?

— У них ирландские девушки. А ты что думал?

— Китайская девушка-ирландка? — переспросил Скалли, словно такое сочетание было выше его понимания.

Одна из женщин понизила голос и оглянулась, прежде чем прошептать:

— Я слышала, она из «гоферов».

Тут Скалли не потребовалось изображать недоумение. Это было до того необычно, что либо женщина лгала, либо следовало подумать о необычном и опасном союзе Чайнатауна и Адской кухни.

Скалли знал, что даже слух о союзе китайского тонга и «гоферов» нужно немедленно передать в главную контору. Или по крайней мере Исааку Беллу. Но чутье и годы опыта говорили ему, что он на пороге прорыва и в состоянии закончить дело Корпуса 44. Он чувствовал, что очень близко подошел ко всей истории, и решил еще день-другой ни о чем не докладывать.

Предложили ли «гоферы» девушку в качестве премии при заключении сделки? Или она

сама это предложила? Поданным Гарри Уоррена, женщины-«гоферы» — гораздо более опасные преступники, чем мужчины, намного умнее и изобретательней. Каковы бы ни были эти связи, детектив Джон Скалли считал делом чести явиться в «Никербокер» с целой историей, а не с какими-то жалкими слухами.

Через несколько дней он напал на золотую жилу.

Он был в синем костюме. Скверно сшитая тройка плохо сидела на его коренастой фигуре. Манжеты брюк едва прикрывали верх немодных ботинок. Но круглое лицо затеняла дорогая шляпа, купленная на Бродвее у «Братьев Брукс», а массивная золотая цепь, проглядывавшая из-под жилета, ясно говорила, что это перспективный кандидат для ограбления.

Он зашел в Китайскую оперу на Дойерс-стрит, которую газеты недавно прозвали «Кровавым углом», потому что здесь разворачивались кровавые сражения тонгов Хип Синг и Он Льонг. Он слышал, что где-то на Дойерс заведение Хип Синг предлагает самых красивых девиц, самый чистый опиум и рулетку, за которой стоит крупье, знающий свое дело.

Детектив достаточно повидал опиума и рулетки, чтобы держаться от них подальше. Он ничего не имел против красивых девушек и никак не мог понять, почему он им нравится. А когда это происходило, опиум делал хорошее еще лучше.

Немного посмотрев представление, он снова вышел на улицу; здесь зевака глазел на американский флаг на третьем этаже здания оперы.

— Китайская опера, — спросил он у Скалли, — на что это похоже?

— Не похоже на оперу, — ответил Скалли. — Визжат, словно несмазанные колеса. А вот костюмы и грим — совсем другое дело. Прямо глаз не оторвать.

— А как девушки?

— Трудно сказать.

Зевака протянул руку.

— Тим Холиан. «Уотербери брасс уоркс».

— Джаспер Смит. «Драй гудз Скенектеди», — ответил Скалли и услышал то, считает кошмаром каждый детектив.

— Скенектеди? Тогда вы должны знать моего кузена Эдда Келлехера. Он президент «Ротари» в Скенектеди.

— Нет, с тех пор как сбежал с племянницей моей жены.

— Что? Нет, это какая-то ошибка. Эд женат.

— От одной мысли об этом у меня кровь закипает. Бедной девочке еще нет пятнадцати.

Холиан ошеломленно удалился в сторону Мотт-стрит. Скалли продолжал слоняться между входом в театр и боковым окном, забранным решеткой. И игроку-приманке не потребовалось много времени, чтобы заметить его.

— Эй, братец, хочешь хорошо провести время?

Сколли осмотрел его. Средних лет, очень мало зубов, потрепанная одежда, бывший «парень из Бауэри», больше не способный на насилие, но, судя по взгляду, устремленному на цепочку от часов, готовый отвести к тем, кто способен.

— Что ты имеешь в виду?

— Хочешь встретиться с девушками?

Скалли показал в сторону Мотт-стрит.

— Парень в соломенной шляпе вон там — ему нужны девушки.

— А ты? Хочешь поглядеть на наркоманов в опиумной курильне?

— Проваливай.

Завлекающий «игрок» воспринял его выражение как честное предупреждение и отправился за человеком из Уотербери. Скалли продолжал фланировать.

Пока не везет. С тех пор как обосновался у входа в оперу, он ничего не узнал. Ни следа приходящих или уходящих клиентов. Может, еще рано? Но в таких местах обычно шторы опущены и игра идет круглосуточно. Он покрутился еще с час, но ничуть не приблизился к

цели. Приманки, как тот, которого он прогнал, не приведут его в первоклассное заведение. И потому Скалли продолжал их прогонять, надеясь увидеть настоящих клиентов.

Его внимание привлекло необычное зрелище. Тревожно оглядываясь, быстро прошла светловолосая ирландка, с китайским ребенком на руках. За ней шел коп; он словно преследовал ее. Женщина была плотного сложения, что твой каменщик, а в глазах светилась готовность улыбнуться (ее Скалли всегда высоко ценил). Когда она проходила мимо него в сторону Мотт, он посторонился, уступая дорогу, и приподнял шляпу. Вблизи ребенок казался не чистокровным китайцем, волосы у него и вовсе были светлые.

Коп миновал Скалли и на углу Дойерс догнал женщину. Подозрительно заглянул в ее одеяло. Скалли подошел, догадываясь, что может произойти.

— Я тебя заберу, — сказал коп.

— С чего это? — спросила мать.

— Для твоей безопасности. Всякая белая женщина, вышедшая замуж за китайца, должна доказать, что ее не похитили и не удерживают насильно.

— Похитили? Меня никто не похищал. Я иду варить ужин мужу.

— Покажи брачное свидетельство, тогда поверю.

— Я его не ношу с собой, господи боже. Вы же знаете, я замужем. Просто цепляетесь ко мне. Ждете, что я заплачу.

Коп гневно вспыхнул.

— Пошли, — сказал он, хватая ее за руку.

Джон Скалли приблизился.

— Офицер, мы можем поговорить с глазу на глаз?

— А ты кто такой? Убирайся отсюда!

— Я оттуда, где деньги красноречивы, — сказал Скалли, протягивая копу банкноту. Тот взял ее, повернулся и пошел назад к Бауэри.

— Зачем ты это сделал? — спросила женщина с гневными слезами на глазах.

— Мне показалось это хорошей мыслью, — ответил Скалли. — Они часто к тебе пристают?

— Пристают ко всем, кто замужем за китайцами. Как будто девушка не имеет права выйти за кого хочет. Им поперек горла, когда белая женщина выходит за китайца, поэтому болтают, будто мы это делаем из-за опиума. А что плохого в том, чтобы выйти за китайца? Мой много работает. По вечерам приходит домой. Не пьет. Не бьет меня. А попытался бы, так я бы его побила. Он щуплый.

— Не пьет? — переспросил Скалли. — А опиум курит?

— Он приходит домой ужинать, — улыбнулась она. — Я его опиум.

Салли глубоко вдохнул, виновато осмотрелся и прошептал:

— А если парень хочет глотнуть дыма, просто чтоб посмотреть, каково это?

— Я бы сказала, что он играет с огнем.

— Ну, скажем, он хочет рискнуть. Я не здешний. Есть тут безопасное место, где можно попробовать?

Женщина подбоченилась и посмотрела ему в лицо.

— Я видела, что ты дал копу слишком много. Богатый?

— Да, мэм. У меня дела идут хорошо, но надо и расслабиться. Я очень хочу попробовать что-то новое.

— Зароешь себя в землю.

— Да, мэм. Так я это и вижу. Но я бы заплатил за то, чтобы пойти туда, где меня не ударят по голове.

— Ты стоишь прямо перед ним.

И она кивком головы показала на здание оперы. Скалли посмотрел на высокие окна второго этажа.

— Здесь? Здесь я только что слушал оперу.

— Наверху есть место для богатых посетителей. Сможешь попробовать свой опиум. И

всякое другое.

— Прямо здесь?

Скалли почесал голову и сделал вид, что смотрит, разинув рот. Сыск привел его очень близко. Но без этой женщины он мог бы смотреть целую неделю. Доказательство, что добрые поступки вознаграждаются.

— Поднимайся на балкон, словно хочешь послушать оперу. Поднимись на самый верх, увидишь маленькую дверь. Постучи, и тебя впустят.

— Так просто?

— Для китайцев есть только два типа людей. Чужаки снаружи, семья и друзья — внутри.

— Но я чужак.

— А ты скажи, что тебя послала Сэди, и не будешь чужаком.

Скалли улыбнулся.

— Значит, играешь с огнем?

— Нет, — рассмеялась она и хлопнула его по плечу. — Вовсе нет. Но я знаю кое-кого из девочек.

Скалли снова купил билет, поднялся на балкон, повернулся спиной к воплям, доносящимся со сцены, поднялся по лестнице и постучал в дверь, о которой ему рассказали. Он услышал, как изнутри открылся глазок, и улыбнулся неуверенной улыбкой человека, который оказался не на своей территории. Дверь притворилась, оставаясь закрытой на толстую цепь.

— Чего надо? — спросил крепкий китаец.

Скалли видел рукоять ножа, торчащую из-под его рубашки.

— Я от Сэди.

— А. — Охранник снял цепочку, открыл дверь и улыбнулся. — Входи.

Он показал на лестницу, застланную ковром, и Джон Скалли, поднявшись, оказался в зале, наполненном сладким запахом дыма.

В первые мгновения детективу Ван Дорна не понадобилось притворяться удивленным деревенщиной при виде огромного пространства, залитого золотым светом. Над головой колыхался полог из красной ткани, и все стены были закрыты тканями, коврами и шелковыми вышивками, изображающими драконов, горы и танцующих девушек. Обставленное роскошной резной мебелью, освещенное разноцветными фонарями, это место, подумал Скалли, похоже на тронный зал императора в Пекине, вот только стражи из евнухов не хватает.

Смертельно опасные на вид гангстеры из Хип Синг, вооруженные ножами и топориками, присматривали за колесами рулетки-фараона, столиками для игры в фантан и за красивыми девушками, которые разносили клиентам на мягких диванах трубки с опиумом. Девушки в юбочках по колено все были белые, хотя волосы выкрашены для пущего сходства с китаянками. Как и сказали Скалли на улице, китаянки в Чайнатауне встречались реже, чем зубы у кур.

На диванах полулежали клиенты, желтые и белые. Скалли видел преуспевающих китайских купцов — некоторые были в традиционной одежде мандаринов, другие в просторных костюмах и в шляпах или котелках. Среди белых попадались богатые обитатели Пятой авеню и студенты колледжей, из тех, кто рассчитывает на чековые книжки отцов, чтобы уплатить карточные долги. Но интереснее прочих были двое гангстеров в тесных костюмах и ярких галстуках. Скалли готов поспорить на месячное жалованье, что это «гоферы» из Адской кухни.

Давно ли они здесь? Он не один час простоял снаружи, но не видел, как они входили. Очевидно, у заведения был еще один вход с другой улицы. Скалли прохаживался у черного хода, а они заходили через парадный.

Сидевший на диване белый мужчина нахлобучил на голову шляпу, свесил ноги с дивана и неуверенно встал. А когда встал, их взгляды встретились. Скалли едва не разинул

рот. Что здесь делает Гарри Уоррен?

Оба детектива резко отвернулись друг от друга.

Неужели до Гарри дошли те же слухи, что и до него? Нет, подумал Скалли. Гарри Уоррен следит за «гоферами». Вот как он здесь оказался. Специалист по бандам еще не знает о союзе Хип Синг и «гоферов». Он пошел за «гоферами» и оказался внутри, не сумев сложить два и два. Я далеко опередил Гарри с его хвалеными экспертами, гордо подумал Скалли. Побил нью-йоркских ван дорнов в их родном городе.

К нему подошли две девушки.

Одна — ирландка с отличной фигурой, накрашенная, как китаянка. Другая — рыжеволосая красавица, с такими яркими голубыми глазами, что они блестели в тусклом свете. Она напомнила Скалли Лилиан Рассел[30] в годы ее учения. Хотя, возможно, виной тому была ее огромная шляпа, с приподнятыми полями, или естественная реакция Скалли на едкие клубы остро пахнущего дыма, или толстый, как у актрисы, слой косметики на лице, которое в косметике совершенно не нуждалось.

Рыжая коротким кивком отослала вторую девушку.

Сердце у Скалли забилось чаще. Как ни молодо выглядела рыжая, вела она себя по-хозяйски. Подруга босса Хип Синг, за которой он охотится?

— Добро пожаловать в наше скромное заведение, — сказала она, напомнив Скалли китайскую принцессу из водевиля. Только выговор у нее — Адская кухня чистой воды. — Как вы нас нашли?

— Меня прислала Сэди.

— Сэди оказывает нам большую честь. Каких удовольствий желаете, сэр?

Скалли выглядел так, словно его угнетали открывшиеся возможности. Он и впрямь был слегка подавлен. Она говорила о деле, как хозяйка притона, но при этом так смотрела в глаза, будто предлагала себя. При том, что она, вынужден был признать ошеломленный Скалли, куда выше обычного уровня.

— Так что вам угодно?

— Я всегда хотел попробовать опиум.

Она глядела разочарованно.

— Могли бы получить его у своего аптекаря. Откуда вы?

— Из Скенектеди.

— Разве человек с вашими возможностями не может купить опиум в аптеке?

— Дома я немного робею, если вы понимаете, о чем я.

— Конечно. Понимаю. Что ж, пусть будет опиум. Идемте.

Она взяла его руку в свою, маленькую, сильную и теплую. Провела к кушетке, полускрытой занавесями, и помогла сесть поудобнее, опираясь головой на подушки. Одна из накрашенных «китаянок» принесла трубку. Рыжая сказала:

— Наслаждайтесь. Я подойду к вам позже.

30

— «Гоферы» ранили одного из моих парней, — позвонил Исааку Беллу в «Никербокер» Гарри Уоррен.

— Кого?

— Маленького Эдди Тобина, самого молодого.

Белл отправился в больницу Рузвельта на углу Пятьдесят девятой улицы и Северной авеню.

В вестибюле его встретил Гарри.

---

[30] Лилиан Рассел (1860–1922) — американская актриса и певица, чрезвычайно популярная в конце 19 — начале 20 веков.

— Я поместил его в отдельную палату. Если босс за нее не заплатит, я заплачу сам.

— Если босс не заплатит, заплачу я, — сказал Белл. — Как он?

— Его пинали в лицо мысками ботинок, свинцовой трубой разбили голову и сломали правую руку и обе ноги.

— Он выкарабкается?

— Тобины с Статен-Айленд — контрабандисты, матросы на буксирах, ловцы устриц. Он крепкий парень. Трудно сказать, насколько оправится человек после таких побоев. Как я понял, их было четверо. У него не было ни единого шанса.

Белл прошел в палату и, стискивая кулаки, постоял над лежавшим без сознания детективом. Вся его голова была замотана белыми бинтами, выпачканными кровью. Врач водил стетоскопом по груди раненого. Рядом стояла сестра в накрахмаленном белье.

— Не жалейте никаких денег, — сказал Белл. — Я хочу, чтобы при нем круглосуточно была сиделка.

Он присоединился в коридоре к Гарри Уоррену.

— Это твой город, Гарри. Что нам делать?

Специалист по бандам колебался. Ответ, который он собирался дать, ему явно не нравился.

— Сами по себе они не связываются с «ван дорнами». Но «гоферов» намного больше, чем нас, и, если дойдет до войны, они будут воевать на своей территории.

— Война уже началась, — сказал Исаак Белл.

— Копы нам не помогут. Так уж устроен этот город, что политики, строители, церковь, копы и гангстеры делят его между собой. И, пока никто не жадничает и не старается ничего изменить, они не станут тревожить друга из-за какого-то избитого частного детектива. Мы предоставлены сами себе. Но послушай, Исаак. Это очень странно. Не в обычаях Томми Томпсона нарываться на неприятности, если их можно избежать. Он дает нам понять «держитесь подальше»? Так можно поступить по отношению к другой банде — «дастерам» или «пятиточечникам». Но так не обходятся с «ван дорнами». Он прямо признается, что исполняет приказы шпиона.

— Я хочу, чтобы ты отправил ему ответ.

— Можно шепнуть пару слов кое-кому, кто передаст их ему, если ты об этом.

— Передай ему, что Исаак Белл телеграфирует своему старому другу Джетро Уотту, главе железнодорожной полиции Южной Тихоокеанской дороги. Просит прислать в Нью-Йорк двести парней охранять грузовые пути на Одиннадцатой авеню.

— Ты можешь это сделать?

— Джетро всегда готов подраться, а я точно знаю, что железные дороги устали от постоянных грабежей грузовых вагонов. Томми Томпсон хорошенько подумает, прежде чем еще раз ударить детектива из «Агентства Ван Дорна». Возможно, железнодорожные детективы те еще подонки, но они парни крепкие, и единственный, кого они боятся, это Джетро. До их приезда пусть никто из наших парней не выходит один. На работу — по два или больше, и пусть будут поосторожней в нерабочее время.

— Кстати об одиночках. Я наткнулся на твоего приятеля Джона Скалли.

— Где? Я уже несколько недель о нем не слышал.

— Я следил за одним из старших «гоферов» в Чайнатауне. Тупик. Он целый день курил опиум в притоне. И вот туда одетый туристом явился Джон Скалли.

— Что он там делал?

— Когда я видел его в последний раз, раскуривал трубку.

— Табак? — спросил Белл, сам в это не веря.

— Боюсь, что нет.

Белл посмотрел на Гарри Уоррена.

— Что ж, если ты это выдержал, Скалли тоже ничего не сделается.

* * *

Трансатлантический пароход «Кайзер Вильгельм II Великий» вздымал к дымному небу на краю Гринвич-виллидж четыре высокие, черные дымовые трубы и две еще более высокие мачты. Прямой нос парохода возвышался над буксирами, причалом и целой армией такси и повозок, запряженных лошадьми.

— Вот тут, — сказал Исаак Белл в переговорную трубу шоферу зеленого лимузина, предоставленного отцом Лилиан, жены Арчи Эббота. Железнодорожный магнат сам не мог встретить пароход любимой дочери, потому что мчался через континент в своем частном поезде — собираясь присоединить к своей империи еще одну независимую дорогу, как предполагал Белл. И Белл, у которого были настоятельные причины поговорить с Арчи, вызвался заменить его. — После того как посадите их, подберите меня на Джейн-стрит.

Он вышел из машины и посмотрел на трап. Неудивительно, что первыми с корабля сошли новобрачные в сопровождении заботливого помощника капитана и толпы репортеров, которые сели на пароход еще в Сэнди-Хук, чтобы приветствовать самую популярную в Нью-Йорке молодую пару. Еще больше репортеров ждали на причале. Некоторые с фотоаппаратами. Других сопровождали художники-портретисты.

Белл, который вел расследование замаскировавшись, предпочитал, чтобы его лицо не видели на витринах газетных киосков, и потому отошел от причала и ждал на улице среди невысоких домов и конюшен.

Четверть часа спустя возле него остановился лимузин, и Белл проворно сел в авто.

— Прости за шумиху, — сказал, пожимая ему руку, Арчибальд Эйнджел Эббот IV, в чьих жилах текла голубая кровь. Они дружили с тех времен, когда боксировали за соперничающие колледжи. — Весь Нью-Йорк жаждет увидеть мою зарумянившуюся молодую жену.

— Я не удивлен, — сказал Белл, тепло целуя красавицу Лилиан в щеку, прежде чем сесть на кожаное сиденье лицом к ним. — Лилиан, ты выглядишь невероятно.

— Вини в этом моего мужа, — она рассмеялась и провела рукой по густым рыжим волосам Арчи.

Они вышли из лимузина у дома Хеннеси на Парк-авеню, и чуть позже Белл и Арчи поговорили наедине в библиотеке.

— Она великолепна, — сказал Белл. — А ты кажешься усталым.

Арчи дрожащей рукой поднял стакан.

— Пирушки на всю ночь, ежедневные собрания и приемы в сельских поместьях вельмож, потом снова пирушки. Начинаешь забывать, сколько энергии может быть в девятнадцать лет.

— Что ты узнал на корабле?

— Все европейцы так и лезут в драку, — серьезно сказал Арчи. — И каждый боится, что другой ударит первым. Англичане убеждены, что будет война с Германией. Они знают, что у Германии огромная армия и что кайзер прислушивается к военным. И не только прислушивается. Дьявольщина, армии принадлежат сердце и благословение кайзера!

Немцы убеждены, что будет война с Англией, потому что Англия не потерпит расширения Германской империи. Англичане знают, что победа над немецким флотом не означает победу в войне, зато поражение английского флота приведет к развалу заморской Британской империи. А если этого недостаточно, то вот тебе еще: немцы подозревают, что Россия нападет на них, желая предотвратить революцию и отвлечь крестьян войной. Если это произойдет, опасается Германия, Англия встанет на сторону России, поскольку Россия союзница Франции. А Германия вынуждает Австрию и Турцию воевать на своей стороне. Но ни один из этих идиотов не понимает, что их союзы приведут к войне, какой не ведал мир.

— Все так мрачно?

— К счастью для нас, никто из них не хочет видеть врага в США.

— Поэтому я и гадаю, — сказал Белл, — не пытаются ли Англия и Германия заставить Соединенные Штаты думать, что другая сторона — их враг.

— Именно такие запутанные слухи носились на корабле, — сказал Арчи. — У тебя порочный ум.

— Что ж, в последнее время я якшаюсь с плохими людьми.

— А мне казалось, виновата учеба в Йеле, — сказал Арчи, который закончил Принстон.

— Обхаживая Соединенные Штаты, заставляя стать их союзником, и Англия, и Германия могут тайно представлять своего врага нашим врагом.

— А что насчет того японца?

— Капитан Фальконер утверждает: все, что ослабляет позиции европейцев на Тихом океане, ободряет японцев. Они как можно дольше будут держаться в стороне, а потом примут сторону победителя. Откровенно говоря, он одержим страхом перед японцами. Он близко наблюдал за ними во время русско-японской войны и считает, что знает их лучше других. Настаивает, что они искуснейшие шпионы. Отвечаю на твой вопрос: мы неделю следили за японцем, но он от нас ускользнул.

Арчи в деланном отчаянии покачал головой.

— Я отправляюсь в одно небольшое свадебное путешествие, и дело сыска идет ко всем чертям. Где он, по-твоему?

— В последний раз его видели на железнодорожном пароме, шедшем в Нью-Йорк. Мы прочесываем город. Он мне очень нужен.

— Получен отчет о фирме «Райкер и Райкер», — доложил Грейди Форрер, когда Белл вернулся в контору. — У вас на столе.

Эрхард Райкер приходился сыном основателю компании «Райкер и Райкер», ввозившей драгоценные камни и металлы для ювелирной промышленности Нью-Йорка и Ньюарка. После того как его отец был убит в перестрелке во время англо-бурской войны, в Южной Африке, сын взял на себя управление фирмой и значительно расширил ее. Он регулярно плавал между Европой и Соединенными Штатами на роскошных трансатлантических лайнерах, отдавая предпочтение немецкому «Вильгельму Великому» и английской «Лузитании» в отличие от отца, который плавал на более старых, степенных пароходах вроде «Умбрии» Линии Кунарда или «Хэвела» северогерманского Ллойда. Один факт привлек внимание Белла: у компании «Райкер и Райкер» была собственная служба охраны — для перевозки драгоценностей и самого Райкера, когда он такие драгоценности доставлял сам.

Белл отыскал главу аналитического отдела.

— Такая частная охрана обычна при перевозке драгоценностей?

— У европейцев да, — сказал Грейди Форрер. — Плавают, как хотят.

— Кого он нанимает?

— Красивых громил. Которых можно прилично одеть.

В дверь просунул голову дежурный по приемной.

— Вам звонят, мистер Белл. Не говорит, кто. Английский акцент.

Белл сразу узнал аристократический голос коммандера Эббингтона-Уэстлейка.

— Нельзя ли нам встретиться после коктейля, старина? Может, в этот раз мы даже выпьем.

— За что?

— У меня для вас есть очень интересный сюрприз.

31

— Полиция! Полиция! Никому не двигаться!

Дверь на театральном балконе, через которую Джон Скалли вошел в опиумную курильню банды Хип Синг, с грохотом распахнулась и сбила с ног охранявшего ее могучего китайца. Первым вошел полицейский сержант в шлеме, широкий, как ломовая лошадь.

Китайцы, игравшие за столом в фантан, привыкли к рейдам полиции. Они действовали

быстрее всех. Карты, фишки и денежные купюры полетели в воздух, а игроки устремились в тайный выход, прикрытый занавесом. Вышибалы из Хип Синг подобрали деньги с пола и тоже попытались убежать, но когда отдернули другой занавес, там оказалась глухая стена. Девушки завизжали. Курильщики опиума подняли головы.

Рыжеволосая хозяйка заведения подбежала к дивану Скалли.

— Идем со мной!

Когда копы с угрожающими криками начали вваливаться в помещение, она втащила Скалли в другой проход за занавесом. В почти полной темноте Скалли не видел никакой двери, но, когда рыжая коснулась стенной панели, открылся узкий ход. Они прошли в него, девушка обернулась, закрыла дверь на петлях и заложила тяжелые засовы вверху и внизу.

— Быстрей!

Она провела его по крутой и узкой лестнице — такой узкой, что детектив едва протискивался. На каждой площадке перед ними вставала другая дверь. Девушка открывала ее, они проходили, и она снова запирала ее изнутри.

— Куда мы идем? — спросил Скалли.

— В туннель.

Последнюю дверь она открыла ключом. За ней был туннель с низким потолком, узкий и сырой. Он уходил в темноту. Девушка взяла из углубления в стене фонарик на батареях и при его свете повела Скалли под землей. Детективу показалось, что прошли они не меньше двух кварталов. По многочисленным поворотам, изгибам и разрывам в стенах он предположил, что на самом деле это подземный ход через ряд соединяющихся подвалов.

Девушка открыла очередную дверь, снова взяла Скалли за руку и провела по двум пролетам лестницы в гостиную с обычной мебелью — комнату с высокими окнами, из которых открывался вид на залитую солнцем станцию надземки «Грэтем-сквер».

Скалли так долго пробыл в темноте, что ему трудно было поверить, что дневной свет еще существует.

— Спасибо, что спасли, мэм.

— Меня зовут Кэти. Сядь. Успокойся.

— Джаспер, — ответил Скалли. — Джаспер Смит.

Кэти поставила сумку, подняла руки и стала вынимать заколки из волос.

Скалли с интересом наблюдал. При дневном свете она была еще красивее.

— Знаешь, — засмеялся он, — будь мой нож таким же длинным, как твои заколки, меня арестовали бы за ношение опасного холодного оружия.

Она посмотрела на него, надув губы.

— Нельзя, чтобы шляпа девушки сидела криво.

— Кажется, это неважно, если на девушке шляпа размером с колесо или такая штука с колокольчиками; их все равно прикалывают булавками длиной в руку. Я вижу, ты тоже за республиканцев.

— Почему ты так решил?

Скалли взял десятидюймовую заколку, которую она отложила, и поднес к свету. На бронзовой головке был изображен опоссум с клюшкой для гольфа.

— «Билли Опоссум». Тот, кого мы зовем Уильям Говард Тафт.[31]

Она воткнула все четыре заколки в диванную подушку и бросила рядом с ними шляпу. Потом приняла соблазнительную позу, упираясь сильными руками в стройные бедра.

— Опиум здесь не могу предложить. Хочешь скотч со льдом?

— И не только, — улыбнулся Скалли.

Он смотрел, как она смешивает в высоких стаканах виски с водой. Потом чокнулся с ней, сделал глоток и наклонился, чтобы поцеловать. Она отступила.

---

[31] Уильям Говард Тафт (1857–1930) — 27-й президент США с 1909 по 1913, от Республиканской партии. Билли Опоссум — его прозвище.

— Хочу, чтобы мне было удобнее. Я ходила в этом платье весь день.

Скалли быстро, тщательно и неслышно обыскал комнату. Он искал квитанцию об оплате комнат или счет за газ, которые сказали бы, кому принадлежит эта квартира. Пришлось остановиться — мимо прогремел поезд, и он не услышал бы, как она возвращается из спальни. Поезд прошел, и он поискал еще немного.

— Эй, что ты там делаешь? — крикнул он.

— Не гони.

Скалли поискал еще. Ничего. Ящики и шкафы пустые, как в гостиничном номере. Он бросил взгляд в коридор и открыл ее сумочку. И в тот миг, когда услышал, что открывается дверь, вытянул джекпот. Два железнодорожных билета на завтрашний поезд в 3:30 «Твентис сенчури лимитед» — экспресс до Чикаго, идущий восемнадцать часов, с пересадкой в Чикаго до Сан-Франциско. Билеты для Кэти и кого? Босса? Дружка из Хип Синг?

Увидев у него спрятанный тринадцатидюймовый пистолет калибра.25 в кобуре, она пожелала узнать, что эта штука здесь делает.

— Однажды меня ограбили, когда я нес жалованье своим клеркам. Больше такого не случится.

Казалось, она поверила. По крайней мере продолжению это не помешало. Пока он не заметил, что она подмешивает ему во вторую порцию виски снотворное.

Скалли неожиданно почувствовал себя усталым и старьм.

Она очень хороша в своем деле. У нее хватило терпения подождать второй рюмки, чтобы он не заметил горечи хлоралгидрата. Стакан она умело держала на ладони, зажав большим пальцем. Скрестила ноги, показав при этом белоснежные бедра. Единственным ее недостатком была молодость. Он слишком стар, чтобы его провел ребенок.

— До дна! — улыбнулась она.

— До дна, — прошептал в ответ Скалли. — Знаешь, я никогда не встречал такой девушки.

Глядя в ее красивые голубые глаза, он потянулся за стаканом и сбросил его со стола.

* * *

Исаак Белл спустился в подвальный бар «Никербокера» за десять минут до назначенного срока. В разгар солнечного дня здесь было почти пусто, и он сразу увидел, что Эббингтона-Уэстлейка еще нет. Один человек за стойкой, две пары за столиками и одинокая фигура в том самом темном углу, где они сидели с английским морским атташе. Безупречно одетый в старомодный фрак с высоким стоячим воротником и галстук-самовяз, этот человек поманил его, полупривстав и наклонив голову.

Белл подошел, гадая, можно ли верить глазам.

— Ямамото Кента, полагаю?

32

— Мистер Белл, вы знакомы с «намбу тип Б»?

— Семимиллиметровый полуавтоматический пистолет низкого качества, — напряженно ответил Белл. — Большинство японских офицеров предпочитают «браунинг».

— Я сентиментальный патриот, — сказал Ямамото. — И, если стрелять через один небольшой столик, он весьма эффективен. Держите руки так, чтобы я их видел.

Белл сел, положив крупные руки на стол, одну ладонью вниз, другую вверх, и стал смотреть в лицо, по которому ничего невозможно было прочесть.

— Далеко, по-вашему, вы сможете уйти, если застрелите меня в полном людей отеле?

— Учитывая, как мне в течение двух недель удавалось уходить от профессиональных сыщиков, обычные посетители, выпивающие в баре отеля, не представляют для меня угрозы.

Но, конечно, вы догадываетесь, что я заманил вас сюда не для того, чтобы застрелить, — это я легко мог бы сделать вчера вечером, когда вы возвращались из этого отеля в свой клуб на Сорок четвертой улице.

Белл ответил мрачной улыбкой.

— Поздравляю общество «Черный океан» — оно сумело научить своих агентов искусству невидимости.

— Принимаю комплимент, — улыбнулся в ответ Ямамото. — От имени Японской империи.

— Почему патриот Японской империи становится орудием мести английского шпиона?

— Не нужно недооценивать Эббингтона-Уэстлейка. Вы задели его гордость, а с англичанами это опасно.

— Когда в следующий раз его увижу, не стану задевать его гордость.

Ямамото снова улыбнулся.

— Это ваше с ним дело. Но давайте не забывать, что мы с вами не враги.

— Вы убили Артура Ленгнера на оружейном заводе, — холодно ответил Белл. — Это делает нас врагами.

— Я не убивал Артура Ленгнера. Это сделал другой. Подчиненный-завистник. Я принял к нему необходимые меры.

Белл кивнул. Он не видел толка в том, чтобы опровергать эту хладнокровную ложь, пока намерения японца неясны.

— Если вы не убивали Ленгнера и мы не враги, почему вы под столом целитесь из пистолета мне в живот?

— Чтобы привлечь ваше внимание и объяснить, что происходит и чем я могу вам помочь.

— Зачем вам помогать мне?

— Вы можете помочь мне.

— Предлагаете сделку?

— Предлагаю торговлю.

— Торговлю?

— Мне пора исчезнуть.

Исаак Белл подчеркнуто покачал головой.

— Бессмысленно. Вы уже продемонстрировали умение неожиданно исчезать.

— Это должно быть не простое исчезновение. На мне лежит ответственность — ответственность перед моей страной, — что не имеет к вам ни малейшего отношения, потому что мы не враги. Мне нужно уйти чисто, не оставить ничего, что позволило бы преследовать меня или причинить неприятности моей стране.

Белл напряженно размышлял. Ямамото подтверждал его подозрения: всем этим руководит другой шпион, который привлек к делу не только убийцу-японца, но и немца-саботажника и еще бог весть сколько других.

Ямамото настойчиво говорил:

— Благоразумие означает выживание. Поражения и победы следует рассматривать спокойно, после событий и отстраненно.

Чтобы спасти свою шкуру — и кто знает, из каких еще побуждений, — Ямамото готов был предать своего босса. Как цинично сказал за этим же столиком Эббингтон-Уэстлейк, «добро пожаловать в мир шпионажа, мистер Блейк».

— С чего мне вам доверять?

— Я приведу две причины, по которым вы можете мне доверять. Во-первых, я не убил вас, хотя мог. Согласны?

— Вы могли попробовать.

— Во-вторых, вот мой пистолет. Я передаю его вам под столом. Поступайте с ним как угодно.

И он протянул Беллу пистолет рукоятью вперед.

— Он снят с предохранителя? — спросил Белл.

— Да, и теперь нацелен в меня, — ответил Ямамото. — Сейчас я встану. С вашего позволения.

Белл кивнул.

Ямамото поднялся. Белл сказал:

— Я буду больше доверять вам, если вы отдадите и второй пистолет, спрятанный у вас в боковом кармане.

Ямамото чуть улыбнулся.

— У вас острое зрение, мистер Белл. Но он может мне понадобиться, чтобы иметь возможность доставить товар.

— В таком случае, — сказал Белл, — возьмите и этот.

— Спасибо.

— Удачной охоты.

* * *

В тот же вечер Ямамото Кента встретился со шпионом у него складе на берегу реки в Александрии, в Виргинии.

— Ваш план нападения на Великий белый флот на «Мар-Айленд», — официальным тоном начал он, — не соответствует планам моего правительства.

Уже два дня шли дожди, и река Потомак разливалась, подпитываемая водоразделом, который собирал воду с тысяч квадратных миль Мэриленда, Виргинии, Западной Виргинии, Пенсильвании и Вашингтона, округ Колумбия. От мощного течения дрожал пол. Дождь барабанил по древней крыше. Вода капала в перевернутый шлем на столе шпиона, заливала прожектор за шлемом и стекала по его линзам.

Шпион не смог скрыть удивления.

— Как вы о нем узнали?

Ямамото тонко улыбнулся.

— Может быть, дело в моей природной способности к шпионажу, в хитрости и самообладании, незнакомых Западу.

Улыбка его стала напряженной, кожа так натянулась, что шпион различал под губой бугорки зубов.

— Я этого не допущу, — продолжал японец. — Вы не вобьете клин между Японией и Соединенными Штатами в столь неподходящее время.

— Клин уже вогнан, — спокойно ответил шпион.

— И что хорошего это принесет?

— Тут как посмотреть. С точки зрения немцев, ссора Японии и Соединенных Штатов откроет для них возможности в Тихом океане. И Великобритания не будет горевать, если флоту Соединенных Штатов придется сосредоточить свои броненосцы у западного побережья. Англия, возможно, даже воспользуется возможностью снова захватить Вест-Индию.

— Это ничего не дает Японии.

— Немецкие и английские друзья готовы заплатить мне за новые возможности.

— Вы даже хуже, чем я считал.

Шпион рассмеялся.

— Разве вы не понимаете? Международная гонка дредноутов предоставляет великолепные возможности человеку, способному использовать их. Соперничающие государства заплатят сколько угодно, лишь бы остановить остальных. Я торговец на рынке.

— Вы играете за оба фланга против центра.

Шпион рассмеялся еще громче.

— Вы недооцениваете меня, Ямамото. Я играю за все фланги против центра. Сколачиваю себе состояние. Во что мне обойдется сохранить вас в игре?

— Я не наемник.

— О. Я забыл. Вы патриот. — Он небрежно снял толстое черное полотенце, висевшее на спинке его стула. — Шпион-джентльмен с высокими моральными принципами. Но шпион-джентльмен все равно что пистолет, стреляющий холостыми, — хорош, чтобы дать старт велосипедной гонке, но и только.

Ямамото был холодно уверен в прочности своей позиции.

— Я не шпион-джентльмен. Я просто патриот, как ваш отец, который служил канцлеру, как я служу моему императору. Ни один из нас не продал бы свою страну.

— Оставьте моего несчастного покойного отца в покое, — устало попросил шпион.

— Ваш отец понял бы, почему я должен вас остановить.

Ямамото достал из кармана пальто полуавтоматический пистолет «намбу», ловко снял его с предохранителя и нацелил в голову шпиона.

Шпион посмотрел на него с легкой улыбкой.

— Вы серьезно, Кента? Что же вы собираетесь делать? Передать меня в руки флота Соединенных Штатов? Там могут задать вопросы и вам.

— Не сомневаюсь. Поэтому я передам вас в руки «Детективного агентства Ван Дорна».

— Зачем?

— Ван дорны будут удерживать вас, пока я благополучно не покину страну. А потом передадут флоту США.

Шпион закрыл глаза.

— Вы забываете об одном обстоятельство. Я не представляю ни одно государство.

— Нет, я знаю, откуда вы родом, Глазник О'Ши. Мистер Брайан «Глазник» О'Ши.

Глаза шпиона раскрылись. Он посмотрел на полотенце, которое начал поднимать к лицу. Оно лежало у него на руках, как подношение.

Ямамото усмехнулся.

— Удивлены?

— Чрезвычайно удивлен, — признал шпион. — Уже очень давно Брайан О'Ши не было моим именем.

— Я вам говорил. Я играл в эту игру, когда вы еще не родились. Положите руки так, чтобы я мог их видеть, иначе я передам ван дорнам труп.

Шпион снова закрыл глаза.

— Вы пугаете меня, Кента. Я просто пытаюсь обтереть пот со лба.

Он вытер лоб и потом как можно плотнее закрыл полотенцем глаза. У его ног, не видный с другой стороны, находился толстый электрический кабель, соединенный с выключателем. Над ним в нескольких дюймах нависал рычаг. Шпион нажал на рукоять изолированного рычага, замкнув цепь. Треск мощной голубой искры прозвучал, как пистолетный выстрел.

За спиной шпиона корабельный прожектор (двести тысяч свечей, предназначен для освещения вражеских кораблей на расстоянии в шесть миль) послал свой ослепительный, словно белое пламя, луч прямо в глаза Ямамото. Луч был такой мощный, что шпион сквозь веки, толстое полотенце и плоть увидел кости в своих руках. Луч мгновенно сжег сетчатку, ослепив Ямамото. Японский шпион с криком упал.

Шпион отключил рубильник, дождался, пока свет померкнет, опустил полотенце и встал, мигая; перед его глазами вертелись розовые круги.

— Капитаны говорят мне, что луч прожектора отгоняет эсминцы лучше пушек, — небрежно сказал он. — Могу доложить, что не хуже он действует и на предателей.

Из ящика стола он достал сложенную газету «Вашингтон пост», а из-под нее отрезок двенадцатидюймовой свинцовой трубы. Обошел стол и переступил через упавший стул. Он был всего на несколько дюймов выше маленького Ямамото, который корчился на полу. Но силы у него хватило бы на троих, и двигался он целеустремленно, как торпеда.

Он высоко поднял свинцовую трубу и опустил ее на голову Ямамото.

Одного удара было достаточно.

Он проверил карманы Ямамото, желая убедиться, что там есть удостоверяющие личность документы, и нашел в бумажнике письмо-рекомендацию из Японского музея в Смитсоновский институт. Превосходно. Поискал на складе и нашел пробковый спасательный жилет. Убедился, что ткань прочная, потом просунул руки Ямамото в жилет и надежно завязал его.

Он потащил тело к той стороне склада, которая нависала над Потомаком. Деревянный рычаг на уровне его плеча открыл люк в полу. Крышка люка со звоном распахнулась. Всплеск — тело упало вниз. В такую дождливую ночь течение унесет его на мили.

Здесь с делами покончено. Пора покидать Вашингтон. Шпион обошел склад, переворачивая керосиновые лампы, запасенные на такой случай. Потом повторил обход, зажигая спички и бросая их в пролитый керосин, и, когда все вспыхнуло оранжевым пламенем, вышел за двери под дождь.

33

Весь следующий день Белл ждал вестей от Ямамото. Всякий раз как звонил телефон или начинал стучать телеграфный ключ, он вскакивал из-за стола, только для того чтобы снова разочарованно сесть. Что-то, должно быть, не заладилось. Японскому шпиону не имело смысла его предавать. Пришел он добровольно. Предложил сделку. День тянулся, телефоны звонили и звонили.

Неожиданно его позвал сидевший при телефонах агент, и Белл побежал через комнату.

— Только что звонил оператор. Сообщение от Скалли.

— Какое?

— Он сказал только: «Центральный вокзал, в три тридцать дня».

Белл схватил шляпу. Загадочное даже по стандартам Скалли, это сообщение означало: либо Скалли наткнулся на что-то очень важное, либо ему грозит опасность.

— Продолжайте ждать Ямамото. Если удастся, позвоню с Центрального вокзала. Но как только позвонит Ямамото, пошлите за мной курьера.

Джон Скалли решил, что пора привлечь Исаака Белла. По правде сказать, признавался он себе, разыскивая платный общественный телефон на Центральном вокзале, надо было сделать это раньше. Он никак не мог найти проклятый телефон. Старый железнодорожный вокзал снесли и заменили обширным новым терминалом, и телефоны все время переставляли. Там, где он в последний раз пользовался телефоном, сейчас зияла дыра, открывающая вид на котлован глубиной шестьдесят футов. Найдя наконец телефон и потратив на это десять минут, он сказал оператору:

— «Детективное агентство Ван Дорна». «Никербокер».

Служитель в форме провел его в одну из отделанных деревянными панелями будок.

— Добрый день, — послышался приятный голос оператора; девушку выбрали за красивый голос и ясный ум. — Вы позвонили в «Детективное агентство Ван Дорна». С кем вы хотели бы поговорить?

— Сообщение для Исаака Белла. Передайте ему, что Скалли сказал: «Центральный вокзал, в три тридцать дня». Понятно? «Центральный вокзал, в три тридцать дня».

— Да, мистер Скалли.

Он заплатил служителю и отправился на платформу, отведенную для «Твентис сенчури лимитед». На вокзале царил хаос. Повсюду рабочие, они кишат на лесах, колотят молотами по камню, стали и мрамору. Тащат по залу тачки и тележки. Но у временного входа на территорию «Лимитед», где на стенде было написано «Чикаго», служащие компании вежливо проверяли билеты, и знаменитый красный ковер компании уже был расстелен и вел на платформу. Казалось, как только пассажир доберется до знаменитого чикагского экспресса, всем его злоключениям конец.

— Джаспер! Джаспер Смит!

К нему в элегантном дорожном костюме, который венчала широкополая шляпа «веселая вдова» шла маленькая мисс Снотворные Капли из опиумного заведения в опере.

— Какое замечательное совпадение. Слава богу, я вас нашла!

— Откуда вы знали, что я здесь буду?

— Не знала. Только что вас увидела. О, Джаспер, если бы я знала, что снова с вами встречусь! Вчера вечером вы так торопливо ушли…

Что-то неладно. Скалли осмотрелся. Где же ее дружок из Хип Синг? И тут он увидел пробивающуюся сквозь поток спешащих пассажиров тележку продавца сигар; тележку катил китаец. Еще три тележки со строительным мусором тащили ирландские рабочие. И все тележки собирались вокруг него, кольцом, как ставят фургоны для защиты от индейцев.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Встречаю поезд.

«Я торчал у оперы — легкая добыча, — подумал Скаллиг. — Достаточно долго, чтобы меня засекли Хип Синг».

Ирландцы, тащившие тележки, смотрели на него. «Гоферы»? Или просто глазеют на красивую девушку, которая улыбается ему так, словно у нее самые серьезные намерения.

«Или в курильне они узнали и меня, и Гарри Уоррена?»

Китаец с тележкой сигар смотрит на него без всякого выражения. Бандит из тонга?

«Билет на поезд! Она позволила мне найти билет. Заманила меня сюда».

Скалли потянулся за пистолетом. Даже полицейская облава была разыграна. Подкупленные копы понадобились, чтобы он убежал с девушкой.

Что-то ударило его по голове.

У его ног лежал мяч, и к нему подскочил рослый улыбающийся парень в пальто и галстуке — студент.

— Простите, сэр, мы нечаянно, просто дурачимся здесь.

Спасен! Удача, которой он не заслуживает.

Шестеро здоровенных молодых людей, явно из обеспеченных, перебрасываясь мячом, оттеснили ирландцев и китайца. Они схватывались друг с другом, извинялись, пожимали руки, и неожиданно Скалли и Кэти оказались в центре настоящей потасовки. Но только когда трое этих парней схватили Скалли за руки, а Кэти вытащила из «веселой вдовы» десятидюймовую стальную булавку, Скалли понял, что мисс Снотворные Капли перехитрила его.

Исаак Белл торопливо шел через строительную площадку. Он видел толпу, собравшуюся у входа на перрон «Твентис сенчури лимитед». Полицейский кричал: «Расходитесь! Расходитесь!» — и требовал врача. С ужасным ощущением, что опоздал, Белл пробился в центр толпы.

Коп попытался остановить его.

— Ван Дорн! — крикнул Белл. — Это один из моих людей?

— Смотрите сами.

Джон Скалли лежал на спине. Глаза его были открыты, руки сложены на груди.

— Похоже на сердечный приступ, — сказал коп. — Он ваш?

Белл наклонился к Скалли.

— Да.

— Мне жаль, мистер. По крайней мере умер он мирно. Вероятно, так и не понял, что с ним случилось.

Исаак Белл осторожно закрыл Скалли глаза.

— Спи спокойно, друг мой.

Послышался свисток.

— По вагонам! — закричали проводники. — «Твентис сенчури лимитед» до Чикаго. Все-е-е-е по вагонам!

Под головой у Скалли лежала его шляпа. Белл хотел закрыть ею лицо детектива. Рука

его окрасилась теплой кровью.

— Матерь божья! — выдохнул коп у него за плечом.

Белл повернул голову Скалли и увидел медную головку шляпной булавки, торчащей из его шеи.

— Все-е-е-е по вагонам! Все-е-е-е по вагонам! «Твентис сенчури лимитед» до Чикаго. Все-е-е-е по вагонам!

Белл обыскал карманы Скалли. В кармане пальто лежал конверт с его именем. Белл выпрямился и вскрыл его. Внутри была записка от убийцы печатными черными буквами.

> ОКО ЗА ОКО, БЕЛЛ.
> УИКСА ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ, ТАК ЧТО ЕГО НЕ
> СЧИТАЕМ.
> НО ЗА НЕМЦА ВЫ ПЕРЕДО МНОЙ В ДОЛГУ.

— Мистер Белл! Мистер Белл!

Задыхаясь, подбежал ученик из агентства.

— Телеграмма от мистера Ван Дорна.

Белл одним взглядом просмотрел телеграмму.

В Потомаке нашли тело Ямамото Кента.

Все пропало.

Высокий детектив снова склонился к телу друга и продолжил методично проверять его карманы. В кармане жилета он нашел железнодорожный билет на «Твентис сенчури лимитед» с пересадкой до Сан-Франциско.

— По вагонам! Все по ва…

Последние предупреждения проводников заглушил мощный двойной свисток паровоза. Исаак Белл встал, напряженно размышляя. Джон Скалли, должно быть, следил за подозреваемым шпионом или саботажником, который направляется в Сан-Франциско, где Великий белый флот получает припасы, прежде чем выйти в Тихий океан.

Белл резко заговорил с учеником, который широко раскрытыми глазами глядел на мертвого детектива.

— Посмотри на меня, сынок!

Парень с трудом оторвал взгляд от Скалли.

— Предстоит много работы, а ты здесь единственный ван дорн. Тебе и придется это сделать. Вот эти рабочие, эти китайцы с тележками, зеваки, слоняющиеся вокруг. Кто-нибудь что-нибудь да видел. Офицер поможет тебе, верно?

— Сделаю, что смогу, — с сомнением сказал коп.

Белл вложил ему в руку деньги.

— Задержите их здесь, пока этот молодой человек не вызовет по телефону из конторы Ван Дорна всех свободных детективов. Быстрей, сынок! Потом сразу сюда и принимайся за работу. Помни, люди любят поговорить, если дать им возможность.

Перрон вздрогнул. «Твентис сенчури лимитед» отправился в Чикаго.

Белл выскочил на перрон, пробежал по красному ковру и прыгнул.

ФЛОТ

34

1 мая 1908 года
«Твентис сенчури лимитед», идущий на запад

— Это надо отметить, — сказал шпион.

Перед тем как телефонная линия разъединилась и «Твентис сенчури лимитед» тронулся в путь, Кэтрин Ди доложила ему, что Джон Скалли отправился в то отделение царствия небесного, которое отведено для детективов Ван Дорна. Шпион положил трубку и подозвал официанта обзорного вагона.

— Ваш бармен знает, как делать йельский коктейль?

— Конечно, сэр.

— А «Крем Иветт»[32] у него есть?

— Да, сэр.

— Принесите… да, и принесите этим джентльменам, им понравится, — добавил он, показывая на двух розоволицых чикагских джентльменов, которые сердито смотрели на него. — Простите, господа, надеюсь, я не помешал важным телефонным звонкам в последнюю минуту.

Бесплатная выпивка умиротворяет, и один из них сказал:

— Да просто хотел позвонить в контору и сказать, что я уже в поезде.

Его друг сказал:

— Да они и сами догадаются, когда ты не появишься в конторе, причитая, мол скучал без работы.

Слышавшие это пассажиры рассмеялись и повторяли шутку тем, кто не слышал.

— Смотрите! Парень, который едва не опоздал.

— Должно быть, прыгнул!

— Или прилетел!

Шпион посмотрел в конец вагона. Из тамбура появился высокий мужчина в белом костюме.

— Может, у него билета нет. Решил бежать по рельсам.

— А вот и проводник — вцепился в него, как терьер.

— Посторожите мой коктейль, — сказал шпион. — Я только что вспомнил, мне нужно продиктовать письмо.

«Твентис сенчури лимитед» бесплатно предоставлял услуги стенографа. Шпион быстро прошел к его столу в начале вагона, подняв воротник и низко надвинув шляпу, и сел спиной к детективу.

— Когда уйдет письмо, которое я напишу?

— Через сорок минут. Его отправят из Хармона, где мы меняем электрический локомобиль на паровоз. — Стенографист взял конверт с грифом «Твентис сенчури» и спросил: — Кому адресовать письмо?

— К. С. Ди, отель «Плаза», Нью-Йорк.

— Доставят сегодня же вечером.

Стенограф написал на конверте адрес, положил перед собой лист бумаги и приготовил ручку.

Поезд на север, выходя из города, ускорял ход. Каменные стены отбрасывали тени, затемняя окна и заставляя стекло отражать внутренность вагонов. Шпион наблюдал, как бледное отражение Исаака Белла минует его. Проводник заботливо шел следом, и было совершенно ясно, что — с билетом или без него — Белл здесь желанный пассажир.

— Жду, когда вы будете готовы, сэр, — поторопил стенограф.

Шпион подождал, пока Белл и проводник пройдут в следующий тамбур.

— Моя дорогая К. С. Ди, — начал он.

Он неверно рассчитал реакцию Белла на убийство его детектива и недооценил, как стремительно способны перемещаться ван дорны. К счастью, Кэтрин Ди готова ускорить события. Просто нужно выпустить ее раньше намеченного времени.

— Готовы, сэр?

---

32 Ликер из лепестков фиалки.

— Похоже, клиент не получил нашу последнюю доставку, — начал диктовать он. — Абзац. Очень важно, чтобы вы лично прибыли в Ньюпорт, Род-Айленд, чтобы поправить положение.

Исаак Белл предъявил билет Скалли на верхнюю полку номер 5 в шестом пульмановском вагоне и хотел доплатить за отдельное купе. Ему сообщили, что все купе заняты. Тогда он предъявил железнодорожный пропуск. Он был подписан президентом дороги-конкурента, но соперничающие титаны удовлетворяли просьбы друг друга.

— Конечно, мистер Белл. К счастью, у нас свободно купе компании.

В роскошно отделанном купе Белл дал проводнику щедрые чаевые.

— С таким пропуском вам не нужно платить за услуги, мистер Белл, — сказал проводник Уильям Дилбер, тем не менее зажимая в руке золотые, будто захлопнул крысоловку.

— Мистер Дилбер, сколько пассажиров в вашем поезде?

— Сто двадцать семь.

— Один из них убийца.

— Убийца, — спокойно повторил проводник.

Белл не удивился. Словно капитан роскошного экспресса, проводник должен сохранять невозмутимость при крушениях, вспышках гнева магнатов и когда вагон застревает в снегу.

— Хотите посмотреть список пассажиров, мистер Белл? Он у меня с собой.

Он достал из безупречной синей тужурки список и развернул.

— Вы знаете многих пассажиров?

— Большую часть. Многие ездят постоянно. В основном из Чикаго. Дельцы ездят в Нью-Йорк и обратно.

— Это поможет. Не покажете ли тех, кого не знаете?

Проводник чистым ногтем с маникюром водил по списку. Ему действительно оказалось знакомо большинство их, потому что «Твентис сенчури лимитед» — во многом частный клуб на колесах. Дорогими экспрессами пользуется меньшинство пассажиров, люди очень хорошо обеспеченные, но поезд всегда заполнен и редко останавливается на промежуточных остановках. Белл увидел хорошо знакомые имена из сфер бизнеса, политики и промышленности, а также несколько знаменитых актеров. Он отметил тех, кого Дилбер не знал.

— Меня особенно интересуют иностранцы.

— Обычные несколько человек. Есть англичанин.

— Арнольд Беннет.[33] Писатель?

— Кажется, он читает лекции. Ездит с двумя китайцами: Гарольдом Уингом и Луисом Ло. Из английской семинарии, где учат будущих миссионеров. Мистер Беннет специально сказал мне, что он их покровитель и будет их защищать, если у них возникнут неприятности. Я сказал, что мне все равно, кто они такие, пока платят за проезд.

— Он не сказал конкретно, от чего будет их защищать?

— Помните убийство в прошлом месяце в Филадельфии? Убийца и все эти разговоры о похищенных белых. Полиция идет по следам китайцев.

Проводник Дилбер продолжал комментировать список.

— Этого немецкого джентльмена я не знаю. Герр Шефер. Его билет приобретен немецким посольством.

Белл сделал пометку.

— А вот этого знаю я, — сказал детектив. — Розания — если путешествует под своим именем. Но не может быть… очень тщательно одевается, лет сорока.

---

[33] Енох Арнольд Беннетт (1867–1931) — очень плодовитый и популярный в начале 20 века английский писатель.

— Это он. Щеголь, как с картинки.

— Что-то важное везут в сейфе экспресса?

— Обычные акции и банкноты. А почему вы спрашиваете?

— Этот парень творит чудеса с нитроглицерином.

— Грабит поезда?

Проводник потерял свою невозмутимость.

Белл покачал головой.

— Как правило, нет. Розания предпочитает богатые дома, куда он способен попасть; когда все ложатся спать он, взрывает сейфы с драгоценностями. Мастер своего дела. Может так взорвать сейф, что наверху никто не услышит. Но, насколько мне известно, он в последнее время сидел в «Синг-Синге». Я с ним поговорю и выясню, что ему надо.

— Был бы благодарен, сэр. Теперь этот австралиец. От кого-то я слышал, будто у него неприятности — не то чтобы он что-то натворил, но я подслушал, как он говорит о продаже золотой шахты, так вот речь у него как у шулера. Я прослежу за ним, если пойдет в клубный вагон и сядет за карты.

— А вот и еще один, кого я знаю, — сказал Белл. — Забавно.

Он показал имя.

— Герр Райкер? О да.

— Вы его знаете?

— Торговец алмазами. Ездит каждые пару месяцев. Он ваш друг?

— Мы недавно встречались. Дважды.

— Мне кажется, он путешествует с телохранителем. Да, вот этот парень — Плимптон. Рослый силач на полке в пульмане. А Райкер в своем обычном купе. Кажется, у него какой-то груз в сейфе экспресса. — Он продолжал рассматривать список. — Не говоря уж о его подопечной.

— Какой подопечной?

— Красивая молодая дама. Нет, ее в списке нет. Жаль.

— О чем вы?

— Ничего особенного, сэр. Просто девушка, на которую приятно посмотреть.

— Райкер слишком молод, чтобы быть опекуном.

— Ну, она студентка… о, я понимаю, о чем вы. Не сомневайтесь, сэр. На «Лимитед» я вижу столько парочек — вы и представить себе не можете. Райкер и его подопечная полностью вне подозрений. Всегда отдельные купе.

— Смежные? — спросил Белл, который, путешествуя с Марион, всегда занимал два соседних купе.

— Не в том смысле, в каком вы думаете, мистер Белл. На «Твентис сенчури» за этим следят. Они не такого склада.

Белл решил проверить это. Аналитический отдел не упоминал ни о какой подопечной.

— Как ее зовут?

— Я ее знаю только как мисс Райкер. Возможно, он удочерил ее.

Поезд шел со скоростью шестьдесят миль в час, в тени за окнами мелькали верстовые столбы. С отъезда из Нью-Йорка прошло сорок минут; Белл с проводником только закончили рассматривать список пассажиров, как поезд начал замедлять ход.

— Хармон, — объяснил проводник, сверяя время по часам «Уолтем». — Здесь мы меняем электровоз на паровоз и едем дальше.

— Мне нужно поговорить с моим старым знакомым-подрывником. Хочу узнать, что он думает делать в вашем экспрессе.

Пока меняли тяги, Белл телеграфировал в «Агентство Ван Дорна», запросив сведения о немце, австралийце, китайцах, путешествующих с Арнольдом Беннетом, и о подопечной Райкера. Он также послал телеграмму капитану Фальконеру.

СООБЩИТЕ ДОЧЕРИ ОРУЖЕЙНИКА УБИЙЦА

МЕРТВ

Единственный проблеск справедливости за этот безрадостный день. Смерть Ямамото может утешить Дороти Ленгнер, но вряд ли это можно назвать победой. Дело, уже запутавшееся со смертью Скалли, еще осложнилось из-за гибели японского шпиона, который обещал передать Беллу его настоящую добычу.

Белл снова сел в поезд.

Паровой локомотив «Атлантик-4–4–2» с большими колесами быстро набрал скорость и двинулся на север по берегу реки Гудзон. Белл прошел в голову поезда. Клубный вагон был обставлен удобными салонными креслами. Мужчины курили, пили коктейли и ждали своей очереди к парикмахеру и на маникюр.

— Ларри Розания! Какая неожиданная встреча!

Вор драгоценностей оторвался от газеты, полной заголовков о приходе Великого белого флота в Сан-Франциско. Посмотрел поверх очков в золотой оправе и сделал вид, что не узнает рослого золотоволосого детектива в белом костюме. Манеры у него были покровительственные, голос надменный.

— Мы знакомы, сэр?

Белл без приглашения сел.

— В последний раз я слышал о вас, когда мои старые друзья Уолли Кисли и Мак Фултон надолго приготовили для вас квартиры в Синг-Синге.

При упоминании о друзьях Белла Розания перестал притворяться.

— Жаль было услышать об их смерти, Исаак. Интересные люди и отличные сыщики — миру не хватает и тех и других.

— Ценю эту мысль. Как вы выбрались? Проделали дыру в стене камеры?

— А вы не слышали? Меня помиловал губернатор. Хотите посмотреть?

— Очень хочу, — сказал Исаак Белл.

Вежливый медвежатник достал из кармана дорогой бумажник. Оттуда он извлек конверт, украшенный гербом с золотыми листьями, а из конверта — лист веленевой бумаги с именем губернатора штата Нью-Йорк на самом верху и именем самого Розании, разукрашенным так, словно его туда вписали старые монахи-миниатюристы.

— Предположим на мгновение, что это не подделка. Не возражаете, если я спрошу, чем вы это заслужили?

— Если я скажу, вы не поверите.

— А вы попробуйте.

— Когда мне было двенадцать лет, я перевел через улицу пожилую даму. Она оказалась матерью губернатора — тогда он еще не был губернатором. И не забыла мою доброту. Я же говорю: не поверите.

— Куда едете, Ларри?

— Конечно, вы уже просмотрели список пассажиров. И отлично знаете, что я еду в Сан-Франциско.

— Что вы собираетесь там взорвать?

— Я исправился, Исаак. Я больше не беру несгораемые шкафы.

— Чем бы вы ни занимались, получается у вас недурно, — заметил Белл. — Билет на этот поезд обходится недешево.

— Скажу вам правду, — сказал Розания, — хотя вы опять не поверите. Я встретил вдову, которая верит, что я пуп земли и центр мироздания. А поскольку она унаследовала больше денег, чем я могу украсть за всю жизнь, я ее не разубеждаю.

— Я могу сообщить начальнику поезда, что его сейф в безопасности?

— В безопасности, как дома. Преступления больше не окупаются. А как вы, Исаак? Направляетесь в контору в Чикаго?

— На самом деле я кое-кого ищу, — сказал Белл. — И бьюсь об заклад, что даже исправившийся медвежатник очень внимательно наблюдает за другими пассажирами

роскошного поезда. Не заметили иностранцев, которые могли бы меня заинтересовать?

— Заметил нескольких. Один — в этом вагоне.

Розания кивком показал назад и понизил голос.

— Немец, притворяющийся коммивояжером. Если это так, то худшего коммивояжера я не видел.

— С негнущейся шеей, похож на прусского офицера? — Белл заметил Шефера еще когда входил в вагон. Немцу лет тридцать, он дорого одет, и от него исходит ощущение холодной, свирепой враждебности.

— Вы бы у него что-нибудь купили?

— Ничего такого, что мне не было бы нужно. Еще кто?

— Взгляните на подлизу-австралийца, продающего золотую шахту.

— Проводник тоже его заметил.

— Хорошего проводника поезда обмануть невозможно.

— Но на вас он даже не взглянул.

— Я вам сказал: я исправился.

— Ах да, я забыл, — улыбнулся Белл. Потом спросил: — Знаете импортера драгоценных камней по имени Эрхард Райкер?

— Герр Райкер. Вот уж с кем никогда не связывался.

— Почему?

— По той же причине, по какой мне и в голову бы не пришло взорвать сейф Джо Ван Дорна. У Райкера своя служба безопасности.

— Что еще вы о нем знаете?

— С моей прежней точки зрения, это все, что мне нужно было знать.

Белл встал.

— Рад был повидаться, Ларри.

Розания неожиданно смутился.

— Если не возражаете, меня теперь зовут Лоренс. Вдове нравится называть меня Лоренсом. Говорит, так красивее.

— Сколько лет вдове?

— Двадцать восемь, — самодовольно ответил Розания.

— Поздравляю.

Когда Белл уже уходил, Розания сказал ему вслед:

— Погодите минутку. — Он снова понизил голос. — Заметили китайцев? Их двое в поезде.

— И что китайцы?

— Я бы им не доверял.

— Мне сказали, что они ученики миссионеров.

Лоренс Розания мудро кивнул.

— Проповедник — это человек-невидимка. Когда я корчил из себя такого ученичка и пожилые дамы приглашали меня к себе домой, чтобы я познакомился с их племянницами и внучками, джентльмены, которым принадлежали дома, смотрели на меня — и не видели.

— Спасибо за помощь, — сказал Белл. Он решил, когда в Олбани поезд снова поменяет тягу, отправить телеграмму смотрителю Синг-Синга с советом пересчитать заключенных.

Он пошел назад через клубный вагон, разглядывая немца. Искусно сшитый европейский костюм хорошо скрывал мощную фигуру. Немец сидел прямо, как кавалерийский офицер.

— Добрый день, — кивнул Белл.

Герр Шефер ответил холодным враждебным взглядом, и Белл вспомнил, что говорил ему Арчи: подданные кайзера Вильгельма обязаны в поезде уступать место офицерам.

«Попробуй ты это здесь, — подумал Белл, — получил бы по морде. И от мужчин, и от женщин».

Он продолжал идти в хвост поезда через шесть пульмановских и купейных вагонов в

обзорный вагон, где пассажиры пили коктейли, глядя, как заходящее солнце окрашивает небо над рекой Гудзон. Китайцы, ученики миссионеров, были одеты в одинаковые плохо сидящие черные костюмы, и у каждого бугор подле сердца указывал на присутствие библии. Они сидели с бородатым англичанином в твидовом костюме; Белл заключил, что это и есть их покровитель, журналист и романист Арнольд Беннет.

У Беннета были морщинистое лицо и могучее телосложение. Он показался Беллу моложе, чем он представлял себе, читая статью в «Харперз уикли». Он разглагольствовал перед восхищенными чикагскими дельцами, расписывая прелести путешествия по Соединенным Штатам, и у Белла сложилось впечатление, что он готовит материал для очередной статьи.

— Может ли человек гордо сказать: «Это лучший из поездов, и у меня в нем купе?»

Торговец с гулким голосом, похожим на голос Теда Уитмарка, жениха Дороти Ленгнер, провозгласил:

— Лучший в мире поезд, лучше просто не бывает!

— «Бродвей лимитед» тоже весьма приличный! — заметил его спутник.

— На «Бродвей лимитед» ездят только старики, — фыркнул торговец. — А «Твентис сенчури» — для самых успешных деловых людей. Для парней из Чикаго вроде меня.

Арнольд Беннет с привычной сноровкой руководил разговором, направляя его в нужное русло.

— Ваши американские удобства не перестают удивлять. Вы знаете, что я могу переключить электрический вентилятор в моей спальне на три разные скорости? С нетерпением ожидаю вечера с разнообразными развлечениями в духе варьете.

Чикагцы рассмеялись, хлопая себя по ляжкам, и потребовали у официантов еще выпивки. Китайцы неуверенно улыбались, и Белл задумался, насколько они понимают по-английски. Напуганы эти молодые люди присутствием больших и буйных американцев или просто стесняются?

Когда Беннет театральным жестом вынул из золотого портсигара сигарету, один из китайцев зажег спичку, а другой пододвинул ему пепельницу. Исааку Беллу показалось, что Гарольд Уинг и Луис Ло исполняют при Беннете двойную роль: охранников и слуг.

Подъезжая к Олбани, поезд пересек реку Гудзон по высокому мосту-эстакаде, откуда видны были ярко освещенные пароходы. Поезд остановился. Пока тормозные кондукторы отцепляли локомотив и прицепляли другой, а также дополнительный вагон-ресторан, где подадут ужин, Исаак Белл отправлял и получал телеграммы. Свежий локомотив «Атлантик-4–4–2» с ведущими колесами еще выше, чем у предыдущего, уже потащил поезд дальше, когда Белл заскочил в вагон и закрылся в своем купе.

За короткое время после отправки предыдущих телеграмм из Хармона аналитический отдел ничего не успел узнать о немце, австралийце, путешествующих с Арнольдом Беннетом китайцах и о подопечной герра Райкера. Но детективы, которые оставались на Центральном вокзале, начали сопоставлять показания свидетелей убийства Скалли. Ни один человек не видел, как заколку вонзили Скалли в мозг. Но убийство явно было скоординировано и совершено с военной точностью.

Вот что стало известно. Китаец, который вез тележку с сигарами, сообщил, что видел, как Скалли торопился на платформу «Твентис сенчури». Он как будто кого-то искал.

Ирландцы, увозившие строительный мусор, видели, как Скалли разговаривал с красивой рыжеволосой женщиной. Стояли они очень близко, словно хорошо знали друг друга.

Полицейский подошел, только когда собралась толпа. Но пассажир из северной части штата Нью-Йорк видел, как Скалли и женщину окружила толпа студентов.

«Он словно оказался внутри строя клином».

Потом студенты разбежались, а Скалли уже лежал на перроне.

Куда они подевались?

Во все стороны, как тающий лед.

Как они выглядели?

Как парни из колледжа.

«Они застали его врасплох, — написал Гарри Уоррен в телеграмме Беллу. — Он так и не понял, что его убило».

Белл, оплакивавший друга, сомневался в этом. Конечно, даже лучших можно обмануть, но Скалли всегда соображал очень шустро. Джон Скалли должен был понять, что его провели. К сожалению, слишком поздно, чтобы спастись. Но Белл готов был ручаться, что Скалли знал. Если бы только он стал свидетелем его последнего вздоха!

Гарри Уоррен гадал, та ли это рыжая, которую он видел в опиумной курильне Хип Синга, где они со Скалли ненамеренно столкнулись. Описания свидетелей на вокзале слишком общие, чтобы можно было сказать с уверенностью. Красивая рыжая девушка — каких в Нью-Йорке тысяча. Пять тысяч. Десять. Но описание костюма не соответствовало тому, что Гарри видел в курильне в Чайнатауне. И на этой не было толстого слоя косметики.

Белл достал из кармана издевательскую записку шпиона и снова прочел ее.

ОКО ЗА ОКО, БЕЛЛ.
УИКСА ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ, ТАК ЧТО ЕГО
НЕ СЧИТАЕМ.
НО ЗА НЕМЦА ВЫ ПЕРЕДО МНОЙ В ДОЛГУ.

Шпион хвастал, что немец и Уикс работали на него. Беллу это показалось безрассудством в деле, где умение скрываться означает выживание; здесь победы одерживают без шума. Он не мог себе представить, чтобы такую записку оставили хладнокровный Ямамото или даже заносчивый Эббингтон-Уэстлейк.

К тому же, кажется, шпион заблуждается. Неужели он считает, что Исаак Белл и «Агентство Ван Дорна» не обратят внимания на его выпад? Он, по сути, напрашивается на похвалы.

В ресторан Белл отправился во вторую очередь.

Столы были накрыты на четверых и на двоих, и полагалось садиться туда, где есть место. Белл заметил, что у Беннета и китайцев за столом на четверых есть свободное место. Как и раньше, в обзорном вагоне, остроумный писатель радовал слух собравшихся, в то время как китайцы молчали. Немец Шефер ел в напряженном молчании, сидя против американца-коммивояжера, который никак не мог завязать разговор. Австралиец тоже сидел за столиком на двоих, а с ним человек, одетый так, что мог позволить себе купить золотую шахту. Еще за одним столиком на двоих Лоренс Розания о чем-то серьезно беседовал с молодым человеком в элегантном костюме.

Белл дал деньги старшему официанту.

— Я хотел бы поужинать за столом мистера Беннета.

Но, когда официант повел его к столику, из-за другого стола, мимо которого они проходили, Белла окликнули.

— Белл! Исаак Белл! Я так и подумал, что это вы.

Торговец драгоценными камнями Эрхард Райкер встал из-за стола, поднес к губам салфетку и протянул руку.

— Новое совпадение, сэр? Мы как будто повторяем их. Вы один? Не хотите присоединиться?

Китайцы могут подождать. Список пассажиров показывает, что они едут до Сан-Франциско, тогда как Райкер завтра утром пересаживается в Топике, в Атчисоне, на «Санта-Фе Калифорния лимитед».

Они обменялись рукопожатием. Райкер показал на пустой стул напротив себя. Белл сел.

— Как идет охота за нашим бриллиантом?

— Я надеюсь раздобыть изумруд, достойный королевы. Или даже богини. Он должен ждать нас, когда мы вернемся в Нью-Йорк. Можно только молиться, чтобы даме он

понравился, — добавил он с улыбкой.

— Куда направляетесь?

Райкер осмотрелся, чтобы убедиться — их не подслушивают.

— В Сан-Диего, — прошептал он. — А вы?

— В Сан-Франциско. А что в Сан-Диего?

Райкер снова огляделся.

— Розовый турмалин. — Он пренебрежительно улыбнулся — в свой адрес. — Простите мне мою неразговорчивость. У врага повсюду шпионы.

— У врага? У какого врага?

— «Тиффани и компания» пытаются прибрать к рукам все поставки турмалина из Сан-Диего из-за того, что Цы Си, вдовствующая императрица Китая, — эксцентричный деспот, в чьих руках сосредоточено все богатство Китая, — обожает розовые турмалины из Сан-Диего. Они идут у нее на статуэтки, застежки, пуговицы и тому подобное. Влюбившись в розовые турмалины, она создала целый новый рынок. «Тиффани» пытается завладеть им. — Он еще больше понизил голос. Белл наклонился, чтобы слышать. — А это создает прекрасные возможности для независимых поставщиков, которые способны первыми завладеть лучшими экземплярами. В торговле драгоценностями человек человеку волк, мистер Белл.

Он подмигнул и улыбнулся. Белл не мог понять, насколько он серьезен.

— Я не разбираюсь в ювелирном деле.

— Но ведь детективу попадаются драгоценные камни, пусть даже только краденые.

Белл пристально взглянул на него.

— Откуда вы знаете, что я детектив?

Райкер пожал плечами.

— Соглашаясь поискать дорогой камень, я прежде всего проверяю, способен ли клиент за него заплатить.

— Детективы не богаты.

— Те, кто унаследовал деньги бостонских банкиров, богаты, мистер Белл. Простите, если вам покажется, что я вторгаюсь в вашу личную жизнь, но вы должны понять, что сбор информации о клиентах — существенная часть любого бизнеса. У меня небольшие операции. Я не могу тратить недели на поиски камня для клиента, который покупает глазами.

— Понимаю, — сказал Белл. — Но и вы поймите, почему мне это не по душе.

— Конечно, сэр. Но ваши тайны у меня в полной безопасности. Хотя я удивился, узнав, что вы, успешный детектив, бежите известности.

— Стараюсь не попадаться фотографам и портретистам.

— Но чем больше преступников вы ловите, тем известнее становитесь.

— Надеюсь, — сказал Белл, — только среди преступников за решеткой.

Райкер рассмеялся.

— Хорошо сказано, сэр. Но я слишком много болтаю. Официант ждет. Надо заказать обед.

Белл услышал, как позади Арнольд Беннет провозгласил:

— Я впервые обедаю в поезде, где есть меню. Великолепный обед, хорошо приготовленный и прекрасно поданный. Баранина непревзойденная.

— А вот и похвала, — сказал Райкер. — Может, заказать баранину?

— Ни разу не встречал англичанина, который разбирался бы в еде, — ответил Белл и спросил у официанта: — Мы еще в сезоне сельди?

— Да, сэр. Как вам приготовить?

— Поджарить. И можно попросить на завтрак икры?

— Утром будет другой ресторан, сэр. Его подцепят в Элкхарте. Но я оставлю немного икры на льду у проводника.

— Оставьте две порции, — сказал Райкер. — Сельдь вечером, икра сельди наутро. Что

скажете, Белл, не распить ли нам бутылочку рейнского?

Официант отошел, и тогда Белл сказал:

— Вы превосходно говорите по-английски. Как будто это ваш родной язык.

Райкер рассмеялся.

— В меня вбили английский в Итоне. Отец отправил меня учиться в Англию. Он считал, что мне поможет вести дела, умение общаться не только с моими немецкими соотечественниками. Но скажите — кстати об отцах — как вам удалось остаться в стороне от банковского дела?

Зная от исследователей Ван Дорна, что отец Райкера был убит на бурской войне, Исаак отвечал уклончиво, чтобы разговорить Райкера:

— Мой отец был и до сих пор остается во главе бизнеса.

Он вопросительно посмотрел на Райкера, и немец сказал:

— Завидую. А у меня не было выбора. Отец умер в Африке, когда я только окончил университет. И если бы я не занялся бизнесом, дело развалилось бы.

— Судя по словам ювелира, вы преуспеваете.

— Отец научил меня всем хитростям. К тому же его хорошо знали на ювелирных фабриках и в мастерских. Его имя по-прежнему открывает двери, особенно здесь, в Америке, в Ньюарке и Нью-Йорке. Не удивлюсь, если встречусь в Сан-Диего с кем-то из его старых друзей. — Он снова подмигнул. — В таком случае покупатели «Тиффани» будут рады, если сумеют уехать из Сан-Диего, сохранив свои золотые зубы.

Шпион оправился от потрясения, которое пережил, увидев, как Белл прыгнул в «Твентис сенчури лимитед» на Центральном вокзале. Кэтрин Ди вскоре пустит в ход свои уловки в Ньюпорте, а он тем временем сумеет превратить неожиданное появление детектива в поезде в свое преимущество. Он привык к схваткам с правительственными агентами — английскими, французскими, русскими, японскими, а также с офицерами различных флотских разведок, в том числе американской, и придерживался очень невысокого мнения об их способностях. Но частный детектив — это новое затруднение, и он с некоторым опозданием понял, что этого противника стоит тщательно изучить, прежде чем делать ход.

Он был доволен, что приказал убить детектива Джона Скалли. Это потрясение сказалось на Белле, хотя рослый детектив хорошо это скрывал, проходя по поезду так, словно он тут хозяин. Может, убить и Белла? Это казалось необходимым. Вопрос в том, кто его заменит. Вернулся из Европы друг Белла Эббот. Тоже опасный и воинственный соперник, насколько ему известно, хотя уступает Беллу. Займется ли делом сам грозный Джозеф Ван Дорн? Или останется над схваткой? У него агентство с отделениями по всей стране, и один бог знает, что еще он может скрывать.

С другой стороны, с улыбкой подумал он, маловероятно, чтобы даже Бог знал обо всем, что скрывает тень.

35

— Мы по-прежнему проверяем китайцев, путешествующих с Арнольдом Беннетом. Но это потребует времени. То же с немцем, Шефером. Аналитический отдел не может ничего найти о нем, но, как вы сказали, мистер Белл, странно, что посольство покупает билет для торговца.

Агент Ван Дорна в одиночестве купе Белла торопливо докладывал во время остановки поезда в Сиракузах, где подцепляли новый паровоз и вагон-ресторан.

— Синг-Синг подтверждает рассказ Розании.

Розания не сбежал из тюрьмы, но, как и говорил, был помилован губернатором. Австралийский владелец золотой шахты оказался канадским мошенником, обычно продающим шахты в поездах, где показывал документы на права, не имеющие никакой цены и золотые самородки.

Локомотив свистнул — «вперед».

— Пора!

Белл сказал:

— Организуйте междугородную связь с мистером Ван Дорном на нашей следующей остановке в Восточном Буффало.

Через два часа, когда у ярко освещенного вокзала восточного Буффало они остановились поменять паровоз, Белла ждал детектив Ван Дорна; он провел его в кабинет диспетчера. Пока оператор соединял, Белл расспросил о последних новостях.

— Насколько можно понять из показаний всех свидетелей, Скалли разговаривал с рыжеволосой женщиной. Прилетел футбольный мяч и ударил его в плечо. Парни из колледжа окружили Скалли и принялись извиняться. Кто-то крикнул, что поезд отходит, и они все побежали к вагонам. Скалли лежал на спине, словно после сердечного приступа. Вокруг собралась толпа, люди пытались помочь. Подошел коп, стал вызывать врача. Потом прибежали вы. Потом парень из Нью-йоркской конторы. Потом вы побежали за «Лимитед», а какая-то женщина увидела кровь и закричала, а коп велел всем оставаться на местах. И очень скоро явилась толпа ван дорнов с блокнотами.

— А где рыжая?

— Никто не знает.

— Хорошо одетая, говорите?

— Модно.

— Кто сказал? Коп?

— Женщина, которая работает приказчиком у «Лорда и Тейлора», это магазин готового платья в Нью-Йорке.

— Одета не как шлюха?

— Ну если только как самая дорогая.

Когда Белл уже думал, что придется бежать на поезд бегом, — зазвонил телефон. Связь была плохая, сильные помехи.

— Говорит Ван Дорн. Это вы, Исаак? Что у вас есть?

— Есть сообщение о рыжеволосой женщине в платье и шляпе, каких можно ожидать в опиумной курильне, и накрашенной под стать, и второе сообщение о рыжей женщине, одетой, как приличная дама. Обеих видели со Скалли.

— А что, Скалли был падок на рыжих?

— Не знаю, — сказал Белл. — Мы с ним говорили только о нарушителях закона и об оружии. Нашли его пистолет?

— «Браунинг вест покет» все еще у него в кобуре.

Белл покачал головой: его приводило в отчаяние, что Скалли сумели застать врасплох.

— Что? — кричал Ван Дорн. — Я вас не слышу.

— Не могу представить себе, чтобы кто-нибудь мог застать Скалли врасплох.

— Вот что значит работать в одиночку.

— Как бы то ни было…

— Что?

— Как бы то ни было, причина — шпион.

— Шпион с вами в поезде?

— Пока не знаю.

— Что?

Белл сказал:

— Прикажите сохранить для меня пистолет Скалли.

Джозеф Ван Дорн отчетливо расслышал это. Он хорошо знал своих детективов. Иногда ему даже казалось, будто он знает, что заставляет их жить именно так.

— Когда вернетесь в Нью-Йорк, пистолет будет вас ждать.

— Позвоню из Чикаго.

«Твентис сенчури лимитед» двинулся, чтобы к утру преодолеть пятьсот двадцать миль

и прийти в Чикаго. Белл прошел вперед, в клубный вагон. Вагон был пуст, только за одним столиком играли в покер. Канадский мошенник, выдающий себя за австралийца-золотопромышленника, играл с джентльменами постарше. И ему не нравилось, что проводник Дилбер внимательно наблюдал за ним.

Тогда Белл пошел в задний вагон набирающего ход поезда. Хотя было уже за полночь, в обзорном вагоне собралось множество мужчин, они беседовали и выпивали. Толпу развлекал Арнольд Беннет, которого сопровождал серьезный китаец. Шефер, немецкий торговец, о чем-то разговаривал с Эрхардом Райкером. Белл взял выпивку и постарался, чтобы его заметили; Райкер его увидел и помахал рукой, приглашая присоединиться. Немца он представил как герра Шефера. У Белла Шефер спросил:

— Чем вы занимаетесь, вы сказали, мистер Белл?

— Страхованием, — ответил Белл, благодарно кивая Райкеру — тот не сказал, что он детектив. Он сел так, чтобы иметь возможность наблюдать и за Арнольдом Беннетом.

— Конечно, — сказал Райкер, без запинки поддерживая эту ложь. — Я должен был вспомнить. Итак, все мы коммивояжеры, или коммерческие путешественники, как называют нас англичане. Все что-нибудь продаем. Я снабжаю американских ювелиров драгоценными камнями. А мистер Шефер представляет органы, которые производят в Лейпциге. Я прав, сэр?

— Так точно! — рявкнул Шефер. — Вначале я продаю. Потом компания посылает немецких рабочих, которые собирают орган на месте. Они умеют собирать лучшие органы.

— Церковные? — спросил Белл.

— Церкви, концертные залы, стадионы, университеты. Понимаете, немецкие органы лучшие в мире. Потому что немецкая музыка — лучшая в мире. Понятно?

— Вы играете на органе?

— Нет, нет, нет, нет. Я всего лишь продавец.

— Как кавалерийский офицер становится продавцом? — спросил Белл.

— Что? Какой кавалерийский офицер? — Шефер посмотрел на Райкера, потом на Белла, лицо его окаменело. — Что вы имеете в виду, сэр?

— Я не мог не заметить на руках у вас мозоли от вожжей, — миролюбиво ответил Белл. — И выправка у вас военная. Верно, Райкер?

— Да и сидит он, как военный.

— А? — Шея Шефера побагровела, краска перешла и на лицо. — Ja, — сказал он. — Конечно. Да, я был военным, много лет назад. — Он помолчал и посмотрел на свои сильные руки. — Конечно, я до сих пор езжу верхом, когда остается время от этого моего нового занятия, торговли. Прошу прощения, я сейчас вернусь. — Он встал, собираясь уходить, остановился и спохватился. — Хотите, я закажу официанту еще выпивку?

— Да, — сказал Райкер, пряча улыбку, пока Шефер не исчез в туалете.

— Оглядываясь назад, — сказал он, улыбаясь шире, — я вижу все большую мудрость отца — как заметил ваш Марк Твен о своем батюшке. Отец не ошибался, отправив меня учиться в Англию. Мы, немцы, неловко себя чувствуем в присутствии людей других национальностей. И хвастаем, чтобы скрыть это.

— В германской армии офицеры часто становятся торговцами? — спросил Белл.

— Нет. Но кто знает, почему он оставил службу? Он слишком молод, чтобы уйти в отставку, даже на половинное жалованье. Может, ему нужно зарабатывать на жизнь?

— Может быть, — сказал Белл.

— Кажется, — улыбнулся Райкер, — вы не в отпуске. Или детектив всегда занят очередным делом?

— Дела обычно перетекают одно в другое, — ответил Белл, гадая, что такое это заявление Райкера — вызов или просто дорожная болтовня. — Например, — сказал он, внимательно наблюдая за реакцией Райкера, — например, занимаясь расследованием, которое не имеет никакого отношения к остальному, и сев в этот поезд, я узнал, что вы часто путешествуете с молодой леди, которая считается вашей подопечной.

— Действительно, — сказал Райкер. — Это правда.

— Вы слишком молоды для опекуна.

— И это правда. Но как я не мог отказаться от ответственности за фирму отца, точно так же я не мог не позаботиться о сироте, когда ее семью постигла трагедия. Несчастья случаются с самыми независимыми людьми, мистер Белл… когда они этого ожидают меньше всего. Но вот что я вам скажу: события, о которых мы не думаем, часто оказываются лучшим, что с нами может произойти. Девушка принесла свет в мою жизнь, в которой была только тьма.

— Где она сейчас?

— В школе. Заканчивает в июне. — Он через стол наставил палец на Белла. — Надеюсь, вы с ней познакомитесь. Летом она приплывет со мной в Нью-Йорк. Она выросла в закрытой монастырской школе, и поэтому я пользуюсь любой возможностью расширить ее горизонты. Встреча с частным детективом, несомненно, относится к такому опыту.

Белл кивнул.

— Буду ждать с нетерпением. Как ее зовут?

Райкер как будто не слышал вопроса. Или, если слышал, предпочел не отвечать. Вместо этого он сказал:

— Столь же расширит ее жизненный опыт встреча с женщиной, которая снимает кинофильмы. Мистер Белл, почему вы удивлены? Конечно, я знаю, что ваша невеста снимает кино. Я уже говорил, что не веду дела вслепую. Я знаю, что вы можете позволить себе лучшее, и знаю, что она способна критически отнестись к этому лучшему. Вдвоем вы — настоящий вызов. Надеюсь не ударить в грязь лицом.

Вернулся Шефер, как видно, плеснувший воды в лицо, — на его галстуке виднелись мокрые пятна. Но он улыбался.

— Вы очень наблюдательны, мистер Белл. Мне казалось, что, сняв мундир, я отказался от прошлого. Все ли страховщики замечают такие несоответствия?

— Продавая вам страховку, я рискую, — ответил Белл. — Наверно, поэтому я всегда ожидаю риска.

— Герр Шефер — надежный случай? — спросил Райкер.

— Люди с устойчивыми привычками всегда надежны. Герр Шефер, прошу меня простить, если вам показалось, что я слишком назойлив.

— Мне нечего скрывать!

— Кстати о сокрытии, — сказал Райкер, — похоже, наш официант скрылся. Где выпивка?

Белл кивнул. Подбежал официант и принял заказ.

Арнольд Беннет сказал своим китайским спутникам:

— Джентльмены, у вас сонный вид.

— Нет, сэр. Мы очень довольны.

— В поезде не придется много спать. Здесь может быть изобилие роскоши: портновская мастерская, библиотека, маникюр, даже пресные и соленые ванны. Но в отличие от Европы, где лучшие поезда трогаются с вкрадчивостью дурных привычек, я ни разу не спал в американских спальных вагонах дольше часа — резкие остановки, внезапное начало движения, гудки и скрежет колес на поворотах.

Смеющиеся чикагцы протестовали, говоря, что скорость стоит небольших неудобств.

Исаак Белл обратился к своим немецким спутникам: Эрхарду Райкеру, который казался англичанином, и герру Шеферу, тевтонцу в той же степени, что опера Вагнера:

— В обществе не одного, но двух подданных кайзера я должен спросить — что говорят о войне в Европе?

— Германия и Англия соперники, но не враги, — ответил Райкер.

— Силы наших держав равны, — тут же добавил Шефер. — У Англии больше броненосцев. У нас гораздо больше армия — самая современная и передовая, самая сильная в мире.

— Только в тех частях света, куда она может дойти, — отозвался из-за соседнего стола Арнольд Беттер.

— Почему, сэр?

— Адмирал наших американских хозяев Мэхэн [34] выразил это наиболее удачно: «Государство, которое правит морями, правит миром». Цена вашей армии, если она не может добраться до поля битвы, — плевок в плевательницу.

Шефер побагровел. Жилы вздулись у него на лбу.

Райкер жестом остановил его и ответил:

— Войны нет. Разговоры о войне — только разговоры.

— Тогда почему вы строите все больше броненосцев? — спросил в ответ английский писатель.

— А почему это делает Англия? — мягко возразил Райкер.

Чикагцы и китайцы переводили глаза с немцев на англичанина, как зрители на теннисном матче. К удивлению Белла, один из молчаливых китайцев ответил раньше писателя:

— Англия — остров. У англичан нет выбора.

— Спасибо, Луис, — сказал Арнольд Беннет. — Я не мог бы выразиться лучше.

Миндалевидные глаза Луиса распахнулись, и он опустил взгляд, словно смущенный тем, что заговорил.

— По этой логике, — сказал Райкер, — у Германии тоже нет выбора. Немецкая промышленность и немецкая торговля нуждаются в большом торговом флоте, чтобы доставлять наши товары по всему свету. Мы должны защищать свой флот. Но откровенно говоря, чутье подсказывает мне, что разумный делец никогда не согласится на войну.

Герр Шефер фыркнул.

— Мой соотечественник слишком доверчив. Деловых людей никто не спрашивает. Англия и Россия сговариваются, чтобы помешать росту Германии. Франция встает на сторону Англии. Храни Gott нашу германскую армию и наших прусских офицеров.

— Прусских? — воскликнул один из чикагцев. — Прусские офицеры вынудили моего деда уехать в Америку.

— Моего тоже, — подхватил другой с покрасневшим лицом. — Благодарю Gott, что они выгнали нас из этой адской дыры.

— Социалисты, — сказал Шефер.

— *Социалисты?* Я вам покажу социалиста!

Друзья чикагца удержали его.

Шефер не обратил на это внимания.

— Нас осаждают Англия и английские лакеи.

Арнольд Беннет вскочил, принял бойцовскую стойку и сказал:

— Мне не нравится ваш тон, сэр.

Половина обзорного вагона теперь была на ногах, все кричали и жестикулировали. Исаак Белл взглянул на Райкера. Тот ответил взглядом, в котором светилась улыбка.

— Полагаю, я ответил на ваш вопрос, мистер Белл. Доброй ночи, сэр. Пойду спать, пока не началась драка.

Прежде чем он успел встать, Шефер закричал:

— Осаждены снаружи, а изнутри нас предают социалисты и евреи!

Исаак Белл холодно посмотрел на Шефера. Немец отступил, пробормотав:

— Подождите. Покончив с нами, они примутся за вас.

Исаак Белл набрал побольше воздуха, напомнил себе, зачем он в этом поезде, и сказал голосом, который услышали во всех уголках вагона:

---

[34] Альфред Тайер Мэхэн (1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906), один из основателей геополитики.

— После того как адмирал Мэхэн доказал, что миром правят морские державы, он сказал одному фанатику слова, которыми я всегда восхищаюсь: «Иисус Христос был евреем. Для меня этого достаточно».

Крики прекратились. Кто-то рассмеялся. Кто-то другой заметил: «Отлично сказано. Для меня этого достаточно», — и все в вагоне рассмеялись.

Шефер щелкнул каблуками.

— Спокойной ночи, господа.

Райкер смотрел, как кавалерист подходит к ближайшему официанту и требует шнапса.

— На мгновение мне показалось, — негромко сказал он, — что вы собираетесь уложить герра Шефера.

Белл посмотрел на продавца драгоценных камней.

— Вы все замечаете, мистер Райкер.

— Я вам говорил. Отец научил меня всем деловым хитростям. Что вас так вывело из себя?

— Я не терплю ненависти.

Райкер пожал плечами.

— Отвечаю на ваш вопрос — правдиво: Европа хочет войны. Монархисты, демократы, торговцы, военные и моряки — все они слишком долго жили в мире, чтобы знать, что такое война.

— На мой взгляд, это слишком цинично, — сказал Белл. Райкер улыбнулся.

— Я не циник. Я реалист.

— А как же разумные деловые люди, о которых вы говорили?

— Одни видят в войне выгоду. А других просто не станут слушать.

Шпион наблюдал, как Белл следит за «подозреваемыми». «Детектив не может знать, в этом ли я вагоне.

Или сплю ли я в своей постели.

Или вообще на поезде ли я.

Не знает он и того, кто в этом поезде — мои люди. Поспите немного, мистер Белл. Сон вам понадобится. Утром вас ждут дурные вести».

36

— Ваша икра сельди и яичница-болтунья, мистер Белл, — объявил официант с широкой улыбкой, которая тут же исчезла, когда он увидел, что выражение приятного ожидания на лице Белла сменяется гневом. За два часа до места назначения «Твентис сенчури лимитед» принял чикагские утренние газеты, оставленные идущим на восток экспрессом. Пассажиров за завтраком на каждом месте ждали свежие сложенные экземпляры.

ВЗРЫВ НА ТОРПЕДНОЙ СТАНЦИИ ФЛОТА США
В НЬЮПОРТЕ
ДВУХ ОФИЦЕРОВ ВЗРЫВОМ РАЗНЕСЛО НА АТОМЫ

Ньюпорт, Род-Айленд, 15 мая. Взрыв, повлекший за собой смерть и разрушения, произошел на морской торпедной станции в Ньюпорте. Убиты два морских офицера и разрушена производственная линия.

Исаак Белл был ошеломлен. Неужели он пошел не по тому следу?

— Доброе утро, Белл! Вы не прикоснулись к своей икре. Она испортилась?

— Доброе утро, Райкер. Нет, пахнет хорошо. Дурные новости в газетах.

Райкер сел и развернул свою газету.

— Боже! В чем причина?

— Здесь не говорится. Прошу прощения.

Белл вернулся в свое купе.

Если это не несчастный случай, а саботаж, тогда сеть шпиона так же обширна, как опасна. За одни сутки эта сеть уничтожила предателя в Вашингтоне, убила детектива, шедшего по следу в Нью-Йорке, и устроила взрыв на тщательно охраняемой морской станции на побережье Род-Айленда.

Через несколько минут после того, как «Твентис сенчури лимитед» пришел в Чикаго, Белл устроил временный штаб в багажном помещении вокзала Ласаль. Детективы Ван Дорна из конторы в Палмер-Хаус уже взяли вокзал под наблюдение. И теперь следили за расходящимися подозреваемыми.

Ларри Розания сразу исчез. Об этом смущенно докладывал чикагский ветеран-детектив, когда в помещение вбежал другой.

— Исаак! Старик приказал позвонить по закрытой линии из кабинета начальника станции. И, кроме вас, там никого не должно быть.

Белл так и поступил.

Ван Дорн спросил:

— Вы один?

— Да, сэр. Был ли среди погибших офицеров Рон Уиллер?

— Нет.

Белл с облегчением вздохнул.

— Уиллер улизнул, чтобы провести ночь с женщиной. Не сделай он этого, тоже был бы мертв. Убиты два его человека.

— Слава богу, что не он. Капитан Фальконер говорит, он незаменим.

— Ну, есть еще кое-что незаменимое, — проворчал Ван Дорн. Шестьсот миль медного телефонного кабеля между Чикаго и Вашингтоном не ослабили грохот его гнева. — Этого нет в газетах и не будет — вы по-прежнему один, Исаак?

— Да, сэр.

— Слушайте. Флот получил страшный удар. От взрыва начался пожар. Огонь уничтожил весь арсенал экспериментальных электрических торпед, ввезенных из Англии. Люди Уиллера, по-видимому, заметно увеличили их дальность и точность попадания. Еще важнее — гораздо важнее — то, что люди Уиллера придумали, как снабжать боеголовки торпед динамитом. Мне об этом сегодня утром рассказал морской министр. Он в отчаянии. Грозит подать президенту прошение об отставке. Очевидно, ТНТ десятикратно увеличил бы силу взрыва американских торпед под водой.

— Можно ли считать, что это не был несчастный случай?

— Приходится, — ответил Ван Дорн. — И хотя официально свои установки стережет сам флот, здесь очень разочарованы службой личной безопасности «Агентства Ван Дорна».

Исаак Белл ничего не сказал.

— Мне не нужно объяснять последствия недовольства правительства независимо от того, виновны мы или нет, — продолжал Ван Дорн. — И я не понимаю, что вы делаете в Чикаго, когда шпион наносит удар в Ньюпорте.

На этот раз от ответа было не уйти, и Белл сказал:

— Великий белый флот вот-вот придет в Сан-Франциско. Скалли следил за шпионом или его агентами, направлявшимися в Сан-Франциско. Благодаря Скалли я скорее всего держу шпиона на мушке.

— Что, по-вашему, он собирается делать?

— Пока не знаю. Но это должно быть связано с флотом, и я намерен остановить его, прежде чем он что-нибудь предпримет.

Ван Дорн молчал целую минуту. Белл тоже молчал. Наконец босс произнес:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, Исаак.

— Он не уложит багаж и не отправится восвояси после Ньюпорта. Он нанесет новый удар по флоту.

Ван Дорн сказал:

— Хорошо. Я предупрежу Бронсона в Сан-Франциско.

— Я уже предупредил его.

Он вернулся в багажное помещение. Ван дорны доложили, что герр Шефер и китайцы вместе с Арнольдом Беннетом перешли в «Оверленд лимитед» до Сан-Франциско, как и было указано в их билетах.

— Их поезд отходит, Исаак. Если хотите отправиться с ними, вам пора.

— Иду.

Две сильные лошади тащили фургон со льдом; фургон был снабжен пружинными подвесками и пневматическими шинами вместо твердой резины, что делало необычайно плавной поездку по мощенным булыжником улицам Ньюпорта, спускающимся к воде. В тусклом свете редких газовых фонарей никто не заметил, что возчик, не отпускающий ручку тормоза, слишком слабый: щуплая мальчишеская фигура не годилась для перетаскивания стофунтовых глыб льда на корабль. И если кто-то посчитал странным, что возчик мягким сопрано напевает:

Ты не можешь помнить,
То, что я хочу забыть, —

то оставил свое мнение при себе. Триста лет моряки в Ньюпорте контрабандой провозили ром, табак, рабов и опиум. И, если девушка желает развлечь своих лошадей, доставляя в потемках лед на корабль, это ее дело.

Корабль — видавший виды тридцатифутовый одномачтовик с короткой мачтой и низкой крышей каюты. С одним, но почти квадратным парусом и выдвижным, а не фиксированным килем, он гораздо резвее, чем кажется, и одинаково хорошо идет и по спокойному заливу, и по волнам в открытом море. Из каюты вывалилось несколько человек в непромокаемых плащах и вязаных шапках.

Девушка наблюдала, сунув руки в карманы, а мужчины тем временем сняли с фургона брезентовый полог, установили наклонные доски от фургона до борта и осторожно, одну за другой, выкатили по ним четыре семнадцатифутовые металлические трубы сигарообразной формы. Потом переместили скат и передвинули трубы на палубе, осторожно уложив их на свернутые паруса.

Когда это было сделано, деревянный корпус корабля низко осел в воде. Все мужчины, кроме одного, забрались в фургон и уехали. Оставшийся поднял парус и отвязал швартовы. Девушка встала за руль и умело вывела корабль в ночь.

Той же ночью — это была первая ночь «Оверленд лимитед» на пути из Чикаго — телеграммы, ждавшие Белла в Рок-Айленде, штат Иллинойс, подтвердили, что Райкер действительно сел в «Калифорния лимитед» до Сан-Диего. По-прежнему не доверяя совпадениям, Белл телеграфировал Хорасу Бронсону, главе отделения агентства в Сан-Франциско, и попросил поручить Джеймсу Дешвуду, молодому сыщику, хорошо проявившему себя в деле Саботажника, перехватить «Калифорния лимитед» в Лос-Анджелесе. Дешвуд должен проверить, действительно ли Райкер направляется в Сан-Диего, чтобы купить там розовые турмалины, или пересядет на поезд в Сан-Франциско. В любом случае молодой детектив должен следить за Райкером и его деликатными действиями. Белл предупредил Бронсона, что с Райкером едет телохранитель, по имени Плимптон, который будет его прикрывать.

Потом Белл отправил телеграмму в аналитический отдел в Нью-Йорк и попросил собрать больше сведений о смерти отца Райкера в Южной Африке и поручить Грейди

Форреру поискать сведения о подопечной Райкера.

Исчезновение Лоренса Розании сразу после прибытия привело к напряженным поискам. Но когда Белл добрался до Де-Мойна в Айове, его ждало сообщение, что вор, отошедший от дел, после того как по привычке или из профессиональной гордости ускользнул от детективов Ван Дорна, опубликовал в «Чикаго трибюн» объявление о свадьбе и на медовый месяц отправлялся в Сан-Франциско вместе с новобрачной в частном вагоне невесты. А еще говорят, что преступления себя не оправдывают, написали в телеграмме из чикагской конторы агентства.

Герр Шефер, Арнольд Беннет и его китайские спутники пересели на «Оверленд лимитед» до Сан-Франциско, и Белл вместе с ними продолжал движение на запад, надеясь на следующих остановках получить от аналитического отдела дополнительные сведения и вместе с тем продолжая наблюдать за ними.

Потом Нью-Йорк подтвердил, что Шефер — определенно немецкий шпион.

«Герр Шефер» на самом деле кавалерийский офицер на действительной службе, майор немецкой армии. Настоящее его имя Корнелиус фон Найрен. Он специалист по тактике наземных действий и быстрому строительству железных дорог для подвоза подкреплений. Что бы он ни выведывал в Соединенных Штатах, к Корпусу 44 это не имело отношения.

«Очень опасен на суше, — написал Арчи. — Но на море не отличит броненосец от берестяного кораблика».

37

— Китайцев в конец очереди!

Второе утро в поезде «Оверленд лимитед», поезд подходит к Шайенну, штат Вайоминг; в вагоне-ресторане что-то произошло. Коридор пульмана за рестораном забит голодными мужчинами, время завтрака уже миновало.

— Вы меня слышали? Китайцы, монголы и прочие азиаты — в конец очереди!

— Оставайтесь на месте, — сказал Белл ученикам миссионеров.

Арнольд Беннет собирался за них заступиться. Белл его остановил.

— Я этим займусь, — сказал он.

Вот наконец возможность поближе познакомиться с подопечными Арнольда Беннета Гарольдом и Луисом. Белл остановился перед тем, кто кричал. Холодный гнев в его глазах и не позволяющее ошибиться впечатление, что он едва сдерживает этот гнев, заставили человека попятиться.

— Не обращайте на него внимания, — сказал высокий детектив ученикам миссионеров. — Голодные легко раздражаются. — Как вас зовут, молодой человек? — спросил он, протягивая руку. — Исаак Белл.

— Гарольд, мистер Белл. Спасибо.

— Гарольд, а дальше?

— Гарольд Винг.

— А вас?

— Луис Ло.

— Лу Луис или Ло Луис?

— Ло.

— Рад знакомству.

— Неудивительно, что этот неприятный тип проголодался, — проворчал Арнольд Беннет, стоявший первым в очереди. — Оборудование для приготовления завтрака в этом поезде не готово удовлетворить потребностей всех, кто в нем ночует.

Исаак Белл подмигнул Луису и Гарольду. Те неуверенно улыбались сложностям английского языка.

— Мистер Беннет хочет сказать, что спальных мест в поезде больше, чем мест в вагоне-ресторане.

Китайцы закивали.

— Они должны открыть вагон-ресторан к обеду, — продолжал Беннет. — Пока голодная толпа все тут не разнесла.

— Как спали? — спросил Белл у Гарольда и Луиса. — Привыкли к движению?

— Очень хорошо, сэр, — сказал Луис.

— Несмотря на мое предупреждение, что поезд на ходу дергается, — сказал Беннет.

Наконец дверь вагона-ресторана распахнулась, и Белл сел за один столик с ними. Как ни пытался Белл их разговорить, китайцы молчали, как сфинксы, а вот Беннет с удовольствием безостановочно разглагольствовал обо всем, что видел, прочел или услышал. Винг достал из кармана маленькую библию и стал читать. Ло смотрел в окно на зеленеющие поля и пасущиеся стада.

Исаак Белл ждал Луиса Ло в коридоре у купе Арнольда Беннета.

Восточнее Роулинса, штат Вайоминг, поезд, идущий по высокому плато, увеличил скорость. Кочегар непрерывно подбрасывал уголь; на скорости в восемьдесят миль в час поезд начал раскачиваться. И, когда показался ученик миссионеров, Белл позволил качающемуся вагону бросить его на меньшего ростом китайца.

— Простите!

Он восстановил равновесие, держась за лацкан Ло.

— Карманный пистолет вам выдали в семинарии?

— Что?

— Этот бугор — вовсе не библия.

Китаец словно съежился от смущения.

— О нет, сэр. Вы правы. Это пистолет. Просто я боюсь. На западе так ненавидят китайцев. Вы сами видели это за завтраком. Нас считают наркоманами или бандитами из тонга.

— А вы умеете пользоваться этой штукой?

Они по-прежнему стояли в считанных дюймах друг от друга, Белл держал китайца за лацкан, и тот не мог отойти.

— На самом деле нет, сэр. Думаю, нужно просто наставить его и нажать на курок. Но ведь важна угроза. Я еще никогда не стрелял.

— Разрешите посмотреть? — спросил Белл, протягивая руку.

Луис огляделся, убедился, что они одни, и неохотно достал пистолет. Белл взял его.

— Оружие высшего качества, — сказал он, удивившись тому, что ученик миссионера сумел найти карманный кольт словно только что с фабрики. — Где вы его взяли?

— Купил в Нью-Йорке.

— Вы купили очень хороший пистолет. А где именно в Нью-Йорке?

— В магазине рядом с полицейским участком. В центре.

Белл убедился, что пистолет стоит на предохранителе, и вернул его.

— Можете пораниться, размахивая оружием, если не умеете им пользоваться. По ошибке пораниться. Или кто-нибудь отнимет его у вас и застрелит — и объяснит все самозащитой. Мне было бы спокойнее, если бы вы спрятали пистолет в чемодан и больше не доставали.

— Да, сэр. Мистер Белл.

— Если кто-нибудь в поезде будет обижать вас, просто скажите мне.

— Пожалуйста, не говорите мистеру Беннету. Он не поймет.

— Почему?

— Он добрый человек. И не знает, как жестоки бывают люди.

— Уберите пистолет в чемодан, и я буду нем как рыба.

Луис обеими руками сжал руку Белла.

— Спасибо, сэр. Спасибо за понимание.

Лицо Белла превратилось в маску.

— Спрячьте в чемодан, — повторил он.

Китаец прошел по коридору и через тамбур в соседний вагон, где было купе Беннета. Уходя, китаец повернулся и благодарно помахал рукой. Белл кивнул, словно размышляя. Какой набожный молодой человек!

По правде говоря, размышлял он, эти такие юные с виду ученики миссионеров вполне могут быть бандитами из тонга. Если так, Белл дивился прозорливости Джона Скалли.

Никакой другой детектив в Нью-Йорке не смог бы в одиночку отправиться в Чайнатаун и две недели спустя установить связь двух гангстеров из тонга с шпионской сетью вокруг Корпуса 44. Ему очень хотелось надеть на Луиса Ло и Гарольда Винга наручники и отвести их в багажный вагон. Однако он сильно сомневался в том, что Луис и Гарольд — крупные фигуры в мире гангстеров… что они вообще гангстеры; а если они просто шестерки, он сможет проследить за ними и выйти на главаря.

То, что шпион привлек тонг, типично для его международного охвата. В случае таких, как Эббингтон-Уэстлейк, даже подумать об этом трудно. То, что шпион сумел привлечь к своим операциям известного английского писателя, свидетельствует о силе его дьявольского воображения.

— Ваша очередь, Уитмарк. Повышаете или выходите?

Тед Уитмарк отлично понимал, что, имея на руках семерку, нельзя пытаться пополнить карты внутри стрейта. Вероятность просто ничтожна. Ему нужна четверка. В колоде только четыре четверки: червонная, бубновая, пиковая и трефовая. А четверка треф уже выпала игроку напротив. И этот игрок удвоил ставку, намекая тем самым на то, что в его картах есть еще четверка. Четыре четверки в колоде, одна явно уже выпала, вторая — возможно. Вероятность не просто ничтожна, она нулевая.

Но он вложил в эту партию кучу денег и чувствовал, что удача вот-вот ему улыбнется. Ему должно повезти. Он начал проигрывать неделю назад в Нью-Йорке, и это выводило его из себя. В поезде на пути в Сан-Франциско он все время проигрывал и каждый вечер проигрывал после прибытия. Одной четверки уже нет. Еще одна или даже две тоже ушли. Иногда приходится брать быка за рога и проявлять храбрость.

— Ваш ход, Уитмарк. Повышаете или выходите?

Он заметил: больше никаких «мистер Уитмарк». Мистер исчез, когда он в третий раз за вечер одолжил пять тысяч. Иногда приходится быть храбрым.

— Повышаю.

— Здесь восемь тысяч.

Уитмарк передвинул свои фишки в котел.

— Здесь три. Остальное у маркера.

— Вы уверены?

— Давайте карту.

Человек, сдававший карты, посмотрел через стол не на Теда Уитмарка, а на изрезанное шрамами лицо владельца казино, который разрешал играть в долг. Тот нахмурился. На мгновение Уитмарк почувствовал, что спасен. Он не может повышать, если у него нет денег. Он выйдет из игры. Сможет вернуться в отель, выспаться, а с утра примется за работу по расписанию, чтобы покрыть свои долги деньгами, которые ему заплатят, когда он доставит продукты для Великого белого флота. Или Великой белой «глотки», как одобрительно заметил один из его конкурентов. На четырнадцать тысяч долларов нужно доставить очень много провизии.

Владелец казино кивнул.

— Сдавай.

Парень с четверкой получил еще одну четверку. Уитмарк получил девятку треф — более неудачная карта ему еще не выпадала. Кто-то еще повысил. Четверки еще подняли. Уитмарк вышел из игры.

— Не покажете вашу последнюю карту после окончания партии? — спросил он у

игрока слева от себя.

Когда партия закончилась и три четверки напротив взяли куш, игрок слева от Теда, который получил карту, которая должна была достаться Теду, если бы он остался в игре, сказал:

— Это была четверка. Вам бы понравилось. — Он показал на выигравшего. — У вас были бы четыре одинаковых.

— Да, мне бы это понравилось, — согласился Тед, направляясь к бару. Но не успел он взять свой стакан, как к нему подошел владелец казино и сказал:

— У меня для вас сообщение от Томми Томпсона из Нью-Йорка.

Тед поежился под холодным взглядом этого человека.

— Не волнуйтесь — сказал он. — Вам я заплачу первому, как только смогу.

— Томми велел заплатить мне. Я принес вашу расписку.

— Сверх всего, что я уже должен? Вы рискуете.

— Вы заплатите. Так или иначе.

— Я много зарабатываю. Я все выплачу, скоро.

— Мне нужны не деньги, мистер Уитмарк. Мне нужна помощь, и именно вы можете мне помочь.

«Если бы мы с тобой были так умны, как считаем, вышли бы на них еще месяц назад».

Исааку Беллу, которому снился сон о Фраях, послышались эти слова Джона Скалли.

Это было первое его пробуждение после того, как он покинул Нью-Йорк. Полка накренилась вперед, и Беллу не нужно было смотреть в окно купе, чтобы понять, что они перевалили через Сьерра-Неваду и теперь спускаются в долину Сакраменто. До Сан-Франциско пять часов. Белл встал и быстро оделся.

Он что-то упустил?

«Несколько дней назад», — сказал он себе.

Не раз он спрашивал себя, какую роль играет романист Арнольд Беннер, защищая китайцев. А что если происходит прямо противоположное? Если писатель — тоже английский шпион? Как Эббингтон-Уэстлейк, прячущийся за аристократической речью, изысканными манерами и остроумием?

Поезд остановился в Сакраменто. Белл побежал на телеграф и отправил депешу в Нью-Йорк. Нанял ли Беннет бойцов тонга и нарядил их в учеников миссионеров? Лучше всего прятаться у всех на виду. И Белл понял: Арнольд Беннет может быть самим шпионом, стоять во главе всей сети.

Кэтрин Ди громко выругалась.

Она гоготала как матрос; от бессонницы и порошка у нее кружилась голова. Она бранилась, как матрос. Ветер и брызги только усиливали действие кокаина, который она нюхала из флакончика слоновой кости, чтобы не уснуть в последнюю ночь их плавания из Ньюарка. Берега она не видела, но грохот прибоя подсказывал, что она подошла слишком близко.

Она провела тяжело нагруженный одномачтовик вдоль южного побережья Лонг-Айленда, рассчитывая пройти от Монток-Пойнт так, чтобы войти в пролив Файер-Айленд при первом свете дня. Не замеченная никем, кроме одинокого рыбака, она провела корабль через проход в рифах. Внутри, на спокойной воде, она двинулась по каналу, размеченному бакенами, отыскивая определенный ориентир на лонг-айлендском берегу, в пяти милях отсюда. Увидев его, она пересекла неспокойные воды залива Грейт-Саут-Бей, направляясь к белому дому с красной крышей. Столбы обозначали вход в заново углубленный ручей, берега которого облицевали деревом, выдержанным в креозоте.

Корабль спокойно прошел в ручей.

Эллинг был отделан новой кедровой дранкой. Крыша была высокая, вход в эллинг позволял провести внутрь корабль с низкой мачтой. Кэтрин Ди убрала парус и позволила

кораблю дрейфовать. Она рассчитала все очень точно. Корабль остановился так, что она смогла набросить причальный канат. Потом принялась тянуть за этот канат, экономно расходуя силы, и ввела тяжело груженный корабль под крышу.

Через заднюю дверь, выходящую на сушу, появился мужчина.

— Где Джейк?

— Он пытался меня поцеловать, — ответила она равнодушно.

— Да? — Он словно говорил: «Ты женщина, чего же ты ожидала одна на корабле посреди океана?» — Так где он?

Она посмотрела ему в лицо.

— На борт прыгнула акула и сожрала его.

Он обдумал то, как затвердел в улыбке ее рот, как холодно сверкнули глаза, вспомнил, с какими людьми она знакома, и решил, что Джейк получил по заслугам. И его совсем не интересует, как это произошло. Он протянул ей плетеную корзину.

— Я принес тебе завтрак.

— Спасибо.

— Тут на двоих. Я не знал…

— Отлично. Умираю с голоду.

Она поела одна. Потом расстелила спальный мешок на парусине, покрывающей груз, и спокойно уснула, думая, что Брайан О'Ши будет гордиться ею. Взрыв на торпедной фабрике скрыл исчезновение четырех опытных электрических торпед, ввезенных из Англии для исследований. Гениальный Рон Уиллер снабдил их ТНТ, и теперь они в десять раз мощнее, чем когда их изготовили англичане. На морской торпедной станции в Ньюпорте никто и не подозревает, что их не уничтожил взрыв.

38

— А вот и вы, Белл! Отлично, что мы сможем попрощаться.

Сев в поезд, выходящий из Сакраменто в последний девяностомильный пробег до Сан-Франциско, Белл удивился, когда увидел, что Арнольд Беннет и китайцы, у которых были билеты до Сан-Франциско, собрали вещи и вынесли их в коридор.

— Я думал, вы едете в Сан-Франциско.

— Глядя на эти сады и ягодные поля, мы передумали. — Поезд проходил мимо полей клубники, заполненных сборщиками ягод в соломенных шляпах. — Сойдем раньше, в Сэссун-Сити. Мы решили пересесть в поезд до Напа-Джанкшен. Мой старый школьный приятель фермерствует там, чуть севернее, в Сент-Хелен — развел виноградник, давит ягоду и все такое. Мы буколически отдохнем от тягот пути — как ни великолепны были условия, — а уж потом отправимся в Сан-Франциско. Я намерен написать об этом статью для «Харперз», а мальчики отдохнут на свежем воздухе, прежде чем нести слово Господа в Китай.

Белл быстро думал. Он представлял себе длинный извилистый залив Сан-Франциско, закрытый от Тихого океана Сан-Францисским полуостровом и полуостровом Марина. После Сэссун-Сити поезд семнадцать миль идет на юг до Бенисии, где паром перевозит его через узкий пролив Каркинез к Порт-Коста. И, наконец, последние тридцать миль пути пролегает вдоль залива Сан-Пабло до Окленда, где пассажирский паром пересекает залив Сан-Франциско и приходит в город.

В тридцати милях к северу от города, вверх по заливу Сан-Франциско и заливом Сан-Пабло, находится верфь «Мар-Айленд». Это своего рода Бруклинская военная верфь западного побережья, с длинной историей строительства, ремонта и переоснастки боевых кораблей и подводных лодок. От верфи до Напа-Джанкшен, соединенного с Сэссун-Сити местной веткой, всего пять миль к северу.

Беннет и китайцы окажутся в одной короткой поездке на поезде или трамвае от «Мар-Айленд», где Великий белый флот встанет на ремонт после плавания и будет получать

продовольствие, воду и свежие боеприпасы.

— Надо же, какое совпадение? — сказал Белл.

— Что вы имеете в виду?

— Я еду тем же поездом.

— А где ваши вещи?

— Я путешествую налегке.

«Оверленд лимитед» пришел в Сэссун-Сити с десятиминутным опозданием. Поезд до Напа-Джанкшен уже свистел. Белл схватил пачку телеграмм, ждавших его в конторе телеграфиста, и побежал на поезд. Он был местный, из двух вагонов, заднюю платформу прикрывал пестрый полосатый навес. Во втором вагоне сидело с полдюжины пассажиров, и Арнольд Беннет в гуще их начинал очередную историю. Он замолчал, чтобы указать на соседнее пустое сиденье.

— Попробую уговорить вас поехать с нами давить виноград на Сент-Хелен.

Белл помахал телеграммами, уходя в конец поезда, на платформу, чтобы остаться в одиночестве.

— Присоединюсь к вам через минуту. Распоряжения из главной конторы.

Беннет жизнерадостно рассмеялся и сказал через плечо:

— Да вы и так знаете, что вам велят продавать больше страховок.

Поезд пересекал соленые болота, холодный влажный ветер, проникавший под навес, пах морем. Он мерно раскачивал рукоять стоп-крана, подвешенную на короткой веревке, и шелестел телеграфными бланками.

Аналитический отдел пока не имел никаких сведений из Германии о юной подопечной Райкера; то, что на это уходило так много времени, одно из доказательств правоты Ван Дорна, который начинает открывать конторы в Европе.

Выяснились дополнительные подробности смерти отца Эрхарда Райкера в Южной Африке в 1902 году во время Англо-бурской войны. Сматс, глава Республики Трансвааль, неожиданно напал на железную дорогу, идущую от медных шахт Порт-Ноллота, где старший Райкер разыскивал в осадочных слоях алмазы; о них давно ходили слухи. Он укрылся в английском железнодорожном пакгаузе, когда на пакгауз напали буры с самодельными бомбами, начиненными динамитом.

Третья телеграмма была от Джеймса Дешвуда.

РАЙКЕР ПРИБЫЛ В ЛА.
СЕЙЧАС НАПРАВЛЯЕТСЯ В САН-ДИЕГО.
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ ПЛИМПТОН ПОДОЗРИТЕЛЕН.
ДЖД ЗАПОДОЗРИЛ ЕГО В ТОМ ЧТО ОН АГЕНТ
ТИФФАНИ.
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ УБЕДИЛ ДЖД ЧТО ОН
СТРАНСТВУЮЩИЙ ПРОПОВЕДНИК
ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ.

Белл улыбнулся. У Дэша задатки отличного детектива. Неожиданно он перестал улыбаться. Последняя телеграмма начиналась предупреждающими буквами «ТДЗ» — «Ты должен знать». Арчи Эббот предупреждал: если Белл еще не насторожился, пора ему насторожиться.

ТДЗ
АРНОЛЬД БЕННЕТ ДОМА В ПАРИЖЕ

— Что? — вслух произнес Белл. Он посмотрел через стеклянную дверь, увидел человека в твидовом костюме, утверждающего, что он Арнольд Беннет, и снова посмотрел на телеграмму.

ПИСАТЕЛЬ НЕ — ПОВТОРЯЮ НЕ — НА «ОВЕРЛЕНД ЛИМИТЕД».
СФ ВД АГЕНТ ВСТРЕТИТ ПОЕЗД В БЕНИСИЯ—ФЕРРИ.
БУДЬ ОСТОРОЖЕН.

Поразительное открытие! Белл обрадовался.

Теперь он точно знает, на кого охотится. Человек, выдающий себя за Арнольда Беннета, — в союзе с китайцами; возможно, он их босс и, вероятно, тот, кто приказал рыжеволосой убить Скалли, когда детектив раскрыл его связи в Чайнатауне.

Теперь у него преимущество. Они не знают, что Исаак Белл знает.

— Мистер Белл.

Белл оторвался от телеграмм и увидел ствол пистолета.

39

— Луис, я думал, мы договорились, что вы спрячете пистолет в чемодан.

За Луисом стоял Гарольд, тоже с пистолетом.

— И вы меня разочаровываете, Гарольд. Это не Библия. И даже не традиционный топорик тонга; это огнестрельное оружие, которым гордился бы любой уважающий себя американский преступник.

Английский язык Луиса вдруг потерял всякий акцент, а манеры стали повелительными.

— Встаньте на край платформы, мистер Белл, и повернитесь к нам спиной. Не трогайте пистолет, который у вас в наплечной кобуре. Не трогайте «дерринджер» в шляпе. И не думайте потянуться к ножу у вас за голенищем.

Белл мимо них посмотрел в дверь тамбура. В передней части вагона мнимый Арнольд Беннет делал широкие жесты, отвлекая внимание нескольких находившихся в вагоне человек. Колеса стучали так громко, что Белл не слышал смеха пассажиров.

— Для ученика миссионеров вы слишком хорошо разбираетесь в оружии, Луис. А вы подумали о то, что свидетели услышат, как вы меня застрелите?

— Мы вас застрелим, если вы нас вынудите. Тогда мы перестреляем и свидетелей. Я уверен, вы слышали, что *азиаты* и *монголы* не уважают человеческую жизнь. *Повернитесь!*

Белл посмотрел через плечо. Поручень низкий. Железнодорожная насыпь уходит назад со скоростью пятьдесят миль в час, мелькают стальные рельсы, железные костыли, каменный балласт и деревянные шпалы. Когда он повернется, они ему проломят голову рукоятью пистолета или ударят ножом в спину и перебросят через поручень.

Он разжал руку.

Телеграммы разлетелись, извиваясь на ветру, и, как рассерженные воробьи, полетели в лицо Луису.

Белл вытянул руки, схватился за верхнюю часть навеса, согнул ноги и ботинком ударил Гарольда в голову. Гарольд отскочил влево, как и хотел Белл, освободив дорогу к красной ручке стоп-крана.

Всякое сомнение в том, что перед ним не студенты-миссионеры исчезло, когда рука Белла была в дюйме от тормоза. Луис ударил рукоятью по запястью Белла и отбросил его руку от тормоза. Не имея возможности резко остановить поезд, Белл вопреки резкой боли в правом запястье ударил левой. Удар удовлетворительной силы пришелся Луису в лоб, и у того подогнулись колени.

Но Гарольд уже пришел в себя. Сосредоточив силы и вес тела, как отлично обученный боец, низкорослый мускулистый китаец превратил пистолет в стальную дубину. Рукоять ударила по шляпе Белла. Толстый фетр и стальная пружинная лента отчасти смягчили удар, но инерция работала против детектива. Он увидел, как поворачивается навес над головой, потом повернулось небо, а потом Белл перевалился через боковое ограждение и полетел к

рельсам. Все движения словно замедлились. Белл видел железнодорожные шпалы, колеса, тележку, которая на них стояла, и ступеньки вагона. Обеими руками он ухватился за верхнюю ступеньку. Ноги ударились о шпалы. Какую-то ужасную долю секунды он пытался бежать со скоростью пятьдесят миль в час. Крепко держась за стальную ступеньку, зная, что, если разожмет руки, погибнет, он извернулся и подтащил ноги к нижней ступеньке.

Пистолет Гарольда стремительно опустился, словно упал с неба. Белл протянул руку мимо пистолета, схватил Гарольда за запястье и изо всех сил дернул. Гангстер из тонга пролетел над ним и ударился о столб; его тело изогнулось подковой.

Держась за ступеньки, Белл потянулся к своему пистолету. Но, прежде чем дотянулся до него, почувствовал, что пистолет Луиса прижат к его голове.

— Ваша очередь!

40

Белл уперся ногами, готовясь к прыжку, и бросил беглый взгляд на проносящуюся мимо землю. Из своего опасного положения на ступеньках он мог видеть дальше Луиса. Поезд шел вдоль крутой насыпи из балласта, с бесконечным рядом телеграфных столбов и густыми зарослями деревьев, такими же смертельно опасными, как столбы. Но далеко впереди виднелись поля со стадами овец. Вдоль насыпи шла изгородь из колючей проволоки, чтобы помешать скоту заходить на дорогу. Нужно миновать изгородь, если он надеется пережить прыжок. Но прежде всего нужна пятисекундная отсрочка, чтобы добраться до поля.

Перекрывая рев ветра и стук колес, он крикнул:

— Я найду тебя, Луис!

— Если выживешь, буду прислушиваться к стуку костылей.

— Я никогда не сдамся, — сказал Белл, выигрывая еще секунду. Они почти доехали до поля травы. Склон был круче, чем казался издали.

— Последняя возможность, Белл. Прыгай!

Своим «Никогда!» Белл выиграл еще секунду.

Он сделал отчаянный прыжок, чтобы перелететь через изгородь. На несколько футов разминулся с телеграфным столбом и пролетел в дюймах над изгородью. Но в лицо ему летел виток колючей проволоки. Его подхватил поток воздуха от мчащегося поезда. Он и приподнял его над проволокой. Белл ничком ударился о поросшую травой землю, как игрок в бейсбол, заносящий мяч на базу, и постарался собраться в клубок. И покатился, не в состоянии увернуться от камней на пути. В этом мгновенном полете перед ним возникло что-то твердое, и у него не было никакой возможности избежать столкновения.

Удар сотряс все его тело. Голову окутали боль и тьма. Он смутно сознавал, что разогнул руки и ноги и они болтаются, как у чучела, а он катится по траве. У него не было сил снова поджать конечности. Тьма сгущалась. Немного погодя появилось смутное ощущение, что движение прекратилось. Он услышал барабанный бой. Земля под ним затряслась. Потом наступила полная тьма и неподвижность.

В какой-то момент барабанный бой прекратился. В следующее мгновение Белл понял, что тьма рассеивается. Его открытые глаза смотрели в туманное небо. Мысленно он видел вращающееся поле, полное овец. Голова болела. Солнце передвинулось на час к западу. А когда он сел и осмотрелся, то увидел стадо настоящих овец — неостриженные овцы мирно паслись, а одна в ста ярдах от него тщетно пыталась встать.

Белл потрогал голову, потом проверил, не сломаны ли кости. Переломов не обнаружил. Он неуверенно встал и пошел к овце, чтобы проверить, насколько серьезно ее ранил. Не нужно ли будет застрелить ее, чтобы не мучилась? Но, словно вдохновленная его успехом, овца встала и, прихрамывая, побрела к стаду.

— Прости, приятель, — сказал Белл. — Я не хотел на тебя налететь, но рад, что так получилось.

И пошел искать шляпу.

Услышав приближение поезда, он поднялся на насыпь и встал между рельсами. Стоял, покачиваясь, пока поезд не остановился, конец скотосбрасывателя замер между коленей Белла. Краснолицый машинист подбежал к нему и закричал:

— Какого дьявола! Ты кто такой?

— Агент Ван Дорна, — ответил Белл. — Еду в Напа-Джанкшен.

— Думаешь, дорога твоя?

Белл расстегнул нагрудный карман своего испачканного зеленью пиджака и достал самый удивительный железнодорожный пропуск, какой ему приходилось видеть.

— В определенном смысле так и есть.

Он, шатаясь, подошел к лесенке, ведущей в кабину паровоза, и поднялся по ней.

В Напа-Джанкшен начальник станции сообщил:

— Английский священник и его китайский ученик-миссионер сели в поезд, идущий на север, до Сент-Хелен.

— Когда ушел поезд на Сент-Хелен?

— Северный отошел в три ноль три.

— Подождите. — Белл ухватился рукой за стойку. Как вы сказали? — В голове снова закрутилось поле, полное овец. — *Священник?*

— Преподобный Дж. Л. Скелтон.

— Не писатель? Не журналист?

— Когда вы в последний раз видели журналиста в белом воротничке?

— И он поехал на север?

В сторону от «Мар-Айленд».

— На север.

— С учеником-китайцем?

— Я уже сказал. Купил два билета до Сент-Хелен.

— Вы их обоих видели в поезде?

— Обоих. Видел, как поезд отходит от станции. И могу сообщить, что он не вернулся.

— Когда следующий поезд на юг?

— Поезд до Вальехо только что ушел.

Белл осмотрелся.

— А это что за рельсы? — Над ними висел электрический провод контактной сети. — Это межгородской?

— Напа — Вальехо — Бенишия, — с отвращением ответил начальник станции. — Это трамвай.

— Когда следующий трамвай до Вальехо?

— Понятия не имею. Я не разговариваю с конкурентами.

Белл дал начальнику свою карточку и десять долларов.

— Если преподобный снова здесь появится, сообщите мне через начальника «Мар-Айленд».

Начальник станции сунул в карман плату за половину рабочей недели и спросил:

— Вероятно, если преподобный появится, я вас в глаза не видел?

Белл дал ему еще десять долларов.

— Вы слышите мои слова раньше, чем я их произношу.

Он ждал на трамвайных рельсах (голова кружилась), когда мимо неслышно прошел красный четырехместный паровой «Стенли Стимер» с желтыми колесами. Выглядел он совершенно новым, только фары забрызгала грязь.

— Эй!

Белл побежал за машиной. Шофер остановился и оглянулся. В больших очках он напоминал школьника, прогуливающего уроки. Белл решил, что он позаимствовал машину отца.

— Ставлю двадцать баксов, что это штука не сделает милю в минуту.

— И проиграете.

— До Вальехо шесть миль. Проиграю двадцать баксов, если доедешь за шесть минут.

Белл проигрывал пари, пока в двух милях от Вальехо они не вылетели из-за поворота и водитель не нажал на тормоза. Дорогу перегородила толпа рабочих, которые копали траншею, чтобы проложить водопропускную трубу:

— Эй! — закричал водитель. — Как нам доехать до Вальехо?

Десятник, сидевший в тени зонта, показал на объездную дорогу, которую они только что миновали.

— Через холм.

Водитель посмотрел на Белла.

— Это нечестно. Я не могу ехать через холм на шестидесяти.

— Дадим тебе фору, — ответил Белл. — Думаю, пари ты уже выиграл.

Водитель добавил пара, и «Стенли» быстро поднялся на несколько сотен футов. Они проехали короткое плато и поднялись еще на сто футов. С вершины Беллу открылось захватывающее зрелище. Внизу лежал город Вальехо, решетка его улиц, домов и магазинов обрывалась у голубых вод залива Сан-Пабло. Справа высокие стальные радиобашни, какие Белл видел на Вашингтонской военной верфи, обозначали «Мар-Айленд». Корабли стояли за островом. Вдалеке, за мысом Сан-Пабло, отделяющим залив Сан-Франциско от залива Сан-Пабло, поднимались столбы черного дыма.

— Остановите машину, — велел Белл.

— Я потеряю время.

Белл протянул ему двадцать долларов.

— Вы уже выиграли.

Колонна белых броненосцев обогнула мыс. Белл узнал их очертания по репродукции картины Генри Рётендаля, которую несколько месяцев назад напечатал «Колльере». Колонну вел флагман, трехтрубный «Коннектикут», за ним шла «Алабама» с двумя трубами, расположенными одна подле другой, затем меньший по размерам «Кирсардж», с двумя трубами в линию и выдвинутой вперед орудийной башней, и, наконец, «Виргиния».

— Ого! — воскликнул мальчик за рулем. — А куда они идут? Небось, бросят якорь у города.

— Вниз, — ответил Белл. — К «Мар-Айленд», производить ремонт и пополнять запасы.

* * *

Парень высадил его у мастерской портного, который обслуживал морских офицеров.

— Во что обойдется повторить мой костюм?

— Отличный костюм, мистер. Пятьдесят долларов, если хотите быстро.

— Сто, — сказал Белл, — если все люди в вашем ателье перестанут заниматься своими делами и костюм будет готов через два часа.

— Договорились. И мы бесплатно вычистим вашу шляпу.

— Я бы воспользовался вашей ванной. А потом хотел бы посидеть в кресле, где можно закрыть глаза.

В зеркале он увидел, что у него слегка расширены зрачки; это указывало на легкое сотрясение. Если обошлось легким сотрясением.

— Спасибо, мистер Шип.

Он умылся, сел в кресло и уснул. Час спустя его разбудило громыхание: к причалу «Мар-Айленд» двигалась бесконечная колонна фургонов и грузовиков. На борту каждого четвертого грузовика было написано «Т. УИТМАРК». Тед должен неплохо зарабатывать тем, что кормит моряков.

Портной сдержал слово. Через два часа после прибытия в Вальехо Исаак Белл сошел с парома «Пайнфор» на Мар-Айленд. У входа на верфь он показал пропуск, который раздобыл

для него у морского министра Джозеф Ван Дорн. Моряки отдали честь.

— Отведите меня к коменданту.

У коменданта Белла ждало сообщение с железнодорожной станции Напа-Джанкшен.

— Мои хозяева обычно устраивают прием после того, как я прочту проповедь, — сказал приезжий английский священник преподобный Дж. Л. Скелтон.

— Мы на «Мар-Айленд» поступаем — иначе, — ответил комендант. — Сюда, сэр. Вас ждут.

Крепко держа священника за локоть, начальник верфи провел его через церковь, ярко освещенную лучами сквозь оконные витражи «Тиффани», и распахнул дверь часовни для офицеров. Из-за стола во весь рост поднялся Исаак Белл в безупречном белом костюме.

Скелтон побледнел.

— Подождите, джентльмены, это совсем не то, что вы думаете.

— В поезде вы выдаете себя за писателя, — сказал Белл. — Теперь вы мнимый проповедник.

— Нет, я настоящий священник. Ну, был… лишен сана, понимаете? Небольшое недоразумение с церковными фондами.

— А почему вы изображали Арнольда Беннета?

— Возможность, которую я не мог упустить.

— Возможность?

Скелтон энергично кивнул.

— Я был в западне. Англичане догнали меня в Нью-Йорке. Мне нужно было убираться из города. А эта работа была словно нарочно для меня придумана.

— Кто предложил вам эту работу? — спросил Белл.

— Как кто? Луис Ло, конечно. И бедный Гарольд, которого, как я понимаю, больше нет среди нас.

— А где Луис Ло?

— Я не вполне представляю…

— Вам лучше бы представлять, — заревел комендант. — Или я выбью из вас ответ!

— В этом нет необходимости, — сказал Белл. — Я уверен…

— Замолчите, сэр! — заорал комендант, перебивая Белла, как они заранее договорились. — Это моя верфь. Я поступаю с преступниками, как хочу. Итак, где китаец? Быстрей, пока я не позвал боцмана.

— Мистер Белл прав. В этом нет необходимости. Произошло огромное недоразумение…

— Где китаец?

— Когда я в последний раз его видел, он был одет, как японец, сборщик фруктов.

— Сборщик фруктов? Что это значит?

— Как сборщики фруктов, которых мы видели из поезда у Ваки. Вы их тоже видели, Белл. Там община японцев. Они работают на сборе фруктов. Ягоды и…

Белл взглянул на коменданта, тот кивнул: это правда.

— В чем он был? — спросил Белл.

— Соломенная шляпа, полосатая рубашка, грубые рабочие брюки.

— Комбинезон? С нагрудником?

— Да. Точно как японские сборщики фруктов.

Белл переглянулся с комендантом.

— У вас на острове есть плодовые деревья?

— Конечно, нет. Это верфь. Послушайте, вы, попробуете оправдаться…

Белл перебил:

— Преподобный, у вас единственная возможность не провести остаток жизни в тюрьме. Отвечайте и будьте очень внимательны. Где вы в последний раз видели Луиса Ло, одетого как сборщик фруктов?

— В очереди?
— В какой очереди?
— Повозки стояли в очереди на паром.
— Он был в повозке?
— Правил лошадьми, разве неясно?
Белл направился к двери.
— Он переодет японским фермером, доставляющим фрукты?
— Я и пытаюсь вам это сказать.
— Какие фрукты?
— Ягоды. Клубнику.

— Пропуск! Ты, узкоглазый! — кричал моряк, охранявший вход на короткую дорогу, которая пересекает Мар-Айленд от паромного причала до пирса, где моряки поднимаются по трапам и спускаются по ним, перенося провизию на корабли. — Покажи пропуск!

— Вот он, сэр! — сказал Луис Ло, опустив глаза и протягивая листок. — Я показывал его на пароме.

— Покажи снова. Если б от меня зависело, ни один японец не ступил бы на Мар-Айленд — с пропуском или без него.

— Да, сэр.

Моряк посмотрел в листок.

— Азиаты — возчики фургонов. Должно быть, фермерам нелегко приходится. — Он неторопливо обошел фургон. Взял из корзины ягоду и положил в рот. Подошел сержант.

— Из-за чего задержка?

— Проверяю япошку, сэр.

— У тебя в очереди сто фургонов. Пошевеливайся.

— Слышал, азиатская рожа! Убирайся отсюда!

Он шлепнул мула по спине, и тот рванулся вперед, едва не сбросив Луиса Ло. Дорога, вымощенная булыжником, огибала склады и мастерские и пересекала железнодорожную ветку. Там, где она раздваивалась, Луис Ло дернул вожжи. Мул, шедший за другими повозками, неохотно повернул.

Сердце Ло учащенно забилось. Карта, которую ему дали, показывала, что арсенал — в конце этой дороги, у самой воды. Он обогнул здание фабрики, и вот он — в четверти мили впереди, каменное сооружение с маленькими, забранными решеткой окнами и терракотовой черепичной крышей. Эта терракотовая черепица и блеск голубой воды залива Сан-Пабло напомнили ему родной город Кантон на побережье Южного Китая. Как ни испуган он был, тоска по дому вдруг обрушилась на него, подрывая решимость. Так много прекрасного он больше никогда нигде не увидит.

Из арсенала фургоны уходили на узкий длинный причал, в конце которого стоял сверкающий белый «Коннектикут», флагман Великого белого флота. Он так близко. Впереди последний пост — морские пехотинцы. Запустив руку под сиденье, Ло потянул за шнур. Ему показалось, что он слышат, как под ягодами застучал механизм, но на самом деле это тиканье совершенно заглушали связки динамита под корзинами с ягодами. Он уже близко. Единственный вопрос — насколько ближе он сможет подойти, прежде чем его остановят.

За собой он услышал рокот мощного двигателя. Грузовик, нагруженный бело-красными бочонками с сиропом «Кока-кола». Может, грузовик последовал за ним из очереди повозок с продуктами по ошибке? Ну, все равно: этот грузовик делал одинокий фургон менее подозрительным. Грузовик просигналил и обогнал фургон. Секунду спустя он остановился, его жесткие резиновые шины заскрипели по булыжникам. Грузовик встал боком, перекрыв дорогу, окаймленную с обеих сторон канавами. Объехать его невозможно, а Луис уже запустил механизм взрыва.

Луис крикнул:

— Сэр, пожалуйста, передвиньте грузовик. У меня доставка.

Из кабины грузовика выскочил Белл, схватил мула за хомут и сказал:

— Здравствуй, Луис.

Страх Луиса и тоска по дому мгновенно рассеялись, как унесенный ветром туман. Их сменила ледяная ясность. Он сунул руку под сиденье и потянул за второй шнурок. Этот шнурок тянулся под фургоном к гужам мула. Его движение заставило сдетонировать связку шутих, и те начали одна за другой взрываться. Испуганный мул попятился, уронив Белла на землю. И свернул прямо в кювет, потащив за собой фургон, который перевернулся, разбрасывая ягоды и взрывчатку. Обезумевшее животное вырвалось и побежало, но Луис, видя, что все потеряно, успел вскочить ему на спину. Мул лягался и бил задом, пытаясь сбросить Луиса Ло, но ловкий молодой китаец упорно держался, заставляя мула бежать к воде.

Исаак Белл кинулся за ними через поле, которое вело к узкому проливу, отделяющему Мар-Айленд от Вальехо. Он видел, как мул неожиданно остановился. Луис Ло перелетел через его шею. Китаец покатился по траве, вскочил и побежал. Белл за ним. И вдруг земля содрогнулась от сильного взрыва. Белл оглянулся. По воздуху полетели бочки с кока-колой. Фургон исчез, грузовик горел. Моряки с поста и пирса бежали к огню. «Коннектикут» и каменный арсенал были невредимы.

Белл гнался за Луисом Ло, бежавшим к причалу, где был привязан катер. Из него выскочил матрос и попытался помешать китайцу. Луис Ло свалил его с ног и прыгнул в воду. Когда Белл добежал до причала, Луис Ло уже плыл к Вальехо.

Белл подбежал к катеру.

— Горючее есть?

Моряк, стоявший на причале, ошеломленно ответил:

— Да, сэр.

Белл отвязал причальные концы.

— Эй, вы что делаете, мистер? — Матрос прыгнул в катер и хотел остановить Белла. — Перестаньте!

— Плавать умеешь?

— Конечно.

— Адьё.

Белл ухватил его за руку и бросил за борт. Прилив уводил катер от причала. Белл включил двигатель и обогнул матроса, который негодующе кричал:

— Зачем же так? Давайте помогу!

Меньше всего Беллу нужна была помощь флота. Флот арестует Луиса и посадит на гауптвахту.

— Мой пленник, — сказал он. — Мое дело.

Прилив относил Луиса вниз по течению. Белл плыл рядом с ним на катере, готовый помешать китайцу утонуть. Но Луис оказался хорошим пловцом, он плыл современным стилем и легко резал воду.

На последних ста ярдах Белл обогнал Луиса. Привязал катер и, когда Луис выбрался из воды, ждал его на берегу, помахивая наручниками. Китаец, тяжело дыша, остановился и, не веря своим глазам, смотрел, на высокого детектива, который сказал:

— Протяни руки.

Луис достал нож и с поразительным для человека, только что состязавшегося с приливом, проворством сделал выпад. Белл отразил выпад наручниками и сильно ударил. Луис упал. Он был оглушен, и Белл смог связать ему руки за спиной. Потом поставил на ноги, удивляясь тому, какой он легкий. Луис едва весил больше ста двадцати фунтов.

Белл провел его на причал, где привязал катер. По проливу Каркинез всего четыре или пять миль к югу от Вальехо до Бенисия-Пойнт, где, если повезет, можно будет сесть на поезд, прежде чем флот спохватится.

Но раньше, чем он добрался до причала, подошел паром с Мар-Айленд и высадил толпу рабочих верфи.

— Вот он!

— Взять его!

Рабочие видели взрыв, видели летящие бочки и связали одно с другим. Они бежали к Луису и Беллу, а из подошедшего ремонтного трамвая вывалилась другая толпа; рабочие, размахивая молотами и железными прутьями, присоединились к первой ораве. Сплошная масса людей отрезала Беллу и его пленнику путь к катеру.

Зажгли ацетиленовый факел.

— Поджечь япошку. К дьяволу суд!

Исаак Белл сказал толпе линчевателей:

— Он не японец. Он китаец.

— Все они азиатские рожи, узкоглазые кули, все заодно.

— Вы не можете его сжечь. Он мой.

— Твой? — гневно кричали в толпе.

— А ты кто такой?

— Ты один, а нас сто человек!

— Сто человек? — Белл вытащил из шляпы «дерринджер», из пальто «браунинг» и направил на толпу два ствола. — У меня в левой руке два выстрела, в правой — семь. Так что вас не сто человек, а девяносто один.

Стоявшие впереди попятились, начали прятаться за другими, но на смену им появились люди, из гущи толпы. Толпа надвигалась, люди переглядывались в поисках вожака. Белл с каменным, словно из гранита, лицом переводил холодный взгляд с одного человека на другого.

Стоит лишь одному проявить храбрость…

— Ну, кто первый? Как насчет тебя, впереди?

— Взять его! — закричал высокий человек во втором ряду.

Белл выстрелил из «браунинга». Высокий закричал и опустился на колени, зажимая обеими руками окровавленное ухо.

41

— Девяносто девять, — сказал Исаак Белл.

Толпа попятилась, люди угрюмо переговаривались.

Подошел трамвай, звонком прогоняя рабочих с путей. Белл втащил Луиса Ло в вагон.

— Нельзя его заводить сюда, — сказал кондуктор. — Япошка весь мокрый.

Белл показал водителю трамвая широкое жерло двуствольного «дерринджера».

— Никаких остановок. Прямо к вокзалу Бенисия.

За десять минут, пролетев множество остановок с ожидающими трамвая пассажирами, они добрались до причала парома «Южной Тихоокеанской железной дороги». На другой стороне пролива Порт-Коста шириной в милю Белл видел «Солано», самый большой железнодорожный паром в мире; локомотив вел за собой на паром состав «Оверленд лимитед» из пульмановских вагонов. Белл втащил Ло в кабинет начальника вокзала, представился, купил купейные билеты для поездки через континент и разослал телеграммы. Паром за девять минут пересек пролив. Локомотив вытащил первую половину состава. Маневровый локомотив выталкивал с парома последние четыре вагона. Через десять минут состав снова стал единым и отошел от вокзала Бенисия.

Белл отыскал купе и приковал Луиса к трубе. А когда трансконтинентальный поезд углубился в долину реки Сакраменто, Луис впервые заговорил.

— Куда вы меня везете?

— Луис, из какого вы тонга?

— Я не из тонга.

— Почему вы пытались создать видимость, будто арсенал взорвали японцы?

— Я не стану с вами разговаривать.

— Конечно, станете. Вы расскажете мне все, что я хочу знать: что вы пытались сделать, почему и кто вам приказывал.

— Вам не понять таких людей, как я. Я не буду говорить. Хоть пытайте.

— «Это не мой стиль, — процитировал Белл популярное стихотворение. — Первый удар, — сказал судья».

Луис самодовольно сказал:

— Я читал это ваше «Кейси с битой».[35]

— Вы уже кое-что мне сказали, — ответил Белл. — Только сами еще этого не поняли.

— Что сказал?

Детектив замолчал. В сущности Луис Ло подтвердил его сомнения, что он не просто гангстер из тонга. Он не верил, что китаец и есть шпион, но в Ло было нечто большее, чем обнаруживала сегодняшняя попытка на Мар-Айленде.

— Вы дали мне большое преимущество, — сказал Ло.

— Какое?

— Признали, что вы не такой человек, чтобы пытать меня.

— В Хип Синг так определяют человека?

— Что такое Хип Синг?

— Это вы мне скажите.

— Когда мы поменяемся местами и вы станете моим пленником, — сказал Луис Ло, — я буду вас пытать.

Белл вытянулся на койке и закрыл глаза. Голова болела, и овцы по-прежнему летели кувырком.

— Сначала я использую резак, — начал Ло. — Секач. Острый, как бритва. Начну с вашего носа…

Луис Ло продолжал ярко описывать мучения, которым подвергнет Белла. Это продолжалось, пока Белл не захрапел.

Детектив открыл глаза, когда поезд остановился в Сакраменто. В дверь каюты постучали. Белл впустил двух крепких агентов службы охраны из конторы агентства в Сакраменто.

— Отведите его в багажный вагон и наденьте браслеты на руки и на ноги. Один из вас должен все время оставаться с ним. Второй спит. Я заказал для вас место в пульмане. Вы не должны выпускать его из виду ни на миг. Вы не будете отвлекаться на разговоры с проводниками. Если у него появится синяк или ссадина, ответите передо мной. Я буду постоянно заходить. И будьте особенно бдительны на остановках.

— Всю дорогу до Нью-Йорка?

— Мы пересаживаемся в Чикаго.

— Думаете, его друзья попробуют его освободить?

Белл наблюдал за реакцией Ло и ничего не увидел.

— Прихватили обрезы?

— С автоматической подачей патронов, как вы и велели.

— Пусть попробуют. Ладно, Луис. Идите. Надеюсь, следующие пять дней в багажном вагоне вам понравятся.

— Вы никогда не заставите меня говорить.

— Мы поищем возможность, — пообещал Белл.

Роскошные билеты на поезд, твидовый костюм «известного английского писателя», золотые карманные часы, дорогой багаж и сто долларов — вот все, что понадобилось шпиону, чтобы уговорить лишенного сана Дж. Л. Скелтона сыграть роль Арнольда Беннета.

---

35 «Кейси с битой» — популярнейшее стихотворение о бейсболе, написанное американским поэтом Эрнестом Лоренсом Тейером (1863–1940).

Так докладывал глава филиала агентства в Сан-Франциско, Хорас Бронсон, в телеграмме, ожидавшей Белла в Огдене. Но хотя перспектива долгого тюремного срока страшно напугала его, Скелтон понятия не имел, зачем его наняли играть роль патрона путешествующих учеников-миссионеров.

«Он поклялся на стопке библий, — сухо писал Бронсон, — что не знает, почему ему заплатили еще сто долларов, чтобы он вернулся к роли священника и провел службу в церкви на Мар-Айленд. И утверждает, что не знает, почему Гарольд Винг и Луис Ло старались сделать вид, будто это японцы подорвали арсенал на острове, чтобы повредить корабли Великого белого флота».

Хорас Бронсон ему верил. Исаак Белл тоже. Шпион умел заставить других выполнять грязную работу. Как большие орудия Артура Ленгнера, он оставался за много миль от взрыва.

Многое мог бы объяснить источник пропуска, с помощью которого Луис провел свой фургон на борт парома. Но пропуск сгорел при взрыве, как и фургон и грузовик. Даже мул не мог помочь. Его украли в Вика накануне. Охранники, пропустившие сотни фургонов и грузовиков, не смогли вспомнить ничего полезного о пропуске или фургоне с клубникой, который они пропустили на остров.

Два дня спустя, когда поезд пересекал Иллинойс. Белл принес Луису газету из Чикаго. Гангстер из тонга лежал на койке в темном, багажном вагоне без окон, его запястье и лодыжка были прикованы к металлической раме. Сыщик, охранявший его, дремал на стуле.

— Сходите за кофе, — приказал ему Белл, и, когда тот вышел, показал газету Луису.

— Свежая. Новости из Токио.

— Какое мне дело до Токио?

— Японский император пригласил американский Великий белый флот в Японию с официальным визитом, когда флот пересечет океан.

Непроницаемая маска, которую привычно носил Луис, чуть дрогнула. Белл заметил, как на мгновение поникли плечи Луиса, что свидетельствовало о рухнувших надеждах: неудачное покушение на флот не вызвало обострения отношений между Японией и Соединенными Штатами.

Белл удивился. Почему Луису это так важно? Ведь он уже пойман. Его ждет тюрьма, если не веревка, и он потерял деньги, которые ему заплатили бы за успех. Но что ему нужно? Может, им движет не только жажда наживы?

— Можно предположить, Луис, что его императорское величество не пригласил бы флот, если бы вам удалось выдать взрыв верфи на Мар-Айленде за дело рук японцев.

— Какое мне дело до японского императора?

— Вот в этом мой вопрос. Зачем китайскому гангстеру из тонга пытаться разжечь вражду между Японией и США?

— Идите к черту!

— И ради кого? Ради кого вы это делали, Луис?

Луис Ло насмешливо улыбнулся.

— Довольно сотрясать воздух. Пытайте меня. Ничто не заставит меня говорить.

— Мы найдем способ, — пообещал Белл. — В Нью-Йорке.

Вооруженные до зубов чикагские ван дорны, усиленные полицией, вывели Луиса Ло из «Оверленд лимитед», провели по вокзалу Ласаль и посадили в «Твентис сенчури лимитед». Никто не пытался освободить Луиса или убить его, чего, в общем, ожидал Белл. Он решил оставить его под присмотром службы охраны, пока «Твентис сенчури» не пришел в Нью-Йорк. На Центральном вокзале, когда другой отряд ван дорнов посадил Луиса в грузовик и отвез на Бруклинскую военную верфь, Белл оставался вне поля зрения Луиса. Лоуэлл Фальконер помог Луису Ло провести первую ночь на гауптвахте флота.

Белл ждал капитана на его турбинной яхте. «Динамо» была причалена к пирсу верфи между Корпусом 44 и огромной деревянной баржей, которую должен был тащить морской буксир. На барже инженеры воздвигали решетчатую мачту, полномасштабную модель

мачты, уменьшенную копию которой Белл видел в мастерской Фарли Кента.

Высоко над головой голубое небо заслоняла корма Корпуса 44. Броневая обшивка выше поднялась по каркасу, и постройка все больше напоминала корабль. Если он станет хотя бы наполовину таким боевым кораблем, какой видел Фальконер и над каким работали Аласдер Макдональд и Артур Ленгнер, враг, когда его собственные корабли будут пылать и выходить из строя, никогда не увидит этот корабль с такой точки.

Устроив пленника, Фальконер вернулся на яхту. Он сообщил, что последними словами Луиса, перед тем как за ним захлопнули стальную дверь, было: «Передайте Беллу, что я никогда не заговорю».

— Заговорит.

— Я бы на это не рассчитывал, — предупредил Фальконер. — Когда я был на Дальнем Востоке, японцы и китайцы буквально потрошили пленных. И ни слова.

Детектив Ван Дорна и капитан стояли на носу «Динамо», когда яхта кормой вперед входила в Ист-ривер; ровное вращение ее девяти винтов по-прежнему вызывало у Белла непривычное ощущение.

— Что-то в этом Луисе Ло есть особенное, — задумчиво сказал Белл. — Не могу только понять, что именно.

— Мне кажется, он очень низко на тотемном столбе.

— Я так не думаю, — сказал Белл. — Он ведет себя гордо, как человек, выполняющий особую миссию.

— Мир для нью-йоркских банд может перевернуться, — сказал Гарри Уоррен, и несколько детективов Ван Дорна, следивших за бандами, согласно закивали. — Сегодня они велики и могущественны, а завтра валяются в сточной канаве.

В заднем помещении конторы в «Никербокере» висела серая пелена от дыма сигар и сигарет. По кругу ходила бутылка виски, которую принес Исаак Белл.

— А кто сейчас в канаве? — спросил он.

— «Хадсон дастерз», «маргиналы» и «жемчужные пуговицы». У «восточных» неприятности — их вожак Монк теперь в Синг-Синге, да они еще ухудшают свое положение, продолжая вражду с «пятиточечниками».

— Прошлой ночью у них была перестрелка под опорами надземки на Третьей авеню, — заметил детектив. — К несчастью, никто не убит.

— В Чайнатауне, — продолжал Гарри, — Хип Синг выгоняют «он льонг». На Вест-Сайде «гоферы» Командора Томми Томпсона на вершине. Вернее, были на вершине. Теперь у этих сукиных детей уйма проблем, с тех пор как ты напустил на них железнодорожную полицию за то, что поколотили малого Эдди Тобина.

Все встретили это одобрительными кивками и замечаниями, в которых звучало растущее восхищение.

— Худших ублюдков, чем эти копы с запада, я не видал.

— Они так насели на «гоферов», что тонг Хип Синг открыл новую опиумную курильню прямо посреди территории «гоферов».

— Стой, стой, — предостерег Гарри Уоррен. — Я видел «гоферов» в заведении Хип Синг в центре города. Там, где был Скалли, Исаак. У меня такое чувство, будто между «гоферами» и Хип Синг что-то происходит. Может, и Скалли это почувствовал?

Кое-кто одобрительно закивал. До всех дошли какие-то слухи.

— Но никто из вас не может ничего сказать о Луисе Ло?

— Это еще ничего не значит, Исаак. В Чайнатауне преступники гораздо более скрытны.

— И лучше организованы. Не говоря уж о том, что умнее.

— И связаны с китайскими кварталами по всей Азии и США.

— Дело связано со шпионажем, поэтому международные связи весьма любопытны, — согласился Белл. — За исключением одного. Зачем отправлять двух человек из Нью-Йорка

через весь материк, когда они могли бы использовать местных из китайского квартала в Сан-Франциско? Ведь те гораздо лучше знают территорию.

Никто не ответил. Детективы молчали, тишину нарушали только звон стекла и чирканье спичек. Белл осмотрел ветеранов Гарри. Ему не хватало Джона Скалли. На таких мозговых штурмах Скалли был настоящим волшебником.

— Зачем этот дурацкий спектакль в поезде? — спросил он. — Это не имеет смысла.

Снова тишина. Белл спросил:

— Как дела у маленького Эдди?

— Состояние по-прежнему тяжелое.

— Передайте ему, что я загляну к нему, как только смогу.

— Едва ли он поймет, что вы в палате.

Гарри Уоррен сказал:

— Что касается меня, есть еще одно странное обстоятельство. Зачем «гоферам» натравливать на себя ван дорнов?

— По глупости, — сказал кто-то из детективов, и все рассмеялись.

— Не настолько они глупы. Исаак верно сказал: зачем Луис пересек материк? Избивать парня просто не имело смысла. Банды не выносят драки за пределы своего круга.

Исаак Белл сказал:

— Ты говорил, странно было и то, что Ледяной отправился в Кадмен.

Гарри энергично кивнул.

— «Гоферы» не покидают свою землю.

— И еще ты сказал, что «гоферы» не посылают предупреждений и не мстят, если это навлечет на них гнев извне. Возможно, шпион заплатил им, чтобы они отомстили, как заплатил и за поход в Кадмен.

— Кто может знать, как думают шпионы?

— Я знаком кое с кем, кто знает, — сказал Белл.

Коммандер Эббингтон-Уэстлейк вышел из «Гарвардского клуба», где у него было бесплатное почетное членство, и ленивым жестом подозвал такси. Такси, красный «Дарак» с бензиновым двигателем, миновало человека, подзывавшего его у Нью-йоркского яхт-клуба, и остановилось перед дородным англичанином.

— Эй, это мое такси!

— Очевидно, нет, — протянул Эббингтон-Уэстлейк, садясь в машину. — А теперь побыстрей, водитель, пока нас не догнал этот рассерженный яхтсмен.

Машина тронулась. Эббингтон-Уэстлейк назвал адрес в северной части Пятой авеню и уселся поудобнее. На Пятьдесят девятой улице такси вдруг свернуло в Центральный парк. Эббингтон-Уэстлейк постучал тростью в окошко.

— Нет, нет, я не турист, которого нужно возить по парку. Если бы я хотел проехать через парк, я бы сказал об этом. Немедленно возвращайтесь на Пятую авеню!

Водитель нажал на тормоза, и Эббингтона-Уэстлейка сбросило с сиденья. Придя в себя, тот увидел, что смотрит в холодные глаза мрачного Исаака Белла.

— Предупреждаю вас, Белл, у меня есть друзья, которые придут мне на помощь.

— Я не стукну вас по носу за то, что отправили меня на реку к Ямамото Кента, если ответите на вопрос.

— Это вы убили Ямамото? — бесстрашно спросил английский шпион.

— Он погиб в Вашингтоне. Я был в Нью-Йорке.

— Вы приказали его убить?

— Я не один из вас, — ответил Белл.

— Что у вас за вопрос?

— Кем бы ни был этот независимый шпион, действует он странно. Посмотрите сюда.

Он показал Эббингтону-Уэстлейку записку.

— Это он оставил на трупе моего детектива. Зачем?

Эббингтон-Уэстлейк прочел записку.

— Похоже, он что-то хочет вам сказать.

— Вы бы стали так делать?

— Я не провожу детские опыты.

— Могли бы вы убить моего человека из мести?

— Нельзя позволять себе такую роскошь.

— А чтобы пригрозить? Если бы верили, что это может остановить меня?

— Ему следовало бы убить вас. Это положило бы всему конец.

— А вас бы это остановило?

Эббингтон-Уэстлейк улыбнулся.

— Я считаю, что успешные шпионы — это невидимые шпионы. В идеале следует скопировать тайный план, а не красть его, чтобы враг не узнал, что его тайна похищена. Точно так же, если врага нужно убить, это должно выглядеть как несчастный случай. На стройке обломок убивает при падении человека, не вызывая подозрений. Булавка, проткнувшая мозг, — это красный флажок.

— О булавке в газетах не сообщали, — холодно заметил Белл.

— Нужно уметь читать между строк, — возразил англичанин. — Как я вам сказал в «Никербокере», добро пожаловать в мир шпионажа, мистер Белл. Вы уже многому научились. И в глубине души понимаете, что независимый шпион — прежде всего не шпион.

— Он думает не как шпион, — сказал Белл. — Он думает как гангстер.

— В таком случае кто лучше сумеет поймать гангстера, чем детектив? Доброго дня, сэр. Позвольте пожелать вам удачной охоты?

Он вышел из такси и пошел в сторону Пятой авеню.

Белл заторопился в отель «Никербокер» и отыскал Арчи Эббота.

— Отправляйся на торпедную фабрику в Ньюпорт.

— Парни из Бостона уже…

— Мне нужен ты. Это нападение вызывает у меня странное чувство.

— Какое чувство?

— А если это не саботаж? Что если это ограбление? Оставайся там, пока не выяснишь, что они взяли.

Он проводил Арчи на Центральный вокзал, к поезду, вернулся в контору в глубокой задумчивости. Эббингтон-Уэстлейк подтвердил его подозрения. Шпион — прежде всего гангстер. Но это не может быть Командор Томми. Всю его жизнь «гоферы» жили и воевали в узких пределах Адской кухни. Ответ должен быть связан с Луисом Ло. Возможно, он из тонга. Возможно даже, что он и есть шпион. Может, это отличие Луиса он и заметил: Ло действует так, будто у него есть цель. Пора задать ему вопрос.

Белл забрал Луиса Ло с гауптвахты Бруклинской морской верфи поздно вечером и сковал ему руки за спиной.

Первый раз Ло удивился, когда Белл не посадил его в легковую машину или в грузовик, а повел к реке. Они ждали у края воды. Позади возвышался Корпус 44. Ветер доносил шум корабельных двигателей, хлопание парусов, свистки и горны. Рядом, окутанная темнотой, стояла яхта Фальконера «Динамо».

Матросы молча проводили Белла и его пленника на борт. Яхта задним ходом вышла в реку и пошла вниз по течению. Прошла под Бруклинским мостом, миновала Баттери и набрала скорость в Верхнем заливе.

— Если собираетесь бросить меня за борт, — сказал Луис Ло, — не забудьте: я умею плавать.

— В наручниках?

— Полагаю, вы, будучи выше пыток, предварительно снимете их.

Рулевой увеличил скорость до тридцати узлов. Белл отвел Ло в темную каюту. Они сидели там, защищенные от ветра и брызг, пока «Динамо» пересекала Нижний залив. Белл видел в иллюминаторе свет маяка. Когда «Динамо» поднялась на первой атлантической

волне, Луис Ло спросил:

— Куда вы меня везете?

— В море.

— Как далеко в море?

— Примерно на пятьдесят миль.

— На это уйдет вся ночь.

— Не для этого судна.

Рулевой демонстрировал достоинства яхты. Прошел час. Движение турбин замедлилось, яхта затормозила. Неожиданно она во что-то ткнулась и остановилась. Белл взял Луиса за руку, проверил, не открыл ли он наручники, и вывел его на палубу. Молчаливые матросы помогли им перебраться на баржу. «Динамо» отошла и стала быстро уходить. Через несколько минут уже можно было различить только пламя из ее труб, потом и оно исчезло в ночи.

— Что теперь? — спросил Луис Ло.

Кремовая пена блестела в звездном свете. Баржа раскачивалась в такт движению волн.

— Теперь поднимемся.

— Поднимемся? Куда?

— На мачту.

Белл видел, как Луис Ло посмотрел на мачту. Воздушная конструкция была так высока, что верхушкой словно задевала звезды.

— Что это? Где мы?

— На барже-мишени. Баржа стоит на якоре на Атлантическом полигоне флота Соединенных Штатов. Инженеры-испытатели построили на барже эту мачту высотой сто двадцать пять футов — последнее слово в строительстве мачт с марсовыми корзинами.

Белл поднялся на две ступеньки, раскрыл наручник на правой руке Ло и застегнул его на своем запястье.

— Готовы? Поднимаемся.

— Куда?

— Вот по этой лестнице. Когда я подниму ногу, вы поднимете руку.

— Зачем?

— На рассвете пройдут испытательные стрельбы; нужно проверить, как эта мачта ведет себя в боевых условиях, когда по нас стреляют из двенадцатидюймовых орудий. Любой шпион, достойный своего имени, многое отдал бы, лишь бы стать тому свидетелем.

Подъем на смотровую площадку оказался долгим, но ни один из них не запыхался, когда они добрались до платформы.

— Вы в отличной форме, Луис.

Белл снял наручник с его щиколотки и приковал к одной из труб, из которых состояла мачта.

— Что теперь?

— Теперь подождем рассвета.

Подул холодный ветер. Мачта раскачивалась, словно вздыхала.

При первом свете стал виден силуэт броненосца на горизонте.

— «Нью-Гэмпшир», — сказал Белл. — Я уверен, вы узнали корабль по трем трубам и старомодному носу-тарану. И должны помнить, что на корабле вдобавок к четырем двенадцатидюймовым орудиям есть еще семи- и восьмидюймовые. Теперь совсем скоро.

Броненосец выплюнул красную вспышку. Пятисотфунтовый снаряд просвистел мимо, как грузовой поезд. Луис пригнулся.

— Что? — закричал он. — Что?

Грохот выстрела утих.

Новая вспышка. Пролетел еще один снаряд, ближе.

— Скоро пристреляются, — сказал Белл Луису Ло.

Красная вспышка выстрела из двенадцатидюймового орудия. Снаряд поднял фонтан в

пятидесяти ярдах от баржи. Мачта задрожала. Луис Ло закричал:

— Вы сумасшедший!

— Говорят, у этих орудий особо надежная винтовая нарезка, — ответил Белл.

Снова пролетел снаряд. Луис закрыл лицо руками.

Вскоре света было достаточно, чтобы Белл смог взглянуть на свои золотые часы.

— Еще несколько одиночных выстрелов. Потом начнется стрельба залпами. А закончат бортовыми залпами из всех орудий.

— Хорошо! Хорошо! Признаюсь: я из тонга.

— Вы не просто из тонга, — холодно ответил Белл.

Наградой ему стало удивление на обычно бесстрастном лице Луиса.

— Что это значит?

— Сунь Цзы [36] об искусстве войны. Позвольте процитировать вашего соотечественника: «Будьте так неуловимы, чтобы казалось, будто вы невидимы…»

— Не понимаю, о чем вы.

— Вы сами сказали мне в поезде: «Нас считают наркоманами или бандитами из тонга». Кто вы на самом деле?

Прогремел залп. Два снаряда пролетели через мачту. Она устояла, но раскачивалась из стороны в сторону.

— Я не из тонга.

— Вы только что сказали, что вы из тонга. Что правда?

— Я не гангстер.

— Перестаньте говорить, кем вы не являетесь, и скажите, кто вы.

— Я из тонгменгуя.

— Что такое тонгменгуй?

— Китайский революционный союз. Тайное движение сопротивления. Мы жертвуем жизнью, чтобы оживить китайское общество.

— Объясните, — сказал Исаак Белл.

В потоке слов Луис Ло признал, что он яростный китайский националист, стремящийся низложить продажную императрицу.

— Она душит Китай. Англия, Германия, вся Европа, даже США кормятся телом умирающего Китая.

— Если вы националист, что вы делаете в Америке?

— Броненосцы-дредноуты. Китай должен построить современный флот, чтобы отогнать колониальных хищников.

— Взорвав Великий белый флот в Сан-Франциско?

— Это не для Китая. Это для него.

— Для него? О ком вы говорите?

Бросив испуганный взгляд на «Нью-Гэмпшир», Ло сказал:

— Есть человек — шпион, — который платит. Не деньгами, но ценной информацией о дредноутах других государств. Мы, Гарольд Винг и я, передавали эти сведения китайским кораблестроителям.

— А вы расплачиваетесь тем, что выполняете его просьбы?

— Совершенно верно, сэр. Можно нам теперь спуститься?

Белл понимал, что это большой прорыв в деле. Именно этого независимого шпиона Ямамото пытался выдать в обмен на свой беспрепятственный уход. Луис снова подвел Белла к нему.

— Вы работаете на трех хозяев. Китайский флот. Ваше движение сопротивления «Тонгменгуй». И шпион, который платил вам за нападение на арсенал на Мар-Айленд. Кто

---

[36] Сунь Цзы — китайский стратег и мыслитель, предположительно, живший в VI или, по другим источникам, в IV веке до н. э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны».

он?

Мимо промчался еще один грузовой состав. Мачта дрожала.

— Я не знаю, кто он.

— Кто ваш посредник? Как он отдает вам приказы и передает сведения?

— Через почтовые ящики. Он оставляет приказы, сведения и деньги на расходы в почтовых ящиках. — Ло пригнулся перед очередным снарядом. — Можно, мы сейчас спустимся?

Сверкая в лучах утреннего солнца, все орудия «Нью-Гэмпшира» нацелились в мачту.

— А вот и бортовой залп, — сказал Белл.

— Вы должны мне поверить.

Белл сказал:

— Я испытываю к вам расположение, Луис. Вы не стали стрелять в меня, пока я не спрыгнул с поезда.

Луис Ло смотрел на броненосец.

— Я не щадил вас. Просто мне не хватило решимости нажать на курок.

— Мне хочется позволить вам спуститься, Луис. Но вы рассказали не все, что знаете. Я не верю, что все приходило почтой.

Луис Ло бросил еще один испуганный взгляд на белый броненосец и окончательно сломался.

— Напасть на арсенал на Мар-Айленде нам приказал Командор Томми Томпсон.

— Как вы связались с бандой «гоферов»?

— Шпион подкупил Хип Синг, чтобы они от своего имени обратились к Командору Томми Томпсону, представив нас как тонгов.

Белл передал Луису Ло белоснежный платок.

— Помашите.

Он помог Луису спуститься с мачты. Когда они добрались до баржи, на катере подплыли офицеры с полигона. Они были вне себя от ярости.

— Как вы…

— Я думал, вы никогда не перестанете стрелять. Мы проголодались.

— Ни на мгновение не поверю, что Командор Томми шпион, — сказал Исаак Белл Джозефу Ван Дорну. — Но бьюсь об заклад, что Томми знает, кто он.

— Лучше бы ему знать, — ответил Ван Дорн. — Облава на его территории лишит копов вагона денег и заставит потратиться на весьма дорогие услуги, чтобы не дать вмешаться Таммани-холлу.[37]

Рослый детектив и его широкогрудый босс наблюдали за облавой из «мормона», припаркованного напротив салуна Командора Томми на Тридцать девятой улице.

— Зато нас полюбят железные дороги, — сказал Белл, и босс признался, что несколько железнодорожных магнатов уже поблагодарили его за то, что он сократил ущерб от действий «гоферов».

— Ну, хорошо хотя бы то, что после этого сеть шпиона заметно уменьшится.

— На это я не рассчитываю, — ответил Исаак Белл, не забывший, что узнал в поезде к Сан-Франциско о взрыве на торпедной станции в Ньюпорте.

Дюжина железнодорожных полицейских возглавила облаву. Они выломали дверь в салун, ломали мебель, били бутылки и выбивали днища из бочек с пивом. Внутри гремели выстрелы. Парни Гарри Уоррена стояли с наручниками наготове; они провели с десяток «гоферов» в наручниках в полицейский фургон.

— Томми с простреленной рукой закрылся в подвале, — доложил Гарри Ван Борну и

---

[37] Таммани-холл — политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е годы и контролировавшее выдвижение кандидатов и патронаж в Манхэттене с 1854 по 1934 гг.

Беллу. — Один. Возможно, он прислушается к голосу рассудка.

Белл спустился по сырым деревянным ступенькам в подвал. Томми Томпсон сидел в кресле, как гора, опрокинутая землетрясением. В руке он держал пистолет. Он открыл глаза, увидел пистолет Белла, нацеленный ему в голову, и выронил оружие на земляной пол.

— Я Исаак Белл.

— Что случилось с ван дорнами? — возмущенно спросил Томми. — У нас всегда было правило: живи и давай жить другим. Плати копам, не лезь в посторонние дела. У нас здесь работала целая система, и банда частных детективов ее порушила.

— Поэтому ты отправил одного из моих парней в больницу? — холодно спросил Белл.

— Это была не моя идея, — возразил Томми.

— Не твоя? — переспросил Белл. — А кто командовал «гоферами»?

— Это была не моя идея, — упрямо повторил Томми.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, будто Командор Томми Томпсон, который убил всех соперников, чтобы возглавить самую крутую банду Нью-Йорка, подчиняется чьим-то приказам?

Томми охватило негодование. Белл, посмеиваясь, решил сыграть на этом.

— Может, ты говоришь правду. Может, ты всего лишь хозяин салуна.

— Черт побери! — взорвался Томми Томпсон и хотел встать с кресла. Высокий детектив остановил его предостерегающим жестом. — Командор Томми не подчиняется ничьим приказам!

Белл позвал, и в подвал спустились Гарри Уоррен и двое его людей.

— Томми говорит, что не сам додумался избить юного Эдди Тобина. Кто-то заставил его это сделать.

— Кто-то? — презрительно повторил Гарри. — Этот «кто-то», приказавший избить ван дорна, случайно не тот же «кто-то», кто приказал тебе послать Луиса Ло и Гарольда Винга, чтоб они взорвали арсенал на Мар-Айленд?

— Он мне не приказывал. Он заплатил. Это не одно и то же.

— Кто? — спросил Белл.

— Сволочь! Бросил меня здесь слушать эти песни.

— Кто?

— Проклятый Глазник О'Ши, вот кто!

— Глазник О'Ши? — недоверчиво повторил Гарри Уоррен. — Ты принимаешь нас за ослов? Глазник О'Ши уже пятнадцать лет как мертв.

— Он не мертв.

— Гарри? — спросил Белл. — Кто такой Глазник О'Ши?

— Был такой «гофер» много лет назад. Злобный тип. Подавал надежды, пока не исчез.

— Я слышал, что он вернулся, — сказал один из детективов Гарри. — Но не поверил.

— Я все еще не верю.

— Я верю, — сказал Исаак Белл. — Шпион с самого начала вел себя как гангстер.

ИСКРА БОЖИЯ

42

1 июня 1908 года
Нью-Йорк

Исаак Белл спросил:

— Почему его называют Глазником?

— Если с ним свяжешься, он тебе вырвет глаз, — сказал Томми Томпсон. — У него на ногте большого пальца острое долото. Было медное, теперь из нержавеющей стали.

— Думаю, — сказал Белл, — ему не часто приходилось драться.
— Да уж, слышали об этом не часто, — подтвердил Томми.
— А помимо этого каков он?
Томми Томпсон сказал:
— Если я буду сидеть здесь и молоть языком, мне нужно промочить горло.
Белл кивнул. Ван дорны извлекли несколько фляжек. Томсон отпил из пары и вытер рот окровавленным рукавом.
— Каков Брайан О'Ши помимо того, что выкалывает глаза? Таков, как всегда. Парень, который видит, что делается за углом.
— Можно ли назвать его прирожденным лидером?
— Кем?
— Вожаком. Как ты. Ты управляешь своей бандой. Он такой же человек?
— Я только знаю, что он все время думает. Он всегда опережает тебя. Глазник видит людей насквозь.
— Если ты говоришь правду, Томми, что О'Ши не мертв, то где он?
Вожак банды поклялся, что не знает.
— Как его зовут сейчас?
— Он не говорил.
— Как он выглядит?
— Как все. Клерк в магазине, банкир, бармен. Я его едва узнал. Одет, точно щеголь с Пятой авеню.
— Рослый?
— Нет. Он маленький.
— По сравнению с тобой, Томми, большинство парней маленькие. Какого он роста?
— Пять футов восемь дюймов. Крепкого сложения. Сильнее парня я не встречал.
Белл как ни в чем не бывало продолжил разговор:
— Стало быть, ему в драке не нужно долото?
— Нет, — ответил Томми, делая еще глоток. — Ему просто это нравится.
— Но ведь после того как он появился ниоткуда и дал тебе денег, ты велел за ним проследить?
— Я послал за ним Пэдди Крысу. Маленький ублюдок вернулся без одного глаза.
Белл взглянул на одного из детективов, тот кивнул, соглашаясь.
— Да, я видел Пэдди с повязкой.
— Исчез, как в нашем детстве. Тогда он тоже растворился в воздухе. Никогда не думал, что снова его увижу. Думал, его бросили в реку.
— Кто бросил? — спросил Белл.
Вожак банды пожал плечами.
Гарри Уоррен сказал:
— Очень многие считали, что это ты бросил его в реку, Томми.
— Ну, так эти многие ошибались. Я думал, это сделал Билли Коллинз. Пока Глазник не вернулся.
Белл взглянул на Гарри Уоррена.
— Наркоман, — объяснил Гарри. — Много лет не слышал о нем. Билли Коллинз ходил с Глазником и Томми. Это была такая троица. Помнишь, Томми? Грабили пьяных, воровали с тележек, продавали наркотики, били всех, кто вставал у них на пути. О'Ши был худшим из них, хуже вот этого Командора, даже хуже Билли Коллинза. Рядом с этими двумя Томми — сама нежность и мягкость. Меньше всего все ожидали, что Томми возглавит «гоферов». Но ты везунчик, Томми, верно? Глазник исчез, Билли стал наркоманом.
Исаак Белл спросил:
— Томми, почему ты считал, что Билли Коллинз бросил Глазника в реку?
— Когда я в последний раз видел Глазника, они пили вместе.
— И сегодня ты не знаешь, где О'Ши?

— Как всегда. Растворился в воздухе.

— А где Билли Коллинз?

Раненый вожак банды пожал плечами, подмигнул и сделал еще глоток из фляжки.

— Где прячутся исчадия ада? Под скалами. В канализации.

43

В десяти милях от Файер-Айленда, пустого участка берега между Лонг-Айлендом и Атлантическим океаном, в пятидесяти милях от Нью-Йорка, встретились три корабля. Дневной свет угасал на западе, и на востоке появились первые звезды. Волны атлантического океана на мелком континентальном шельфе поднимались выше. Капитаны двух кораблей: четырехтысячетонного парового фрейтера с высокой трубой и двумя мощными кранами и океанского буксира, тянувшего железнодорожную баржу с тремя рядами рельсов, — не слишком радовались перспективе перегрузки на сильной зыби, особенно когда ветер дует с моря на берег. Когда они увидели, что третьим кораблем, маленьким одномачтовиком с широкой палубой, приводимым в движение только парусом, управляет красивая рыжеволосая девушка, они начали покрикивать на рулевых.

Похоже было, что свидание закончится, не начавшись. Но девушка так искусно воспользовалась порывом ветра, чтобы подвести к ним свой корабль, что помощник капитана парохода сказал: «Настоящая морячка», а О'Ши посоветовал капитану буксира:

— Не волнуйтесь. Мы всегда можем выбросить вас за борт и управлять кораблем сами.

Он увидел Рейфа Энгельса, махавшего ему рукой с мостика парохода.

Рейфа Энгельса, торговца оружием, разыскивали английская секретная служба за то, что он продавал оружие Ирландской Республиканской армии, и тайная полиция царя — за снабжение оружием русских революционеров. О'Ши познакомился с ним на «Вильгельме Великом», где они осторожно обхаживали друг друга, а потом продолжили на «Лузитании», чувствуя родственные души под сложной маскировкой. Между ними были различия: торговец оружием всегда на стороне угнетенных, идеалист — шпион не был идеалистом. Но за несколько лет они совершили ряд удачных сделок. Этот обмен торпед на подводную лодку был самой крупной из них.

— Где «Холланд»? — крикнул О'Ши через промежуток воды между кораблями.

— Под вами!

О'Ши посмотрел на волны. Вода начала кипеть, как в котле. Под пузырями появилась какая-то темная неопределенная фигура. Из белой пены показалась круглая бронированная башня. А потом море внезапно расступилось и появился блестящий корпус. Длиной сто футов и грозный, как риф.

На башне открылась крышка на петлях. Наружу высунул голову и плечи бородатый человек, осмотрелся и выбрался из башни. Это был Хант Хэтч, некогда главный испытатель компании «Холланд», теперь скрывающийся от английской тайной службы. За ним последовали члены его команды, и вскоре на палубе стояли пять бойцов Ирландского братства, поклявшихся отдать жизнь за независимость Ирландии. Они моргали на свету, вдыхая свежий воздух.

— Обращайтесь с ними хорошо, — потребовал Энгельс, когда они обменялись рукопожатием, закрепляя сделку. — Они храбрые люди.

— Как с собственной семьей, — пообещал О'Ши.

Все они служили в королевском флоте подводниками. Все оказались в английских тюрьмах. Все ненавидели Англию. О'Ши знал, о чем они мечтают: когда станет известно, что подводная лодка и электрические торпеды изготовлены в Англии, решат, что именно Англия предприняла нападение, дабы помешать строительству броненосцев в Америке. И, когда война охватит Европу, рассерженные американцы не встанут на сторону Англии. Тогда Германия победит Англию, и Ирландия освободится.

«Прекрасная мечта, — думал шпион. — И никому она не послужит лучше, чем

Глазнику О'Ши».

— Вот ваша торпедная подводная лодка, — сказал Энгельс. — А где мои торпеды Уиллера?

Глазник О'Ши показал на парусник.

Энгельс поклонился.

— Я вижу прекрасную Кэтрин. Здравствуйте, моя прелесть, — крикнул он, приложив ко рту сложенные рупором ладони. — Я вас не узнал без ваших роскошных нарядов. А где мои торпеды?

— Под ней, — сказал О'Ши. — Четыре «Марк-14», усовершенствованных Уиллером. Две вам, две мне.

Энгельс знаками отдал приказ. Моряки на пароходе привели в действие грузовой кран.

— Ошвартуйтесь у борта, Кэтрин. Я заберу две торпеды — может, и вас тоже, если никто не будет смотреть.

Когда Кэтрин искусно выполнила маневр, а экипаж Энгельса снял с парусника две торпеды, послышался далекий гул. О'Ши смотрел, как экипаж подводной лодки хладнокровно оценивает значение этого звука и расстояние до его источника.

— Полигон американского флота Сэнди-Хук, — объяснил он морякам. — Не волнуйтесь. Это далеко.

— Шестьдесят тысяч ярдов, — сказал Хант Хэтч, а один из его людей добавил:

— Десятидюймовые и несколько двенадцатидюймовых.

О'Ши удовлетворенно кивнул. Ирландские мятежники, которые составляют экипаж его подводной лодки, знают свое дело.

Могло показаться, что сделка неравная: подводная лодка в шесть или семь раз длиннее торпеды и способна к самостоятельным действиям. Но «Холланду», пусть удлиненному и модифицированному англичанами, уже пять лет, и из-за быстрого развития подводного флота он уже устарел. А вот «Марк-14» — новейшая разработка Рона Уилларда.

Каждый получил, что хотел. Энгельс уйдет с двумя наиновейшими торпедами, чтобы продать их тому, кто больше заплатит. А «Холланд» и две торпеды, которые экипаж буксира и баржи с трудом перемещает на подводную лодку, — губительнейшее сочетание. Бруклинская военная верфь так и не узнает, что нанесло по ней удар.

44

Дональд Дарби, дядюшка Джимми Ричардса и Марва Гордона, проплыл вместе с ними шесть миль по Верхнему заливу на своем устричном ялике, плоскодонке с квадратным носом и мощным мотором, который он запускал, только когда убегал от кого-то или кого-нибудь преследовал. Джимми и Марв знали каждый дюйм акватории порта Нью-Йорк, хотя ни разу не ступали на остров Манхэттен; но по ночам они постоянно плавали вокруг манхэттенских причалов, вылавливая то, что с них падало. А вот дядя Донни помнил, что в 1890 году ступил на берег, чтобы выручить приятеля со Статен-Айленда, спасти его от копов.

Когда они подходили к Баттери, гаванский полицейский в катере, привязанном к причалу А, сказал полицейскому инспектору на палубе:

— Похоже, у нас вторжение.

Инспектор О'Риордан посмотрел на ловцов устриц со Статен-Айленда.

— Внимательней смотри за ними, — приказал он, надеясь, что никаких неприятностей не будет. Арест банды мускулистых ныряльщиков может стоить сломанной руки или выбитого зуба — с обеих сторон.

— Как нам добраться до Больницы Рузвельта на Пятьдесят девятой улице? — спросил пожилой ловец устриц, сидевший за рулем.

— Если есть десять центов, садись на надземку на Девятой авеню.

— Десять центов у нас есть.

Джимми Ричардс и Марв Гордон заплатили по десять центов и поехали к Пятьдесят

девятой улице, глядя на высокие здания и толпы людей: они поверить не могли, что их может быть столько; причем эти люди в свою очередь смотрели на них. Поплутав по огромному помещению больницы, они наконец попросили о помощи хорошенькую ирландскую медсестру и отыскали дорогу к палате с одной кроватью. Пациент на кровати был весь в бинтах, и они ни за что не узнали бы в нем своего кузена Эдди Тобина, если б на вешалке не висел новый костюм, который прошлой зимой ван дорны выдали Эдди, когда приняли его в ученики сыщика.

Высокий светловолосый щеголь, гибкий, как лоза, склонялся к нему, поднося стакан, чтобы Эдди мог пить через соломинку. Когда он увидел их в дверях, глаза его посерели, а большая рука устремилась под пальто, туда, где обычно держат пистолет.

— Я могу вам помочь, господа?

Джимми и Марв инстинктивно подняли руки.

— Это маленький Эдди Тобин? Мы его двоюродные братья, пришли его навестить.

— Эдди? Ты знаешь этих парней?

Забинтованная голова уже с трудом нагибалась в их сторону. Она кивнула, и все услышали, как маленький Эдди прохрипел:

— Семья…

Сине-серые глаза стали чуть теплей.

— Входите, парни.

— Ничего берлога, — сказал Джимми. — Мы спросили внизу. Нас послали сюда.

— Мистер Белл за нее заплатил.

Исаак Белл протянул руку и пожал их мозолистые ладони.

— Все участвуют. Ван дорны своих не бросают. Меня зовут Исаак Белл.

— Джимми Ричардс. А это Марв Гордон.

— Оставляю тебя на этих ребят, Эдди. Скоро вернусь.

Ричардс вышел в коридор за ним.

— Как у него дела, мистер Белл?

— Лучше, чем мы надеялись. Он крепкий малый. Потребуется время, но врачи говорят, что он поправится. Но должен вас предупредить: конкурс красоты ему не выиграть.

— Кто это сделал? Мы с ними разберемся.

— Мы уже разобрались с ними, — сказал Белл. — Это дело всех ван дорнов, а ваш брат ван дорн.

Ричардсу это не понравилось.

— Никто у нас не радовался, когда Эдди взял сторону закона.

Исаак Белл улыбнулся.

— Закон не любит, когда так называют частных детективов.

— Как скажете, браток. Мы ценим то, что вы для него делаете. Если вам когда-нибудь понадобится поджечь церковь или кого-нибудь утопить, Эдди знает, как нас найти.

Исаак Белл просматривал ежедневные отчеты групп, разыскивающих Билли Коллинза, когда с Центрального вокзала позвонил Арчи Эббот.

— Только что с поезда. На торпедной станции в Ньюпорте кое-чего не хватает.

— Чего?

— Старик в городе?

— Мистер Ван Дорн в своей конторе.

— Встретимся внизу, с глазу на глаз.

«Внизу, с глазу на глаз» означало бар в подвале отеля «Никербокер». Десять минут спустя они сидели за темным столиком. Арчи подозвал официанта.

— Тебе, возможно, понадобиться выпить, прежде чем докладывать боссу. Мне точно надо.

— Чего не хватает?

— Четырех импортированных из Англии электрических торпед.

Подошел официант, но Белл жестом прогнал его.

— Мне казалось, все сгорело в пожаре.

— Флот тоже так решил. Весь хлам нагрузили на баржу, чтобы сбросить в море. Я сказал этому типу Уиллеру: «А почему бы не сосчитать торпеды?» Короче говоря, мы прочесали обломки частым гребешком и обнаружили отсутствие четырех торпед.

Белл смотрел на своего старого друга.

— Случайно не те, что снаряжены ТНТ?

— Уиллер уверен, что не хватает именно торпед с ТНТ.

— Ты с ним согласен?

— У него номера серий. Мы отыскали их на остатках капотов двигателей. Нашли все, кроме этих четырех — их отложили для испытательной стрельбы на полигоне. Было бы слишком странно, если бы только они разорвались на мелкие кусочки.

— Ты уверен, что взрыв не был случайным?

— Я говорил с флотом — отыскал человека из Аннаполиса,[38] с которым знаком еще со школы. И наш специалист подтвердил. Райли из Бостона, ты его знаешь. Никаких сомнений.

— Это не торпеды, а Святой Грааль, — мрачно сказал Белл. — Быстрые, с большой дальностью действия, с неслышным ходом, да еще с невероятно мощными боеголовками.

— Шпион берет только лучшее. Единственная хорошая новость — Уиллер может сделать еще такие. Англичане вне себя. Они не хотят больше ничего продавать нам, но я узнал, что Рон Уиллер и его парни уже начали делать без их позволения копии для флота. А тем временем шпион получил новейшие английские торпеды с самыми последними американскими боеголовками — бесценная тайна, которую можно продать тому, кто предложит цену больше прочих.

— Или смертоносное оружие для нападения.

— Нападение? Как он их взорвет? — спросил Арчи. — Даже самому хитрому шпиону не добраться до броненосцев.

Исаак Белл сказал:

— Он может раздобыть небольшой торпедный катер.

Старые друзья переглянулись. Смех исчез из зеленых глаз Арчи. Синие глаза Белла стали темными, как камень. Они с Джозефом Ван Дорном уже защищают главных специалистов капитана Фальконера. И сейчас сыщики Ван Дорна под видом рабочих находятся на Бруклинской военной верфи. Но оба они знали, что арест китайского шпиона и главаря банды «гоферов» не остановит Глазника О'Ши. Шпион легко восстановит свою подвижную организацию. А когда Великий белый флот будет за пределами досягаемости в море, он возобновит нападения на будущее американских броненосцев.

— Нужно поговорить с мистером Ван Дорном.

— Что ты ему скажешь?

— Нам нужны люди, чтобы отследить эти торпеды. Пусть убедит флот, береговую охрану и полицию во всех городах, где есть военные верфи: Камдене, Филадельфии, Квинси, Форт-Ривере, Массачусетсе, Ват-Айрон-Уорксе, Мэне, Бруклине — что им грозит смертельная опасность. Потом я повторю то, что говорю постоянно: это прежде всего дело об убийстве. Нужна старомодная работа частных детективов, чтобы повесить Глазника О'Ши. Начнем с Билли Коллинза.

Исаак Белл вышел из отеля «Никербокер» через кухню. Он окунул пальцы в чан с использованным говяжьим жиром, который должны были отвезти на перерабатывающую фабрику, и втер жир в волосы. В переулке в очереди за бесплатной едой ждали неудачники. Белл удивил одного из них, отчаявшегося заработать десять центов, чтобы провести под

---

[38] В Аннаполисе, штат Мэриленд, расположена Военно-морская академия США.

крышей эту грозящую дождем ночь, предложив пять долларов за потрепанную фетровую шляпу. За ту же сумму человек ростом почти с детектива охотно расстался с рваным пальто.

Ржавый револьвер с тремя пулями Белл переложил из брюк в пальто. Низко надвинул шляпу на лоб, убрал под нее золотистые волосы и застегнул пальто на все пуговицы. Потом, сунув руки в карманы, наклонив голову, вышел из переулка на Бродвей. И тут же коп велел ему убираться.

В пятый раз за пять дней Белл отправился в Адскую кухню.

Он узнавал ритмы ее жизни, когда и где бывает много народу, знакомился с улицами, по которым громыхали фургоны и грузовики, с тротуарами, кишевшими людьми, когда мужчины шли в салуны, женщины в церковь, а дети носились, не обращая внимания на окрики матерей из окон. Он уже прошел по Девятой авеню до реки и от железнодорожного вокзала пенсильванской железной дороги, от Тридцать третьей до Шестидесятой улицы. Но не нашел «приятеля» Томми Билли Коллинза, который мог бы привести его к Глазнику О'Ши.

Поэтому сегодня Исаак Белл избрал другую тактику.

Для маскировки, он хромал, слегка подволакивая левую ногу, и пачкал ботинки, переходя обочины и трамвайные рельсы. Фургон угольщика, который сдавал назад, к скату в подвал, перегородил тротуар. Белл провел пальцами по угольной пыли и смазал усы, повторил это упражнение, когда миновал тележку с пеплом: провел пальцами по волосам, выбившимся из-под шляпы. Осмотрел свое отражение в витрине. Глаза на усталом лице блестели слишком ярко. Он опустил взгляд, подобрал с обочины пучок соломы и тер им рукава пальто, пока не стало похоже, что он ночевал на соломе. Скалли внушал своим ученикам: грязному никогда не смотрят в лицо.

Исаак продолжал проверять, как выглядит, в витринах, которые по мере приближения к реке делались все меньше и грязнее. Наклонившись к пустому ведру, стоявшему в луже у салуна, он притворился, что поправляет шнурки, и пошел дальше со смоченными прокисшим пивом манжетами. Чем дальше он углублялся в трущобы, тем медленнее шел и сильнее сутулился — затерявшийся в толпе усталый человек, бредущий без цели.

Ему преградил дорогу молодой бандит в костюме в обтяжку и красной шляпе.

— Что у тебя есть для меня, дед? Гони!

Исаак Белл подавил внезапное желание свалить его на землю, порылся в кармане и достал десять центов.

Бандит прошел мимо него.

— Погоди! — сказал Белл.

— Чего? — Бандит развернулся. — Чего надо?

— Ты знаешь парня по имени Билл Коллинз?

Лицо бандита ничего не выразило.

— Кто это?

Да он еще сопляк, сообразил Белл, подросток. Когда Томми Томпсон и Билли Коллинз бегали по улицам с Глазником О'Ши, этот еще орал в люльке.

— Билли Коллинз. Высокий, тощий. Рыжие волосы. Может, седеющие.

— Никогда о таком не слышал.

— Кожа да кости, — сказал Белл, повторяя то, что рассказывали Гарри Уоррен и его ребята о том, что делает многолетнее употребление опиума и морфия с человеком. Они знали, что Коллинз еще жив. Во всяком случае, был жив неделю назад. — Наверно, нет зубов.

— Дед ты откуда?

— Из Чикаго.

— Да здесь полно парней без зубов. Ты следующий. — Он замахнулся костлявым кулаком. — Убирайся отсюда! Беги, дед, беги!

Белл сказал:

— Билли Коллинз ходил с Томми Томпсоном и Глазником О'Ши, когда они были

мальцами.

Бандит попятился.

— Ты из «гоферов»?

— Я просто ищу Билли Коллинза.

— Ты не один такой. — И он торопливо ушел, бросив через плечо: — Его все спрашивают.

«Еще бы, — подумал Белл, — принимая во внимание, во что это обходится агентству». Вдобавок к ребятам Гарри Уоррена и его осведомителям, тот же вопрос задают двести железнодорожных полицейских, когда сталкиваются с «гоферами», которые пытаются грабить грузовые вагоны. Белл спрашивал себя, где может прятаться наркоман? Где он спит? Где ест? Где получает свое зелье? Как получается, что Коллинза никто не видит в районе, где все друг друга знают?

Его несколько раз видели у известных убежищ бродяг, в конце Тридцать восьмой улицы близ угольных бункеров, заменивших локомотивные тендеры, дважды у брошенного служебного вагона на Шестьдесят восьмой улице. За этими местами наблюдали отборные люди. И у Белла было ощущение, что он тоже видел Билли Коллинза в клубах паровозного дыма — тонкую, как рельс, фигуру между торговыми вагонами; Белл побежал за этим человеком, но нашел только дым.

С тех пор единственный, кто мог знать, куда пятнадцать лет назад исчез О'Ши, нигде не показывался. Однако в агентстве скопилось достаточно отчетов, указывающих на то, что он еще жив и вряд ли мог покинуть Адскую кухню.

Где Глазник О'Ши — совсем другое дело. Все, кто старше тридцати лет, слышали его имя. Никто не видел его уже пятнадцать лет. Некоторые слышали, что он вернулся. Никто не признался, что видел его. Но Белл понимал, что человек, которого Томми Томпсон описал как «щеголя с Пятой авеню», может ночевать и столоваться, где захочет.

45

— Такси, сэр? — спросил швейцар «Уолдорф-Астории», когда гость в цилиндре и непромокаемом зеленом пальто вышел из отеля.

— Я прогуляюсь, — ответил Глазник О'Ши.

Размахивая тростью с украшенным драгоценными камнями набалдашником, он зашагал по Пятой авеню, останавливаясь, словно турист, чтобы рассмотреть здания и заглянуть в витрины. Убедившись, что за ним не следят, он через большую готическую арку перед зданием вошел в собор Святого Патрика. В проходе преклонил с привычной легкостью колено, бросил несколько монет в церковную кружку и зажег свечу. Потом запрокинул голову и стал разглядывать рисунки оконных витражей, подражая гордому прихожанину, который внес достойный вклад в благополучие собора.

С тех пор как Исаак Белл взял Томми Томпсона, О'Ши понимал, что все ван дорны Нью-Йорка, а с ними двести железнодорожных полицейских и черт знает сколько платных осведомителей охотятся на него или будут охотиться. Из собора он вышел через черный ход, по дощатому настилу и лесам, где каменщики возводили часовню Святой Девы, и прошелся по Мэдисон-авеню.

Он шел вверх по Мэдисон, по-прежнему проверяя, не следят ли за ним, свернул на Пятьдесят пятую улицу и зашел в отель «Сент-Реджис». Выпил в баре и поболтал с барменом, которому всегда давал щедрые чаевые, при этом продолжая наблюдать за вестибюлем. Потом дал денег коридорному, и тот выпустил его через черный ход.

Несколько мгновений спустя он вошел в отель «Плаза». Остановился в зале «Палм-Корт» в центре первого этажа. Вокруг за маленькими столиками пили чай матери с детьми, тетями и племянницами, и там и сям проходили пожилые джентльмены, зачарованные юными девушками. Метрдотель низко поклонился.

— Ваш обычный столик, герр Райкер?

— Спасибо.

Обычный столик герра Райкера позволял ему следить за всем вестибюлем, в то же время оставаясь в укрытии, за пальмами в кадках, которые заставили бы остановиться доктора Ливингстона и Генри Стенли.

— Ваша подопечная присоединится к вам?

— Надеюсь, — ответил он с учтивой улыбкой. — Скажите официанту, что нам нужны только сласти. Никаких маленьких сэндвичей. Только торт и мороженое.

— Конечно, герр Райкер. Как всегда, герр Райкер.

Кэтрин, как обычно, опаздывала, и он использовал это время, чтобы подготовиться к разговору. Он знал, что разговор будет трудным. И когда она вышла из лифта, чувствовал, что готов. Ее нарядное платье для чаепитий напоминало облако голубого шелка, под цвет глаз, и подчеркивало цвет волос.

О'Ши встал, когда она подошла к столику, взял ее руку в перчатке и сказал:

— Вы прекраснейшая из девушек, мисс Ди.

— Спасибо, герр Райкер.

Кэтрин Ди улыбнулась, на ее щеках появились ямочки. Но, усевшись, она посмотрела ему прямо в лицо и сказала:

— Ты выглядишь очень серьезным — как и пристало опекуну с подопечной. В чем дело, Брайан?

— Очень уважающие себя так называемые «воины добра», которые утверждают, будто ведут «войну за добро», с глубоким презрением называют меня наемником. Я усматриваю в этом признание своего интеллекта. Ведь для наемника война заканчивается, когда он говорит, что она окончена. Он выходит из нее победителем.

— Надеюсь, ты заказал не чай, а виски, — сказал она.

О'Ши улыбнулся.

— Да, знаю, я разболтался. Я пытаюсь сказать тебе, дорогая, что игра подошла к концу.

— Что это значит?

— Пора исчезнуть. Мы уйдем — и заложим основы своего будущего — с таким грохотом, что они никогда его не забудут.

— Куда уйдем?

— Туда, где нас будут ценить на вес золота.

— Нет, не в Германию!

— Конечно, в Германию. Какая демократия способна нас принять?

— Мы могли бы отправиться в Россию.

— Россия — это пороховая бочка в ожидании спички. Я не собираюсь забирать тебя из огня в революцию.

— Ах, Брайан…

— Мы будем жить по-царски. Мы будем очень богаты, и ты выйдешь замуж за отпрыска королевской… Что случилось? Почему ты плачешь?

— Я не плачу, — ответила она с глазами, полными слез.

— В чем дело?

— Я не хочу замуж за принца.

— Может, согласишься на прусского князя с тысячелетним замком?

— Прекрати!

— У меня есть один такой на примете. Он красив, относительно умен, учитывая его происхождение, и удивительно мягок. Его мать может показаться утомительной, зато есть конюшня, полная чистокровных арабских лошадей, и летний дом на Балтике, где девушка может сколько угодно плавать под парусом. Даже готовиться к олимпийским соревнованиям по яхтенному спорту… Почему ты плачешь?

Кэтрин Ди положила на стол маленькие сильные руки и чистым, ясным голосом сказала:

— Я хочу выйти за тебя.

— Кэтрин, голубушка, милая моя. Это все равно что выйти за родного брата.

— Мне все равно. К тому же ты мне не брат. Ты только ведешь себя как брат.

— Я твой опекун, — сказал он. — Я поклялся, что никому не позволю тебя обижать.

— А как ты думаешь, что ты сейчас делаешь?

— Перестань нести вздор о том, чтобы выйти за меня. Ты знаешь, я тебя люблю. Но не так.

На ее ресницах бриллиантами повисли слезы.

Он протянул ей носовой платок.

— Вытри глаза. Нас ждет работа.

Она вытерла слезы, намочив платок.

— Я думала, мы уезжаем.

— Чтобы уехать, хлопнув дверью, нужно поработать.

— Что я должна делать? — угрюмо спросила она.

— Я не могу позволить Исааку Беллу помешать мне в этот раз.

— Почему бы мне не убить его?

О'Ши задумчиво кивнул. Кэтрин смертельно опасна, это смертоносная машина, не отягощенная угрызениями совести или сожалениями. Но у каждой машины есть физические пределы.

— Ты можешь пострадать. Белл подобен мне, его нелегко убить. Нет, я не хочу, чтобы ты рисковала, пытаясь от него избавиться. Но хочу, чтобы ты его отвлекла.

— Я должна его соблазнить? — спросила Кэтрин. Она вздрогнула, внезапно увидев ярость на лице О'Ши.

— Я когда-нибудь просил тебя о таком?

— Нет.

— А попрошу когда-нибудь?

— Нет.

— Меня убивает, что ты могла это сказать.

— Прости, Брайан. Я не подумала.

Кэтрин протянула руку. Он убрал свою, его обычно спокойное лицо покраснело, губы были сурово сжаты, в глазах холод.

— Брайан, я ведь не школьница.

— Те, кого ты соблазняешь сама, — твое дело, — холодно сказал он. — Я постарался, чтобы ты располагала всеми возможностями, какие есть только у избранных женщин. Общество никогда не будет указывать тебе, что ты должна делать и чего не должна. Но я хочу, чтобы ты ясно поняла: использовать тебя таким образом я не буду никогда.

— Каким образом? Как соблазнительницу?

— Барышня, вы начинаете меня раздражать.

Кэтрин Ди не обратила внимания на его опасный тон: она прекрасно понимала, что он не станет ломать мебель в «Палм-Корт».

— Прекрати называть меня так. Ты старше всего на десять лет.

— На двенадцать. И старик, хотя перевернул землю и небо, чтобы ты оставалась молодой.

Подошел официант. Опекун и подопечная сидели в каменном молчании, пока на столе не появился торт и не разлили чай.

— Как мне его отвлечь?

Когда он начинает так себя вести, ничего не поделаешь, остается только слушаться.

— Ключ — его невеста.

— Она относится ко мне с подозрением.

— Что это значит? — резко спросил О'Ши.

— На спуске «Мичигана» я попыталась с ней сблизиться и она отступила. Она чувствует во мне что-то, что ее пугает.

— Может, она ясновидящая, — сказал О'Ши, — и читает твои мысли?

На лице Кэтрин Ди появилось выражение опустошенности и мудрости, она словно превратилось в маску из древнего мрамора.

— Она читает в моем сердце.

46

— Звонит ваша невеста, мистер Белл.

В «Никербокере» высокий детектив нетерпеливо просматривал за своим столом сообщения, надеясь найти последние сведения о месте пребывания Глазника О'Ши, прежде чем снова пуститься на поиски Билли Коллинза.

— Какой приятный сюрприз!

— Я через улицу у Хаммершейна в театре «Виктория», — сказала Марион Морган.

— У тебя все хорошо?

Судя по голосу, нет. Он полон напряжения.

— Можешь заглянуть, когда освободишься?

— Сейчас приду.

— Тебя впустят через служебный вход.

Перепрыгивая через три ступеньки, Белл сбежал по лестнице отеля «Никербокер» и пересек Бродвей, заполненный машинами, такси и повозками с лошадьми, под гудки и крики. Спустя шестьдесят секунд после того, как положил трубку, Белл стучался в служебный вход театра «Виктория».

— Мисс Морган ждет вас в театре, мистер Белл. Сюда, пожалуйста. Идите тихо: там репетиция.

Со сцены доносилось быстрое ритмичное топанье. Распахнув дверь, Белл удивился: источником звуков были маленькие мальчик и девочка, танцевавшие на сцене в туфлях на деревянных подошвах. Белл с облегчением вздохнул, увидев, что Марион, в целости и сохранности, сидит в восьмом ряду затемненного зрительного зала, одна. Она прижала палец к губам. Белл прошел по проходу и сел рядом с ней, а она взяла его за руку и прошептала:

— Дорогой, я так рада, что ты здесь.

— Что случилось?

— Расскажу через минуту. Они уже заканчивают.

Оркестр, молча ждавший, разразился крещендо, и танец закончился. Детей немедленно окружили режиссер, оформитель сцены, костюмеры и их мать.

— Разве они не чудо? Я нашла их в заведении «Орфей» в Сан-Франциско. Пользуются бешеной популярностью в водевилях. Уговорила их мать позволить им сняться в моем фильме.

— А что с твоим фильмом о грабителях банков?

— Их поймала подруга детектива.

— Я так и подозревал. Но что случилось? Ты не в себе. В чем дело?

— Не знаю. Может, это просто глупо, но я сочла разумным позвонить тебе. Ты знаком с Кэтрин Ди?

— Она подруга Дороти Ленгнер. Видел ее как-то. Но мы не знакомы.

— Лоуэлл познакомил нас на спуске «Мичигана». Она намекнула, что хотела бы побывать на киностудии. И я едва ее не пригласила. Она из тех, кого любит камера — ты знаешь, я говорила: крупная голова, красивые черты, стройная фигура. Как мальчик, который сейчас танцевал.

Белл посмотрел на сцену.

— Он похож на охотящегося богомола.

— Да, узкая голова, большие блестящие глаза. Подожди, увидишь, как он улыбается.

— Я полагаю, ты не пригласила Кэтрин Ди. Что заставило тебя передумать?

— Она очень странная.

— А именно?

— Назови это как хочешь. Чутьем. Инстинктом. Что-то в ней есть неправильное.

— Нельзя не учитывать внутренние ощущения, — сказал Белл. — Всегда можно передумать.

— Спасибо, дорогой. Я чувствую себя глупо, и все же… когда я была в Сан-Франциско, она приходила ко мне в Форт-Ли. Без приглашения. Просто пришла. А сегодня утром опять пришла ко мне.

— И что сказала?

— Я не дала ей такой возможности. Торопилась на паром, чтобы увидеться с матерью детей. Она их импресарио и очень честолюбива. Помахала ей и ушла. Она крикнула что-то, предложила подвезти. Кажется, ее ждала машина. Но я шла и шла — и села на паром. Исаак, я уверена, что это глупо. Я хочу сказать, ее знает Лоуэлл Фальконер. И как будто не считает ее странной. С другой стороны, сомневаюсь, чтобы какая-нибудь юбка показалась Лоуэллу странной.

— Кто сказал, что она приходила, когда ты была в Сан-Франциско?

— Мадмуазель Дювалль.

— А она что думает о Кэтрин?

— Думаю, она чувствует то же, что я, только не так остро. На студии часто бывают необычные люди. Их притягивает кино. Они воображают для себя самое фантастическое будущее. Но Кэтрин Ди другая. Она явно очень хорошо обеспечена, с хорошим образованием.

— Она сирота.

— О боже, я не знала. Может, ей нужна работа.

— Отец оставил ей состояние.

— Откуда ты знаешь?

— Мы проверяем всех, кто связан с Корпусом 44.

— Я, наверно, выдумываю.

— Лучше проявить осторожность, чем потом сожалеть. Я попрошу наш аналитический отдел внимательнее присмотреться к ней.

— Пойдем, познакомишься с детьми… Фред, поздоровайся с моим женихом мистером Беллом.

— Здравствуйте, мистер Белл, — сказал, глядя себе под ноги, Фред, застенчивый мальчик лет семи-восьми.

— Здравствуй, Фред. Войдя, я услышал, как ты танцуешь. Ты танцевал так быстро, что я подумал, это пулемет.

— Правда?

Он поднял голову и улыбнулся Беллу.

— Как обращается с тобой мисс Морган?

— Она очень добрая.

— Согласен.

— А это Адель, — сказала Марион.

Девочка была бойкая, несколькими годами старше брата и ни в каких уговорах не нуждалась.

— Вы правда жених мисс Морган?

— Да, я этот счастливец.

— Еще бы!

— Ты очень умна. А о чем кино?

Адель удивилась, когда вместо нее ответил маленький Фред:

— Детей танцоров захватывают индейцы.

— И как оно называется?

— «Урок». Дети учат индейцев новому танцу, и те их отпускают.

— Звучит вдохновляюще. С нетерпением жду, когда можно будет посмотреть. Приятно было познакомиться, Фред. — Он снова пожал маленькую руку. — Рад знакомству, Адель.

Ей он тоже пожал руку.

Марион сказала:

— Увидимся утром, дети. — И сказала матери: — В восемь утра, мисс Астер.[39]

Они остались в театре одни.

Белл сказал:

— Когда завтра утром придешь в Форт-Ли, увидишь человека, одетого индейцем. Дай ему роль, которая позволит ему постоянно быть рядом с тобой.

— Арчи Эббот?

— Он единственный, кроме Джо Ван Дорна, кому я доверил бы твою жизнь. Но никто не поверит, что мистер Ван Дорн, одетый индейцем, ищет работы актера в твоей фильме. А вот Арчи стал бы актером, если бы мать ему не запретила. Пока мы не убедимся, что Кэтрин Ди не замыслила ничего дурного, Арчи будет присматривать за тобой весь день. И я хочу, чтобы ночи ты проводила в «Никербокере».

— Незамужняя женщина одна в респектабельном отеле? Что скажет гостиничный детектив?

— Если он себе не враг, то скажет: «Спокойной ночи, мистер Белл. Добрых снов».

Исаак Белл снова вернулся на улицы. Он чувствовал — цель близка, так близка, что он постоянно носил в кармане сэндвичи, полагая, что человек, ведущий такой образ жизни, как Билли Коллинз, обрадуется возможности подкрепиться. Его видели еще два раза, и оба раза на Девятой авеню, там, где она неожиданно обрывается у Тридцать третьей улицы. Там, где вырыли гигантский котлован для строительства вокзала Пенсильванской железной дороги.

Одетый в потрепанную одежду, он шел к строительной площадке, высматривая высокого, худого человека, которого заметил между груд угля. Весь городской район — шесть акров домов, магазинов и церквей — исчез. Девятая авеню пересекала гигантскую дыру, превратившись в две наклонные временные эстакады, по которым проходили две трамвайные линии, дорога для автомобилей и тротуар для пешеходов. Еще выше над Девятой авеню на высоких опорах по-прежнему проходила надземка, поезда гремели над ямой, точно гигантские аэропланы из железа и стали.

Паровозный свисток возвестил окончание рабочего дня. Тысячи рабочих выбрались из ямы и устремились в город. Когда они ушли, Белл спустился по лестницам и временным деревянным ступеням, минуя несколько перерезанных газовых магистралей и чугунных водопроводных труб, электрических линий и кирпичных канализационных каналов. Спустившись на двадцать четыре фута, он увидел частично возведенный стальной виадук — ему объяснили, что виадук пройдет под Девятой авеню и окружающими ее зданиями. Белл прошел по нему в темноту, где изредка попадались горящие электрические фонари.

Он оказался на шестьдесят футов ниже поверхности земли, на дне котлована. Это было поле, усеянное каменным мусором и обломками взорванного гранита; поле пересекали узкие рельсы, по которым вывозили мусор и ввозили материалы для строительства. Стоял настоящий лес широких колонн, на которых держался виадук. Вверху сквозь этот лес виднелись голубые электрические искры, когда в небе проходили поезда надземки.

Белл бродил здесь целый час, ожидая встретить ночных сторожей. Раз или два спотыкался о неровности. В третий раз он упал, почувствовал сладкий запах, нащупал огрызок яблока. Осматриваясь, он увидел человеческое логово — смятое одеяло, еще несколько яблочных огрызков и куриные кости. Белл сел, приготовясь ждать, неподвижный, как глыба льда; шевелясь ровно столько, чтобы руки и ноги не затекли, и только тогда, когда поезда над головой маскировали его движения.

Он был не один. Бегали крысы, залаяла собака, а в ста ярдах от себя в темноте он

---

[39] Речь идет о Фреде Астере, американском актере, танцоре, хореографе и певце, звезде Голливуда, одном из величайших мастеров музыкального жанра в кино, и о его сестре Адели, тоже выступавшей на сцене.

слышал спор двух бродяг; спор завершился тяжелым ударом и стоном, который заглушил грохот проходящего поезда. С наступлением ночи стало тише, а поезда пошли реже. Кто-то развел костер в конце ямы у Тридцать третьей улицы, тени и отблески огня плясали на столбах, балках и грубых каменных стенах.

Белл услышал шепот:

— Здесь как в церкви.

47

У Исаака Белла пришли в движение только глаза.

В свете далекого костра он увидел длинное костлявое лицо, пустую улыбку. Человек был одет в тряпье. Руки пустые, глаза опухли, словно спросонья, и Белл решил, что он все время был здесь, просто спал бесшумно. Теперь этот человек удивленно смотрел на стальной скелет виадука, и Белл понял, что он имел в виду, говоря о церкви. Переплетающиеся балки, темное небо, усеянное звездами, и отблески костра создавали впечатление средневекового собора, освещенного свечами.

— Привет, Билли.

— А?

— Ты Билли Коллинз?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Ты когда-то якшался с Глазником О'Ши.

— Да… Бедный Глазник… Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Томми.

— Жирный ублюдок. Он твой друг?

— Нет.

— Мой тоже нет.

Билли Коллинз, хотя он был, должно быть, примерно одних лет с Беллом, казался древним стариком. Волосы седые, из носа течет, а на опухшие глаза навернулись слезы.

— Ты друг Томми? — снова сердито спросил он.

— Что Томми сделал Глазнику? — спросил Белл.

— Томми — Глазнику? Ты шутишь? Этот жирный ублюдок и в свои лучшие дни ничего не мог сделать Глазнику. Ты друг Томми?

— Нет. Что случилось с Глазником?

— Не знаю.

— Мне говорили, что ты был с ним.

— Да. Ну и что?

— Так что случилось?

Билли закрыл глаза и пробормотал:

— Когда-нибудь я снова займусь поездами.

— Ты о чем, Билли?

— Поезда — это хорошие деньги, если правильно выберешь груз. Хорошие деньги. Я был богат, когда работал поезда. Потом они забрали мою малышку, и я не мог больше работать поезда. — Он посмотрел на Белла. При отблесках огня глаза у него были такие же безумные, как голос. — Работал. Ты это знаешь?

— Нет. Я не знал этого, Билли. Кем?

— Хорошая работа. Рабочий сцены в театре. А еще я был конюхом. Я даже чучелом работал.

— Что за чучело?

— Сигнальщик на железной дороге. Одиннадцатая авеню. Ехал верхом на лошади перед поездом. По Одиннадцатой авеню поезду нельзя было проехать без парня на лошади. Единственный раз, когда закон дал мне работу. Я ее не искал.

Он закашлялся. «Чахотка, — подумал Белл. — Этот человек умирает».

— Есть хочешь, Билли?

— Нет. Я не бываю голоден.

— Попробуй. — Белл протянул ему сэндвич. Билли Конноли принюхался, поднес сэндвич ко рту и спросил:

— Ты друг Томми?

— Что Томми сделал Глазнику?

— Ничего. Я тебе говорил. Томми ничего не мог сделать Глазнику. Никто ничего не мог сделать Глазнику. Кроме одного старика.

— Старика?

— Сильного старика.

— Ты говоришь о его отце?

— *Отце?* У Глазника не было отца. Старик. Вот кто добрался до нас. Ох и добрался!

— Что за старик?

— С Кларксон.

— Кларксон-стрит? — спросил Белл. — В центре?

— «Умбрия» уходила в Ливерпуль.

Линия «Кунард». Один из старых кораблей.

— Когда?

— В ту ночь.

— Когда Глазник исчез?

— Когда мы были мальчишками, — сонно ответил Билли. Он лег и посмотрел на очертания виадука.

— «Умбрия», — подталкивал его Белл. — Пароход? Лайнер линии «Кунард»?

— Мы увидели старика. Он шел к причалу 40 быстро, словно опаздывал. И даже не смотрел, куда идет. Мы не могли поверить в свою удачу. Мы бродили по Кларксон-стрит в поисках пьяного моряка, чтоб его ограбить. А нам попадается богатый старик в дорогом зеленом пальто, с блестящими кольцами на пальцах; такой платит сто пятьдесят долларов за билет на пароход. Было темно, лил дождь, на Кларксон ни души. Глазник прицепил на палец свое долото: вдруг старик поднимет шум. Мы набросились, как кошки на толстую крысу. Брайан принялся срывать кольца с его пальцев. Я решил вытащить бумажник из-под дорогого пальто.

— Что произошло?

— Он выдернул из трости шпагу.

Билли Конноли посмотрел на Белла, и в его глазах было изумление.

— *Шпагу.* Мы были так пьяны, что не могли убраться с его пути. Старик взмахнул шпагой. Я уклонился. Он свалил меня тростью. Крепкий старик, он свое дело знал. Вырубил меня. Я налетел прямо на его трость. Услышал рев, будто в голове взорвался динамит. И больше ничего.

Билли Коллинз снова понюхал сэндвич и посмотрел на него.

— Так что случилось? — спросил Белл.

— Я пришел в себя в канаве, весь мокрый. Замерз до смерти.

— А что с Глазником?

— Брайан О'Ши исчез, и я больше никогда его не видел.

— Старик убил Глазника О'Ши?

— Крови я не видел.

— Может, дождем смыло?

Коллинз заплакал.

— Растаял в воздухе. Как моя малышка. Только она никому не вредила. А вот Глазник и я, мы уж очень старались.

— Что если я скажу, что Глазник вернулся?

— Лучше скажи, что вернулась моя малышка.

— Откуда вернулась?

— Не знаю. Крошка.

— Твой ребенок?

— Ребенок? У меня нет ребенка… Глазник вернулся, я слышал.

— Да, вернулся. Томми его видел.

— Не пришел повидаться со мной… Да и кто придет? Он закрыл глаза и захрапел. Сэндвич выпал из его пальцев.

— Билли! — Белл затряс его и разбудил. — Кто был этот старик?

— Богатый старик в зеленом пальто.

Он снова уснул.

— Билли!

— Отстань.

— Кто была твоя малышка?

Глаза Билли Коллинза оставались закрытыми.

— Никто не знает. Никто не помнит. Кроме священника.

— Какого священника?

— Отца Джека.

— Какой церкви?

— Святого Михаила.

После ухода Белла Билли Коллинзу приснилось, что собака грызет его ногу. Он пнул ее другой ногой. У собаки выросла вторая голова и принялась за вторую ногу. Он в ужасе проснулся. К его ногам склонилась фигура, развязывая шнурки. Проклятый бродяга. Раньше и подойти он не посмел бы, а теперь крадет его обувь.

— Эй!

Бродяга потянул сильнее. Билли сел и попытался ударить его по голове. Бродяга выронил ботинок, поднял обломок доски и стукнул Билли. В глазах у Билли завертелись звезды. Ошеломленный, он смутно сознавал, что бродяга сейчас снова ударит его доской. Он знал, что тот ударит сильно, но не мог пошевелиться.

Сверкнула сталь. Нож появился ниоткуда. Бродяга закричал и упал, схватившись за лицо. Нож снова блеснул. Опять крик; бродяга пополз на четвереньках, встал и побежал что есть духу. Билли сел. Какой дьявольский сон. Необычный. Он почувствовал запах духов. Это заставило его улыбнуться. Он открыл глаза. К нему склонилась женщина, волосы падали ей на лицо. Ангельское. Билли подумал, что умер.

Она наклонилась очень близко, так близко, что он ощутил тепло ее дыхания, и прошептала:

— Что ты рассказал детективу, Билли?

48

— Хозяйка дома не предсказательница, — заверил Глазник О'Ши встревоженного капитана подводной торпедной лодки «Холланд».

Хант Хэтч не успокоился.

— По всему дому признаки того, что мадам Нэтти предсказывала будущее. К ней клиенты приходили в любой час дня и ночи. Держа нас здесь, вы подвергаете нас опасности, О'Ши. Я этого не потерплю.

— Предсказание — это маскировка. Она не предсказывает будущее.

— А что она маскирует?

— Она фальшивомонетчица.

— Фальшивомонетчица? Да вы спятили!

— Это последние люди в Байонне, которые пожалуются копам. Поэтому я вас и поместил сюда. А женщина, которая вам готовит, сбежала из тюрьмы. Она тоже никому не расскажет. К тому же из домов ваша лодка не видна. Ее закрывает баржа.

От дома фальшивомонетчицы в начале Лорд-стрит выкошенный газон шел до Килл-ван-кулла, узкого глубокого канала между Статен-Айлендом и Байонной. Баржа была причалена к берегу.

Подводная лодка «Холланд» стояла под баржей, в ее башню можно было проникнуть через трюм баржи. Меньше четырех миль отделяло это место от Верхнего залива Нью-Йорка и пять миль — от Бруклинской военной верфи.

Хант Хэтч не был удовлетворен.

— Даже если они не могут, Килл кишит ловцами устриц. Я видел их лодки. Они проходят возле самой баржи.

— Они жители Статен-Айленда, — терпеливо ответил О'Ши. — Они вас не ищут. Они ищут, что бы украсть.

Он показал на тысячефутовые холмы за узким проливом.

— Статен-Айленд стал частью Нью-Йорка десять лет назад. Но ловцы устриц со Статен-Айленда эту новость еще не слышали. Они все те же похитители угля, контрабандисты и грабители, какими были всегда. Ручаюсь, они тоже не станут говорить с копами.

— Я говорю: нападем немедленно и покончим с этим.

— Мы нападем, — спокойно сказал О'Ши, — когда я скажу.

— Я не стану рисковать жизнью и свободой из-за ваших капризов. Я капитан корабля, и я говорю: нападем, пока кто-нибудь не наткнулся на эту проклятую штуку.

О'Ши подошел ближе. Он замахнулся, как будто собираясь ударить капитана. Хэтч быстро поднял обе руки, одна блокируя удар, другой нанося. И при этом открыл живот. К тому времени в другой руке О'Ши уже сверкала открытая «мессер»-бабочка. Длинный нож вошел под грудину Хэтча, погрузился по самую рукоять, и О'Ши изо всех сил дернул бритвенно-острое лезвие вниз. И сразу отступил, пока хлынувшие наружу внутренности не запачкали его одежду.

Капитан схватился за них, ахнув от ужаса. Колени его подогнулись. Он упал на ковер.

— Кто поведет «Холланд?» — прошептал он.

— Я только что произвел вашего первого помощника в капитаны.

* * *

— В такой новой церкви я еще не бывал, — сказал Белл отцу Джеку Малруни.

В церкви Святого Михаила пахло краской, шеллаком и цементом. Окна блестели, камни свежие, не тронутые сажей.

— Мы только что въехали, — сказал отец Джек. — Прихожане щиплют себя, чтобы убедиться, что это правда. Для компании «Пенсильванская железная дорога» единственным способом убрать нас с Тридцать первой улицы, чтобы построить вокзал, не навлекая на себя гнев Господа — не говоря уже о Таммани-холле и его преосвященстве кардинале, — было построить новую церковь, дом настоятеля, монастырь и школу.

Белл сказал:

— Я частный детектив, отец, из «Агентства Ван Дорна». Я бы хотел задать вам несколько вопросов о людях из вашей паствы.

— Если хотите поговорить, придется прогуляться. У меня обход, и вы увидите, что люди живут в местах не столь светлых, как новая церковь.

Он зашагал удивительно быстрой и упругой для человека его лет походкой, свернул за угол, и они оказались словно бы за много миль, а не ярдов, от новой церкви.

— Вы давно здесь служите, отец?

— С бунтов Призыва.[40]

---

[40] Бунты в Нью-Йорке из-за призыва (с 11 по 16 июля 1863 года, также известны, как Неделя призыва) — гражданские беспорядки в Нью-Йорке (США). Стали результатом недовольства новыми законами,

— Это же больше сорока пяти лет прошло.

— Кое-что в этом районе изменилось, но немного. Мы по-прежнему бедны.

Священник вошел в дом со сложным резным каменным портиком и начал подниматься по расшатанной лестнице. К третьему этажу он тяжело дышал. На шестом остановился перевести дух, а когда одышка прекратилась, постучал в дверь и сказал:

— Доброе утро! Это отец Джек.

Дверь открыла девочка с ребенком на руках.

— Спасибо, что пришли, отец.

— Как мама?

— Плоха, отец, очень плоха.

Священник оставил Белла в передней. Единственное окно выходило на двор, перекрещенный веревками с бельем, и впускало вонь всех шести этажей. Когда они уходили, Белл сунул девочке в руку несколько купюр.

Спустившись по лестнице, отец Джек снова перевел дух.

— О ком вы хотите спросить?

— О Брайане О'Ши и Билли Коллинзе.

— Брайана здесь давно нет.

— Мне сказали, пятнадцать лет.

— Если господь и благословил этот район, так это в день, когда исчез О'Ши. Я бы никогда такого не сказал, но Брайан О'Ши был подручный дьявола.

— Я слышал, он вернулся.

— Я тоже слышал, — мрачно сказал священник и снова вывел Белла на улицу.

— Вчера вечером я видел Билли Коллинза.

Отец Джек остановился и с неожиданным уважением посмотрел на детектива.

— Правда? Внизу, в его норе?

— Вы знаете, что он там?

— Билли, скажем так, дошел до самого дна. Где же еще ему быть?

— Кто такая его малышка?

— Его малышка?

— Он все твердил — «моя малышка». Но утверждал, что у него нет детей.

— Сомнительное утверждение, учитывая, как он жил в молодости. В те годы я часто крестил детей с ярко-рыжими волосами и не удивлялся, если их отцом оказывался Билли.

— Он был рыжий? В тусклом свете его волосы кажутся седыми.

— Хотя, вероятно, — с легкой улыбкой сказал отец Джек, — Билли мог в определенном смысле честно говорить, что не знает, есть ли у него дети. Девушке, которая назвала бы его отцом, понадобилась бы необычайная смелость. Но я понимаю его. Он жил с проститутками и пил с двенадцати лет, разве он может помнить?

— Он решительно утверждал, что у него нет детей.

— Тогда малышка — его сестра?

— Конечно, он оплакивает ее.

— Еще бы.

— А что с ней случилось? — спросил Белл.

— Подождите меня здесь, — сказал священник. — Я скоро. — Он зашел в какой-то дом и вскоре вышел обратно. Когда они пошли дальше вдоль квартала, отец Джек сказал: — Здесь есть злые люди, которые живут тем, что грабят бедных и невежественных. Они крадут деньги, а если нет денег, крадут выпивку. Если нет выпивки, крадут детей. И продают их или используют сами. Ребенка похитили.

— Сестру Билли?

— Схватили на улице — ей было не больше пяти лет, — и с тех пор ее никто не видел.

прошедшими через конгресс Соединенных Штатов. Согласно этим законам предполагалось набирать людей на военную службу, на шедшую в то время Гражданскую войну.

Конечно, когда Билли принимает морфий, он вспоминает о ней. Где он был, когда ее украли? Где он вообще был, когда бедный ребенок нуждался в нем? Теперь он оглядывается назад, и ему нравится мысль, что у него была крошечная девочка. Сейчас он любит ее больше, чем когда-то.

Старый священник в гневе и отвращении покачал головой.

— Как подумаю о ночах, которые провел в молитвах об этой девочке… и обо все таких детях, как она…

Белл ждал, пока старик успокоится. Наконец его лицо прояснилось.

— На самом деле о девочке заботился О'Ши.

— Глазник О'Ши?

— Он заботился о ней, когда Билли и его ленивые родители валялись пьяные. — Отец Джек понизил голос. — Говорят, О'Ши забил насмерть ее отца, за то, что тот обижал малышку так, как может представить себе только дьявол. Она единственная душа, которую Брайан О'Ши когда-либо любил. Слава богу, он так и не узнал, что с ней случилось.

— А мог Брайан О'Ши похитить ее?

— Да ни за что! Даже если сам давно пошел в ад.

— Но что если его не убили, когда он исчез? Что если он вернулся? Мог он ее похитить?

— Он никогда бы не обидел ее, — сказал священник.

— Злые люди творят зло, отец. Вы сами сказали мне, каким злым он был.

— Даже в самых злых есть искра божия. — Священник взял Белла за руку. — Если будете это помнить, станете лучшим детективом. И лучшим человеком. Этот ребенок был божьей искрой Брайана О'Ши.

— Ее звали Кэтрин?

Отец Джек с любопытством посмотрел на него.

— А почему вы так говорите?

— Точно я не знаю. Но спрашиваю: так ли это?

Отец Джек начал отвечать. С крыши дома раздался выстрел. Священник упал на тротуар. Вторая пуля ударила туда, где мгновением раньше стоял Белл. Он уже катился по тротуару, доставая «браунинг», встал на колени, приготовился стрелять.

Но увидел только женщин и детей, кричавших из окон, что убили их священника.

— Мне немедленно нужна прямая телефонная связь с главой балтиморской конторой! — крикнул Исаак Белл, входя в штаб-квартиру агентства в «Никербокере». — Передайте, пусть у него на столе будет досье Кэтрин Ди.

На то, чтобы установить связь с Балтимором, ушел час.

— Белл? Простите, что так долго. Льет как из ведра, полгорода затопило. Еще одна буря.

— Мне нужно точно знать, кто такая Кэтрин Ди, и нужно знать немедленно.

— Как мы уже докладывали, ее отец вернулся в Ирландию с кораблем, набитым деньгами, которые заработал, строя школы для епархии. Он взял Кэтрин с собой.

— Это я уже знаю. А когда он умер, она воспитывалась в монастырской школе в Швейцарии. Что за школа?

— Позвольте взглянуть на досье, пока мы говорим. Вот все прямо передо мной. Парни прибавили самые новые материалы после нашего последнего отчета в Нью-Йорк… Так долго добираться до Дублина и потом назад… Посмотрим здесь… Ах, будь я… Нет, нет, не может быть.

— *Что?*

— Какой-то придурок все напутал. Утверждает, что дочь тоже умерла. Но этого не может быть. У нас есть отчеты о ней из школы. Мистер Белл, позвольте с этим разобраться.

— Немедленно, — сказал Белл и повесил трубку.

Вошел Арчи, все еще с боевой военной раскраской на лице.

— Ты выглядишь — краше в гроб кладут, Исаак.

— Где Марион?

— Наверху. — Белл снял для нее номер на те дни, что она поведет в Нью-Йорке. — У нас опять дождь. У тебя все хорошо? Что с тобой?

— У меня на глазах убили священника. За то, что разговаривал со мной.

— Шпион?

— А кто же еще? Квартал кишит копами, но он ушел.

К детективам с мрачными лицами опасливо подошел ученик.

— Посыльный оставил в приемной, мистер Белл.

Белл разорвал конверт. На бланке «Уолдорф-Астории» Эрхард Райкер написал:

НАШЕЛ!
СОВЕРШЕНСТВО ДЛЯ СОВЕРШЕННОЙ НЕВЕСТЫ!

Буду в ювелирном магазине Соломона Барлоу в три часа дня с лучшим в мире изумрудом, если эта записка застанет вас в Нью-Йорке.

С наилучшими пожеланиями,
Эрхард Райкер.

49

Белл бросил записку Райкера на стол.

Арчи взял ее и прочел.

— Кольцо для прекрасной Марион?

— Подождет.

— Иди.

— Я жду ответа из Балтимора.

Арчи сказал:

— Оторвись на час. Успокойся. Я поговорю с Балтимором, если они позвонят до твоего возвращения. Почему бы тебе не взять с собой Марион? Этот дождь сводит ее с ума. Она рвется в Калифорнию, где можно снимать на солнце. И не объясняет, где найдет актеров. Иди! Немного выпусти пар. Ты нашел Коллинза. Ты отправил двести человек на поиски О'Ши. А флот и охрана гавани ищут торпеды. Я прикрою.

Белл встал.

— Всего на час. Скоро вернусь.

— Если ей понравится, потрать еще десять минут и угости ее шампанским.

Они на метро приехали в центр и по мокрым от дождя улицам прошли к Мейден-лейн. Окна магазина Барлоу в этот мрачный день светились теплым желтым светом.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросила Марион у входа.

— О чем ты?

— Когда наденешь кольцо на палец девушке, снять его очень трудно.

Они держались за руки. Белл привлек ее к себе. В глазах Марион был смех. Дождь и туман позолотили пряди, выбившиеся из-под ее шляпы.

— Из этого не смог бы выбраться и Гудини, — сказал Белл и поцеловал ее в губы. — Да и не захотел бы.

Они вошли в магазин. За прилавком стояли Эрхард Райкер и Соломон Барлоу, у каждого в глазу была ювелирная лупа. Райкер с улыбкой поднял голову. Он протянул руку Беллу и сказал Марион:

— Боюсь, наблюдательность изменила вашему жениху. Как он ни старался — уверяю вас, он очень старался, — но описать вашу красоту не сумел.

Марион ответила:

— Право, не знаю, что ответить. Спасибо.

Райкер наклонился к руке Марион, поцеловал ее и отступил, приглаживая усы и сунув руку в жилетный карман. Барлоу прошептал Беллу:

— Сэр, очень необычно, что джентльмен показывает кольцо невесте еще до покупки.

— Мисс Морган — необычная невеста.

Что-то ударилось в окно. На тротуаре, не обращая внимания на дождь, смеющиеся молодые люди в черных шляпах перебрасывались бадминтонным воланом.

— Вызовите констебля, пока они не разбили витрину, — сказал Райкер.

Соломон Барлоу пожал плечами.

— Студенты. Летом знакомятся с девушками. На следующую весну будут покупать обручальные кольца.

— А вот и камень для вашего кольца, мисс Морган, — сказал Райкер.

Он достал из кармана тонкий кожаный футляр, раскрыл его и извлек сложенный листок белой бумаги. Развернув бумагу, он выложил на демонстрационный стенд, обитый белым бархатом, изумруд — безупречный, огненный, полный жизни.

Ювелир Соломон Барлоу ахнул.

Исаак Белл подумал, что камень сверкает, как зеленое пламя.

Марион Морган сказала:

— Да, очень яркий.

— Мистер Барлоу предлагает поместить его в простое кольцо стиле арт-нуво, — сказал Эрхард Райкер.

— Я приготовил несколько набросков, — сказал Барлоу.

Исаак Белл смотрел на Марион, разглядывавшую изумруд. Он сказал:

— Мне кажется, он тебе не понравился.

— Дорогой, я надену все, что понравится тебе.

— Но ты предпочла бы что-нибудь другое.

— Он прекрасен. Но раз уж ты спрашиваешь, я предпочла бы более мягкий зеленый цвет — насыщенный, но спокойный, вот цвета пальто мистера Райкера. Есть ли такой камень, мистер Райкер?

— Есть серо-голубой турмалин, найденный в Бразилии. Очень редкий. И исключительно трудный для обработки.

Марион улыбнулась Беллу.

— Было бы гораздо дешевле купить мне такое грубошерстное пальто, как у мистера Райкера…

Она замолчала. Уже собралась спросить: «Исаак, в чем дело?» Но вместо этого невольно прижалась к нему.

Белл смотрел на пальто Райкера.

— Дорогое зеленое пальто, — тихо сказал он. — Старик в дорогом зеленом пальто с пальцами в дорогих кольцах.

И он пристально посмотрел на набалдашник трости Райкера, усаженный драгоценными камнями.

— Я всегда восхищался этой вашей тростью, герр Райкер.

— Это подарок отца.

— Можно взглянуть?

Райкер бросил ее Беллу. Тот взвесил трость в руке, проверил балансировку. Сжал в руке набалдашник, движением запястья повернул его и выхватил сверкающую шпагу.

Эрхард Райкер пожал плечами.

— В моем деле нельзя быть слишком осторожным.

Белл поднес лезвие к свету. Оно было такое острое, что кромка не отражала свет. Взвесил трость — потом ножны, в которых хранилась шпага.

— Тяжелая. Шпага вам может даже не понадобиться. Можно свалить человека этим.

Белл видел, что Райкер смотрит на него с опаской, словно гадает, правильно ли

расслышал слова Белла. Думает: придется ли сразиться? Наконец Райкер заговорил:

— *Двух человек,* если действовать достаточно быстро.

— Тем более если эти люди пьяны, — сказал Белл и быстро шагнул, закрывая Марион.

Обоим стало совершенно ясно, что они говорят о ночи, когда Глазник О'Ши и Билли Коллинз попытались ограбить мистера Райкера старшего.

Райкер ответил небрежно, хотя наблюдал за Беллом так же внимательно, как Белл за ним.

— Я пришел в себя, — сказал он, — на море, в каюте первого класса. Старик был крепок, как гвоздь. Но добр ко мне. Все, что я хотел, я получал — только скажи. Еда на корабле была такой, какую, я слышал, ел Бриллиантовый Джим Брейди. Бифштексы, устрицы, жареные утки, вино из хрустальных бокалов. Я был словно в раю. Конечно, я гадал, что он от меня за это потребует. Но он просил меня только пойти в школу и научиться быть джентльменом. Сначала я учился в школе в Англии, потом в лучшем университете Германии.

— А почему мистер Райкер не оставил вас в канаве вместе с Билли Коллинзом?

— Вы разговаривали с Билли? Конечно. Как он?

— По-прежнему в канаве. Почему Райкер не оставил вас там?

— Он горевал о сыне, который умер от инфлюэнцы. Ему нужен был другой сын.

— И вы оказались под рукой.

— Я был *отбросами.* Я едва умел читать. Но он увидел во мне то, чего не видел никто.

— И вы отплатили ему, став шпионом и убийцей.

— Отплатил, — ответил Райкер, расправив плечи и высоко подняв голову.

— Вы гордитесь тем, что стали убийцей и шпионом? — презрительно спросил Белл.

— Вы были ребенком из богатой семьи, Исаак Белл. Есть то, чего вы понять не можете. Я отплатил ему. И говорю это с гордостью.

— С такой же гордостью я арестую вас за убийство, Брайан О'Ши.

Из-за занавеси, отделявшей вход в задние комнаты, вылетела Кэтрин Ди, обхватила рукой горло Марион и прижала большой палец к ее глазу.

50

— Брайан научил меня этому на мой двенадцатый день рождения. Даже подарил мне собственное долото. Оно из чистого золота, видите?

Заостренный металл сидел на ее пальце, как коготь.

— Стой совершенно неподвижно, — сказал Белл Марион. — Не сопротивляйся. У мистера О'Ши преимущество.

— Слушайтесь своего жениха, — сказала Кэтрин Ди.

Глазник О'Ши сказал:

— Отвечаю на ваш вопрос, Белл: в частности, я отплатил старику за его доброту тем, что спас Кэтрин, как он спас меня. Кэтрин образованна, состоятельна и свободна. Никто не сможет ее обидеть.

— Образованна, состоятельна, свободна и смертельно опасна, — сказал Белл.

Другой рукой Кэтрин извлекла пистолет.

— Еще один подарок на день рождения?

— Отдайте Брайану его шпагу, мистер Белл, пока ваша невеста не ослепла и я не застрелила вас.

Белл бросил шпагу О'Ши рукоятью вперед. Как он и ожидал, шпион оказался слишком умен, чтобы поддаться на эту уловку. Он поймал шпагу, не сводя глаз с Белла. Но, когда начал убирать ее в ножны, взглянул вниз, чтобы убедиться, что острие войдет в футляр, а не пронзит его руку. Белл ждал именно этого — чтобы О'Ши отвлекся на долю секунды. И пнул с молниеносной скоростью.

Острый нос его ботинка ударил Кэтрин Ди в локтевой нерв, туго натянутый под кожей согнутого локтя. Кэтрин закричала от острой боли и конвульсивно разжала руку. Ее большой палец отдернулся от глаза Марион.

Но долото оставалось на пальце.

Марион старалась вырваться от менее высокой женщины. Кэтрин снова поднесла долото к ее лицу. К этому времени у Белла уже был в руке «дерринджер» и он нажимал на курок. О'Ши пронзительно закричал: «Нет!» — и ударил тростью по руке Белла. В замкнутом пространстве оглушительно прозвучал выстрел. Соломон Барлоу кинулся на пол. Марион вскрикнула, и Белл подумал, что попал в нее. Но упала Кэтрин Ди.

Сильной рукой О'Ши подхватил девушку и распахнул дверь. Белл бросился за ним. Но споткнулся о Соломона Барлоу. Когда он поднялся, О'Ши усаживал Кэтрин в «паккард» с шофером в форме. Из-за машины и из-за дверей показались стрелки в черных шляпах и прицелились.

— Марион, ложись! — закричал Белл. Громилы из частной охраны компании «Райкер и Райкер» открыли огонь. Пули рикошетом били стекла и откалывали крошки камня от стен и витрин. Пешеходы падали на тротуар. Белл стрелял в ответ так быстро, как мог нажимать на курок. Он услышал, как «паккард» тронулся. Выстрелил снова, опустошив «браунинг». Большая машина свернула за угол и во что-то врезалась. Но когда свинец перестал летать и Белл смог выглянуть, «паккард» дымился у фонарного столба, однако Райкера, Ди и шофера след простыл. Белл снова вбежал в магазин, сердце у него билось словно в горле. Соломон Барлоу стонал, держась за ногу. Марион с круглыми глазами сидела на полу за прилавком.

Жива!

Он склонился к ней.

— Ты ранена?

Она провела рукой по смертельно бледному лицу.

— Думаю, нет, — сказала она тихо.

— Ты в порядке?

— Где они?

— Сбежали. Не волнуйся. Далеко не уйдут.

Марион что-то стискивала в прижатой к груди руке.

— Что это?

Медленно, с трудом она разжала пальцы. На ее ладони лежал изумруд, зеленый и таинственный, как кошачий глаз.

— Мне казалось, он тебе не понравился.

Марион осмотрела разбитые стекла и стены в ямках от пуль.

— У меня ни царапины. И у тебя тоже. Это счастливый амулет.

— Вся ювелирная промышленность Ньюарка потрясена, — сказал Морис Вайнтрауб, крепкий седовласый патриарх, владелец самой крупной в Ньюарке фабрики, где изготавливали пряжки. — Я с самой Гражданской войны покупаю камни у «Райкера и Райкера». Когда был еще только один Райкер.

— Вы знали, что Эрхарда Райкера усыновили?

— Неужели? Нет, не знал.

Вайнтрауб посмотрел на море рабочих столов, за которыми при скудном северном свете работали ювелиры. На его губах появилась задумчивая улыбка, он погладил подбородок.

— Это многое объясняет.

— О чем вы говорите?

— Он был хороший человек.

— Отец?

— Нет. Его отец был хладнокровным мерзавцем.

Белл обменялся недоуменным взглядом с Арчи Эбботом.

Владелец фабрики заметил это.

— Я еврей, — объяснил он. — И знаю, когда меня не любят за то, что я еврей. Отец скрывал свою ненависть, чтобы вести дела, но она так и сочилась из него. Он не мог полностью ее скрыть. Сын относился ко мне без ненависти. Он был не настолько европейцем, как старик.

Белл и Арчи снова переглянулись. Вайнтрауб сказал:

— Я хочу сказать, он *вел себя* как хороший человек. Джентльмен в делах и добр в частной жизни. Он один из очень немногих моих поставщиков, кого я пригласил бы к себе домой. Не человека, который способен устроить стрельбу на Мейден-лейн. Не фанатика, как его отец.

Арчи сказал:

— Вероятно, вы не расстроились, когда его отца убили в Южной Африке?

— Я не удивился.

— Прошу прощения? — переспросил Арчи, а Белл резко сказал:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я часто в шутку говорил жене: «Герр Райкер — немецкий агент».

— Почему вы так говорили?

— Он не мог удержаться и не хвастать своими путешествиями. Но я заметил, что на протяжении многих лет дороги всегда приводили его туда, где Германия становилась источником неприятностей и осложнений. В 1870 году, когда началась франко-прусская война, он оказался в Эльзасе-Лотарингии. В восемьдесят первом был на острове Самоа, когда Соединенные Штаты, Англия и Германия провоцировали гражданскую войну. В Занзибаре, когда Германия захватила так называемый Восточно-Африканский протекторат. В Китае, когда Германия захватила Циндао, и в Южной Африке, когда кайзер встал на сторону буров, воевавших с Англией.

— И был там убит, — заметил Арчи.

— Во время атаки, которой командовал сам генерал Сматс, — заметил Исаак Белл. — Если он не был немецким шпионом, то мастером необыкновенных совпадений был. Спасибо, мистер Вайнтрауб. Вы нам очень помогли.

По дороге в Нью-Йорк Белл сказал Арчи:

— Когда я обвинил О'Ши в том, что он отплатил усыновившему его человеку тем, что стал убийцей и шпионом, он ответил, что спасение Кэтрин из Адской кухни было «одним из способов» его отплаты. Он сказал: «Я говорю это с гордостью». Теперь я понимаю — он хвастал тем, что пошел по стопам отца.

— Если человек, усыновивший его, был шпионом, означает ли это, что Райкер-О'Ши шпионит в пользу Германии? Он родился в Америке. Его усыновил немец. Он учился в английской школе и в немецком университете. Кому он верен?

— Он гангстер, — сказал Белл. — Он чужд верности.

— Где он может прятаться сейчас, когда его раскрыли?

— Везде, где его примут. Но не раньше, чем совершит последнее преступление во имя государства, которое защитит преступника.

— Использует торпеды, — сказал Арчи.

— Против чего? — спросил Белл.

Когда Белл вернулся в «Никербокер», в приемной ждал Тед Уитмарк. Он держал шляпу на коленях и не мог смотреть Беллу в глаза, когда спросил:

— Мы здесь можем где-нибудь поговорить наедине, мистер Белл?

— Заходите, — сказал Белл, заметив, что гарвардский галстук Уитмарка повязан криво, обувь нечищена, а брюки нуждаются в глажке. Он провел Уитмарка к своему столу и подвинул стул, так чтобы они могли сидеть рядом и их никто не слышал. Уитмарк сел, сжимая и разжимая руки, кусая губы.

— Как Дороти? — спросил Белл, чтобы успокоить его.

— Ну… в частности, я хотел с вами поговорить и о ней. Но, если не возражаете, сначала о главном.

— Нисколько не возражаю.

— Понимаете, я играю в карты. Часто.

— Вы игрок.

— Да, я игрок. И иногда много проигрываю. У меня пошла полоса проигрышей, и прежде чем я спохватился, я был уже по уши в долгах. Я только хотел вернуть проигранное, но увязал все глубже.

— У вас по-прежнему полоса проигрышей? — спросил Белл.

— Похоже. Да, можно сказать и так.

Он замолчал.

— Могу я предположить, что это огорчает Дороти?

— Да, но дело не в этом. Я вел себя как дурак. Несколько раз очень сильно сглупил. Мне кажется, я усвоил урок Сан-Франциско…

— А что произошло в Сан-Франциско?

— Благодаря вам я избежал расстрела.

— О чем вы? — спросил Белл, внезапно начиная понимать, что дело гораздо серьезнее, чем он предполагал.

— Я хочу сказать, что, когда вы остановили повозку и помешали взорвать арсенал на Мар-Айленде, вы спасли мне жизнь. Там было бы много убитых, виноват был бы я.

— Объясните, — настораживаясь сказал Белл.

— Я дал им пропуск и пароль, чтобы пройти на военную верфь «Мар-Айленд».

— Кому?

— Я столько задолжал. Меня бы убили.

— Кто?

— Ну, сначала Командор Томми. Здесь, в Нью-Йорке. Потом он продал мой долг владельцу казино на Варварском побережье, и там я проиграл еще больше, и тот парень хотел меня убить. Он сказал, они сделают это медленно. Но достаточно было только дать им пропуск и накладные моей фирмы и показать все тайные ходы и тому подобное. Знаю, вы думаете, что я пропустил на базу саботажника, но я ведь не понимал, зачем им это. Я думал, они хотят заключить большой контракт. Я считал, они делают это ради наживы.

— Вы *надеялись,* что они делают это ради наживы, — холодно возразил Исаак Белл.

Тед Уитмарк повесил голову. А когда снова поднял, в его глазах блестели слезы.

— Я и теперь на это надеюсь. Но, боюсь, это не так. Что-то подсказывает мне, что в этот раз дело еще хуже.

Зазвонил внутренний телефон на столе Белла. Белл взял трубку.

— В чем дело?

— Тут какая-то дама хочет видеть вас и того джентльмена, что сейчас с вами. Мисс Дороти Ленгнер. Впустить?

— Нет. Скажите, что я вскоре к ней выйду. — Он повесил трубку. — Продолжайте, Тед. Что произошло в этот раз?

— Они хотят взять у меня один из грузовиков, которые идут на военную верфь в Бруклине.

— Кто они?

— Лощеный субъект по имени О'Ши. Я слышал, кто-то назвал его Глазником. Должно быть, прозвище. Вы знаете, о ком я говорю?

— Когда им нужен грузовик?

— Завтра. Когда «Нью-Гэмпшир» будет загружать продовольствие и боеприпасы. Он только закончил пробное плавание и теперь в составе Морского экспедиционного корпуса направляется в Панаму, поддерживать мир в проливе. Мое нью-йоркское отделение получило контракт на поставку продовольствия.

— Грузовик большой?

— Самый большой из всех.

— Достаточно большой, чтобы перевезти две торпеды?

Уитмарк пожевал губу.

— Боже. Он нужен им для этого?

Дверь приемной раскрылась, и вошел Гарри Уоррен. Белл снова хотел повернуться к Теду Уитмарку, но тут его внимание привлекло неожиданное движение у двери: он увидел, как Дороти Ленгнер в черном платье и шляпе с черными перьями скользнула в комнату вслед за Гарри, который вежливо спросил:

— Чем могу быть полезен, мэм?

— Я ищу Исаака Белла, — сказала она своим чистым певучим голосом. — Вот и он, я его вижу.

Она пошла к столу Белла, роясь в сумочке.

Уитмарк вскочил.

— Здравствуй, Дороти. Я же тебе сказал, что поговорю с Беллом. Это примирит нас, верно?

Дороти Ленгнер посмотрела ему в лицо. Потом на Белла.

— Здравствуйте, Исаак. Могу я здесь где-нибудь недолго поговорить с Тедом наедине?

Ее прекрасные серебристо-серые глаза были пусты, и у Белла на мгновение создалось странное впечатление, будто она слепа. Но она не могла быть слепа, ведь она шла самостоятельно.

— Мне кажется, в кабинете мистера Ван Дорна никого. Он не стал бы возражать.

Он провел их в пустой кабинет Ван Дорна, закрыл дверь и постоял, прислушиваясь. Из кабинета донесся голос Уитмарка:

— Ведь это примирит нас?

— Нас ничто не примирит.

— Дороти? — спросил Тед. — Что ты делаешь?

В ответ послышался резкий звук выстрела. Белл распахнул дверь. Тед Уитмарк лежал на спине, из его головы лилась кровь. Дороти Ленгнер выронила пистолет, который держала на уровне груди Уитмарка, и сказала Беллу:

— Он убил моего отца.

— Вашего отца убил Ямамото Кента.

— Тед не подкладывал бомбу, но передавал сведения о работе отца над Корпусом 44.

— Это вам сказал Тед?

— Он пытался признаться мне и избавиться от угрызений совести.

Вбежал Гарри Уоррен с пистолетом и склонился над телом. Потом схватил телефон Ван Дорна.

— Она промахнулась, — сказал он Беллу, а потом оператору: — Пригласите врача.

— Тяжело он ранен?

— Царапина. Разорвана кожа, поэтому так много крови.

— Он не умрет?

— Не от этого. Кажется, он приходит в себя.

— Она в него не стреляла, — сказал Белл.

— Что?

— Тед Уитмарк пытался застрелиться. Она схватилась за его пистолет. Спасла ему жизнь.

В глазах Гарри Уоррена было мудрое старческое выражение.

— Скажи еще, Исаак, почему он пытался застрелиться?

— Он предатель. Он только что признался мне, что передавал сведения шпиону.

Гарри Уоррен посмотрел Беллу в лицо и сказал:

— Кажется, мисс Ленгнер спасла жизнь негодяю.

Вбежал гостиничный врач со своей медицинской сумкой, за ним шли коридорные с носилками.

— Отойдите все. Пожалуйста, расступитесь.

Белл провел Дороти к своему столу.

— Садитесь. — Он подозвал ученика. — Пожалуйста, принесите даме стакан воды.

— Зачем вы это сделали? — прошептала Дороти.

— Я не стал бы, если бы вам удалось его убить. Но вам не удалось. Думаю, с вас довольно несчастий и без обвинений полиции.

— А они поверят?

— Если Тед подтвердит. Думаю, подтвердит. А теперь расскажите все, что он рассказал вам.

— С прошлой осени он проиграл в Вашингтоне все деньги. Кто-то из игроков предложил дать ему взаймы. В обмен он говорил с Ямамото. — Она гневно, горько покачала головой. — Он все еще не понимает, что его сознательно заставляли проигрывать.

— Мне он говорил, что ему просто не везло, — сказал Белл. — Продолжайте.

— То же самое произошло этой весной в Нью-Йорке, потом в Сан-Франциско. А теперь снова начинается. Но он понял всю чудовищность того, что делает. Или он так говорит. Я думаю, он старается заставить меня вернуться. Я говорила ему, что между нами все кончено. Он узнал, что я встречаюсь с другим.

— С Фарли Кентом.

— Разумеется, вы знаете, — устало сказала она. — Ван дорны никогда не сдаются. Когда Тед узнал про Фарли, думаю, он решил, что нигде нет правды. Он уверовал. Может, надеялся, что я стану ждать его из тюрьмы. Или плакал, что его повесят за измену.

— Ваш выстрел должен был разубедить его, — заметил Билл.

Дороти улыбнулась.

— Сейчас я не знаю, как отнестись к тому, что я его не убила. Хотела убить. Не могу поверить, что промахнулась: ведь еще чуть-чуть, и…

— Мой опыт подсказывает, — сказал Белл, — что те, кто промахивается при верном выстреле, хотят промахнуться. Большинству людей не так-то легко убить.

— Жаль, что я его не убила.

— Вас бы повесили за это.

— Мне все равно.

— А что бы тогда стало с Фарли Кентом?

— Фарли… — она начала говорить и осеклась.

Белл мягко улыбнулся.

— Вы хотели сказать, что Фарли понял бы, но поняли, что это не так.

Она понурила голову.

— Фарли лишится смысла жизни.

— Я видел Фарли за работой. Мне кажется, он ваш тип мужчины. Он любит свою работу. А вы его любите?

— Да, люблю.

— Позвольте предложить вам охрану, которая проводит вас до Бруклинской военной верфи.

Она встала.

— Спасибо. Я знаю дорогу.

Белл проводил ее до двери.

— Вы начали это расследование, Дороти, когда поклялись обелить имя своего отца. Никто не сделал больше вас, чтобы спасти труд, вложенный вашим отцом и Фарли в Корпус 44. Благодаря вам мы раскрыли шпиона и, не сомневайтесь, возьмем его.

— Тед сказал что-нибудь такое, что вам поможет?

Белл ответил осторожно:

— Он считает, что сказал. Скажите, а как Тед узнал о Фарли Кенте?

— Письмо, подписанное «друг». Почему вы улыбаетесь, Исаак?

— Шпион приходит в отчаяние, — только и ответил Белл. Но у него сложилось

впечатление, что О'Ши сознательно подсовывает им Теда с ложными сведениями. Шпион хочет, чтобы Белл поверил, будто нападение предпримут с суши, когда на самом деле он собирается напасть с воды.

Дороти поцеловала его в щеку и стала торопливо спускаться по центральной лестнице.

— Мистер Белл, — сказал человек в приемной. — Вас вызывает детектив отеля.

51

— Тут у входа несколько подозрительных лиц, — доложил детектив отеля «Никербокер». — Клянутся, что должны с вами поговорить, мистер Белл.

— Как их зовут?

— Косматый старик говорит, что у него нет имени, и я склонен ему верить. Молодые называют себя Джимми Ричардс и Марв Гордон.

— Пусть поднимутся ко мне.

— Таким в вестибюле не место, если вы понимаете, о чем я.

— Понял. Но это двоюродные братья маленького Эдди Тобина, и потому они войдут через парадную дверь. Скажите управляющему, что я разрешил. И сами пойдите с ними, чтобы они не пугали женщин.

— Хорошо, мистер Билл, — с сомнением ответил гостиничный детектив.

Ловцы устриц со Статен-Айленда Ричардс и Гордон представили своего старшего спутника, старика с длинными волосами и морщинистым лицом, как «дядюшку Донни Дарби, который нас вырастил».

— В чем дело, ребята?

— Все еще ищете торпеды?

— Откуда вы узнали?

— Флот, и береговая охрана, и охрана гавани мельтешат, как комарье, — сказал Ричардс.

— Обшаривают все причалы в порту, — добавил Гордон.

— Не дают заниматься делом, — пробормотал дядюшка Донни.

— Вы видели торпеды? — спросил Белл.

— Нет.

— Что вы о них знаете?

— Ничего, — сказал Ричардс.

— Только что вы их ищете, — сказал Гордон.

— Совсем ничего? Тогда зачем пришли?

— Мы подумали, может, вас заинтересует «Холланд».

— Что за «Холланд»?

— Самый большой «Холланд», какой мы видели.

— «Холланд» — подводная лодка?

— Да, — хором сказали устричники со Статен-Айленда.

— Где?

— Килл-ван-кулл.

— Со стороны Байонны.

— Подождите, парни. Если вы видели подводную лодку в открытую, это лодка флота.

— Она прячется. Под баржей.

— Дядя Донни увидел ее вчера ночью, когда за ним погнались копы.

— Я несколько дней следил за этой баржей, — сказал дядюшка Донни Дарби.

Исаак Белл принялся расспрашивать его.

Гаванские копы, которые охотятся за угольными пиратами, заметили дядюшку Донни, когда он с двумя друзьями шел за угольной баржей на своей устричной лодке. Дядюшка Донни отказался допустить полицейских на борт для досмотра. Последовали пистолетные выстрелы. Полицейские все равно высадились на лодку. Дядюшка Донни и его друзья

прыгнули в Килл и поплыли к берегу.

Друзей Дарби поймали, но старик поплыл к барже, за которой наблюдал несколько дней. Ведь она стояла одна, без экипажа, а на ней — два товарных вагона, в которых могло быть что-нибудь интересное. Усталый старик прятался за баржей и уже начал тонуть, но ступил на что-то прочное, хотя там было слишком глубоко, чтобы стоять. Когда копы ушли, Джимми и Марв, наблюдавшие со стороны Статен-Айленда, на другой устричной лодке спасли своего умного-разумного дядюшку. И внимательнее осмотрели баржу. И под ней увидели очертания подводной лодки.

— Больше флотских «Холландов». Такая же лодка, но к ней как будто добавили что-то с обоих концов.

— Дядюшка Донни знает «Холланды», — объяснил Джимми Ричардс. — Он брал нас в Бруклин наблюдать за флотскими испытаниями. Когда это было?

— В 1903. Лодка с башней над водой делала пятнадцать узлов в час. А когда башня под водой, шесть узлов.

Белл потянулся к телефону:

— Значит, у вас есть основания верить, что вы видели подводную лодку.

— Хотите сами посмотреть? — спросил Марв.

— Да.

— Я ж говорил, он пойдет, — сказал дядюшка Донни.

Исаак Белл позвонил охране Нью-йоркского порта, прихватил Арчи Эббота и Гарри Уоррена и взял сумку для гольфа. Экспресс надземки за десять минут доставил ван дорнов и ловцов устриц по Девятой авеню к Баттери, на южную оконечность Манхэттена. У причала А их ждал сорокафутовый катер портовой охраны.

— Ничего не трогать, — предупредил капитан жителей Статен-Айленда, когда те с опаской поднялись на борт. Он не хотел брать на буксир лодку Дональда Дарби, причаленную поблизости, но Исаак настоял на этом и передал капитану двадцать долларов «для вашего экипажа».

— Никогда не думал, что стану одним из этих, — бормотал старик Дарби, когда катер отходил от причала.

Портовый коп сказал:

— Разве что в наручниках.

Белл сказал Арчи и Гарри:

— Если в Килл-ван-кулле нет подводной лодки, мы попадем под перекрестный огонь.

— Ты правда думаешь, Исаак, что мы ее найдем?

— Я верю, что они *думают,* будто видели подводную лодку. А подводная лодка превращает торпеды в гораздо более смертоносное оружие, чем корабль. Тем не менее я поверю в подводную лодку, только когда сам ее увижу.

Катер шел по Верхнему заливу, лавируя между паромами, буксирами, баржами и океанскими шхунами и пароходами. Громовой свисток возвестил о прибытии в Нью-Йорк атлантического лайнера. Встречающие лайнер буксиры ответили гудками. Поток барж с грузовыми вагонами связывал Нью-Джерси, Манхэттен, Бруклин и Ист-ривер.

Полицейский катер вошел в извилистый канал между Статен-Айлендом и Нью-Джерси, известный как Килл-ван-кулл. Белл оценил его ширину в тысячу футов, примерно столько же, сколько у узкого рукава пролива Каркинез, где он схватил плывшего от Мар-Айленда Луиса Ло. Слева поднимались холмы Статен-Айленда. Справа — город Байонна. Берега заполняли причалы, склады, лодочные сараи и жилые дома. Через четыре мили Ричардс и Гордон сказали:

— Вот она!

Баржа стояла у самого берега, у ровного зеленого газона перед большим каркасным домом в квартале таких же домов. Старая баржа с тремя отрезками рельсового полотна, короткая и широкая: на ближних к берегу рельсах — грузовой вагон, на дальних — высокий полувагон. Рельсы посередине как будто не заняты, хотя с катера пространство между ними

не видно.

— Где подводная лодка? — спросил капитан катера.

— Под ней, — ответил Дональд Дарби. — Посреди баржи вырубили отверстие для ее башни.

— Ты видел ее?

— Нет. Но как иначе они могли приходить и уходить?

Капитан катера сердито посмотрел на Исаака Белла.

— Мистер Белл, я предсказываю, что мой начальник будет говорить с вашим боссом и нам обоим это не понравится.

— Подойдем ближе, — сказал Белл.

— Тут для подводной лодки «Холланд» не хватает глубины.

— Тут очень глубоко, — спокойно возразил Дональд Дарби. — Прилив подрывает берег с этой стороны.

Рулевой передал команду «самый малый», и катер прошел еще пятьдесят футов.

Ван дорны, устричники и полицейский всматривались в мутную воду. Катер все ближе подходил к барже.

— Очень много ила поднялось, — встревоженно сказал Дарби.

— Ее поднял наш винт, — ответил капитан. — Я же говорил, здесь слишком мелко. — Рулевому он приказал: — Задний ход, пока мы не столкнулись.

Дарби сказал:

— Тут глубина тридцать футов.

— Что же подняло ил?

— Вот я и думаю.

— Я тоже, — сказал Исаак Белл, глядя в воду. Из глубины поднимались пузыри и шипели на поверхности.

52

— Назад! — закричал Белл. — Полный назад!

У рулевого и машиниста оказалась хорошая реакция. Они мгновенно изменили направление движения. Винт завертелся в обратную сторону. Из короткой трубы вырвались дым и пар. Катер остановился. Но отойти не успел: под ним из глубины быстро поднялся серый зловещий силуэт.

— Держись!

Белл видел, как из воды перед катером поднялась трубка — перископ, изогнутая трубка с зеркалами, глаза подводной лодки. На поверхности появилась приземистая круглая башня со скобами для рук. Затем что-то сильно ударило снизу по днищу катера, приподняв его сорокафутовый корпус. Киль с треском сломался; катер продолжал подниматься в воздух, его уносил стальной корпус, вырвавшийся на поверхность, как разъяренный кашалот.

Затем полицейский катер опрокинулся набок, и ван дорны, копы и устричники полетели в воду.

Белл прыгнул на стальной корпус и по пояс в воде прошел к конусообразной башне. Ухватился за скобу — такие скобы окружали люк на верху башни — и потянулся к большому колесу, открывавшему его.

— Осторожней, Исаак! — закричал Арчи Эббот. — Она погружается!

Не обращая внимания на крик Арчи и на воду, которая теперь была ему по грудь и продолжала подниматься, Белл всей тяжестью навалился на колесо. Секунду оно не поддавалось. Потом словно бы шелохнулось. Соленая вода заливала ему плечи, рот, нос, глаза. Вдруг подводная лодка устремилась вперед. Белл, сколько мог, держался за колесо, по-прежнему пытаясь повернуть его, но сила течения вырвала у него колесо. Под Исааком проходил корпус лодки, и Белл с опозданием понял, что винт разрубит его на куски.

Он отчаянно оттолкнулся ногами и поплыл. Вода, стремительно омывавшая корпус,

тянула его назад. Он чувствовал, как скользит под ним лодка. Что-то сильно ударило Белла. Удар отбросил его в сторону и притопил. Мощные волны загоняли его еще дальше на глубину. Оказавшись в кильватерной струе лодки, Белл понял, что ударился о защитный кожух винта и тот спас его от вращающихся лопастей.

Он вынырнул на поверхность, увидел уходящую вверх по Килл-ван-куллу башню и поплыл за ней. Позади Арчи помогал Гарри Уоррену выбраться на глинистый берег, Ричардс, Гордон и машинист держались за тросы, свисающие с баржи, а капитан полиции цеплялся за свой перевернувшийся катер.

— Вызовите помощь! — крикнул капитан, и два полицейских побежали к каркасному дому.

Дональд Дарби забрался в свою лодку, которая отвязалась от тонущего катера.

— Дядюшка Донни! — крикнул Белл через плечо, продолжая плыть за подводной лодкой. — Подбери меня!

На лодке Дарби заработал мотор, выплевывая синий дым.

Подводная лодка продолжала погружаться. Теперь над водой виднелись только башня и труба перископа. Скобы вокруг люка, перископ и колесо на башне оставляли на поверхности канала след, с них текла вода, отчего они напоминали фонтан.

Подошла лодка Дарби; Белл уцепился за нее и перевалился через низкий борт на плоское днище.

— За ним!

Дарби двинул вперед ручку газа. Мотор заработал громче, деревянный корпус лодки задрожал, и старик пробормотал:

— А что мы будем делать, когда догоним?

Белл услышал позади выстрелы. Копы, бежавшие к дому, чтобы по телефону вызвать помощь, теперь прятались за кустами. Из всех окон дома стреляли.

— Здесь живут фальшивомонетчики, — объяснил дядя Дарби.

— Быстрей! — велел Белл.

Он прыгнул на квадратную носовую палубу.

— Подведите меня к башне.

Почти полностью погрузившийся «Холланд» на шести узлах шел к Верхнему заливу. Дарби возился с мотором. Шум его превратился в сплошной настойчивый рокот, и устричная лодка удвоила скорость. Она вдвое сократила расстояние до расплескивающих воду скоб, еще раз сократила его вдвое и преодолела мощную струю воды за винтом. Белл приготовился прыгнуть на башню. Деревянная лодка шла рядом с субмариной. Белл скорее чувствовал, чем видел стальной корпус под поверхностью. Он думал ухватиться за перископ, рассчитывая, что труба выдержит его тяжесть и он сможет добраться до опор на башне.

«Холланд» исчез.

Только что башня была перед Беллом. В следующее мгновение она исчезла, уйдя под воду. Белл видел поднимающиеся пузыри и рябь от винта, но ухватиться было не за что: ни башни, ни опор, ни перископа.

— Медленнее, — велел он Дарби. — За ней.

Дарби снова передвинул рукоятку, чтобы выровнять ход с шестью узлами подводной лодки.

Белл стоял впереди, следя за потоком воды от винтов лодки и сигнализируя старику, куда поворачивать, вправо или влево. Загадкой оставалось, как подводная лодка прокладывает курс под водой. Но спустя полмили эта загадка разрешилась. Когда субмарина дошла до очередного поворота канала, из-под воды неожиданно показался перископ, и она тут же сменила курс.

Шпион проложил курс по каналу Килл-ван-кулл, измерив время между поворотами. Белл тоже дал сигнал повернуть, и устричная лодка повернула. Перископ оставался над водой. Он поворачивался, пока его глаз не уставился на них.

— Стоп машина! — крикнул Белл.

Лодка старика остановилась. Белл следил за субмариной, ожидая, что она пойдет задним ходом или даже повернет, чтобы протаранить их. Но она продолжала идти прежним курсом, не убирая перископ.

— Дарби, у опытного «Холланда» который вы видели, был сзади торпедный аппарат?

— Нет, — ответил Дарби — к облегчению Белла, но сразу добавил: — Я слышал, что его могут добавить.

— Не могу себе представить, что он потратит на нас торпеду.

— Наверно, нет.

— Увеличить скорость. Подойдем ближе.

Впереди Килл резко поворачивал. Перископ развернулся, и невидимый рулевой повернул лодку. Белл дал знак увеличить скорость. Он подошел на двадцать ярдов к перископу и волнению от винта. Но поверхность воды покрылась рябью: канал Килл переходил в Верхний залив.

Статен-Айленд и Байонна остались позади. Ледяной ветер проникал под мокрую одежду Белла, волны начали перекатываться через перископ. Огромные пузыри вырвались на поверхность, и Белл понял, что «Холланд» выпускает воздух из балластных цистерн и набирает воду, чтобы уйти на глубину. Перископ скрылся из виду. Волны Верхнего залива стерли след подводной лодки.

— Ушел, — сказал Дарби.

Белл безнадежно осматривался. В трех милях впереди на берегу залива теснились причалы Бруклина, за ними зеленели низкие холмы. Слева, тремя или четырьмя милями северо-западнее, Белл видел высокие здания Манхэттена и элегантные растяжки Бруклинского моста, пересекающего Ист-ривер.

— Знаешь, где эллинг Кэтрин?

Дарби повернул руль.

— А что тебе там надо?

— «Динамо», — ответил Белл.

Самый быстрый в Нью-Йорке корабль, снабженный телефоном и радиотелеграфом; им командует высокопоставленный герой войны, который способен быстро сообщить флоту о вражеской подводной лодке и предупредить, чтобы «Нью-Гэмпшир» перед заходом в порт спустил противоторпедные сети.

Дарби дал ему брезентовую куртку, которая пахла плесенью. Белл снял мокрое пальто и рубашку, протер «браунинг» и вылил воду из ботинок. Устричная лодка добралась до Бруклинского моста за двадцать минут. Но, когда они проходили под мостом, сердце у Белла упало. Броненосец «Нью-Гэмпшир» уже причалил. Он стоял у самого ближнего к Корпусу 44 причала. Если цель О'Ши Корпус 44, оба эти корабля — легкая мишень. Взрыв одного вызовет пожар на всей верфи.

К облегчению Исаака Белла, «Динамо» стояла у причала Кэтрин.

Белл из устричной лодки поднялся по ближайшей лестнице, вышел на пирс, взлетел по трапу и вошел в капитанскую каюту «Динамо». Капитан Фальконер сидел на зеленом диване в обществе двух моряков.

— Фальконер, у них подводная лодка.

— Мне уже сказали. — Герой Сантьяго с мрачной улыбкой кивком показал на трех бойцов из охраны компании «Райкер и Райкер», которые целились в вошедших из пистолетов и обрезов. Белл узнал Плимптона, телохранителя, который сопровождал герра Райкера на «Твентис сенчури лимитед». — Вы насквозь промокли, мистер Белл, и к тому же потеряли шляпу.

— Привет, Плимптон.

— Руки вверх.

— Где О'Ши?

— *Ну!*

— Передайте боссу, что я у него в долгу. Изумруд великолепный, с нетерпением жду возможности расплатиться лично.

— *Ну!*

— Не перечьте, Белл, — сказал Фальконер. — Они уже застрелили моего помощника и механика.

Исаак Белл поднял руки; он достаточно долго оттягивал это, чтобы успеть оценить противника. Плимптон держал полуавтоматический немецкий флотский «люгер» и держал так, что было ясно: он умеет им пользоваться. А вот приятного вида молодые бойцы рядом с ним совсем другое дело. Один из них, тот, что постарше, вооруженный двадцатизарядным «ремингтоном», мог бы сойти за охранника провинциального банка. Помоложе, с револьвером, похож на юношу из ИМКА.[41] Белл предположил, что они появились на яхте Фальконера не вследствие заранее продуманного плана. Что-то у них пошло не так.

Что привело их в последний миг на «Динамо»? Чтобы после того, как О'Ши выпустит торпеды, уйти на самом быстром в гавани корабле? «Динамо» не хватит запаса горючего, чтобы пересечь Атлантический океан. Несомненно, О'Ши собирался уплыть с Кэтрин Ди под вымышленными именами на лайнере или обеспечить себе тайный проезд на коммерческом пароходе.

Она — вот что пошло не так, понял Белл. Кэтрин ранена.

— Девушка на борту? — спросил он Фальконера.

— Ей нужен врач! — выпалил парень с револьвером.

— Заткнись, Брюс! — приказал Плимптон.

— Я на борту, — сказала Кэтрин Ди. Она с трудом вышла из личной каюты Фальконера. Растрепанная, бледная, дрожащая в лихорадке, она была похожа на ребенка, которого вырвали из глубокого сна. Но на лице ее была ненависть. — Это все из-за вас, — с горечью сказала она Беллу. — Вы все разрушаете.

Когда он ранил ее в магазине Барлоу, она держала в руке пистолет. И сейчас он был у нее. Она дрожащей рукой прицелилась в Белла.

— Мисс Ди, — сказал Брюс. — Вам нельзя вставать.

— Ей нужен врач, — сказал Белл.

— Это я и говорю. Мистер Плимптон, ей нужен врач.

— Заткнись, Брюс, — повторил Плимптон. — У нее будет врач. Как только мы выберемся из этого переплета.

Подняв руки, детектив под молодчиком бойцов О'Ши смотрел в глаза девушки, выискивая в них какую-нибудь возможность, одновременно готовясь встретить пулю. Он не видел ни милосердия, ни колебаний, только глубочайшую усталость смертельно раненного человека. Но она намеревалась убить его раньше, чем умрет сама. Как убила Гровера Лейквуда, и отца Джека, и бог весть сколько еще для Глазника О'Ши. Скоро ли она лишится чувств? И где ее «искра божья»?

— Знаете ли вы, — спросил он, — что отец Джек молился за вас?

— Много хорошего дали его молитвы! Меня спас Брайан О'Ши.

— А для чего он вас спас? Чтоб вы убили Гровера Лейквуда? Чтоб застрелили священника?

— Как вы стреляли в меня.

— Нет, — ответил Белл. — Я стрелял в вас, чтобы спасти женщину, которую люблю.

— Я люблю Брайана. Я все для него сделаю.

---

41 YMCA, «Юношеская христианская ассоциация» — молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.

Белл вспомнил слова проводника Дилбера в «Твентис сенчури лимитед». *«Райкер и его подопечная полностью вне подозрений. Всегда отдельные купе».*

И сам О'Ши, говоря от имени Райкера, сказал: «Девушка принесла свет в мою жизнь, где раньше была только тьма».

— А чем будет для вас Брайан?

— Он меня спас.

— *Пятнадцать лет назад.* Что он сделает с остальной вашей жизнью, Кэтрин? Будет вечно хранить вашу чистоту?

Руки Кэтрин тряслись.

— Вы…

Дышала она хрипло, с трудом.

— Вы убиваете, чтобы угодить ему, а он блюдет вашу чистоту? Так это действует? Отец Джек был прав, когда молился за вас.

— Почему?

— В глубине сердца, в глубине души он знал, что Брайан О'Ши не может вас спасти.

— А бог может?

— Священник в это верил. От всего сердца.

Кэтрин опустила пистолет. Глаза ее закатились, пистолет выпал из руки, она обмякла и осела на палубу, как марионетка, у которой перерезали нити.

— Плимптон, будь ты проклят! — закричал Брюс. — Она умрет без врача.

Он взмахнул пистолетом.

Откликаясь на это движение, словно гадюка, Плимптон дважды выстрелил Брюсу между глаз и снова повернулся — на движение Исаака Белла. Телохранитель допустил гибельную ошибку.

Белл дважды выстрелил из «браунинга». Первым упал Плимптон, за ним второй громила. Падая, он выронил обрез, и выстрелы из него оглушительно прозвучали в тесной каюте. Пули полетели под диван и в ноги Фальконеру и членам его экипажа.

Белл накладывал жгут Фальконеру, когда в дверь осторожно просунул голову Дональд Дарби.

— Я подумал, вы захотите знать, мистер Белл. «Холланд» идет под Бруклинским мостом.

54

— Всплываем! — крикнул Дик Кондон, первый помощник, которому после убийства капитана Хэтча О'Ши поручил командование лодкой.

— Нет! — возразил О'Ши. — Оставайтесь внизу. Нас увидят.

— Нас убивает прилив, — крикнул в ответ испуганный ирландский мятежник. — Скорость течения четыре узла. На электрической тяге мы делаем всего шесть. Нужно подняться, чтобы использовать бензиновый двигатель.

О'Ши схватил Кондона за плечо. Паника в голосе первого помощника передалась людям, работавшим с балластными цистернами и готовившим выпустить торпеды. А ведь именно для этого он решил использовать подводную лодку. Кто-то должен сохранять ясность ума.

— Шесть? Четыре? Ну и что? Мы все равно на два узла быстрей.

— Нет, мистер О'Ши. Только когда идем прямо. Но когда я развернусь боком, чтобы выпустить торпеду, прилив нас унесет.

— Попробуем, — сказал О'Ши. — Рискни!

Дик Кондон переключил руль глубины на ручное управление вместо менее точного пневматического и осторожно передвинул его. Палуба под их ногами накренилась. И тогда Ист-ривер подхватила стофутовую подводную лодку с яростью акулы, хватающей слабого пловца. Людей в тесном помещении ударяло о трубы, коробы, клапаны и трубопроводы,

лодка дрожала.

— Всплыть! — истерически закричал Кондон.

— Нет.

— Я должен поднять башню на воздух, сэр. Это ведь неважно, мистер О'Ши, — умолял он. — С поверхности стрелять еще лучше. Первая торпеда уже заряжена. Мы можем выпустить ее, погрузиться, позволить течению нести нас, пока перезаряжаем, и снова подняться. Вы получите то, что вам нужно, сэр. А если нас кто-нибудь увидит, то увидит английский корабль. Как мы и хотим. Пожалуйста, сэр. Вы должны прислушаться к голосу рассудка, иначе все погибнет.

О'Ши оттолкнул его от перископа и посмотрел сам.

По реке ходили волны. Пена залепила стекло. Стекло очистилось, но его тут же залила волна, и все потемнело. Лодку сильно качало. Неожиданно перископ поднялся над водой, и О'Ши увидел, что они почти рядом с верфью.

«Нью-Гэмпшир» стоял именно там, где нужно. Он и сам не мог бы лучше разместить длинный белый корпус. Но хотя винт продолжал вращаться и электрический мотор грозил вот-вот загореться, лодку сносило назад.

— Хорошо, — согласился О'Ши. — Атака с поверхности.

— Средний вперед! — приказал Кондон. Двигатель перестал работать на пределе, лодка перестала дрожать. Кондон следил за продвижением, контролируя снос искусными поворотами вертикальных и горизонтальных рулей. — Приготовиться к всплытию.

— Что это за шум?

Ветераны королевского флота удивленно переглядывались.

— Что-то не в порядке с мотором? — спросил О'Ши.

— Нет, нет, нет. Это в воде.

Экипаж застыл, насторожив уши: необычный высокий звук набирал громкость, к нему присоединился второй.

— Корабль?

Кондон поворачивал перископ, рассматривая реку. Инженер сказал то, что думали все члены экипажа.

— Не похоже на корабль.

— Уходим! — закричал Кондон. — Уходим под воду.

* * *

— Куда он делся? — выдохнул Лоуэлл Фальконер.

К удивлению Белла, окровавленный капитан забрался на мостик, где Белл на скорости в тридцать узлов вел «Динамо» к Бруклинскому мосту.

— Он прямо перед нами, — ответил Исаак Белл. Одну руку он положил на регулятор пара, второй держал руль. — Жгут помогает? — спросил он, не отрывая взгляда от реки.

— Без него я бы уже умер, — сквозь стиснутые зубы ответил Фальконер. Он был бледен от потери крови, и Белл сомневался, что он надолго останется в сознании. От него, должно быть, потребовались геркулесовы усилия, чтобы подняться на мостик. — Кто в машинном отделении? — спросил Фальконер.

— Дядя Дарби клянется, что был кочегаром на пароме, ходившем от Статен-Айленда, а когда механик напивался, он его заменял.

— «Динамо» идет на жидком топливе.

— Он догадался, когда не нашел лопату. У нас достаточно пара.

— Я не вижу «Холланд».

— Он опускается и поднимается. Несколько мгновений назад я видел перископ. Вон он!

На поверхность поднялась коническая башня. На короткий миг показался и корпус, но сразу исчез.

— Его сносит прилив, — сказал Фальконер. — В полнолуние он особенно высокий.

— Хорошо, — сказал Белл. — Нам пригодится любая помощь.

«Динамо» шла по полосе кипящей воды. Подводной лодки не было видно. Фальконер потянул Белла за рукав и настойчиво прошептал:

— Это «Холланд», субмарина класса А королевского флота, с утроенным тоннажем. Будьте внимательны, когда он вынырнет. На главном двигателе он идет быстрей.

Сделав это предупреждение, капитан без чувств опустился на пол. Белл поворачивал яхту, пока она снова не пошла по течению. Теперь они были в нескольких сотнях ярдов за Бруклинским мостом, и Белл в меркнущем свете всматривался в воду.

Вдруг от причала Пайн-стрит отошел паром. Обогнал большой паром Пенсильванской железной дороги и пошел вверх по Ист-ривер. Волны, поднятые паромами, не давали Беллу увидеть перископ подводной лодки. Белл провел яхту в бурные воды и повернул. Неожиданно перископ показался впереди. Лодка шла за паромами, прячась за ними, и была уже на уровне верфи.

Подводная лодка «Холланд» поднялась на поверхность, явив не только башню, но и все сто футов блестящего корпуса. Поплыл синий дым. Бензиновый выхлоп, понял Белл, от мощного главного двигателя. Теперь на поверхности была миноноска, быстрая и ловкая.

Но уязвимая.

Белл поддал пара с намерением воспользоваться возможностью и протаранить лодку. Но когда яхта увеличила скорость, «Холланд» круто повернул и нацелился прямо на «Динамо». Поднялся его нос. Белл видел, как в носовом торпедном аппарате раскрылась темная пасть. Из нее выпрыгнула торпеда Уиллера «Марк-14».

55

Торпеда погрузилась в воду.

Исааку Беллу оставалось только гадать, куда свернуть: направо или налево. Он не мог видеть под водой несущуюся к ним торпеду. Ее след стирали волны. Длина «Динамо» сто футов, ширина — десять. Повернув, он будет представлять более широкую мишень. Если не угадает, головка с ТНТ разнесет яхту в клочья. О'Ши сможет погрузиться, спокойно перезарядить торпеду и продолжить нападение.

Белл вел яхту прямо вперед.

«Холланд» заметил его приближение. И начал погружаться. Но слишком медленно, чтобы избежать удара острого, как нож, стального корпуса, несущегося к нему со скоростью почти сорок узлов. Лодка внезапно повернула вправо, Белл влево. Он по-прежнему не видел ни следа торпеды, ни поднимающихся пузырей.

— Держись, дядюшка Дэнни! — крикнул он в голосовую трубу и повернул влево, заходя на таран.

Вспышка света и взрыв позади подсказали ему, что он угадал верно. Если бы он не блокировал атаку, торпеда потопила бы его. Теперь же она взорвалась, ударившись об опору Бруклинского моста, а он так близко к «Холланду», что видит заклепки на его корпусе. Он приготовился к столкновению и за мгновение до того, как яхта ударила в корпус лодки возле башни, прижался к рулю. При той скорости, на какой шла «Динамо», Белл ожидал, что яхта разрежет «Холланд» надвое. Но он ошибся. Высоко задрав острый нос, вращая винтами, которые выталкивали ее из воды, яхта навалилась на корпус «Холланда», прокатилась по нему и соскользнула под скрежет разрываемой стали и вылетающих заклепок.

Винты «Динамо», продолжая вращаться, утащили яхту еще на сто ярдов от места столкновения, прежде чем Белл смог ее остановить. «Холланд» исчез, погрузился или затонул, Белл не мог сказать. Тут в рубку просунул голову дядюшка Донни и доложил:

— Вода прибывает.

— Можете дать мне пар?

— Ненадолго, — ответил старик.

Белл провел яхту вокруг места столкновения, чувствуя, как тяжелеет «Динамо» от поступающей внутрь воды.

Через семь минут после исчезновения «Холланд» появился — совсем недалеко.

Белл снова повел яхту на таран. Яхта не слушалась руля. Он едва смог развернуть ее. Люк на башне «Холланда» вдруг распахнулся. Из башни выбрались четверо и прыгнули в воду. Приливное течение понесло их под мост. Глазника О'Ши среди них не было, а «Холланд» кружил, медленно, но верно приближаясь к четырехсотфутовому корпусу «Нью-Гэмпшира». На расстоянии менее четырех сотен ярдов шпион не мог промахнуться.

Белл сражался с рулем, заставляя поврежденную яхту лечь на курс столкновения. Он попробовал увеличить скорость. Тщетно. Он крикнул в голосовую трубу:

— Дай сколько сможешь и прыгай, пока мы не затонули!

Что бы ни проделал старик в машинном отделении, но яхта двинулась вперед. Белл направлял ее на «Холланд», который стоял на месте, низко осев в воде, и волны Ист-ривер перехлестывали через открытый люк. Работающий винт удерживал лодку против течения. Субмарина завершала поворот, направляя торпедный аппарат на «Нью-Гэмпшир».

Исаак Белл вел «Динамо» к подводной лодке. Корабли сшиблись, как окровавленные боксеры с ободранными костяшками в последнем раунде. Яхта слегка сбила тяжелую подводную лодку с прежнего курса и встала рядом. Когда последствия столкновения отчасти нивилировались и лодка продолжила нацеливать торпеду, Белл в открытый люк разглядел руки Глазника О'Ши, который манипулировал с рулевым управлением.

Он спрыгнул с мостика, перелетел через поручень «Динамо» на лодку и прыгнул в люк.

56

Детектив ухнул в люк, как копер, забивающий сваю. Ботинками он ударил О'Ши по плечам. Резиновые рули вырвались из рук шпиона. О'Ши полетел вниз, в рубку управления, и упал на палубу. Белл приземлился на ноги.

Зловоние хлорки — ядовитый хлорный газ смешивался с соленой водой и подтекавшей из батарей кислотой — обожгло ему ноздри и глаза. Полуослепший, он смутно видел тесное пространство с выгнутым резиновым потолком, таким низким, что ему пришлось нагнуться, и стенами, ощетинившимся трубами, клапанами и электрическими соединениями.

О'Ши поднялся и бросился на него.

Исаак Белл встретил шпиона жестоким ударом справа. О'Ши блокировал этот удар и ответил своим, отбросив детектива. Белл ударился о переборку, обжег руку о раскаленную добела трубу, отскочил от острого края резинового индикатора, оцарапал голову о компас, выступавший из потолка, и опять нанес удар правой.

Шпион снова отбил его левой рукой, сильной и быстрой, и нанес контрудар, еще тяжелее первого. Удар пришелся по ребрам и швырнул Белла на горячие трубы. Его ботинки скользнули по мокрой палубе, и он упал.

Внизу хлором пахло гораздо сильнее, ведь этот газ тяжелее воздуха, и, вдохнув, Белл почувствовал острую жгучую боль в горле. Ему показалось, что он задыхается. Он услышал, как с натугой крякнул О'Ши. Шпион пнул Белла в голову.

Белл почти уклонился: ботинок противника задел только его висок. Белл вскочил. Тяжело дыша, хватая ртом относительно чистый воздух, он обошел шпиона. Силы были равны, Белл этого не ожидал. У него были длиннее руки, зато О'Ши был быстр и силен. А рост Белла в замкнутом пространстве становился дополнительным недостатком.

Белл снова ударил справа, но на этот раз удар был ложный; когда О'Ши снова применил стремительный блок и контрудар, высокий детектив тотчас нанес ему мощный удар левой. От удара голова шпиона запрокинулась.

— Удачный выпад, — насмешливо сказал О'Ши.

— Контрудары — это все, чему вы научились в Адской кухне, — ответил Белл.

— Не все, — сказал О'Ши. Он сунул большой палец под жилет и извлек обратно,

вооруженный острым, как бритва, долотом из нержавеющей стали.

Белл перемещался по рубке, нанося комбинации ударов. Большинство их достигало цели, но это было все равно, что колотить тяжелую грушу. О'Ши не шатался, он просто гасил мощные удары, ожидая своего шанса. А когда дождался, нанес Беллу сильнейший удар по корпусу.

Детектив сложился вдвое. Прежде чем он опомнился, О'Ши с молниеносной быстротой сблизился с ним и сильной правой рукой обхватил за шею.

Белл оказался в смертельном захвате. Его левая рука была зажата между их телами. Правой он попробовал достать нож из-за голенища. Но большой палец О'Ши устремился к его глазу. Белл оставил всякие мысли о ноже и перехватил запястье О'Ши.

Он сразу понял, что никогда не схватывался с таким сильным противником. Хотя он держал запястье изо всех сил, О'Ши медленно приблизил острое лезвие к лицу Белла, вспорол кожу и начал вести своим оружием по щеке, оставляя кровавую борозду и подбираясь к глазу. Правой рукой он все сильнее сжимал горло Исаака, мешая воздуху проникнуть к горящим легким, а крови — к мозгу. В ушах у Белла раздался рев. Перед глазами замелькали огни. Зрение начало отказывать ему, рука, удерживающая запястье противника, слабела.

Он попытался высвободить левую руку. О'Ши чуть передвинулся, чтобы удержать ее.

С головой в захвате, низко согнувшись, Белл вдруг понял, что оказался частично за О'Ши. И ударил сзади под колено. Нога подогнулась. О'Ши качнулся вперед. Белл просунул под него плечо и, как поршень, поднял его.

Он приподнял О'Ши и, сбросив вниз, прижал к палубе. О'Ши, невероятно сильный, продолжал удерживать его голову, он глубоко вдохнул и потянул детектива вниз, к себе, в большую концентрацию удушающего газа. Однако левая рука Белла больше не была зажата между их телами. Локтем он ударил О'Ши в нос, сломав кость. Но О'Ши продолжал душить его, долото приближалось к глазу.

Неожиданно на дерущихся пролился сверху поток соленой воды, подняв новую волну хлора от батареи под палубой. Подводная лодка накренилась, и вода залилась в люк. Белл вытянул длинные ноги, нашел опору и нажал на голову О'Ши, вдавив ее под горячие трубы. О'Ши пытался вырваться. Белл крепко держал его. Запах хлора перекрыл запах горящих волос, и наконец хватка О'Ши ослабла. Белл вырвался, избежал удара о стену и уклонился от новой волны сверху.

Он встал, отталкивая руки О'Ши, и выбрался из люка. Увидел приближающиеся со всех сторон огни. От Бруклинского моста и от «Нью-Гэмпшира» шли катера. Подводная лодка тонула, двигатель еще работал, винты боролись с течением. Волна плеснула в люк и сбросила Белла с лодки. Он оттолкнулся от кожуха винта, едва уклонившись от его лопастей, и оказался в бурной воде за винтом.

О'Ши выбрался из люка; он надышался хлора, его рвало. Он нырнул вслед за Беллом, и лицо его превратилось в маску ненависти.

— Я убью тебя!

Винт «Холланда» втянул его в свои вращающиеся лопасти. Течение пронесло мимо Белла тело гангстера. Следом плыла голова; она глядела на детектива, пока ее не унесло рекой.

Подводная лодка «Холланд» внезапно легла на бок и ушла под воду. Исаак Белл решил, что теперь его очередь. Он пытался остаться на плаву, но ослабел от холода и ядовитого газа. Волна перекатилась через него, и он неожиданно вспомнил день, когда встретился с Марион, и как тогда дрожала палуба под ногами. Зрение начало обманывать его. Густые роскошные волосы Марион были убраны наверх. Один длинный, тонкий локон спускался едва ли не до талии. Прядь казалась тонкой, но прочной, как ветвь ивы. Марион протянула к Беллу руку.

Она схватила его за руку. Он сжал ее и поднялся на поверхность. И увидел улыбающееся лицо бородатого моряка.

Следующее, что ощутил Исаак Белл: он лежит на спине на плоском днище катера. Рядом с ним лежал капитан Лоуэлл Фальконер. Герой Сантьяго выглядел таким же побитым, каким чувствовал себя Белл, но глаза у него были ясные.

— Все в порядке, Белл. Нас везут в больницу.

Говорить было трудно, а дышать больно. Горло жгло.

— Надо предупредить парней, которые собирают лом, что на «Холланде» торпеда Уиллера «Марк-14», она в аппарате и готова к пуску.

— В аппарате благодаря вам.

Катер ударился о причал.

— Что это за огни? — спросил Белл.

Небо побелело от них.

— На Корпусе 44 работы идут в две смены.

— Хорошо.

— Хорошо? — повторил Фальконер. — И это все, что вы можете сказать?

Исаак Белл напряженно думал. Потом улыбнулся.

— Жаль вашу яхту.

НА ДАЛЕКОЙ СЛУЖБЕ

Десять лет спустя.
Северное море вблизи немецкого побережья

Туман ослеплял немецких солдат, охотившихся за американским шпионом.

Наползая из Фрисландских болот в утренний воздух, туман собирался поддеревьями и покрывал плоскую землю. Предполагалось, что он продержится до середины утра, пока солнце не прогонит его. Но из-за свежего ветра с Северного моря туман начал рассеиваться раньше. Исаак Белл видел, вот приходит день, открывая поля, пересеченные канавами, деревья вдоль изгородей, а далекие лодочные сараи у канала. Лодка сейчас очень пригодилась бы.

На сарае висело объявление: «Разыскивается». На нем Белл видел собственное лицо.

Нужно отдать должное военной разведке кайзера. Через три дня после того как он сошел на берег, немецкая армия расклеила его изображение на каждом дереве и амбаре между Берлином и побережьем. Награда в тысячу марок, пять с половиной тысяч долларов — целое состояние по обе стороны Атлантики. Мрачный беглец, изображенный на «Steckbrief», в целом походил на него. Хотя у них не было его фотографии, только рассказ часового с верфи подводных лодок в Вильгельмсхафене, художник передал решительный подбородок и губы и облик физически крепкого человека, сплошная мускулатура. К счастью, под описание «светлые волосы и усы, голубые глаза» подходит большинство мужчин в Саксонии. Но все же таких высоких немного.

Теперь, когда Соединенные Штаты ввязались в мировую войну против Германии, если его поймают — в рваном мундире и с костылем, который помогает ему изображать раненого ветерана, — его расстреляют как шпиона. Не может он ожидать снисхождения и за карту гавани и чертеж новой подводной лодки, гораздо более мощной, чем старый «Холланд», и тяжеловооруженной; эти немецкие подводные лодки неожиданно начали выигрывать войну. Чертеж бесполезен, если он не доставит его Шестой Американской эскадре, идущей где-то у берега.

Канал узкий, тростник по обеим его сторонам защищает берега от волн и удерживает туман. Белл две мили греб до Вильхельмсхафена, бросил лодку, чтобы избежать караулов на периметре верфи, и украл новую. Туман в каком-то смысле помогал ему, рассеиваясь, потом снова сгущаясь от облаков угольного дыма из труб сотен боевых кораблей.

Прилив низкий. Вход в гавань мелкий, и Вильхельмсхафен забит трубами и мачтами

крейсеров, броненосцев и дредноутов, ждущих подъема воды. Но торпедный катер может выйти, а это означает, что для бегства отсюда корабль Белла должен быть достаточно небольшим, чтобы он управлял им сам, и очень быстрым, что исключает буксиры, лихтеры, катера и рыбачьи лодки.

С началом войны отделение агентства в Берлине ушло в подполье; оно и предоставило Беллу захваченный пятидесятифутовый катер МАС[42] итальянского производства. Белл видел его на пути к цели, и он по-прежнему стоит на месте в тени дредноута.

Он молился, чтобы туман спустился, и получил такой быстрый ответ на свою молитву, что едва успел заметить по компасу направление на МАС, как все корабли в гавани до самых мачт оказались в густом тумане. Белл греб, то и дело посматривая на лежащий рядом на скамье компас и стараясь оценить силу течения. Но попасть в цель размером пятьдесят футов с расстояния в полмили невозможно, и он впервые понял, на сколько промахнулся, когда ударился о бронированный борт дредноута.

Смутно видневшиеся над головой двенадцатидюймовые орудия показывали, что он возле кормы, и он быстро поплыл рядом с корпусом корабля, пока не нашел МАС. Забрался на борт, убедился, что людей на катере нет, и отвязал все причальные тросы, кроме одного. Потом осмотрел двигатели — два лучших бензиновых мотора, какие только можно ожидать от итальянцев. Уяснил, как пустить их в ход, и наконец отвязал последний трос. На веслах медленно отошел от дредноута и подождал, пока солнце не начнет разгонять туман. В миг, когда он смог видеть и сам стал виден, он включил моторы; каждый из них работал громко, как его старый локомобиль.

Когда он добрался до узкого выхода из гавани, немцы уже сообразили — что-то происходит, хотя не знали, что именно. Смятение и остатки тумана дали Беллу несколько дополнительных драгоценных мгновений, и к тому времени как по нему открыли ружейный огонь, он уже шел со скоростью тридцать узлов. Миновал несколько дозорных катеров и вызвал на себя дополнительный огонь, иногда удивительно меткий. Уйдя на четыре мили за морской буй, он оглянулся. Туман рассеивался, теперь он был чуть гуще дымки, и сквозь него Белл увидел столбы дыма — три или четыре торпедных катера, вооруженные четырехдюймовыми пушками, шли за ним.

Чем дальше он отходил от берега, тем сильнее становилась зыбь, и это замедляло ход лодки. Торпедные катера начали догонять его. С трех миль они открыли огонь, и спасло Белла лишь то, что пятидесятифутовый МАС — небольшая цель. За две мили снаряды начали рваться в опасной близости, и Белл пошел зигзагом, что затрудняло попадание, но одновременно замедлило его продвижение. Вскоре торпедные катера подошли так близко, что можно было разглядеть людей у орудий.

Белл всматривался вперед, стараясь разглядеть дым или высокую мачту.

Снаряд из четырехдюймовой пушки с оглушительным гулом пролетел над его головой и разорвался впереди. Теперь туман окончательно рассеялся. На небе появились голубые полосы. Белл отчетливо видел торпедный катер и еще два за ним. Очередной снаряд пролетел совсем близко. Белл увидел, как он впереди ударился о воду и подскочил, точно брошенный камень.

Небо впереди посинело, и вдруг его разделил пополам высокий столб дыма, словно рассек темный меч. Белл услышал гулкие разрывы пятидюймовых снарядов. Снаряды пролетели над ним. Торпедные катера окружили всплески, и все три катера разошлись в стороны и устремились к берегу.

Теперь Белл видел идущих к нему спасителей. Они шли навстречу друг другу, и их скорости суммировались, поэтому прошло всего несколько минут, прежде чем он узнал знакомую мачту, радиоантенны и четырнадцатидюймовые орудия

---

[42] Motoscafo Armato Silurante — класс быстроходных торпедных катеров, использовавшихся во время Первой и Второй мировой войн.

двадцатисемитысячетонного броненосца флота Соединенных Штатов «Нью-Йорк».

Через несколько минут Белла подняли на главную палубу. Моряки отвели его к мачте. Белл показал карту командиру Шестой эскадры, широко улыбающемуся контр-адмиралу Лоуэллу Фальконеру, который схватил ее изувеченной рукой и принялся рассматривать и тут же отдавать приказы.

Белл сказал:

— Я помогу наводчикам, покажу им ориентиры.

Матрос вдвое моложе его предложил помочь подняться на мачту.

— Спасибо, — сказал Белл, — я уже поднимался на такую.

14-дюймовые орудия «Нью-Йорка», созданные Артуром Ленгнером, стояли на особых поворотных платформах, усовершенствованных последователями Ленгнера. Ствол можно было поднимать под большим углом, что значительно увеличивало дальность стрельбы. По системе управления огнем, разработанной командой Гровера Лейквуда, быстро рассчитали расстояние до базы подводных лодок. Загремели залпы. Разрывные снаряды устремились к далекому берегу.

К этому времени прилив усилился. Немецкие броненосцы выходили из гавани. Они были быстры и оснащены тяжелыми орудиями, но их броня не шла ни в какое сравнение с броней «Нью-Йорка», и поэтому они держались на удалении, пока на горизонте не показались два мощных немецких дредноута. Матросы, окружавшие Белла в корзине на верху мачты, обменивались тревожными взглядами.

Немецкие дредноуты подходили ближе. Американский корабль продолжал обстреливать цель.

Наконец столбы дыма над базой подводных лодок показали, что цель уничтожена. Фальконер отдал приказ, который описал Беллу как «благоразумный отход».

Немецкие корабли открыли огонь с наибольшего расстояния, но снаряды не долетали, и стрельба началась слишком поздно. У «Нью-Йорка» исходные поршневые двигатели были заменены последней моделью турбин Макдональда, и корабль легко ушел от преследования.

Когда американский дредноут входил в гавань Скейп-Флоу на Оркнейских островах в северной Шотландии, адмирал Фальконер пригласил Белла в свою каюту под самым мостиком. Во флоте США алкоголь был запрещен, но Белл прихватил фляжку, и они выпили за победу.

— Это одно из тех приключений, что не попадут в исторические книги, — сказал Фальконер Беллу и со смехом добавил, что английские адмиралы захотят расстрелять Белла за то, что он превзошел их.

— Заверьте их, — ответил Белл, — что служба частных детективов остается частной.

В дверь постучался и зашел с молотком и стальным долотом корабельный плотник. Фальконер указал на табличку, на которой было написано:

НЬЮ-ЙОРК. ФЛОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
Бруклинская военная верфь

— Снимите ее.

— Есть, адмирал!

Плотник высвободил крепления, и Фальконер отпустил его. Оставшись наедине с Беллом, он снял табличку. Под ней в стальной переборке было вырезано

КОРПУС 44

* * *

Неделю спустя Исаак Белл вышел из поезда, на котором приехал из Шотландии, и прошел от вокзала Юстон по лондонским улицам, которые выглядели усталыми после

долгой-долгой войны.

Уклоняясь от камер журналистов, высокий детектив нырнул в почтовый фургон, запряженный лошадьми. Он задержался, восхищаясь красным лимузином «роллс-ройс» выпуска 1911 года. Лимузин был переделан для работы на угле из-за нехватки нефти, вызванной нападениями на танкеры немецких подводных лодок.

«Роллс-ройс» остановился перед ним.

Пожилой шофер, чересчур старый, чтобы сражаться в окопах, вышел из машины, поздоровался с Исааком Беллом и открыл дверцу пассажирского отделения. Голосом, полным радости и облегчения, к Беллу обратилась красивая светловолосая женщина с фигурой, как песочные часы.

— Как я счастлива, что ты вернулся.

Она похлопала по сиденью рядом с собой.

На ее пальце сверкнуло кольцо с изумрудом, похожим на кошачий глаз.